

ИЮХАНН
ТЕОРИН

ПРИЗРАК КУРГАНА

Annotation

Юхан Теории – популярный шведский писатель и журналист. На родине он признан одним из лучших мастеров современного детектива. Его романы – это всегда увлекательный сюжет, неослабевающее до самого конца напряжение и захватывающие, потрясающие красотой скандинавские пейзажи.

Место действия – шведский остров Эланд. Вместе с тетей, дядей и старшими братьями на острове живет мальчик Юнас Клосс. Ночью он отправляется кататься на лодке, и его глазам предстает ужасное зрелище.

Непроглядная тьма внезапно сгустилась и приняла смутные очертания корабля. Лынный силуэт стремительно приближался и рос, Юнас не успел откинуть в сторону лодку.

Корабль-призрак навис над мальчиком. На палубе никого не было, только откуда-то слышался негромкий шум двигателя, похожий на сердцебиение огромного зверя...

Так начинается история о призраке древнего кургана.

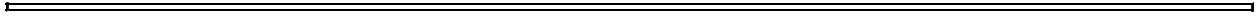
- [Юхан Теорин](#)
 -
 -
 - [Лето 1930 года](#)
 - [Начало лета](#)
 - [Герлоф](#)
 - [Возвращенец](#)
 - [Земля обетованная, май 1931](#)
 - [Юнас](#)
 - [Герлоф](#)
 - [Лиза](#)
 - [Герлоф](#)
 - [Лиза](#)
 - [Возвращенец](#)
 - [Земля обетованная, июнь 1931](#)
 - [Юнас](#)
 - [Лиза](#)
 - [Возвращенец](#)
 - [Юнас](#)

- [Лиза](#)
- [Герлоф](#)
- [Юнас](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, июнь 1931](#)
- [Герлоф](#)
- [Юнас](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, июнь 1931](#)
- [Герлоф](#)
- [Лиза](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, июль 1931](#)
- [Юнас](#)
- [Герлоф](#)
- [Юнас](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, апрель 1932](#)
- [Юнас](#)
- [Лиза](#)
- [Юнас](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, ноябрь 1933](#)
- [Юнас](#)
- [Герлоф](#)
- [Юнас](#)
- [Герлоф](#)
- [Разгар лета](#)
 - [Земля обетованная, октябрь 1934](#)
 - [Возвращенец](#)
 - [Герлоф](#)
 - [Юнас](#)
 - [Возвращенец](#)
 - [Земля обетованная, май 1935](#)
 - [Герлоф](#)

- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, декабрь 1935](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, февраль 1936](#)
- [Лиза](#)
- [Юнас](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, март 1936](#)
- [Лиза](#)
- [Герлоф](#)
- [Юнас](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, июль 1936](#)
- [Герлоф](#)
- [Лиза](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, ноябрь 1936](#)
- [Герлоф](#)
- [Лиза](#)
- [Герлоф](#)
- [Лиза](#)
- [Юнас](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, май 1937](#)
- [Герлоф](#)
- [Юнас](#)
- [Лиза](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, февраль 1938](#)
- [Юнас](#)
- [Лиза](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, 1940-1945](#)
- [Герлоф](#)
- [Юнас](#)

- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, октябрь 1957](#)
- [Лиза](#)
- [Герлоф](#)
- [Юнас](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, 1960-1980](#)
- [Герлоф](#)
- [Лиза](#)
- [Возвращенец](#)
- [Лиза](#)
- [Возвращенец](#)
- [Герлоф](#)
- [Лиза](#)
- [Земля обетованная, апрель 1998](#)
- [Лиза](#)
- [Возвращенец](#)
- [Юнас](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Земля обетованная, апрель 1998](#)
- [Возвращенец](#)
- [Юнас](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Герлоф](#)
- [Возвращенец](#)
- [Конец лета](#)
 -
 - [Герлоф](#)
 - [Юнас](#)
- [Эпилог](#)
- [Послесловие](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

Юхан Теорин

Призрак кургана

© Johan Theorin, 2013

© Штерн С. В., перевод на русский язык, 2016

© ООО Еруппа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

Темень, и без того непроглядная, внезапно сгустилась еще больше и приняла смутные очертания корабля. Дымный силуэт стремительно приближался и рос, и мальчик в резиновой лодке не успел отгрести в сторону. Его надувная посудина чуть не перевернулась.

Корабль-призрак навис над ним, тяжелый, ржавый, с потеками масла на борту, как будто уже много десятилетий не заходил ни в какую гавань. На палубе никого, только откуда-то из чрева слышалось негромкое уханье дизеля, похожее на сердцебиение огромного зверя.

Лодку поволокло вдоль борта, она быстро набирала воду, и мальчик еле-еле успел зацепиться за свисающую с борта чалку.

Он вскарабкался на палубу.

Корабль оказался не таким большим, как ему показалось. Обычная грузовая лайба.

Сильно пахло рыбой.

Медленно, то и дело оглядываясь, двинулся вперед вдоль задраенного люка в трюм.

И почти сразу увидел мертвеца. Моряк в грязном комбинезоне. Он лежал на спине, уставившись мертвыми глазами в ночное небо.

И другие. Мертвые или умирающие. Они протягивали к нему руки и молили о чем-то на непонятном языке.

Мальчик закричал и бросился на корму.

Так началось последнее лето двадцатого века в поселке Стенвик.

Так началась история о появившемся в поселке призрак древнего могильника.

А может быть, она началась на семьдесят лет раньше, на маленьком

погосте, когда другой мальчик, Герлоф Лавидссон, услышал, как покойник постучал в крышку гроба.

Лето 1930 года

Герлоф Лавидссон в четырнадцать лет закончил школу-шестилетку а еще через два года пошел в юнги, но не сразу – два года помогал на семейном хуторе или нанимался на работу. Работа иногда нравилась, иногда не очень. Но хуже всего было помогать могильщику на марнесском погосте.

Он уже тогда знал, что никогда не забудет свой последний рабочий день, когда пришлось дважды хоронить богатого фермера Эдварда Клосса. Сейчас-то Герлоф уже старик, но разумного объяснения до сих пор найти не может.

Вообще-то Герлоф любил истории с привидениями. Никогда в них не верил, но любил. Не верил он и в месть с того света. И что это за слово такое – привидение? То, что привиделось. А призрак? То же самое, только на старинный лад, – человек зрит то, чего нет. Призрилось. Но, хоть и не верил, всегда представлялось одно и то же: холод, сырость, мрак.

И уж никак не солнечный летний день.

А тогда-то как раз и было лето – середина июня. Герлоф попросил у отца большой велосипед. Он очень вырос за последний год, догнал отца и страшно гордился этим – отец был далеко не маленького роста. Но был и минус – Герлоф уже не мог ездить на своем подростковом «Монарке».

Он с удовольствием крутил педали на восток, в глубь острова. Белая сорочка с закатанными рукавами, большой взрослый велосипед – вид, должно быть, шикарный. Вдоль дороги сплошным ковром цвели куриная слепота и сиреневые одуванчики дикого лука, а чуть поодаль темнели кусты можжевельника и орешника. На горизонте застыли неподвижные крылья двух ветряных мельниц – Герлоф ни разу не видел, чтобы они крутились. За длинными и низкими каменными оградами паслись массивные коровы с ласковыми глазами и блеющие отары овец. Дважды пришлось соскакать с седла и открывать широкие ворота в оградах. Ну и что. Нетрудно. Ворота нужны, иначе скотина разбежится.

Его остров... Просторный, почти безлесный ландшафт. Когда прямо перед его носом проносились ласточки и круто, наискось, взмывали в высокое синее небо, Герлофу хотелось съехать с дороги и мчаться по этим бесконечным каменистым лугам, наслаждаясь ветром и свободой.

Но его ждала работа. Он вспомнил, что это за работа, и градус счастья

резко понизился.

Эдвард Клосс. Ему было шестьдесят два, крепкий хозяин. На севере Эланды считался состоятельным: денег у него, может, не так и много было, зато он владел землями к югу от поселка Стенвик, где жил Герлоф.

«Безвременно почил, окруженный всеобщей любовью и почитанием», – прочитал Герлоф в некрологе в местной газете. Скорее погиб, а не почил. Строили новый деревянный амбар, и поздним вечером на Эдварда свалилась только что поставленная и вроде бы укрепленная укусами стена. Ладно, почил так почил.

А вот насчет всеобщей любви и почитания... Про Клосса много чего рассказывали. Ла и несчастный случай расследовали спустя рукава. Клосс был не один, с ним были два его брата, Сигфрид и Гилберт. Они валили всё друг на друга. Сигфрид утверждал, что вообще не видел, как стена упала, пошел накрыть брезентом штабеля с пиловочником – вдруг ночью дождь пойдет? А вот Гилберт был рядом, утверждал Сигфрид, пусть рассказывает. Но Гилберта вроде бы тоже на месте не было, и он вовсе не помнил, чтобы Сигфрид куда-то отходил. Сосед утверждал, что слышал крики на стройке, и голоса ему не знакомы. Во всяком случае, не братья Клосс, а кто-то еще. Другие голоса.

Герлоф прислонил велосипед к ограде и огляделся. Братьев не видно. Ну и хорошо. Еще начнут скандалить. Выяснить отношения у могилы.

Было еще совсем рано, полдевятого утра, но солнце уже палило вовсю. Две башни белой церкви возносились к безоблачному небу. Церковь была построена, как настоящая крепость, с каменными толстыми стенами по периметру.

Над плоским эландским ландшафтом плыли хриплые басовые стоны колокола. Казалось, даже воздух вздрагивал от этих тяжелых, тоскливых ударов. Звонарь звонил по усопшему.

Герлоф открыл деревянную калитку и пошел по тропке между могилами. Налево помещался морг.

А за моргом сидело привидение.

То есть ему так показалось, что он видит привидение. Привидение ребенка.

Герлоф зажмурился и открыл глаза – привидение никуда не делось.

Нет, никакое, конечно, не привидение. Мальчик, на несколько лет моложе Герлофа. Мальчик как мальчик, только очень бледный, будто его всю весну продержали в погребке. Сидит на корточках, прислонился к деревянной стене морга. Босой, в белой сорочке и светлых коротких штанишках. Весь белый, единственное темное пятно – большая царапина

на лбу.

– Лавидссон! Давай сюда!

Герлоф вздрогнул и обернулся. Могильщик, Роланд Бенгтссон. Он махнул рукой – иду мол – и направился к Роланду Пару раз обернулся – мальчик так и сидел у стены морга. Герлоф видел его впервые. Не привидение, и то хорошо. Но почему такой бледный?

Бенгтссон ждал его с двумя лопатами в руках. Высокий, сутулый, с жилистыми загорелыми руками. Пожал Герлофу руку так, что тот чуть не вскрикнул.

– Лобро пожаловать, Лавидссон, – весело заявил он. – Пора копать.

Только сейчас Герлоф заметил у стены бурый прямоугольник земли. Бенгтссон уже аккуратно срезал несколько ковриг дерна с газонной травой и отнес к стене. Тут, значит, и будет лежать Эдвард Клосс.

Туда они и направились. Бенгтссон остановился у могилы и почесал в голове:

– Хочешь холодного пива... пока не начали?

Только сейчас Герлоф заметил, что у стены в траве стоят две бутылки темного стекла. Жена Роланда – убежденная трезвенница, поэтому могильщик пил пиво только на работе. Лома алкогольные напитки строго запрещены. Бутылки покрыты матовой пылью росы. Запотели – видно, что холодные. Герлофу хотелось пить после неблизкой поездки, но он поблагодарил и отказался. Предстояла работа.

Бенгтссон взял бутылку и посмотрел в сторону морга. Мальчик-привидение поднялся с корточек. Теперь он стоял между могил с опущенной головой, будто ждал чего-то.

– Арон! – крикнул Бенгтссон и помахал рукой.

Мальчик поднял голову.

– Иди помогать! Поможешь копать – получишь двадцать пять эре.

Тот кивнул.

– Вот и договорились. Возьми себе лопату. Там, в сарае.

Мальчик убежал.

– Кто это? – спросил Герлоф. – Похоже, не местный...

– Арон Фред? Нет, не местный. Из Рёдторпа... ну, знаешь, хутор, чуть южнее Стенвика. Какая-то дальняя наша родня. – Бенгтссон поставил бутылку за надгробьем и почесал в затылке. – Родственник *incognitus*, если юный Лавидссон понимает, о чем я говорю.

Герлоф никогда не слышал про Рёдторп и не понимал иностранных языков, но на всякий случай кивнул. Он знал только, что у Бенгтссона маленькая дочь. Так что какой-нибудь племянник. Или двоюродный

племянник. Или троюродный.

Бледный *incognitus* прибежал с лопатой. Не говоря ни слова, встал рядом и начал копать.

Земля по-летнему сухая и легкая, почти без камней, копать легко. Уже через несколько минут Герлоф наткнулся на человеческую кость. Бедренная, решил он, уж очень большая. Копнул в сторону, положил туда кость и присыпал землей – такие находки не редки. Герлоф совсем недавно работал могильщиком, но ему уже не раз попадались человеческие кости. Остатки старых захоронений.

Они копали больше часа.

Солнце зашло за тучи, и сразу стало холодно. У Герлофа в голове вертелась старая история.

Как-то раз коммивояжер постучался в дом на Эланде. Ему открыл маленький мальчик.

– *А твой отец дома?*

– *Нет, господин.*

– *А он далеко?*

– *Нет, господин, не далеко. Он на кладбище.*

– *А что он там делает?*

– *Ничего особенного. Он там похоронен...*

В одиннадцать часов послышалось ржание. Герлоф оглянулся. Пара белых лошадей, окруженных облаком жужжащих мух, тащила черную повозку с деревянным крестом на крыше – марнесский катафалк. Рядом с извозчиком сидел пастор. Эрлинг Самуельссон. Погребальную службу решили провести в доме покойного, так что заносить гроб в церковь не было необходимости.

Могилу к этому времени отрыли. Роланд Бенгтссон прикинул глубину, удовлетворенно кивнул и помог мальчикам выбраться из ямы. Отряхнулся и пошел к моргу.

Катафалк остановился там же. Дорогой гроб из полированного луба сгрузили и поставили на траву. Родственники покойного потоптались и пошли по домам – процедура предания покойного земле их присутствия не требовала. Остались только пастор и братья. Они стояли по обе стороны гроба и не разговаривали друг с другом. Стояли молча в черных костюмах, и будто розовое облако висело между ними, вот-вот проскочит искра.

Но церемония есть церемония. Братьям полагается нести гроб до могилы – с помощью Герлофа и Бенгтссона, естественно. Вдвоем не донести.

– Взались, – скомандовал Бенгтссон, и они подняли гроб.

Эдвард Клосс был не дурак поест и вообще не отказывал себе в жизненных радостях, так что гроб был очень тяжелый и сильно резал Герлофу плечо. Он шел маленькими шажками, и ему показалось, что он слышит, как тело покойного перекачивается в гробу. А может, только показалось.

Наконец дошли до могилы. Бледный мальчик куда-то исчез. Герлоф огляделся и увидел, что тот зашел за одно из немногих высоких надгробий. Точно прятался.

Но он там был не один. Рядом стоял парень лет тридцати. Они тихо о чем-то беседовали. Герлофу парень был незнаком – бедно одетый, похож на конюха. Тот отошел немного в сторону, и стало заметно, что он хромает.

– Лавидссон! – голос Роланда. – Куда ты смотришь? Помогай.

Могильщик разложил на траве два куска толстой веревки. На них положили гроб, подняли за концы и, постепенно стравливая веревку, медленно опустили в яму.

Пастор взял горсть земли, прочитал короткую молитву и высыпал землю на крышку:

– Из земли ты вышел, в землю и вернешься. Иисус Христос, Спаситель наш, позаботится о тебе в день Страшного суда...

Он бросил в могилу еще три горсти земли и благословил усопшего на вечный покой. Бенгтссон и Герлоф взялись за лопаты.

Герлоф покосился на братьев Клосс. Старший, Гилберт, стоял у него за спиной, как монумент, сложив руки за спиной. Младший, Сигфрид, неуверенно топтался у могилы.

Гроб постепенно покрывался землей. Когда закончат, надо положить лопаты на холмик крестом – таков обычай.

Они остановились передохнуть. Отошли от ямы, расправили спины. Снова вышло солнце. Герлоф зажмурился и подставил лицо теплым лучам.

И тут в полном молчании послышался какой-то негромкий звук.

Он прислушался.

Стук. Три удара. Потом молчание, а потом еще три.

Звук шел из могилы.

Герлоф поморгал и уставился в яму.

Посмотрел на Бенгтссона и по глазам его понял, что тот тоже слышал. И братья Клосс слышали. Оба стали белыми как мел. И мальчик Арон тоже повернулся к могиле.

Значит, он не сошел с ума. А если сошел, то не только он. Другие тоже слышали. Все слышали.

И все затихло. Стук больше не повторялся, но люди так и стояли, почти не дыша.

Гилберт Клосс подошел к могиле с открытым ртом. Посмотрел на почти засыпанный гроб и тихо сказал:

– Давайте поднимать.

Пастор нервно провел рукой по лбу:

– Как же так... нельзя же...

– Можно, – сказал Гилберт.

– Но я же уже сказал надгробное слово...

Клосс промолчал, не отводя глаз от могилы. Наконец подал голос и второй брат, Сигфрид:

– Будем поднимать.

Пастор вздохнул и кивнул Бенгтссону:

– Раз так... придется поднимать. Я позвоню доктору Блуму Ланиель Блум. Герлоф знал его – один из двух врачей в марнесской общине.

Бенгтссон тоже вздохнул, точно так же, как пастор. Можно было подумать, что он его передразнивает.

– Ну как, Лавидссон? Полезешь откапывать? Вместе с Ароном...

Герлоф молча посмотрел в темную яму. Сказать, чтобы ему очень хотелось туда спускаться... Но если Клосс очнулся в могиле... он же может задохнуться? Надо поспешать.

Нагнулся, оперся рукой о край и спрыгнул в яму. Осторожно встал на покрытую землей крышку и вспомнил, как на конфирмации читал отрывок о встрече Иисуса и Лазаря.

И вышел умерший, обвязанный по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет^[1].

Герлоф все время напряженно прислушивался, но все было тихо. В могиле было зябко, косые солнечные лучи сюда не попадали. Когда-нибудь и он ляжет в землю. Навсегда. Если Иисус не воскресит его к жизни.

Позади что-то скрипнуло, и он в панике обернулся. Но это был всего лишь тот мальчишка, Арон, – он тоже спустился в яму с лопатой. Арон Фред из Рёдторпа. Герлоф кивнул ему в полумраке и почему-то шепотом сказал:

– Лавай копать.

Арон, не отрываясь, смотрел на гроб. Потом губы его пошевелились, он что-то пробормотал, но так тихо, что Герлоф не расслышал.

– Что? Что ты говоришь?
– Америка, – сказал мальчик чуть погромче. – Я уеду в Америку.
– Вот как? – Герлоф посмотрел на него с сомнением. – А сколько тебе лет?

– Двенадцать.
– Ты слишком мал.
– Не один. Свен возьмет меня с собой. Я там стану шерифом.
– Почему?
– Стреляю здорово.

Больше вопросов Герлоф не задавал. Со Свеном он знаком не был и не знал, кто это, но про Америку знал. Земля обетованная. Сейчас там, конечно, тяжелые времена, биржевой кризис, безработица, но соблазн по-прежнему велик.

И именно в эту секунду, стоя на крышке гроба Эдварда Клосса, Герлоф решил, что могильщиком работать не хочет. Он тоже уедет Подальше от Стенвика и от неумеренно строгого отца. Не в Америку, конечно. Он станет моряком. Поедет в Боргхольм и наймется юнгой на одну из грузовых лайб, курсирующих между островом и материком.

Свободная профессия. Солнце, палуба и брызги соленой воды в лицо.

– Как там у вас?

Голос Бенгтссона сверху. Самого Бенгтссона не видать – даже не наклонился посмотреть.

– Нормально... – Они быстро отгребли землю с крышки. – Все готово.

Бенгтссон спустил им веревки. Герлоф быстро подвел их под оба конца гроба и поторопился вылезти из могилы.

Гроб подняли и отнесли в морг.

– Поставьте, – тихо сказал пастор.

Гроб со скрежетом опустили на каменный пол.

Наступило долгое молчание. Все смотрели на крышку, будто ждали, что она сейчас сама по себе откроется и оттуда, как ни в чем не бывало, вылезет живехонький Эдвард Клосс.

Тишина.

Но кто-то же стучал!

Через двадцать минут приехал на велосипеде городской врач Блум с черным акушерским саквояжем на багажнике. Сорочка насквозь мокрая от пота, физиономия свекольная.

– Что тут у вас происходит? – требовательно спросил Блум.

Все посмотрели друг на друга.

– Мы слышали какой-то звук, – прервал молчание пастор.

– Звук?

– Да, звук... Как будто кто-то стучал там, внизу. Только начали засыпать могилу, а там... стучат.

Доктор подозрительно посмотрел на перепачканную землей и уже поцарапанную лопатами полированную крышку гроба.

– Вот как... Ну что ж, посмотрим...

Бенгтссон начал клещами выдергивать гвозди, один за другим. На совесть забитые гвозди натужно скрипели. Братья Клосс молча стояли в проходе.

Лазарь лежал в могиле четыре дня, вспомнил Герлоф.

Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе^[2], сказала Иисусу сестра покойного Лазаря Мария.

Сняли крышку. Герлоф близко не подходил, но все равно видел тело Клосса, подготовленное к вечному сну: руки сложены на толстом животе, глаза закрыты, черно-синее пятно на виске от упавшей стены сарая. Но одет хорошо: строгий черный костюм из толстого сукна.

Если покойника одеть так же хорошо, как его поминают, он, глядишь, и улыбнется в гробу. Так говорила бабушка Герлофа с материнской стороны.

Но Эдвард Клосс не улыбался. Бесцветные губы слиплись в узкую кривую полоску.

Доктор Блум открыл саквояж и наклонился над трупом, но Герлоф уже не стал смотреть. Отвернулся. Слышал только, как доктор что-то ворчит. Потом звук упавшего на каменный пол стетоскопа.

– Ни пульса, ни сердцебиения, ни дыхания.

Наступило молчание. Потом послышался напряженный голос Гилберта Клосса:

– Откройте вену. Надо удостовериться.

Это для Герлофа было уже чересчур.

Он вышел на воздух и встал в тени церковной башни.

– Пива, Лавидссон?

Бенгтссон. В руке две закупоренные бутылки пильзнера. Где он их берет?

На этот раз Герлоф с благодарностью кивнул, взял бутылку и отпил несколько больших глотков. Пиво было и в самом деле холодным. Алкоголь сразу ударил в голову, и мысли перестали вертеться с такой бешеной скоростью. Он посмотрел на Бенгтссона:

– А раньше так бывало?

– Как – так?

– Чтобы кто-то стучал в гробу?

Могильщик медленно покачал головой:

– Я, во всяком случае, такого не помню. – Он криво и загадочно улыбнулся, отхлебнул пива и посмотрел на церковь. – Но Клоссы... они не такие, как все. И братья его... все они только и думают, где бы что ухватить. Все гребут под себя.

– Но Эдвард Клосс... – Герлофу трудно было подобрать слова. – Не мог он, скажем...

– Тихо, – прервал его Бенгтссон. – Все это никак Лавидссона не касается.

Еще большой глоток.

– А раньше руки связывали... У покойников, если ты меня понял, Лавидссон. Чтобы лежал там тихо, в своем гробу, и не шебуршился. Знал, юный Лавидссон, про такое?

Герлоф молча покачал головой – нет, не знал. Он представил себе живого человека со связанными руками в гробу. И ни о чем не стал больше спрашивать.

Через несколько минут открылась дверь. Герлоф и Бенгтссон быстро спрятали бутылки. Локтор огляделся, заметил их и помахал рукой:

– Готово.

– И он...

– Естественно, мертв. Никаких признаков жизни. Можете опускать назад.

И все повторилось. Гроб вынесли из морга, подвели веревки, опустили в могилу и начали закапывать. Бенгтссон и Герлоф кидали землю молча, сжав зубы. Герлоф подумал, что после пива не так ловко получается.

Бенгтссон хотел позвать Арона, но ни Арона, ни его хромого знакомого нигде не было видно.

Все собрались у могилы, включая доктора Блума с его кожаным саквояжем.

Земля с глухим продолжительным шорохом падала на крышку.

И опять все услышали звуки в могиле: три коротких удара. Тихо, но вполне различимо.

Герлоф вздрогнул. Сердце бешено забилося. Хмель сразу прошел, ему стало страшно. Посмотрел на Бенгтссона – тот застыл с лопатой в руке.

Сигфрид Клосс напряженно усмехнулся, но брат его, Гилберт,

выглядел так, словно его ударила молния. Он уставился на гроб как загнипнотизированный.

И доктор услышал стук. Он замер. Потом встряхнул головой, словно хотел избавиться от наваждения.

– Закапывайте, – тихо сказал он.

Пастор помолчал, потом кивнул:

– Тут мы ничего не можем сделать.

Могильщикам оставалось подчиниться. Герлофу опять стало холодно. Он вновь взялся за лопату – она показалась ему тяжелой, как лом.

Земля сыпалась на крышку. Каждый кинул по два десятка лопат, и крышка гроба скрылась под слоем сухой, рыхлой земли.

Никто не произнес ни слова.

Рядом с Герлофом кто-то глубоко вздохнул. Это был даже не вздох, а долгий, нескончаемый выдох. К могиле направился Гилберт Клосс, медленно, с трудом поднимая ноги в сапогах, будто земля была намазана клеем. Остановился на краю. Попытался вдохнуть, но все услышали только негромкий мучительный писк.

– Гилберт? – неуверенно произнес Сигфрид.

Но брат не ответил. Он неподвижно стоял с открытым ртом на краю могилы, будто хотел что-то сказать. Глаза помутнели, и Герлоф понял, что Гилберт сейчас упадет.

И он упал рядом с открытой могильной ямой. Все замерли, как на фотографии, – Бенгтссон, пастор, врач... Герлоф рванулся к упавшему, но добежать не успел.

Тело Гилберта Клосса медленно перекатилось через край могилы и с тяжелым ударом, как мешок с мукой, упало на крышку гроба его брата.

Начало лета

*Согреет солнце дали
Теплом своих лучей,
Но о земной печали
Напомнит соловей.*

Харри Мартинсон^[3]

Герлоф

Оказывается, лодки тоже умирают. Как люди. Герлоф смотрел на свою старую деревянную шлюпку и размышлял. В этот солнечный июньский день шлюпка должна быть на воде, а она валяется в траве. В борту трещина, и не одна. Лощечка на корме с названием: «Ласточка». Но «Ласточка» по воде уже не летала. Жирная зеленая муха неторопливо, короткими рывками ползла по рассохшемуся корпусу.

– Что скажешь? – спросил Ион Хагман. Он стоял с другой стороны шлюпки.

– Рухлядь, – ответил Герлоф. – Старая, никуда не годная развалюха.

– Помоложе, чем мы с тобой.

– Помоложе, это верно... да ведь и мы с тобой рухлядь.

Герлофу восемьдесят четыре, Иону на будущий год стукнет восемьдесят. Они плавали на балтийских лайбах почти тридцать лет. Капитан и штурман. В Стокгольм – камень, назад – топливо и всякое-разное. В шторм и в штиль. Но это было давно, а теперь осталась разве что эта развалина.

«Ласточку» построили в 1925 году Герлофу тогда было десять. Отец на ней рыбачил, ловил камбалу почти тридцать лет, а потом, уже в пятидесятые, шлюпка перешла к Герлофу. Он греб и ходил под парусом еще сорок лет. Но в начале девяностых пришла пора спускать «Ласточку» на воду, и Герлоф вдруг осознал, что уже не в силах дотащить шлюпку до воды.

Он стал старым. И «Ласточка» тоже.

И с того дня шлюпка так и лежала возле рыбарни Герлофа, и доски обшивки постепенно рассыхались.

В этот день на западном берегу Эланда вовсю светило яркое предлетнее солнце. Порывы ветра с пролива приносили приятную прохладу. Но жара еще не наступила, по-настоящему жарко становится только к середине июля, а бывают годы, когда и лета-то нет – разве что по календарю.

Герлоф потыкал палкой в борт и покачал головой.

– Рухлядь, – повторил он. – Двух метров не пройдет, затонет.

– Можно подновить.

– Ты думаешь?

– А почему нет? Она же не вся гнилая. Больную древесину убрать,

сделать вставки, трещины законопатить где надо, зашпаклевать. Андерс поможет.

– Может, и так... Только вы с Андерсом будете работать, а я сидеть и смотреть. Больше я ни на что не годен.

Герлоф страдал болезнью Шёгрена – ревматическим полиартритом. Болезнь то обострялась, то отступала, и никогда не известно, что от нее ждать. Летом еще туда-сюда, передвигался на своих двоих, но иногда без кресла-каталки не обойтись.

– На ней еще деньги можно заработать, – задумчиво произнес Йон.

– Ну да?

– Еще как... Эландское общество деревянных судов. Они поддерживают такие проекты...

Откуда-то послышался тихий, равномерный вой шин. Оба повернулись как по команде – сверкающий черный джип «вольво» с иностранными номерами и тонированными боковыми стеклами.

До праздника солнцеворота оставалась неделя. Стенвик – рыбацкая деревня, со временем превратившаяся в дачный поселок, – постепенно оживал.

Природа, конечно, пробудилась еще в мае. Вылупились бабочки, зазеленела трава, на ней ярко выделялись белые, лиловые и желтые полевые цветы, наполняя воздух тонким и пряным ароматом. Но несмотря на ласковое весеннее солнце, отдыхающие, или, как их здесь называли, купальщики, начали съезжаться только сейчас. Именно в середине июня потянулись караваны машин, повсюду забегали бойкие городские детишки, в садах появились гамаки – горожане изо всех сил старались приблизиться к природе. И так будет продолжаться до начала августа, когда они погрузят в машины чемоданы и разъедутся по своим столицам.

Джип, не снижая скорости, проехал мимо и дальше – на север. Незнакомые люди.

– Это не те норвежцы из Тенсберга, что купили коричневую виллу? – спросил Герлоф.

– Коричневую виллу?

– Да... теперь-то она красная, а когда Скугмансы там жили, была коричневой.

– Скугмансы?

– Ну, эта семья из Истада.

Йон кивнул и проводил взглядом «вольво»:

– Не-е... он проехал поворот к Скугмансу. А разве не голландцы купили виллу?

– Когда это?

– Пару лет назад... весной девяносто девятого, но они там, по-моему, ни разу и не были.

Герлоф уныло покачал головой:

– Всех не упомнишь. Столько народу шастает...

Зимой поселок будто вымирал, но сейчас, перед Ивановым днем, появилось столько новых лиц, что угадать, кто есть кто и откуда, Герлофу было не под силу. На его глазах прошли как минимум два поколения купальщиков, и теперь не так просто отличить отцов и сыновей, мам и дочек. Или память стала подводить...

Купальщики его не знали. Он уже несколько лет жил в доме престарелых в Марнесе и только в последнее время решил проводить весну и лето в своем домике в Стенвике, в постоянной и неравной борьбе с болями в мышцах и суставах.

И ноги устали его носить, и сам он устал. Пробовал при болях пить настойку куркумы с хреном, и вроде бы помогало, но все равно... прошел несколько метров – и остановился.

Хорошо бы вернуться назад, думал он. Вернуться в то время, когда был уверен, что оно у него есть.

По береговой дороге проехали еще четыре машины, все дорогие. Герлоф не особенно интересовался автомобилями. Он проводил их взглядом, повернулся к шляпке и, рискуя занозить руку, провел по обшивке:

– Ну что ж... попробуем. Только если Лидере поможет.

– Чего бы ему не помочь? Кемпинг сам себя обслуживает.

С тех пор как в начале шестидесятых он сошел на берег, Ион каждое лето брал в аренду кемпинг в Стенвике. Потом подрос сын, Лидере, и взял на себя часть работы. Но Ион каждое утро сам обходил палатки, принимал плату и выносил пакеты с мусором. Он не брал летний отпуск тридцать с лишним лет, но это его, похоже, не особенно удручало.

– На том и порешим. – Герлоф мечтательно покачал головой. – Глядишь, в августе будем жарить камбалу собственного улова.

– Камбалу лучше в печке... Но пусть пока полежит... не камбала, лодка. Это дело не быстрое.

Время... в понимании Иона это могло означать что угодно: от трех дней до трех лет. Герлоф предпочел выбрать нормальный сценарий – не чересчур оптимистичный и не чересчур пессимистичный.

Возможно, через несколько недель Ион с Андерсом и впрямь займутся «Ласточкой».

Он вздохнул и огляделся. Его поселок. Лучший в мире, никаких сомнений на этот счет у него не было. Широкая, глубокая бухта с зелено-синей водой. Ряды рыбацких хижин, рыбацких домов, как их тут называли. Старые, небольшие, но добротные дома и новые роскошные виллы. А за ними – сплошная зелень. Зеленый Эланд. В детстве Герлофа остров не был таким уж зеленым. Безлесный береговой пейзаж – скалы, никогда не замолкающий таинственный шум моря и редкий кустарник, в основном можжевельник. Он вырос здесь, в этом поселке, подростком ушел в море, а вернулся зрелым мужчиной. И где же ему было построить летний дом для своей семьи, если не здесь, в Стенвике?

Южнее, ближе к мысу, рядом с кемпингом, асфальтовая дорога кончалась, там же кончался и весь поселок, на обрыве, круто ниспадающем к нагромождению скал на берегу. Там же, на обрыве, виднелся большой, сложенный из камней могильный курган, труба, как его называли по-эландски.

Из каких-то соображений южная часть Стенвика считалась более престижной. Там стояли самые дорогие летние дома. И, чуть в сторонке, через дорогу от кургана, две виллы, принадлежащие семейству Клосс.

Семейство Клосс. Три брата – Эдвард, Сигфрид и Гилберт. Эдвард и Гилберт умерли почти одновременно, только Сигфрид дожил до преклонного возраста. Он унаследовал все земли отца и построил на них поселок для туристов – крошечные однокомнатные домики, называемые почему-то бунгало. Ион называл поселок бунгальником. А сейчас дело продолжали его внуки. Отель, фитнес-центр и многое другое.

– А Клоссы еще не приехали? – спросил Герлоф.

– Еще как приехали. Там у них полно машин на дворе. Только и видишь людей с клюшками.

Туристический центр Клоссов был в паре километров к югу от поселка. Он носил гордое название «Эландик Ресорт», но Ион, следуя своему принципу словообразования, иначе как клоссятник его не называл. Он считал Клоссов конкурентами, хотя его кемпинг в сравнении с клоссятником напоминал коробку для обуви. У Клоссов было все – поле для гольфа, кемпинг и бунгальник, магазин, отель с ночным клубом, ресторан и бассейн.

Герлоф тоже считал, что Клоссы заграбастали не по чину много, но кто его спрашивал?

Собственно, дело даже не в Клоссах. Его раздражали богатые купальщики. Герлоф старался держаться от них подальше. Они со своими бассейнами, мощными катерами, бензопилами и прочими новомодными

громыхающими и ревущими прибабасами распугали всех птиц в окрестностях.

Он посмотрел на залив:

– Иногда я думаю, Ион... За последние сто лет... Хоть что-то стало лучше на Эланде? Хоть что-то?

Ион задумался.

– Ну... Никто не голодает... и дороги хорошие. Ровные то есть дороги.

– Это да... это верно. Лороги-то да... это точно. Но стало ли веселее жить от этого?

– Кто знает. Живем – и ладно. Радоваться надо, что живем.

– Это да... – повторил Герлоф. – Живем пока...

Но сказал он это просто так, чтобы закруглить разговор, потому что сам иной раз не знал, рад ли он, что дожил до почтенного возраста, или не особенно. Вот, пожалуй, так и будет точнее всего: рад, но не особенно. Теперь он дальше завтра не загадывал. Ленъ прожит – и слава богу. И память вроде не подводит. Семьдесят лет прошло с того дня, как Гилберт Клосс помер от разрыва сердца на могиле брата, а он помнит, как будто вчера это было.

Конечно, в любой день может случиться. Но сегодня светит солнце, и помирать неохота. *Sol lucet omnibus*. Солнце светит всем. И ему тоже. Зря оно, что ли, будет светить...

А раз не зря, решил Герлоф, надо радоваться. Этим летом он будет наслаждаться солнцем, а потом дождетса нового тысячелетия. Ему обещали слуховой аппарат, сказали, со дня на день привезут, и будет он сидеть в своем саду и слушать пение птиц.

И нечего дуться на купальщиков. Они-то тут при чем? Работали-работали в своих конторах, целый год работали и приехали отдохнуть. Отныне он не будет при встрече ворчать что-то себе под нос, из Стокгольма он или из Амстердама. Будет здороваться в ответ, говорить о погоде и улыбаться.

Покивал головой, согласился с Ионом – надо радоваться. И постарался облечь в слова свои человеколюбивые намерения:

– Хоть бы гости в этом году были поспокойнее...

Возвращенец

В хижине были толстые стены, они могли бы вместить куда больше, чем две маленькие темные комнатухи, пропахшие самогоном и кровью. Запахи...что ж, запахи. Старика, остановившегося в дверях, этими запахами не удивишь. Привык к обоим.

Тем более и объяснение сразу нашлось. Самогоном несло от хозяина, Эйнара Валла. Баллу было около шестидесяти, сгорбленный, лицо в глубоких подвижных морщинах. Решил начать праздновать Иванов день пораньше. На оружейном столе стояла ополовиненная бутылка.

А кровью пахла его добыча: на потолочных крюках висели куропатка и два вальдшнепа. Уже оципаны и выпотрошены. На голой пупырчатой коже видны черные опаленные пятна. Начинены дробью, есть придется осторожно.

– Вчера на берегу подстрелил, – сообщил Балл. – На вальдшнепов вообще-то охоты нет, у них сейчас птенцы вылупляются... плевать я хотел. Сколько надо, столько и вылупится.

Старик предпочел промолчать. В рыбарне были еще двое: парень и девушка, лет двадцати – двадцати пяти, они только что подъехали на машине и тут же уселись на продавленный диван.

– А как вас зовут?

– Я – Рита. – Левушка с телосложением подростка свернулась на диване, как кошка, и гладила джинсовое колено парня.

– А я – Пекка.

Высокий, наголо обритый. Ноги нервно подергиваются.

Старик промолчал. Этих ребятешек нашел Балл, а не он.

Щенок и котенок, только и подумал он.

Но ведь и он был когда-то молодым... зрелость приходит с возрастом.

Пекка откровенно тяготился наступившим молчанием. Уставился на старика узкими глазками:

– А тебя-то как называть?

– Никак.

– Ла кто ты есть такой, черт тебя возьми? И говоришь с акцентом... иностранец, что ли?

– Арон. Меня зовут Арон. Я Возвращенец.

Интересно, почему Балл ничего им не сказал.

– Кто? Что это еще за возвращенец?

– Вернулся домой. В Швецию.

– Откуда?

– Из земли обетованной.

Пекка уставился на него, но Рита кивнула:

– Из Штатов... он имел в виду из Штатов. Правда?

Старик промолчал и подошел к оружейному столу.

– Хорошо... я-то знаю, кто ты... Возвращенец. *Whatever*... Все равно, раз ты с нами.

Возвращенец, не отвечая, поднял за дуло пистолет.

– «Вальтер», – сказал он.

Балл многозначительно кивнул, будто стоял за прилавком и продавал пистолетные дула.

– Хорошая железяка. В полиции много лет им пользовались. Табельное оружие. Простой и надежный... шведское качество.

– «Вальтеры» делали в Германии, – сказал старик.

– А у меня два – немецкий и лицензионный. – Балл сделал приказчицкий жест, приглашая посмотреть остальной товар. – А это «зиг-зауер», а это шведский автоматический карабин. Ак-5. Все, что могу предложить.

Пекка притворно-нехотя встал с дивана и подошел к столу. Этот взгляд старику был знаком: любопытство и восхищение, как у любого солдата, увидевшего новое оружие. Нет, не у любого... у тех, кто никогда не убивал.

– Пистолеты любишь? – спросил Пекка.

Старик коротко кивнул:

– Попользовался.

– Ты что, старый вояка?

Возвращенец посмотрел на него непонимающе:

– Вояка?

Пекка удивился – ходовое слово, а он не знает.

– Ну, солдат... Повоевал, значит, на какой-нибудь войне.

Война... Для молодых звучит привлекательно. Многие хотят повоевать. Война для них – как другая страна, где они никогда не были.

– Могу повоевать, – тихо сказал старик. – Пока могу... а ты?

– Нет, я не воевал, – словно извиняясь, пробормотал Пекка, но тут же гордо поднял голову. – Но я не спасую. Меня в прошлом году судили за избиение.

Балл поморщился.

– Чушь собачья, – сказал он. – Какой-то турист задибался.

Вот оно что... Балл и Пекка наверняка родственники – иначе с чего бы

Баллу беспокоиться за парня?

Старик привычным жестом задвинул магазин в рукоятку и положил пистолет на стол.

Посмотрел в окно. Сквозь пыльные стекла солнце почти не проникало, но на дворе было солнечно, если судить по дробящемуся, переливчатому сиянию моря. Хижина Валла стояла на отшибе. Пляжа здесь не было, заросли травы спускались к самой воде. Там был загон для гусей, а рядом – массивная рыбарня, сложенная из серого известняка. Рыбарня выглядела давно заброшенной... как, впрочем, и хозяйский дом.

Балл тяжело поднялся из-за стола.

– Значит, так... – произнес он и раздал оружие.

Рите достался маленький «зиг-зауер», Пекка получил «вальтер». А старик взял второй «вальтер» и в придачу карабин.

– Взрывчатка тебе не нужна? – спросил он.

– А у тебя есть?

– Я еще зимой привез, – похвастался Пекка. – Прихватил на строительстве дороги в Кальмаре. Шашки, кабель, искровые запальники – все, что надо.

– Лежат в заначке, под замком, – довольно сообщил Балл. – Сняты были в мае, порыскали и поехали домой с голым носом.

– Пару шашек возьмем, – сказал Возвращенец. – А как с оплатой?

– Потом. Сделаете дело, оприходуete сейф, а там поделимся.

– Нам и маски нужны, Эйнар, – напомнил Пекка. – Есть у тебя?

Балл молча вытащил из-под стола картонный ящик, вынул оттуда пачку резиновых перчаток и пачку серых бандитских масок с прорезями для глаз.

– Потом сожжете.

Возвращенец посмотрел на маски:

– Мне прикрытия не надо.

– Оpoznают, – наставительно сказал Пекка.

Старик медленно покачал головой и посмотрел в окно:

– Не имеет значения. Все равно меня здесь нет.

Земля обетованная, май 1931

Они отправились в путь в солнечный летний день, одиннадцать месяцев спустя после похорон Эдварда Клосса. Арон уже и думать забыл о той ночи. Об упавшей стене, как Свен толкнул его – скорее, они сейчас придут!

Свен был его приемным отцом уже два года. Арон послушался – иначе нарвешься на трепку.

Они говорили только о предстоящем путешествии, и никогда о той ночи. У Арона было чувство, что они готовились к поездке всю весну, хотя все их имущество уместилось в двух чемоданах – по одному на каждого.

Свен взял с собой большую яблоневую табакерку для снюса. Арону тоже захотелось взять что-то. Что-нибудь ценное.

– А можно мне взять с собой ружье в Америку?

У Арона собственный дробовик. Простенький и старый, но он им очень гордился. Стрелял куропаток и морских птиц.

– Спятил? Тебя на корабль не пустят.

И ружье, подарок деда, пришлось оставить. Лед и сам был охотником. Он сказал своей дочери Астрид, матери Арона: мальчик – способный стрелок. У него есть потенциал. Так и сказал – есть потенциал. Арону очень нравилось слово «потенциал».

Он и вправду был способным стрелком. В десять лет подстрелил своего первого тюленя. Он до сих пор помнит эту картину. Ясный, холодный зимний день. Тюлень лежал на льдине, медленно дрейфовавшей к берегу. Зверь поднял голову, а Арон поднял ружье и выстрелил. Тюлень вздрогнул и замер. Заряд попал в шею. Крупный был зверь, чуть не полтора метра длиной. Двадцать килограммов жира.

– А как же? Как же я стану шерифом без ружья?

Свен засмеялся – коротко и хрипло, будто прокашлялся.

– Приедем – раздобудем тебе ружье.

– А там они есть? Ружья? В новой стране?

– Полным-полно. Там все есть.

Нет, не все там есть. Там нет мамы Астрид и сестры Греты. Они остаются в Швеции, и прощаться с ними очень грустно. Грете всего девять, она молча смотрит на брата, а мать... мать поджала губы и еле удерживает слезы.

– Не лезь в ссоры, – говорит она. – Веди себя прилично.

Арон кивает, берет свою сумку и идет за Свеном. Большими шагами, чтобы не передумать.

Солнечный, сухой день.

Они идут рядом. У Свена, конечно, ноги длиннее, но он хромает на правую, так что Арон не отстает.

– *Поедешь в новую страну, – сказала мать. – Называется Америка. Поработаешь как следует пару лет и вернешься с деньгами.*

И Свен говорил то же самое, только короче:

– Новая страна. Туда нам и надо. Подальше от всего этого.

Они шли через земли Клосса, на север. Дошли до кургана на скале – простая куча камней, но Свен плюнул в его сторону:

– Чтоб ты в море свалился...

Дорога повернула от пролива. Несколько высоких ветряных мельниц стояли здесь с незапамятных времен на неуклюжих деревянных подставках, растопырив уцелевшие крылья в ожидании ветра.

Свен и на них посмотрел со злостью:

– Не глядел бы на вас, уроды...

Шел, хромал, но шаг не убавлял. И говорил не глядя на Арона, смотрел прямо перед собой, как будто весь бескрайний горизонт был набит внимающей ему публикой.

– Наконец-то можно избавиться от этого дерьма... каждый раз приходишь домой весь в муке, белый, как привидение... – Он покосился на Арона и вновь обратился к невидимой аудитории: – Там, куда мы едем, всю работу делают машины. Огромные фабрики. Зерно засыпают, а с другого конца – мешки с мукой. Только на кнопку нажать.

Арон слушал молча, за все время задал только один вопрос:

– А когда мы домой вернемся?

Свен замедлил шаг, повернулся и отвесил Арону легкий подзатыльник:

– Не задавай глупых вопросов. Ты уже мужчина. Мы едем к новой жизни, а не домой.

Подзатыльник не такой уж сильный, и Арон решает продолжить:

– Но когда?

– Никто не знает.

– Почему?

– Потому что домой возвращаются не все.

От этих слов Арону стало холодно, несмотря на теплый день. Он промолчал, боялся получить затрещину посильней, но решил твердо: раз мама сказала, чтобы он вернулся, он вернется. Вернется домой.

Вернется на свой остров. На свой хутор.

Юнас

– Что случилось, констебль? – спросил дядя Кент. – Происшествие?

– Вы и есть происшествие. – Полицейский на мотоцикле остановился рядом с машиной.

– Я? И что я натворил?

– Превысили установленную скорость.

– Не может быть!

Для разговора с полицейским дяде Кенту пришлось нажать на какую-то кнопку, боковое стекло бесшумно опустилось, и на Юнаса хлынул аромат полевых цветов вдоль дороги. Желтые, фиолетовые, белые, они слегка покачивались под ветерком. Их аромат смешивался с запахом лосьона после бритья от дяди Кента и слабым запахом пота от отца, который чуть не опоздал на поезд – прибежал запыхавшись и получил нагоняй от мамы. Мате и Юнас молчали и только поглядывали друг на друга.

Пока дядя Кент разговаривал, папа молча сидел на пассажирском сиденье, ему было явно не по себе. Юнас наблюдал за дядей Кентом. Дядя Кент даже не повернулся к полицейскому, так и сидел в профиль. В углу рта затаилась улыбка.

– Превысил скорость? Я?

– Намного.

Юнас перевел взгляд на инспектора, и его тут же ослепило свирепое эландское солнце у того за спиной. Единственное, что он мог различить, – синий силуэт в комбинезоне.

– И на сколько?

– На двадцать два километра.

Кент вздохнул и откинулся на сиденье.

– Все из-за этой дурацкой машины, – сказал он печально. – «Корвет» устойчив только за сотню.

Юнас до этого всего один раз имел дело с полицией – к ним в школу в Хускварне приходили две женщины проводить беседу как правильно и безопасно ездить на велосипеде. Довольно добродушные, но Юнасу все равно было страшновато.

Машина дяди Кента, ярко-красная с черными полосами на капоте, напоминала космический корабль. И внутри тоже – сидишь, как в ракете, очень тесно, и крыша низкая. Особенно сзади. Юнас еще не взрослый, но и

не ребенок – колени тут же уперлись в спинку переднего сиденья. Пришлось отвести их в сторону. Старшему брату, Матсу, тоже было тесно, но все же получше, потому что он сидел за спиной отца, Никласа. У того ноги были покороче, чем у дяди Кента, и он отодвинул сиденье вперед.

– И что же – штраф?

– К сожалению.

– Типичный случай... в самый солнечный день лета – и штраф. – Кент улыбнулся полицейскому. – Признаю все обвинения. Я – нарушитель.

Юнас посмотрел на отца. Тот сидел молча, уставившись на дорогу Ни разу даже не глянул на инспектора.

Дядя Кент встретил их на вокзале в Кальмаре на своем красном «корвете». У него был еще большой джип, но летом он предпочитал ездить на спортивной машине – быстрее и веселей. Машина вообще-то двухместная, сзади только маленький низкий диванчик.

С полчаса назад они съехали с эландского моста и теперь гнали на север. Дядя Кент и папа все время разговаривали, но когда с ними поравнялся мотоцикл и полицейский знаком приказал остановиться, отец замолчал, вжался в сиденье и сидел, как истукан.

А дядя Кент положил руки на баранку и шутил с полицейским, будто тот был его лучший друг. Подумаешь, маленькая неприятность по дороге на виллу Клосс.

– Платить прямо вам?

Полицейский покачал головой:

– Нет. Я выпишу квитанцию.

– И сколько?

– Восемьсот крон.

Дядя Кент вздохнул. Посмотрел на залитое солнцем поле.

– Как вас зовут? – неожиданно спросил он у инспектора.

Тот не ответил.

– Это что, секрет?

Полицейский опять покачал головой – нет, не секрет. Достал из внутреннего кармана книжку с пустыми квитанциями и ручку.

– Меня зовут Серен, – сказал он спокойно и негромко.

– Вот и хорошо, Серен. А я – Кент Клосс. А это, – он, не поворачиваясь, мотнул головой, – это мой младший брат Никлас и два его мальчика. Вместе проведем лето.

Инспектор кивнул – как-то безразлично, словно и не слушал. Но дядя Кент не унимался:

– Серен, я только хочу спросить... Вот ты едешь, – он неожиданно

перешел на «ты», – вот ты едешь по хорошей, сухой дороге. До Иванова дня двое суток осталось. Солнышко светит, денек замечательный. Фантастическая погода, просто... человек чувствует, что живет. И что бы ты сделал на моем месте? Тащился бы за этим кемпером до самого Боргхольма?

Полицейский не ответил – заполнил квитанцию на оплату и протянул в окно. Кент квитанцию принял и продолжил:

– Но согласиться-то ты можешь, Серен?

– С чем?

– Что сделал бы то же самое? Если бы не я, а ты ехал за этим кемпером со скоростью сорок километров в час в чудный летний лень? Да еще к морю? К морю, Серен! Ты бы не придавил железку ло отказа? Ну, не до отказа, но чуть больше, чем разрешено?

Кент уже не улыбался, лицо его стало серьезным и осуждающим.

– Конечно, Кент. Если вам от этого легче.

– Намного легче. – Дядя Кент опять расплылся в улыбке.

– Поезжайте и соблюдайте дорожные предписания.

Инспектор повернул ключ зажигания, быстро развернул мотоцикл и покатил в обратном направлении, на юг.

– Поняли? Теперь он поддал газу, его-то никто не остановит, сукиного сына... – Дядя Кент повернулся к Юнасу и Матсу. – Нельзя им давать на себя садиться. Запомните, ребята, не давайте на себя садиться.

Глухо взревел мощный шестицилиндровый мотор. Дядя Кент выехал с обочины прямо перед носом еще одного кемпера, и через пять секунд стрелка спидометра опять перевалила за сотню.

Солнце по-прежнему сияло, дорога была ровной, без единой выбоины, асфальт впереди казался мокрым в солнечном мареве. Дядя Кент так и не поднял стекло – правил одной рукой, выставив наружу локоть. Два пальца на баранке, и все.

Юнас с наслаждением вдыхал колдовские степные ароматы.

Запел мобильник Кента. Он взял его свободной рукой, нажал на кнопку и некоторое время слушал, пока не оборвал нетерпеливо.

– Нет. Я сказал – стена. Каменная стена. Там, где участок забирает вверх, срезать землю внизу и поставить каменную стену. Каскад. Средневековый, и все же современный. А из чего же еще? Я же сказал – камень. Природный или тесаный. А воду проведете под стеной. Нет, не рядом, а под. Хорошо... Эскаватор привезли? – Он послушал еще немного. – Отлично! Значит, можем...

Он отнял мобильник от уха и с удивлением уставился на дисплей.

– Супер... прервалось реально...

У дяди Кента были любимые выражения вроде «супер» и «реально»... дурацкие словечки, но он произносил их с таким напором и с такой самоуверенностью... Юнас никогда бы так не смог, будь он хоть премьер-министром.

Кент опустил мобильник в карман.

– Сразу на катер? – спросил он отца.

– Если волна не слишком...

– Катера волн не боятся, – засмеялся Кент. – Они через них прыгают.

Прокатимся немного, а потом посидим с космо^[4] на палубе.

Отец кивнул, но как-то безрадостно:

– О'кей...

Юнас не знал, что за штука такая – космо, но спрашивать не стал. У него был свой секрет, как казаться взрослым: слушать и делать вид, что все понимаешь. И смеяться, когда другие смеются.

Кент посмотрел на него в зеркало:

– Летом поставим тебя на лыжи, Ю-Ко. О'кей? Позапрошлым летом дело не пошло, или как?

Он всегда называл Юнаса Ю-Ко, и Юнас долго не понимал почему, пока не сообразил – это же его инициалы^[5]

– Попытаюсь...

Собственно, он даже думать не хотел о водных лыжах. Вообще не хотел вспоминать то лето. Отца посадили в тюрьму, и Юнасу с Матсом пришлось ехать на Эланд без него, одним.

Он увидел знакомый пролив и поселок. Кент уже проехал киоск и ресторан и свернул налево на береговую грунтовку: скалистый обрыв к морю с одной стороны, виллы – с другой.

Ему так ни разу и не удалось выйти на скольжение, сколько ни пытался. Раз пятнадцать он по всем правилам группировался в воде, дядя Кент плавно набирал скорость, руки вцеплялись в фал так, что пальцы белели... но кончалось всегда одним и тем же – как только он пытался выпрямиться, тут же зарывался носом в воду. Вечером ноги дрожали так, что Юнас едва мог ходить.

– Не надо пытаться, Ю-Ко, надо делать. Теперь-то ты покруче будешь, реально. Сколько тебе уже?

– Двенадцать, – прибавил Юнас и покосился на брата, не смеется ли тот. Двенадцать ему исполнится только в августе. Но Мате смотрел на воду и, похоже, не слушал.

Они подъехали к летнему дому который называли «вилла Клосс», хотя вилл было две. Они стояли рядом. Большие панорамные окна с видом на море. Иногда их так и называли – северная вилла и южная вилла. В северной жила тетя Вероника, в южной – дядя Кент.

У отца уже не было своей виллы. Он будет жить у брата. А для ребят приготовлены гостевые домики. Аля каждого свой.

– Двенадцать лет... Самый расцвет! – сказал дядя Кент и свернул к дому – Человек в двенадцать лет совершенно свободен. И у тебя будет суперлето, Ю-Ко!

– Угу, – отозвался Юнас.

Хотя он совершенно не чувствовал себя свободным. Маленьким – да, но не свободным.

Герлоф

Он встретил американского шведа по пути на танцы.

Герлоф опаздывал. Шел, опираясь на каштановую трость по береговой дороге к поляне, где еще два дня назад водрузили большой, увитый ветками, цветами и лентами майский шест. Конечно, сам он танцевать вокруг шеста не собирался, куда ему, но музыку послушает с удовольствием. Ленъ летнего солнцестояния не каждый день. Большой праздник.

А опаздывал потому, что чуть не забыл одну штуку. Вернее, две. Дочери и внуки уже ждали его, а он спустился с крыльца и замер.

Не слышно пения птиц.

Аппарат. Он к нему еще не привык.

– Я принесу, – вызвалась старшая дочь, Юлия.

У нее в руке был складной стульчик для Герлофа. Юлия положила его на траву побежала в дом, вернулась через минуту и протянула две маленькие, телесного цвета пластмассовые улитки.

– Мы побежим вперед, ладно, папа? – сказала она. – Детям не терпится.

Герлоф неловко пристроил слуховой аппарат и попросил повторить.

– Лети не хотят пропустить начало. Мы побежали, да?

Герлоф улыбнулся и махнул рукой:

– Бегите, бегите... а то догоню.

В обществе палки и птичьего пения он двинулся в путь. Надо было обогнуть почти весь залив.

Он всю жизнь таял от удовольствия, слушая птичьи серенады, и сейчас тоже. Неважно, что теперь ему нужен слуховой аппарат. Здорово наловчились их делать – такой маленький, что и незаметно. Только если приглядываться.

Весной и летом Герлоф оставлял комнату в марнесском доме престарелых и жил в своем летнем домике на берегу. Чем дольше, тем лучше, лишь бы погода позволяла. Здесь было море, здесь был ветерок, здесь были птицы – перелетные птицы, они возвращались весной из Африки прямо в сад Герлофа и тут же принимались петь. Он их даже узнавал в лицо из года в год.

Зяблики и воробьи садились строем у маленького бассейна, который

он для них соорудил – принес в несколько приемов бросовый камень из каменоломни и сделал круглую ванночку. Птицы наклонялись к воде, пили и тут же открывали клювики и начинали щебетать.

Беда в том, что в последнее время он не слышал их щебет. Это началось не сразу – уже давно Герлоф замечал, что слух становится все хуже и хуже. С шестидесяти пяти лет он почти не различал напоминающий прибор степной стрекот кузнечиков. Запомнил эту дату, потому что как раз вышел на пенсию, сел вечером в саду и вдруг насторожился – кузнечиков не слышно. Солнце село, на остров медленно опускались лиловые сумерки, самое время для кузнечиков – а они молчали. Поначалу он решил, что дело в экологии, что все эти новомодные пестициды и инсектициды поубивали насекомых. Но врач объяснил, что кузнечики стрекочут на высокой частоте, а его старые уши такие частоты не воспринимают.

Старые уши? С чего бы это им быть старыми? Ничуть не старее, чем все остальные части его много чего испытывавшего организма. Ну и бог с ними, с кузнечиками. Не сказать, чтобы ему так уж не хватало их однообразного треска. К тому же это вовсе не кузнечики стрекочут сутки напролет, а сверчки.

Но птиц он слушать любил. Прошлой весной он еще слышал их пение, приглушенно, но слышал. А в этом году сад умолк. Только тогда Герлоф сообразил: что-то не так – и пошел к доктору Вальбергу, а тот послал его в Кальмар проверить уши.

Герлоф ожидал, что к нему выйдет кто-то в белом халате и с карандашом за ухом. Но в приемной неожиданно появился молодой парень в джинсах и с конским хвостом.

– Привет, я Ульрик, – сообщил парень. – Я аудионом.

– Агроном?

– Аудионом. Я должен проверить ваш слух, снять аудиограмму У Герлофа голова закружилась от новых слов. Его посадили в звукоизолированную клетку, дали наушники и попросили нажимать кнопку каждый раз, когда он слышит низко– или высокочастотные звуки.

Наушники долго молчали, потом он услышал звук, тут же нажал кнопку и сообразил, что все остальное время звуки тоже были. Он просто ничего не слышал.

– И как? – спросил он, не успел Ульрик выпустить его на свободу.

– Не особенно. Думаю, самое время для техники.

Какой еще техники? Теперь он будет ходить с головой, обмотанной кабелями? Герлоф вспомнил своего деда, легендарного скупердяя. У того тоже возникли нелады со слухом, когда ему было девяносто, так он

собственными руками сделал рожок из жести от коробки из-под снуса. Дешево и сердито.

А теперь все из пластмассы. Герлофу сделали слепок ушных раковин – аппараты, сказал аудионом Ульрик, должны сидеть в ушах идеально – и отпустили на все четыре стороны.

В середине мая Ульрик неожиданно объявился у него в саду в обществе небольшого компьютера.

– Мы вообще-то не посещаем пациентов на дому – сообщил он с порога и широко улыбнулся. – Но я так люблю этот остров... солнце и все такое.

Герлоф почувствовал себя так, будто комплимент сделали ему, а не острову, и пригласил аудионома Ульрика на веранду. На краю каменного птичьего бассейна сидела одинокая оливково-зеленая птичка, чистила крылышки и время от времени открывала клюв.

– Зеленушка, – сказал Герлоф. – Их еще называют лесными канарейками. И поет, как канарейка... если слышишь.

– Закончим, и вы услышите, – заверил Ульрик, поставил компьютер на стол и нажал какую-то кнопку. Экран ожил.

Маленькие, телесного цвета улитки, на которых стояли буквы «R» и «L», уместились в ушах плотно и необременительно.

Ульрик прицепил к улиткам какие-то кабели и уставился на маленький экран.

– Как сейчас? В ушах не воеет?

Герлоф покачал головой – очень осторожно, чтобы, не дай бог, не оторвался какой-нибудь проводок, – и закрыл глаза, прислушиваясь к новым ощущениям.

Нет, ничего не выло. Он слышал только какой-то шум, похожий на шум ветра в кустах, – уже много лет он не слышал этого звука. Хотел пожаловаться, но в ту же секунду осознал, что звук не просто похож на шум ветра в кустах, это он и есть. Шум ветра в кустах. Никакие это не причуды слухового нерва. Это морской бриз шевелит упругие ветки можжевельника.

И на фоне этого непрерывного, то усиливающегося, то ослабевающего, шума ясно и четко пела птица. Зеленушка у бассейна. А откуда-то из кустов ей отвечала славка.

Герлоф открыл глаза и удивленно заморгал:

– Я опять их слышу! Птиц то есть...

– Вот и хорошо, – сказал аудионом. – Значит, мы на верном пути.

Пели и другие птицы, но, кроме зеленушки, он никого не видел. И это навело его на засевшее в памяти событие.

– А можно слышать звуки, которых нет?

– Как это? – вытаращил глаза Ульрик. – Что вы имеете в виду?

– Да... что я имею в виду... а имею я в виду вот что: можно иногда услышать странные звуки, вроде бы как, например, из-под земли... может, это галлюцинация какая-нибудь? Не зрительная... не то что там, к примеру, привидение увидел, а слуховая? Слуховая галлюцинация?

– Непростой вопрос. Насчет слуховых галлюцинаций – это к психиатрам. А что больные иногда слышат звуки, которые существуют только у них в голове, никакой не секрет. Это заболевание, тиннитус. Как будто шумит что-то в ушах.

– Не-е... это не шум. Кто-то стучал, и довольно сильно. Гроб опустили в землю, а оттуда кто-то стучать начал. Я в детстве такое слышал. И не только я, другие тоже слышали. Все, кто там был.

Он посмотрел на Ульрика, но тот только покачал головой:

– Я в привидениях слабоват. К сожалению.

Поляна, где набирал силу праздник, была уже близко, он даже слышал многоголосый гомон, напоминающий кипение воды в горных порогах. Танцы еще не начались, но скоро, скоро...

Герлоф, хоть и не выходил в последние дни, мог сказать с уверенностью, что народу понаехало много – напор воды в кране заметно упал. В жару на Эланде вода – дефицит и летом, когда разбор большой, течет иногда чуть не волосяной струйкой.

Мышцы болели, но он заставил себя идти побыстрее. От береговой дороги к морю шла тропинка. На мостках стояли несколько ребят и девушек в минимальных, будто нарисованных карандашом, бикини. Герлоф вспомнил купальники времен своей юности. Купальники были вязаные и пахли шерстью.

Он хотел было уже свернуть к майскому шесту у длинной галереи почтовых ящиков на стенде, как вдруг заметил незнакомого старика в его примерно возрасте. Высокий, седые волнистые волосы, в темно-коричневом пиджаке. На шее – старая фотокамера «Кодак».

Где-то он видел его раньше. Тень воспоминания мелькнула и тут же исчезла. Нет, наверное, приезжий. Похож на кого-то... а тогда на кого?

Незнакомец оглянулся, поднял камеру, будто хотел ею закрыться, и с дробным щелканьем провел пальцем по почтовым ящикам.

Герлоф вспомнил: он дал себе обещание быть повежливей с

приезжими. Они ни в чем не виноваты, повторил он мысленно, и подошел к старику.

– Добрый день. – Он постарался быть как можно приветливей. – По моему мы где-то виделись.

Незнакомец помедлил немного, отошел от ящиков и посмотрел на Герлофа:

– Да, похоже на то... Давным-давно.

Нет сомнений – островной. Эландский типичный диалект, хотя с каким-то акцентом. Герлоф подошел поближе и протянул руку:

– Давидссон. Герлоф Давидссон.

Старик пожал ему руку:

– Вот теперь вспоминаю... Джер-лофф... Или как правильно – Иерлофф? Мы как-то рыбу ловили... у тебя лодка была шикарная.

– Теперь уже не такая шикарная... – Герлоф поймал ускользнувшее воспоминание. – Ага! Ты же американский швед, да?

– Больше американский, чем швед, – кивнул старик. – Билл Карлсон, живу в Лэнсинге, штат Мичиган. Двоюродный брат Арне Карлсона из Лонгвика... Приехал детей его навестить.

Он замолчал и опять покосился на ящики. Оказывается, бывают и не особо разговорчивые американцы.

– Арне-то я хорошо знаю... добро пожаловать домой, Билл.

– Домой... – сказал американец неуверенно, будто стеснялся чего-то. – Да я и не жил здесь почти. Отец эмигрировал, а я-то был тогда... совсем *young*. Но дома говорили по-шведски, и я раз в пять лет приезжал сюда – родню навестить. Теперь-то почти никого не осталось... Вот, смотрю на почтовые ящики – может, попадется знакомая фамилия... Попадаютсся, конечно, но имена не те. Я почти никого не знаю.

– А кто знает? – сказал Герлоф. – Я, что ли? И я не знаю. Сюда летом столько народу приезжает, не протолкнешься... Зимой-то никого с собаками тут не сыщешь. – Он посмотрел на поляну, где шли последние приготовления к танцам: – Послушаем?

– А как же! *The frogs...* Лягушечки, лягушечки, смешно на вас смотреть...^[6] Любимая песня, – улыбнулся Билл.

Они вместе пошли к шесту. Американец шагал широко и уверенно. Герлоф тут же отстал, но тоже заспешил – ему хотелось продолжить разговор.

– Сколько тебе лет, Билл? – спросил Герлоф, когда тот остановился. – Если не секрет.

– Такой секрет не утаишь, – улыбнулся американец. – Скоро

восемьдесят шесть. Но чувствую я себя... самое большее на семьдесят.

Герлоф с завистью посмотрел на жилистого старика – тот легко перепрыгнул канавку и вышел на поляну. Обидно – старше его, а как огурчик. Некоторые просто-напросто отказываются стареть.

Лиза

Лиза плохо спала перед поездкой – Силас ушел вечером, а вернулся только под утро. В летнее время он пропадал надолго, жил непростой жизнью. Лиза встала около семи – он спал на диване, не раздевшись, можно подумать, что там валяется куча изношенной одежды.

Она не стала его будить и прощаться. Какой смысл? Тихо собрала вещи, осторожно прикрыла за собой дверь. Все равно он скоро позвонит. Силас всегда звонит.

На улице, недалеко от подъезда многоквартирного дома, стоял древний «пассат». Замок на дверце был ничуть не новее, чем все остальное, поэтому она предпочитала каждый раз относить гитару и диски в квартиру.

Сунула все в багажник и включила зажигание.

На юг.

В последний год она все чаще играла на выезде, почти каждые выходные; ездить приходилось много, она привыкла. Выехала на скоростную европейскую трассу и прибавила скорость. Педаль до отказа.

Примерно через час Лиза почувствовала странный запах в машине, не сильный, но довольно едкий. Паленая резина или что-то в этом роде. А может, просто страхи.

Страхи... Страхи страхами, но она опаздывала на выступление – на Иванов день непростительно.

Позевывая и моргая, поехала дальше – боролась со сном.

Лиза никогда не могла уснуть, когда ждала Силаса. К тому же эти белые ночи... Конечно, летнее тепло замечательно, но ей не нравилось, что так размыты границы между днем и ночью.

Движение было плотным, будто на праздник опаздывал весь Стокгольм, не только она. И всем не терпится побыстрее.

У Норрчёпинга свернула на двадцать второе шоссе, к морю. Скоро уже Кальмар. Она поглядывала на по-летнему синюю, сверкающую рябь моря, и ей несколько раз показалось, что она видит остров – длинная темная полоска на горизонте. Идиотизм – ей надо на север Эланда, но для этого надо проехать сначала на юг, переехать мост и только потом повернуть к северу. Крюк километров в сто пятьдесят, не меньше.

Поплутав немного по улицам Кальмара, она добралась до моста. Вот он – огромный, высокий, конца не видно. Она была здесь на экскурсии с классом, десять лет ей было... значит, пятнадцать лет тому назад. Ровно

пятнадцать – тогда тоже праздновали середину лета.

Издалека видна длинная поблескивающая цепочка автомобилей на мосту – пробка, и она тут же в ней оказалась. Тормоз, первая, тормоз. Стоим. Первая, вторая, тормоз. Запах усилился.

Мост, как назло, один из самых длинных во всей Европе. Это особенно хорошо понимаешь в пробке. Внизу – изукрашенное серебряной вышивкой море, наверху – мягкий от жары асфальт. Не дай бог, виниловые диски расплавятся от жары. Хуже не придумаешь.

Оказывается, бывает и хуже. На подъеме к «птичке»^[7] из-под капота повалил дым. Она схватилась за баранку и нажала на тормоз. Машина встала посреди моста. Объехать ее не было никакой возможности – обе полосы забиты машинами. Сзади истерически загудели. Иванов день... ну и что? С чего бы это десятки тысяч горожан решили провести его именно на Эланде?

В машине стало очень жарко, а у Лизы ничего с собой не было. Ни воды, ни коки – ничего. Только жвачка.

И что делать дальше? Повернуть назад, и к черту Эланд?

Лавируя между машинами, подъехал полицейский на мотоцикле.

Еще страшнее... она опустила голову на баранку. Хоть бы мимо проехал.

Но он, конечно, не проехал. Постучал в окно.

Она опустила стекло.

– Здесь стоять нельзя, – сказал инспектор спокойно.

– Я же не специально здесь стою! Что ж я, по доброй воле взяла и остановилась посреди моста? – Лиза кивнула на лобовое стекло. – Там что-то... с мотором, наверное.

– С мотором? – Полицейский принял. – Да... пахнет горелым.

– Вот именно... мне тоже кажется – горелым.

– Думаю, сцепление. Вы, вероятно, не отпускали педаль, когда поднимались в гору. – Он показал рукой вперед: – Ехать можно, только сверните на первую же парковку после моста и дайте мотору остыть. Коллеги вам помогут.

Лиза кивнула. Права у нее были уже пять лет, но она почему-то почувствовала себя совершенным новичком, когда включила первую скорость и медленно отпустила сцепление, следя, чтобы нога не задержалась на педали.

Проехав наконец самую высокую точку моста, она покатила под уклон и сразу почувствовала себя спокойнее, хотя в машине по-прежнему воняло. Лиза опять опустила стекло – запах горелой резины смешался с

удушливым чадом выхлопных газов, и неизвестно, что было лучше. Машины выстроились в нескончаемую цепочку вдоль всего моста, а в обратную сторону почти никого не было. Она посмотрела на воду Кто-то греб на шлюпке, и ей показалось, что гребец ее обгоняет. Посмотрела на часы – скоро половина первого. Играть назначено в два. Времени больше чем достаточно – если бы не пробка.

Семь километров с континента на остров она ехала двадцать пять минут, но и здесь пробка не кончалась. Лиза свернула к парковке у основания моста.

Там почти не было мест. Инспектор сказал правду – тут тоже сновали полицейские, человека три или четыре, проводили какой-то массовый контроль. Или выборочный... как там у них это называется? Останавливали машину за машиной – выбирали главным образом старые, заезженные тачки с очень молодыми водителями – и просили открыть багажник.

Лиза не сразу вспомнила, где рычаг замка от капота. На ощупь не вышло – пришлось согнуться в три погибели и посмотреть под рулевую колонку. Вышла, открыла капот и отшатнулась от запаха. Остывающий мотор злобно пощелкивал, но дыма, по крайней мере, не было. Полчаса, наверное, хватит. Мотор остынет, и у нее будет в запасе час. Можно успеть.

Минуты через три к ней подошел полицейский. Помоложе, чем тот, лет, наверное, тридцати, загорелый, в форменной рубашке с короткими рукавами.

– Проблемы с двигателем?

Лиза кивнула.

– Думаю, обойдется... пусть остынет немного. Скоро поеду.

– Хорошо... а то у нас с местами туго.

– А что вы проводите? Скоростной контроль?

– Спиртовой контроль.

– Спиртовой?

Полицейский кивнул в сторону старенького вишневого «вольво-универсала». Трое парней, моложе Лизы, почти подростки, выгружали из багажника ящики с вином. Физиономии у них были, как на похоронах. Двое полицейских наблюдали за разгрузкой.

– Чересчур много спиртного тащат на праздник, – пожал плечами инспектор. – Если владельцы несовершеннолетние или везут очевидно на продажу, мы изымаем бутылки.

– А потом? Отдаете обратно?

– Нет... выливаем. К сожалению, – добавил полицейский с улыбкой и покосился на мотор: – Еще не остыл?

Лиза наклонилась над мотором и понюхала. Запах исчез. Только выхлопные газы от проползающих машин.

– Наверное, можно ехать... а там, подальше, такие же пробки?

– Немного лучше... Сами понимаете – Иванов день. Главный праздник после Рождества.

– Знаю... – вздохнула Лиза.

И с трудом встроилась в автомобильную очередь – спасибо водителю здорового кемпера. Тот притормозил, они обменялись взглядами, и он, улыбнувшись, сделал рукой приглашающий жест. Тут дело шло немного быстрее, но выше пятидесяти скорость не поднималась. Идти на бесконечные обгоны нет смысла – опасно. Да много и не выиграешь. Так что оставалось только расслабиться и держать минимальную дистанцию.

И не думать о Силасе.

До Боргхольма она ехала минут пятьдесят. Здесь пробка немного рассосалась, машины ныряли в примыкающие улицы, и она со вздохом облегчения – х-ху! – прибавила скорость. Осталось пятнадцать минут.

И что, без меня не начнут? Ритм-гитара... всего только ритм-гитара. Конечно, она охотнее всего не играла бы на танцах. Завязала же в свое время с детскими праздниками и провинциальными корпоративами. Уже несколько лет, как завязала. Но сейчас ей нужны деньги.

Без четырех минут два она свернула с главной дороги к поселку. Празднично убранная поляна совсем рядом, почти у воды. Найти не трудно – майский шест, напоминающий всаженный в мать-землю гигантский фаллос, виден издали. На поперечине, увитой цветными лентами, два венка. Два кольца, два яйца – символ оплодотворяющей мощи какого-то языческого бога, а какого – она не помнила.

Лиза выпрыгнула из машины, с удовольствием втянула носом свежий морской воздух, схватила гитару – наверняка расстроилась на такой жаре, но, скорее всего, сойдет – и опять посмотрела на шест. Березовые листья на обвивающих его ветках были еще ярко-зелеными, особенно там, где на них падало солнце, а венки на перекладине весело раскачивались под легкими порывами морского бриза. Народу было много, все приодеты – и дети, и взрослые.

И все жутко веселые. Подумать только – целая толпа богатеньких горожан на природе. Они просто обязаны веселиться. Это их долг. Лиза с трудом проталкивалась через толпу:

– Извините... извините...

Она повернула гитару грифом вперед, как пику, и люди шарахались от нее во все стороны, не прекращая прыгать и хохотать.

На другой стороне поляны стояли два пожилых человека. Один держал микрофон, а другой прижимал к животу немислимых размеров аккордеон. И не лень таскать такую громадину, успела подумать Лиза, и тут они ее заметили и закивали головой:

– Вот и аккомпанемент прибыл... это ты – Лиза Турессон?

Она кивнула, перекинула через шею гитарный ремень и встала с ними рядом. Провела большим пальцем по струнам и быстро подтянула колки.

Сойдет, сойдет, сойдет.

– Должны были начать в два, – сказал аккордеонист. – Ты же знала...

– На мосту пробка. – Лиза сверкнула глазом из-под челки. Постаралась, чтобы вышло убедительно.

– Выезжать надо пораньше... никогда, что ли, не слышала, что бывают пробки? Готова?

– А то...

Певец, который тоже поглядывал на нее со злостью, взял микрофон, и все его раздражение как ветром сдуло.

– Всем привет! Слышно меня? Вот и хорошо, добро пожаловать на наш летний праздник в Стенвике. Меня зовут Сю не, аккомпанируют Гуннар и Лиза. Мы будем играть, а вы будете танцевать, а потом все разойдутся по домам есть селедочку с молодой картошкой. Звучит неплохо?

Нестройный одобрителный хор голосов.

– Селедочку в горчичном соусе... М-м-м. – Он поцокал языком, и все опять засмеялись. – А теперь взяли друг друга за руки. Не стесняйтесь, ребята, смелей!

Странно, но люди послушались: взяли друг друга за руки и выстроились в цепочку.

– Тогда начнем с «Пасторского вороненка». Содержание вам известно: у пастора жил вороненок, он решил отправиться в путешествие, но вместо этого свалился в канаву...

Певец сосчитал: «Раз, два, три, четыре», и они начали – почти одновременно. Хоровод двинулся вокруг шеста. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Началось лето. Лиза начала зарабатывать.

Герлоф

Хороводы сменяли один другой. А Герлоф сидел на своем раскладном стульчике на лужайке и предавался грустным размышлениям. Все в мире происходит с опозданием. Солнцестояние выпало в этом году на четверг, уже прошло три дня, и, если верить научным выкладкам, осень уже ближе, чем весна. И сегодня день на несколько минут короче, чем был в четверг.

Ну и ладно, праздник все равно остается праздником. Люди улыбаются, обнимаются, женщины сплели красивые венки с цветами, несколько сот человек движутся широкими кругами вокруг майского шеста, подмигивающего желтыми и лиловыми глазками полевых цветов.

Герлоф не танцевал – куда с его ногами. Зато он проголодался на свежем воздухе и с удовольствием думал о предстоящем угощении дома. Маринованная селедочка, молодая картошка с укропом, синий лук, свиные ребрышки... что может быть вкуснее? И конечно, два-три шнапса он себе позволит. И пива выпьет. В общем, стоит ли горевать об астрономических проблемах, если с гастрономическими лучше некуда. У всех прекрасное настроение, веселятся и танцуют до упаду...

И особенно его радовало, что Юлия тоже с удовольствием пляшет со всеми. После загадочного и бесследного исчезновения ее маленького сына она очень долго не появлялась на Эланде. Герлоф много лет пытался понять, что же произошло, пока случай не навел его на решение мрачной загадки. В конце концов убийца, хоть и невольный, угодил в тюрьму, а Юлия... что ж, после двадцати лет неизвестности она наконец узнала судьбу сынишки, немного успокоилась и даже вышла замуж за вдовца с детьми.

Многих он не знал – приезжие, но одна семья была ему хорошо знакома. Клоссы, владельцы пансионата «Эландик Ресорт». Они стояли немного в стороне и не танцевали. Кент Клосс частенько мелькал в газетах – у него брали интервью, и он каждый раз настойчиво подчеркивал, как важен для Эланда туризм. А рядом его младший брат, Никлас. В старых джинсах и футболке.

И сестра Кента пришла. Темно-рыжие волнистые роскошные волосы, белое платье. Последний раз Герлоф видел ее в прошлом году она приезжала в марнесский дом престарелых и рассказывала историю семьи Клосс. Обитатели мужского пола поглядывали на нее, улыбались и флиртовали, хотя многим уже за девяносто. И Герлоф тоже, чего там

скрывать. Вероника Клосс... высокая, породистая. Она могла бы стоять на балконе замка и приветливо махать подданным.

Вокруг них дети, все мальчики, такие же загорелые, как и родители.

И Билл Карлсон никуда не делся – беспрерывно щелкал своим «Кодаком», потом подошел к Герлофу и улыбнулся.

– Что может быть более шведским? – спросил он, вытирая пот со лба.

– Шведским? – Герлоф тоже улыбнулся. – Это немецкий праздник.

Только не говори Цорну и Карлу Ларссону^[8].

– Неужели правда?

– Поначалу – да. Майский шест – столб, в него из лука стреляли. Вроде мишени. Потом стали украшать его цветами. Купцы рассказали шведам... а у нас тут в мае цветов еще нет, поэтому перенесли на июнь. А умники напридумывали всякое – плодородие, фаллос... Это для тех фаллос, кто ни о чем другом не думает.

– Ну, вот видишь... От военных забав напрямик к *flower power*.

– Иногда бывает. Лучше бы почаще...

– Я смотрю, ты интересуешься историей, Герлоф. Читаешь много?

– Да... интересуюсь. И своей, и общей.

Герлоф опять взглянул на Клоссов. Они выглядели так же расслабленно и естественно, как и другие, но для них этот день был очень важен, как и для всех, кто зарабатывал деньги на туризме. Предстоят шесть, а то и больше, недель напряженной работы. Туризм на Эланде – как бенгальский огонь, горит только летом, сгорает быстро, но искры летят во все стороны.

Танцы продолжались еще с полчаса, а потом настало время «ракет». Все встали кругом вокруг шеста, подняли головы к небу, затопали, захлопали и завывали. И так три раза. Почему-то это называлось «ракеты».

На том праздник и закончился.

Народ начал понемногу расходиться. У Герлофа никаких обязанностей не было, дочери все приготовили, но данное самому себе обещание привечать приезжих никуда не делось. Он посмотрел на нового знакомого, Билла из Америки:

– Значит, на велосипед и в Лонгвик?

– Да... прямо к столу.

– Может, хочешь выпить на дорогу? Как насчет рюмочки полынной?

– В другой раз... У меня от крепких напитков баланс не того... А ямки тут у вас попадают. Еще какие.

– Ну, что ж... в другой, так в другой. Лето впереди, – кивнул Герлоф.

Они пошли вместе по береговой дороге, их то и дело обгоняли спешащие к праздничному столу туристы. Девушки отбегали в сторону, срывали цветы ромашки и иван-чая, хотя этого делать не полагалось. Только после захода солнца, тогда удача обеспечена.

День летнего солнцеворота. Иванов день. Самый длинный день в году. Много может случиться... но, как правило, ничего не случается. Воздух полон любви – молодой любви парней и девушек, старческой любви к природе... Но потом наступает короткая ночь, и все.

Начинается обычная жизнь.

Билл и Герлоф расстались на перекрестке.

– Оставь телефон, – сказал Герлоф. – Мы как раз задумали починить ту самую шляпку, так что к концу лета, глядишь, и порыбачим.

– С удовольствием... Кстати, здесь еще есть старые американцы, они тоже с удовольствием. Если место найдется...

– Почему бы нет, – сказал Герлоф. – Хотя... что касается большого общества... в общем, я предпочитаю птиц.

Лиза

Через полчаса праздник закончился. Музыканты закончили песенкой про трех старушек из Нуры, которые собрались на ярмарку покататься на карусели, но перессорились и опоздали. После этого публика повыла в небо, похлопала, потопала и стала расходиться.

Музыканты выдохнули с облегчением, посмотрели друг на друга и начали собираться. От танцев остался только круглый след притоптанной травы. Лиза тоже выдохнула и сняла гитару.

– Хорошо работаешь, – одобрил певец.

– Спасибо.

Он кивнул в сторону поселкового ресторана:

– Ты вроде собираешься играть летом в их кабаке?

– Немного... в основном в «Эландике». В ночном баре. – И тут же вспомнила самое важное: – А как с деньгами?

– С деньгами?

– С кем говорить насчет денег?

– Только не с нами, – быстро сказал певец.

– Поговори с Клоссами, – успокоил ее аккордеонист из Лонгвика.

Да, конечно. Она сразу вспомнила – в агентстве ей назвали именно эту фамилию.

– Вон они стоят. Вероника и брат ее, Кент. Они и заказывали музыкантов.

В стороне стояла группка людей – четверо взрослых и трое подростков. Вид довольный, как и у всех, кто побывал на празднике.

Она положила гитару в свой «пассат» и вернулась. Только сейчас пульс немного успокоился, поездка и впрямь вывела ее из равновесия. А теперь она свободна. На сегодня – никакой музыки.

Только деньги, прошептал в голове Силас. Только деньги.

Лиза подошла к Клоссам и улыбнулась самой широкой профессиональной улыбкой, на какую была способна.

– Вероника Клосс? – обратилась она к молодой женщине. – Я Лиза Турессон, вы звонили...

Та, будто защищаясь, подняла руку. В ярких зелено-голубых глазах мелькнула улыбка.

– Это не я, – сказала она на ломаном шведском. – Я не мадам Клосс. Я Паулина.

Что за акцент? Какой-то восточноевропейский... импортируют дешевую прислугу, подумала Лиза, и почему-то ей стало не по себе.

Подошла вторая женщина – лет сорока, не меньше, но ни единой морщинки. Только рот словно бы взят в улыбочивые скобки.

– С праздником, Лиза, – сказала она. – Это я и есть Вероника, остальные только притворяются. И это я звонила. Спасибо за концерт.

– Ну что вы, – скромно сказала Лиза. – Я насчет оплаты.

– Конечно, конечно... Вы же у нас еще будете играть, правда? В ресторане и ночном клубе.

– Я буду здесь весь июль, – быстро кивнула Лиза, – но мне хотелось бы получить деньги за сегодня... стартовый капитал, так сказать, – неуклюже пошутила она и застеснялась.

– Само собой. – Вероника достала из бумажника две ассигнации по пятьсот крон, улыбнулась и протянула Лизе. – Квитанции не надо.

Пока они разговаривали, к ним подошел еще один из группки, тоже улыбнулся и протянул руку:

– Кент Клосс. Лобро пожаловать в нашу деревню. Хотите присоединиться к нам? Мы идем пить космо.

– Что?

– «Космополитан», коктейль. У меня на веранде. Очень вкусно.

Футболка и джинсы, одет как подросток. И возраст определить трудно – судя по лицу, среднего возраста, а улыбается, как мальчишка.

– Нет, спасибо, пожалуй, я откажусь. За рулем... – Она сделала жест, будто крутит баранку.

– И что? Праздник же...

Лиза еще раз профессионально улыбнулась:

– Нет-нет, спасибо.

– Значит, в другой раз, – пожал плечами Кент. – Лето только начинается.

Вероника Клосс достала из сумки ключ и махнула в сторону воды:

– Вы будете жить в кемпинге. У нас есть кемперы для служащих, близко к воде... немного примитивно, конечно, зато бесплатно.... И вид потрясающий. Вас устроит?

– Конечно, – сказала Лиза.

Она пошла к машине и опять почувствовала себя старой и усталой.

Кемпер. А она-то рассчитывала на красную хижину у воды, красивую и уютную.

Ну что ж... кемпинг в Стенвике и вправду расположен в нескольких десятках метров от моря, а красота просто зашкаливает.

Она въехала на территорию кемпинга. Палатки и кемперы поставлены совершенно произвольно, как будто никто и никогда не планировал. Где поодиночке, где группами. Никаких улиц, проходов, аккуратно постриженных квадратных газонов – камни и кое-где кусты. Кемперы порядком выгорели на солнце, но были и совершенно новые. Некоторые даже обнесены временным деревянным заборчиком.

Свой кемпер она нашла мгновенно – Вероника объяснила очень толково. Модель старая, пузатая, но ни ржавчины, ни грязи.

Лиза открыла дверь и заглянула внутрь. Маленькая комната с кухонькой в углу и спальенка. Тщательно прибрано. Она потянула носом – пахло моющим средством. Уборку делали совсем недавно. Никакой плесени.

Ну и хорошо.

Она села на узкую постель и достала мобильник. Надо позвонить Силасу, сообщить, что доехала благополучно, и спросить, как он себя чувствует.

Возвращенец

Ограда произвела на Возвращенца впечатление. Он, конечно, видел и повыше, но сделана на совесть. Крепкая ограда. Надежная.

Столбы, а между ними натянута зеленая сеть стальных тросов. Сталь была будто вчера начищена – сверкала под солнцем, и на каждой секции прикреплен плакатик: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Возвращенец, не торопясь, достал свою деревянную табакерку и положил в рот порцию снюса. Предупреждение для кретинов, а вот ограду стоит посмотреть повнимательнее. Три метра высотой... приблизительно три метра. Не под током, но по верхней кромке четыре ряда колючки. Налево спускается к морю, направо идет до густых лиственных посадок.

– Они что... всю территорию огородили?

Рядом с ним стоял Пекка со своей подружкой Ритой.

– Не-а... Ограду Клосс поставил только, где есть, что ограждать. Электроцентраль, грузовой причал...

Возвращенец молча кивнул.

– А вокруг Рёдторпа?

– Что это еще за Рёдторп?

– Хутор... к югу от гавани.

– Никогда не слышал. – Пекку похоже, Рёдторп не заинтересовал. – Но ограда и кончается к югу от гавани, где пляж.

– А подойти поближе можно?

Пекка кивнул:

– Есть ворота для машин, но там камера видеонаблюдения.

Возвращенец опять посмотрел на ограду:

– Вые оков а то для меня...

– А кто собирается ее перелезть? Есть другие пути... Пошли со мной.

Он повел их к лесу, где пришлось с трудом пробираться через кустарник и молодую поросль – посадками, похоже, никто не занимался. Ни с той, ни с другой стороны ограды. Возвращенец и Рита молча следовали за ним.

Возвращенец сжимал в кармане рукоятку пистолета.

Шагов через шестьдесят перед ними открылась небольшая полянка у ограды, и они увидели небольшую железную калитку.

Возвращенец подергал – заперта. Пекка, ухмыляясь, вытащил из кармана ключ:

– Я забыл его вернуть, когда меня вышибли.

Он вставил ключ в замок, и калитка открылась. Входи и выходи, сколько хочешь.

И никаких камер.

Пекка прошел первым, поднял руку и приложил палец к губам – здесь надо работать тихо. Заметно было, что он хорошо знает эти места, – быстро и уверенно провел их через посадки.

Дошел до тропки и остановился. Тропинка разделялась. Пекка поднял голову, словно вспоминая, и выбрал правую.

Чем дальше они шли по лесу, тем осторожнее становился Пекка. Он шел очень медленно и все время прислушивался. Но не останавливался. Через несколько минут Возвращенец услышал характерный шум прибоя, между деревьями вспыхнул яркий сине-серебристый свет. Море.

А прямо перед ними открылась не особенно аккуратно заасфальтированная площадка.

– Грузовой причал, – прошептал Пекка.

Он остановился и придержал Риту за руку, а Возвращенец пошел дальше. И вдруг с удивлением сообразил, что помнит эти места. Еще с детства. Помнит, но и не помнит....

Деревья новые, а земля и вода все те же. И запахи.

Под ногой хрустнул осколок стекла.

Он опустил голову и посмотрел – оконное.

В двадцати метрах от него усыпанная гравием площадка.

Здесь он и был, здесь стоял его хутор. Прошел какой-то великан, нечаянно наступил на дом, с отвращением отшвырнул ногой обломки и пошел дальше.

Он постоял несколько секунд и пошел назад. Хватит.

Прибавил шагу и вскоре наткнулся на помощников. Пекка и Рита сидели на корточках в кустарнике. У Пекки в руках был бинокль.

Возвращенец и без бинокля увидел стоящий у пирса корабль. Небольшая грузовая лайба, ржавая и, скорее всего, заброшенная. Нет, не заброшенная – на борту были люди. И у грузовых люков, и на мостике.

– Схема у меня есть, – сказал шепотом Пекка, – он зачалился два дня назад, разгрузился, а сразу после праздника уйдет... тоже с грузом. – Он ухмыльнулся.

Возвращенец промолчал.

Пекка кивнул – скорее всего, своим мыслям.

– Вот тогда мы и провернем это дело.

Они еще некоторое время наблюдали за лайбой. Жужжали назойливые

мухи. Возвращенец думал о виденных им в лесу обломках своего детства.

Земля обетованная, июнь 1931

В купе непрерывно и монотонно жужжат мухи, воющие свистки паровоза, повышаясь в тоне, летят вдоль поезда и исчезают где-то в оставленном ими Марнесе.

Арон много раз видел в альваре поезда, но сам никогда не ездил. Настоящее приключение: мчаться по острову всего в нескольких вагонах от огромного, роскошного, пышущего жаром черного паровоза с ярко-красными колесами и сверкающими маслом рычагами, с длинной трубой и забитым углем тендером. В степи густо зеленеет трава, будто пустыню, которую он видел в учебнике, выкрасили в зеленый цвет и понатыкали кустов тут и там. Арон высовывает голову в окно. В лицо бьет встречный ветер, в глаза иногда попадают частички несгоревшего угля, но он не обращает внимания, его поражает и радует, с какой быстротой мчится поезд, обгоняет идущие параллельно машины и автобусы.

Кое-где попадаются степные хутора с амбарами и коровниками, и тут же в памяти оживает картина прошлой ночи, когда обрушилась стена амбара. Грохот, клубы пыли – и тишина. Ни звука.

Стена так и лежала, как повалилась, – почти целиком. Но не плоско. Между земляным полом и стеной с одной стороны был просвет, похожий на вход в подземную пещеру. Арон стоял и словно парализованный глядел на эту черную плоскую дыру. И тут Свен положил руку ему на спину и подтолкнул.

– Лезь же... – шепотом прорычал он, потный и дрожащий от возбуждения и страха. – Лезь и возьми его деньги.

И он полз. Полз по холодной земле, ему было очень страшно: стена в любую секунду могла осесть. Оцарапал гвоздем лоб, пригнул голову и полз дальше.

К телу Эдварда Клосса, который лежал там, придавленный стеной. Совершенно неподвижно...

Арон поежился. Ему не хотелось вспоминать ту ночь.

Но Свен был в хорошем настроении. Они проезжали поля, хутора, где возились крестьяне, и он махал рукой чуть не каждому.

– Ты их знаешь?

– Откуда? Нет, конечно... но все рабочие мне как братья. Настанет день, и им тоже не надо будет возиться в дерьме.

После Каллегуты железная дорога делала резкий поворот на запад, к

Боргхольму. На подъезде к городу вновь показалось море, будто кто-то приложил к берегу синюю линейку в надежде выровнять горизонт. Арон и на пароме тоже никогда не плавал. Он вообще нигде не был. И на континенте не был. Жил на острове.

Каменное здание вокзала показалось ему огромным. Они вышли на привокзальную площадь и пошли по прямым улицам. Им попались двое в черных костюмах – они посмотрели на Арона и Свена, на их бедную одежду и о чем-то зашептались.

– Обо мне говорят, – тихо сказал Свен. – Они знают, кто я такой.

– Правда? Откуда?

Свен кивнул, плотно сжав губы.

– Думаешь, они забыли ту потасовку с кровососами? Иди умойся – физия вся черная от копоти.

Они идут к гавани. У причалов стоят несколько груженых дровами парусных лайб, небольшие паромы, а чуть подальше, на рейде, красуется во всем своем величии огромная шикарная яхта.

Они зашли в ресторан и съели по омлету – по два пятьдесят на человека. Свен взял себе кружку пива, а Арону – сидро.

Поле еды Свен достал из деревянной табакерки, которую ему в свое время отдал Арон, порцию снюса, засунул под верхнюю губу и мрачно посмотрел на принесенный счет.

– В новой стране еда бесплатно, – сказал он, когда они вышли на улицу.

– Ну да?

– Платят только те, у кого есть деньги.

В середине дня они уже сидели на пароходe, пересекая пролив. Арон все время оглядывался и видел, как медленно съезживается его остров, постепенно превращаясь в серо-коричневую полосу на горизонте. Остров как будто медленно тонул в море, и ему казалось, что вместе с островом тонет весь его привычный мир.

Юнас

За два года Юнас, оказывается, забыл, как здорово просыпаться у моря. Как будто ты космонавт – тебя усыпили и отправили на далекую планету, а там все другое: и воздух, и запахи, и звуки.

В день праздника он открыл глаза и услышал дыхание ветра и крики чаек, жужжание шмеля, бьющегося в оконное стекло, скрип велосипедов на береговой дороге... и самое главное – неумолчный, неравномерный ропот прибоя. Волнующий и успокаивающий.

Вилла Класс, подумал он.

Все эти звуки ему знакомы. Он опять оказался в солнечном, летнем мире, куда отец возил его почти каждый год с младенчества. Но теперь-то он уже взрослый. Ну, хорошо... почти взрослый. Двенадцать лет. И теперь он уже не живет с папой в большом доме дяди Кента, у него теперь свой домик, гостевой. Небольшой, конечно, – узкая комната с белыми стенами и натертым белым воском деревянным полом, зато свой. И у старшего брата Матса, и у двоюродного брата Каспера тоже... у каждого свой дом. Целых четыре недели он будет хозяином собственного дома.

Тетя Вероника, папина сестра, помогла ему постелить постель. Пришла с простынями и наволочками и оставила после себя легкий запах духов.

Красивое белое платье, а глаза такие же, как у папы, – серо-голубые. Юнасу очень нравилась тетка. Он даже соскучился – они не виделись уже два года. В прошлом году они не были на Эланде, а у тети Вероники не было времени заехать навестить их в Хускварну. Может, и вправду не было времени, но Юнасу всегда казалось, что тетя Вероника и его мама не особенно жалуют друг друга.

– А теперь управляйся сам, – улыбнулась тетя Вероника, надевая на подушку наволочку. – Здесь ты хозяин. Здорово, правда?

Еще бы не здорово. Никто не мешает.

Он сел в постели и выглянул в окно. Совсем рядом вода – плавательный бассейн. Метрах в десяти, не больше.

За береговой дорогой, под обрывом, темно-синяя сверкающая рябь пролива.

А над обрывом, почти на самом краю, – курган. Говорили, что это старый могильный курган и там появляются привидения. Не днем, конечно. Не при таком палящем солнце.

Юнас встал и натянул шорты.

Еще раз прислушался. Ни разговоров, ни звяканья посуды – ничего. Никаких звуков, кроме тихой многоголосой фуги островного лета.

Вчера, когда он пошел спать, празднование продолжалось. Впрочем, праздновали кто как: Мате с двоюродными братьями сидели на мостках у воды и ждали, не появятся ли какие-нибудь девочки, отец пошел в ресторан, тоже принадлежавший семье Клосс. Он был там за главного. А тетя Вероника и дядя Кент сидели на деревянной веранде, выстланной наподобие палубы, с аккуратными желобками между досками. С ними были муж Вероники, приехавший на пару дней из Стокгольма, и новая подружка дяди Кента. Юнас даже не знал, как ее зовут. Насколько он помнил, у дяди Кента каждое лето была новая подружка. Все они, как правило, были неразговорчивы, молча сидели за столом и вскоре исчезали.

Юнас чересчур устал, чтобы присоединиться к компании. Он лег в десять и быстро заснул под отдаленные звуки музыки, тихие разговоры и громкий, но все же приглушенный смех.

И проснулся с ощущением счастья.

Застегнул шорты, надел тонкую футболку, открыл стеклянную дверь и вышел на солнце. Было всего восемь утра, но солнце стояло высоко и жгло, как в полдень.

Два участка виллы Клосс. Камень, кое-где кусты и буйно растущая румянка. Раньше третьим участком, самым южным, владел отец, но потом дела его пошли не слишком хорошо, и участок он продал. Первое, что сделали новые владельцы, – поместили ревид: вкопали столбы и отгородились от виллы Клосс штакетником. В прошлом году штакетника не было.

Юнас захотел есть. Наверняка у дяди Кента в кухне найдется что-нибудь пожевать.

К монументальной вилле дяди Кента шла широкая, мощенная гранитными шестиугольниками дорога. Юнас посмотрел на бассейн – вода выглядела теплой и прозрачной, но в бассейне почти никто никогда не плавал.

У взрослых вечно не хватало времени, а Юнасу больше нравилось купаться в море. Настоящее купание на лоне дикой природы: скалы, водоросли и мелкие рачки, которые чувствительно щиплют за ноги, если долго стоишь на месте. Юнас как-то спросил у проходящего старика с клюкой, как они называются, и получил исчерпывающий ответ:

– Щипалки.

Он поднялся на обращенную к морю веранду-палубу. Эта веранда и

точно такая же в доме Вероники будут его рабочим местом в ближайшие недели. Ему предстоит отшкурить их и покрыть китайским маслом, чтобы не гнили и не темнели. Но не даром. Пообещали за работу тридцать пять крон в час – куча денег. Он согласился не думая.

Вилла дяди Кента была просто огромной, с панорамными окнами по всему фасаду. Юнас отодвинул стеклянную дверь на роликах и вошел.

Эта прохладная продолговатая комната с окнами во всю стену всегда напоминала Юнасу рубку космического корабля. Он, разумеется, никогда не был в рубке межпланетного корабля, но в кино выглядело очень похоже. Комната забита всевозможной электроникой. Маленькие лампочки в потолке с управляемым светом, огромная стереоустановка и еще более огромный телевизор. И стерео, и телевизор подключены к вмонтированным в стену метровым колонкам светлого дерева.

Справа у входа, рядом с новенькой беговой дорожкой, стояла красная сумка дяди Кента с клюшками для гольфа, а чуть подалее – вход в сверкающую чистотой кухню. Оттуда доносилось звяканье посуды.

Дядя Кент нанял служанку – то ли из Польши, то ли из Латвии. Она уже хлопотала вовсю. Выставила на разделочном столике все, что полагалось к завтраку: хлеб, масло, соки, яйца, фрукты, молоко и четыре сорта хлопьев.

Юнас устался на угощение. Хорошо, что он один, – дома к еде не подойдешь, пока Мате не возьмет все, что ему захочется. А тут – подходи и бери. Он взял голубую плошку, насыпал туда хлопьев, залил молоком и устроился на черном кожаном диване, самом большом. Отсюда видно все: и каменистый луг, и береговая дорога, и могильный курган на обрыве.

Через четверть часа стеклянная дверь поехала в сторону, и в гостиной появилась Вероника.

– С добрым утром, Юнас, – сказала она приветливо. – Как спалось?

С утра деловой вид: темный костюм, вишневые блестящие туфли.

Юнас поспешно проглотил хлопья и кивнул:

– Замечательно.

– А где Кент и Никлас?

Юнас пожал плечами:

– Я никого не видел, тетя Вероника.

– Бегают, наверное. – Тетя Вероника улыбнулась.

Зимой она жила в Стокгольме со всей семьей, с мужем и детьми – восемнадцатилетним Урбаном и Каспером; Касперу только что исполнилось пятнадцать. А на летние месяцы Вероника переезжала на Эланд. Именно она и была главным мотором в «Эландике». С конца мая до

начала сентября выходных у нее не было.

– Какие планы на сегодня, Юнас?

– Буду шкурить веранду.

– Не сегодня, Юнас. Сегодня праздник. Считай, что у тебя отпуск.

Хорошо звучит – отпуск. Не какие-то каникулы, а отпуск. Работать еще не начал, а уже отпуск.

Лиза

«Эландик» располагался в паре километров к югу от Стенвика и целиком принадлежал семье Клосс. Лизе предстояло работать в первую очередь там, в ночном баре, но иногда и в поселковом ресторане, тоже принадлежавшем семье Клосс.

На въезде стоит будочка с вахтером, а автомобильная дорога перегорожена шлагбаумом. И конечно, камера наблюдения – они теперь везде. Лиза почти физически ощущала ее холодный, будто ощупывавший глаз. Она сказала вахтеру, кто она такая, тот кивнул и открыл шлагбаум. Дальше дорога заасфальтирована. Проехала мимо рядов палаток и кемперов и спустилась почти к воде, к белому оштукатуренному зданию отеля «Эландик».

Лень летнего солнцеворота. А вчера был главный праздник, канун дня летнего солнцеворота. Сплошные вечеринки по всему острову. Но в «Эландике», само собой, и сегодня праздник. По крайней мере, в ночном клубе. Два диджея и две группы работают посменно, с раннего вечера до поздней ночи.

Сегодня – первое выступление Леди Саммертайм. Хорошо бы не облажаться.

Она даже не думала, что «Эландик» такой большой. Целый поселок, тщательно спланированный, с прямыми улицами и обширными газонами. Мог, наверное, вместить больше тысячи приезжих – они собирались на пляже, у бассейнов, на поле для гольфа, в отеле, в ночном клубе. Лиза осмотрелась – людей вроде не так много, а те, которых она успела заметить, двигались, как лунатики. Многие отсыпались после вчерашнего, а кто-то уже загорал на пляже, скрытом густыми лиственными посадками.

Она поставила машину на парковке у отеля. Четыре этажа с фасада, три сзади – здание выстроено на склоне над пляжем. И вид оттуда замечательный. Из кемпера тоже хороший вид, но похуже – между кемпингом и заливом несколько маленьких домиков. Бунгало, как их называют местные.

Лиза вынула кляссер для дисков и большую сумку с виниловыми пластинками и пошла в лобби. Там было прохладно. На известняковом полу – огромный аквариум с золотыми рыбками. За стойкой две блондинки, молодые, лет двадцати, не больше. Обе в голубых блузках.

Та, что поближе, улыбалась, и Лиза решила обратиться к ней. Подошла

и представилась.

– Значит, это вы Леди Саммертайм? – не переставая улыбаться, спросила девушка. – Клуб в подвале.

Она вышла из-за стойки и пошла впереди, но сумку и футляр с лисками Лизе пришлось нести самой.

Над входом в ночной клуб погашенная неоновая вывеска: БАР «МАЙСКАЯ ПОЭМА». Они прошли через гардероб. Клуб довольно большой. Барная стойка вдоль стены. Здесь было так же пусто, как и везде, но на полках уже стояли наизготовку бутылки, а в холодильнике со стеклянной дверцей охлаждалось шампанское.

– Затишье перед бурей, – опять улыбнулась дежурная.

– А что, по вечерам бывают бури?

– Народ отрывается по полной... В том июле по вечерам было не протолкнуться. В основном дети богатых родителей... со спортивными машинами и папашинной кредитной карточкой.

Лиза кивнула. Ей была хорошо знакома эта публика.

Будочка диджея у торцевой стены, рядом с дверью, а за дверью – лесенка в патио над морем. Пол для танцев, похоже, только что отциклеван – матово поблескивающее черное озеро. Немного пахло потом и спиртом – эти запахи в таких заведениях впитываются навсегда.

– А у тебя «Короткое лето» тоже есть?

Лиза непонимающе посмотрела на девушку.

– Ну, этот лот Тумаса Ледина, – пояснила дежурная. – «Короткое лето». Ты его играешь?

– Иногда.

Что поделаешь, люди млеют от старых мелодий.

Будка диджея заперта, но у дежурной была связка ключей. Она отцепила один и передала Лизе:

– Скажи, если что-то нужно.

– Спасибо...

Лиза открыла будку и проверила оборудование. Лве вертушки модели *Technics SL-1200*, изрядно потрепанные, зато вполне профессиональный миксер *Pioneer*, похоже, куплен совсем недавно. Световое оборудование, пульт, с которым она вполне могла управиться сама, дискотечный шар под потолком. И даже бескабельный микрофон.

– У нас и белый дым есть, – гордо сказала дежурная и показала на кнопку у самого пола. – Так что, если понадобится... вполне современная дымовая установка.

– Отлично...

Лиза любила спецэффекты.

Будка стояла на невысоком, всего несколько сантиметров, подиуме, почти как пасторская кафедра. Очень тесная, но они все такие. Во всяком случае, ей не доводилось видеть другие. Снаружи защищена плексигласом – от танцующих и от пьяных.

– А как у вас с охраной в «Эландике»?

– Круглые сутки. Летом. Во всяком случае, по ночам патрулируют. Кстати. – Левушка протиснулась в будку взяла ее руку и сунула под столик с оборудованием; Лиза нащупала большую круглую кнопку. – Нашла? Это кнопка вызова охраны, если что.

– Тоже неплохо.

– Будь как дома. – Левушка похлопала ее по спине и ушла.

Лиза поставила диски на пол, заперла будку и пошла к широкой стеклянной двери в патио. Тоже умно – сколько было несчастий из-за заблокированных пожарных дверей и отсутствия проработанной схемы эвакуации. Отодвинула ее в сторону, и сразу дохнуло летом и морем. Она поднялась на несколько ступенек. Пролив сверкал, будто выступал на параде. Легкий запах водорослей дополнял ощущение простора и сладкой истомы, какая бывает только тогда, когда человек хорошо себя чувствует.

Здесь, в патио, тоже стояли столики и стальные стулья вокруг огромного каменного гриля. Была даже барная стойка, украшенная бамбуком. Ни одного посетителя, но на многих столиках уже стояли таблички: «Заказан».

В двух шагах от отеля – пляж, бело-желтым серпом огибающий залив, а на севере – лес. Лиственный лес, отгороженный невысокой каменной стенкой. Стена хоть и невысокая, но в нее воткнуты столбы, а между ними натянута колючая проволока. От патио спускалась узкая каменная лестница на граничащий с пляжем тщательно постриженный газон, где уже воткнуты воротца для крокета.

Лиза спустилась и пошла к стене. Стены и заборы всегда возбуждали у нее любопытство. Там же ничего не было, кроме деревьев. Зачем тогда проволока?

Она подошла к стене и осторожно приподняла проволоку. Между стеной и колючкой образовался просвет, сантиметров тридцать – тридцать пять. Пролететь можно. Сначала ноги, потом все остальное. Колючки, казалось, оцетинились и так и норовили ободрать ей спину и затылок. Но ничего – обошлось.

И вот она в лесу. В заказнике, куда посторонним вход воспрещен. Роща небольшая, но старая, много трутовиков на стволах осин, мучительно

изогнутые дубы, заросли черной бузины. Сказочный лес, замерший в ожидании принцессы. Леди Саммертайм.

Далеко она не пойдет. От стены шла узенькая тропка, но это, скорее всего, звериная тропа, протоптанная косулями и зайцами. Лиза сделала несколько шагов, остановилась и глубоко вдохнула. Так спокойно было здесь... радостно и спокойно. Прислушалась к жужжанию насекомых и пению невидимых птиц, прошла еще несколько шагов, обернулась и поискала глазами «Эландик». Отеля уже не видно. Стена еще кое-где виднелась сквозь листву, но надо было приглядываться. Эландские леса довольно низкие, но деревья растут тесно, подлесок никто не убирает.

Где-то совсем рядом хрустнула ветка. Лиза насторожилась. Показалось? Нет, не показалось – этот звук ни с чем не спутаешь. И никакого движения. Серо-коричневые стволы, праздничная зелень листвы, легкое, почти незаметное качание веток под ветерком.

И узкая тропинка. Она постепенно становилась шире, а метров через пятьдесят привела ее на заросшую травой поляну. Сразу стало светлее. Лиза прищурилась и посмотрела на солнце – почти в зените. Отсюда уже были слышны смех и визг – пляж совсем рядом.

Шведское лето. Тумас Ледин прав – лето на Эланде короткое, но и более насыщенное, чем в других местах. Лиза была горожанкой, выросла в Фарсте^[9]. У родителей дачного домика не было, но тяга к земле наверняка уходила в прошлое на несколько поколений. Поэтому она с такой охотой и согласилась поработать на Эланде.

И деньги, конечно.

Она посмотрела на траву и тут же увидела след автомобильных протекторов. Может, даже и не автомобильных, а какой-то тяжелой машины, скорее всего харвестера, проехавшего недавно через поляну. А может, и грузовика, но большого.

Здесь когда-то был домик, но от него ничего, кроме фундамента и нескольких гнилых досок, не осталось, и водитель грузовика, или что это там было, не затруднился обогнуть руины. А дальше опять начинался лес, за которым просвечивало море и небольшой участок пологого берега. Несколько валунов уходили в море цепочкой, как построенный самой природой пирс.

Исчезнувшая идиллия. Когда-то в этом домике кто-то жил, и они, эти люди, могли хоть каждый час бегать к морю купаться...

– Что вы здесь делаете?

Она вздрогнула и обернулась. Посредине поляны стоял человек и пристально на нее смотрел.

Парень в сорочке и брюках, сорочка такая же светло-голубая, как у девушек в лобби. Высокий, худощавый, на потный лоб надвинута черная бейсболка. Он осмотрел Лизу с ног до головы и двинулся к ней широким шагом. Лиза заметила у него на поясе уоки-токи и сообразила: парень из охраны «Эландика». Молодой и решительный.

Она ничего не имела против охранников, но сидящая в ней бунтарка по имени Леди Саммертайм скривила физиономию. Парень в форме – фу, какая скука.

– Что я делаю? – переспросила она. – Я здесь работаю.

– Где – здесь?

– В «Эландик ресорт».

– Кем?

– Лиск-жокей в ночном баре «Майская поэма».

Он остановился в метре от нее:

– Вот как? Я вас раньше не видел.

– Я раньше и не работала, – сказала Лиза, передразнив его интонацию. – Сегодня первый вечер. Леди Саммертайм. Показать удостоверение личности?

Он некоторое время продолжал на нее смотреть, потом как-то сразу подобрел и расслабился:

– Я только хотел... – Он посмотрел через ее плечо, и взгляд его тут же изменился. – Черт, да тут кто-то еще...

Он замолчал. Лиза повернула голову в направлении его взгляда. Сначала ничего не увидела – только зелень листвы и блеск воды. А потом заметила, что на одном из уходящих в море валунов кто-то стоит, лицом к морю. Старик в рыбацком свитере, небольшого роста, с прямой, как у бывших военных, спиной.

Лиза опять посмотрела на охранника:

– Могу идти?

Он неохотно кивнул:

– О'кей, идите назад. Вам не полагается здесь быть.

– Это же земля «Эландика»?

– Эта частная земля Клоссов.

– Поняла.

Ей вовсе не хотелось с ним пререкаться. Она пошла по тропинке, но все же обернулась посмотреть, что делает охранник. Он тем же решительным шагом шел к старику на камне.

Фашист. Цепной пес. Чем ему старик помешал?

Она опять перелезла через стену, медленно и осторожно, чтобы не поцарапаться, и вернулась в отель.

И когда она уже отодвинула стеклянную дверь в ночной клуб, из леса донесся какой-то резкий звук. Обломился сук? Или кто-то пальнул пиротехнической хлопушкой?

Лиза задержалась на ступеньке, прислушалась, но звук больше не повторился.

Она пожала плечами и задвинула за собой дверь.

Возвращенец

Возвращенец стоял на камне, и тут появился охранник.

Валуны из его детства, цепочкой уходящие в море... это была несомненная глупость. Здесь его видно чуть не отовсюду.

Он так долго представлял себя эту узкую полоску берега, этот маленький пирс из валунов, так долго мечтал, как пройдет по этим камням, дыша воздухом детства, что просто не мог себе в этом отказать. Его хутор сровняли с землей, но валуны Клосс не осилил.

До этого вместе со своим солдатом Пеккой Возвращенец довольно долго наблюдал за грузовым причалом, но уж очень донимали мухи, да и ноги отсидел. Наконец встал, кое-как размял затекшие суставы, проверил, хорошо ли сидит на поясе «вальтер», поставил на предохранитель и пошел к воде.

Осторожно ступил на сухую, в старческих морщинах и складках, каменную спину валуна. Совсем ненадолго, на одну хотя бы минуту вернуться в детство. В детстве он прыгал с камня на камень, но сейчас, конечно, не под силу. Осторожно шел по узкой гряде, пробуя каждый шаг, – не дай бог оступиться и сломать что-нибудь.

Двенадцать шагов, и он дошел до последнего камня. Дальше – пролив с узкой полоской континента на горизонте.

Сияло яркое солнце, по морю прыгали мириады солнечных зайчиков, но вода вокруг была темной, полной теней, яркие лучи не достигали дна. Он поднял голову и посмотрел в сторону грузового причала – на баржу, за которой вел наблюдение Пекка. Она так и стояла у пирса, там кипела работа. Пластмассовые ящики с рыбой таскали бесконечной чередой – как показалось старику, в обеих направлениях, и с баржи, и на баржу. У причала стоял небольшой крытый грузовичок.

С другой стороны, с юга, слышались возгласы купальщиков, но самих не было видно – пляж скрыт изгибом залива. Раз он их не видит, значит, и они его не видят.

Весь остров словно запеленат в летнюю жаркую истому. Те, кто не купается, наверняка еще спят в своих коттеджах и палатках. А те, кто накануне вволю поспраждновал, пытаются заполнить провалы в памяти... С отвращением смотрят на дрожащие руки и чувствуют себя лет на десять старше. В такой-то солнечный день.

Грузовичок уехал. Моряки поднялись на борт, и Возвращенец тоже

решил – пора заканчивать.

– Эй! Вы, там на камне!

Он медленно повернул голову.

– Да, да, я к вам обращаюсь! Это частные владения!

На берегу стоял незнакомый молодой человек в голубой рубашке и черной бейсболке.

– Частные? – спросил Возвращенец, не трогаясь с места.

– Частные. Вы кого-то ищете?

Наверняка охранники первым делом задают этот вопрос, но здесь, на пустынном берегу, он прозвучал странно – кого может искать старик, неподвижно стоящий на камне и глазающий на море?

– Я жил здесь, когда был ребенком... – сказал он. – Стоял на этих камнях и охотился на щук с деревянной острогой... У нас здесь был хутор, прямо в лесу.

– Вот как... Но сейчас-то никакого хутора нет.

– Нет. Его снесли.

Охранник задумался. Он, похоже, не слышал его последних слов.

– А как вы сюда попали?

– Пешком.

– А предупредительных надписей не видели?

– Нет.

– А ограду? Как вы могли не видеть ограду?

Возвращенец покачал головой – нет, и ограду не видел. Поморщился и взялся за поясицу будто хотел ее потереть.

Нащупал рукоятку пистолета. Тот самый «вальтер», купленный у Эйнара Валла.

– Хутор тогда назывался Рёдторп, – сказал он. Вынул пистолет из-за пояса и держал за спиной, по-прежнему вроде бы потирая поясицу. – Лом у нас был небольшой, но построен на совесть, еще мой дед строил. Мы здесь и жили, с матерью и сестрой Гретой. И еще отчим, Свен. Но Свен мечтал уехать в другую страну, так что мы так и сделали... Пешком в Марнес, оттуда на поезде в Боргхольм, а там на паром...

– О'кей, – жестко сказал охранник. – Пора сходить на берег.

Возвращенец кивнул, неуверенно перешагнул на соседний камень и остановился:

– Ногу свело.

– Погодите, я вам помогу, – без энтузиазма сказал парень.

Возвращенец ждал его. С пистолетом за спиной. С пляжа по-прежнему доносились смех и женский радостный визг.

Пять шагов по камням, охранник встал рядом с Возвращенцем и протянул ему руку. Возможно, с удовольствием – почему не помочь немощному старцу?

– Держитесь за мое плечо.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил Возвращенец, не сводя глаз с шеи охранника.

Вынул пистолет, снял с предохранителя и прицелился.

Охранник схватился за уоки-токи, но было уже поздно.

Старик нажал спусковой крючок.

Грохнул выстрел. Охранник покачнулся, дернул ногой, будто ища опору, и повалился в воду Каскад брызг, маленький пенный водоворотик, и все закончилось.

Возвращенец проследил, как тело исчезло в глубине и успокоилась вода.

Огляделся и прислушался. Пистолетный выстрел скрыть трудно, наверняка кто-то слышал. Но понял ли, что это? Короткий, упругий грохот, без эха. Деревья заглушают звук, он знал это. В лесу выстрел не так слышен, как, скажем, на берегу.

Пекка услышал выстрел. Поднялся из кустарника с открытым ртом и медленно пошел к берегу.

Секунд через десять тело всплыло на поверхность, лицом вверх. Из открытого рта пузырилась вода, руки подергивались.

– Он жив, – прошептал подошедший Пекка.

Возвращенец вытянул руку с пистолетом, опустил под воду и выстрелил охраннику в голову, на этот раз почти беззвучно.

Пузырьки исчезли.

Все стихло. Лаже крики на пляже прекратились.

– Надо достать его из воды.

– Что?

Возвращенец не ответил. Никого. Похоже, никто не слышал выстрела. Если он что и умел, так это обращаться с трупами.

Согнулся, уцепился за пояс охранника и потянул тело к берегу:

– Помоги же!

Пекка медленно, как лунатик, вошел в воду и взялся за руки трупа.

Они вытащили тело на берег и отволокли в лес, где их не было видно.

– О, черт... – пробормотал Пекка. – Черт, черт, черт...

Возвращенец не обращал на него внимания. Стянул с трупа мокрую рубаху и брюки. Под кустами шиповника, всего в нескольких метрах, была старая канава. Он приказал Пекке вытащить оттуда большие камни. Канава

сразу стала глубже, и он закатил в нее обнаженный труп. Принес с берега большую охапку гниющих водорослей, забросал труп, чтобы заглушить запах, и завалил в несколько слоев камнями. Все это заняло довольно много времени.

Возвращенец отошел на шаг и постоял, оценивая свою работу. Могильный курган в лесу. *Труба*. Поменьше, чем на берегу в Стенвике, но все же курган.

– А ты... и раньше это делал?

– Не здесь, – спокойно сказал Возвращенец.

Он прекрасно знал, что будет происходить в могиле. Птицы не почувствуют запаха и не станут кружить над курганом, не будут привлекать внимание. Зато насекомые скоро обнаружат могилу. Может быть, уже обнаружили. Мухи проберутся между камнями и уже через несколько часов отложат свои яйца. Одежда им не мешает – не зря он ее снял. Из яичек вылупятся голодные личинки и тут же начнут жрать. Они быстро объедят труп, и тогда запах исчезнет. А через два месяца останется только скелет.

Но к тому времени его уже здесь не будет. Он посмотрел на море:

– Что с баржей?

Пекка вздрогнул – он не мог оторвать взгляд от кургана.

– Ее снимают с навигации. Будут там делать ресторан.

– Хорошо. Нам пора.

Возвращенец в последний раз посмотрел на свою работу и зашагал в сторону ограды – легким, пружинистым шагом, несмотря на возраст и несмотря на то, что только что убил человека. У него по-прежнему был *потенциал*.

Юнас

Ленивое воскресное утро. Уже не так рано, но почти никого не видно. Юнас стоял на веранде виллы и смотрел, что происходит вокруг. А вокруг происходило лето. Корабли и лодки в проливе, купальщики на пляже, то и дело проскакивающие по береговой дороге машины. Скалистые откосы переливаются красным и голубым. Маки и синец каким-то образом пробиваются сквозь камни и цветут почти что сплошным покровом.

Но что-то случилось. Лверь в дом за его спиной была открыта настежь, и оттуда слышался голос дяди Кента – он говорил с кем-то по телефону. Обычно голос его прямо сочился добродушием, но сейчас дядя был явно чем-то раздражен.

– Нет? Что значит – нет? Был утром или вообще не приходил? – Пауза. – Ага... значит, все-таки был с утра... значит, просто взял и удрал посреди рабочего дня? И в прошлом году тоже...

Опять пауза, на этот раз довольно длительная.

– Я все это знаю, – наконец сказал дядя Кент. – Прошлым летом он тоже отличился, но я решил дать ему еще один шанс. Вероника ему почему-то доверяет. Он сказал, что возьмется за ум, будет работать лучше... вот тебе и лучше.

Юнасу стало неудобно подслушивать. Он спустился с веранды и пошел по береговой дороге. В паре сотен метров в глубь острова располагался кемпинг, а по другую сторону – мостки для купания и пляж, где обычно собирались любители загорать. Принимать солнечные ванны, как они говорили. Летний народ.

Летний народ загорал на пляже у мостков, и чем выше поднималось солнце, тем больше этого летнего народа прибывало. На песке образовалась яркая мозаика из красных, синих и белых полотенец в окружении термосов, мячей, бутылок и корзин с едой. Зачем они таскают с собой столько барахла? Все равно ничего с ним не делают. Валяются на солнце и изредка лениво перебрасываются фрисби.

Юнас отмахнулся от назойливой мухи и посмотрел в другую сторону. Вилла Клоссов была последним строением в поселке, южнее не было ни одного дома, и береговая дорога становилась все уже. В паре километров на юг располагался «Эландик» с кемпингом и шикарным отелем, но его отсюда не видно, он скрыт целым рядом выступающих в море мысов.

Он пересек дорогу и скалу, круто обрывающуюся к морю. Прямо у

обрыва, напротив виллы дяди Кента, насыпан каменный курган.

Труба. Ей, наверное, не меньше тысячи лет.

Юнас замедлил шаг. Когда он был маленьким, он не решался подходить к могильнику близко, особенно если с ним никого не было. Издалека курган похож на большой валун, но если подойти поближе, сразу видно, что он сложен из сотен необтесанных, но старательно подогнанных друг к другу камней. Кто-то из взрослых говорил – бронзовый век.

И где-то там, под камнями, закопан гроб. Только не обычный, деревянный, а каменный. Настоящий саркофаг. Ему отец рассказывал. А камни навалили, чтобы могилу не разграбили мародеры.

До него донесся характерный треск двухтактного мотора. Темно-синий мопед «хонда», а на мопеде – его двоюродный брат, Каспер.

Касперу уже пятнадцать, ясное дело, купил себе мопед. Вернее, не он купил, а тетя Вероника ему купила.

Позапрошлым летом они оба ездили на великах, наперегонки, но теперь, похоже, про эти состязания можно забыть.

Каспер свернул к нему, остановился. Поставил ногу на землю и нетерпеливо газовал. Пришлось подойти.

– Хорош! – одобрил Юнас.

Каспер кивнул.

– Весной подарили... а ты чем занят?

Чем он занят? Ла ничем – стоит у кургана. Но надо что-то сказать.

– Камни считаю.

Каспер опять крутанул рукоятку газа. Юнас хотел спросить, будут ли они опять вместе играть, как тогда, но вовремя сообразил, что его кузен уже не пользуется этим словом – «играть».

– Камни считаешь?

– Каждый год отваливаются камни. Так что я держу их под наблюдением.

Самое интересное, что это правда: когда он в прошлый раз был здесь, от кургана отвалились три довольно больших камня, валялись в траве вместе с теми, что скатились раньше. И Юнас их сосчитал.

– Девять камней, – сообщил он и продолжил уверенно: – Когда отвалятся тринадцать, призрак получит свободу.

– Какой еще призрак?

– Тот, что в кургане.

Ему только что пришла в голову эта мысль, и он остался доволен. Неплохо придумано.

– И что он тогда будет делать? – спросил Каспер.

Его явно заинтересовало сообщение, поэтому Юнасу ничего не оставалось, как придумать продолжение.

– Что будет делать?.. – Он лихорадочно пытался найти что-нибудь пострашнее. – А вот что: видишь дома по ту сторону дороги? Призрак просыпается, ночью вылезает из кургана и заходит в каждый дом, в каждую комнату... Поднимает свой меч и во сне отрубает всем руки. Жертвы кричат от боли, кровь хлещет, а их отрубленные руки лежат на полу. Почти все выживут, но плавать уже никогда не смогут.

Касперу такая перспектива показалась надуманной.

– Нет, – сказал он. – С чего бы? А знаешь, что он будет делать?

Юнас пожал плечами. Не веришь – не надо.

– Он будет переселяться в их тела. Утром просыпаются – а они уже одержимые.

– Одержимые?

– Ну да. Я такой фильм видел, ужасняк. Называется «След зла». Там один демон переселяется в человеческие тела. Может свободно перепрыгивать из одного в другое. А когда он вселился, человек уже не волен над собой. Делает, что ему демон прикажет. А он всем приказывает стать серийными убийцами. Только полиция схватит убийцу, а демон уже в другого перепрыгнул. Так что его и поймать нельзя.

Юнас кивнул. Фильма он не видел, но быть одержимым демоном, похоже, еще страшней, чем остаться без рук. Он попытался придумать что-то еще похлеще, но в голову ничего не пришло.

Посмотрел на курган:

– А ты заметил, что все больше камней отваливается?

– Значит, он уже к выходу подбирается, – кивнул Каспер, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Но ты же можешь положить камни обратно.

– Так и сделаю, – кивнул Юнас.

На самом деле ему вовсе не хотелось трогать эти камни. Мало ли что...

Каспер несколько раз крутанул ручку газа, каждый поворот сопровождался коротким взревом мотора.

– Хотел рвануть в Марнес, – сказал он, даже не глядя на Юнаса. – У меня друзья в гавани. Может, там веселее.

И даже не спросил, не хочет ли Юнас к нему присоединиться. А Юнас и не собирался проситься – вот еще...

Каспер посмотрел на него:

– Можешь взять мою резиновую лодку, если пойдешь купаться. Она в

рыбарне. И насос там же.

– Ладно, – тихо сказал Юнас.

Стоя на одной ноге, Каспер развернул мопед и укатил. Юнас видел, как он проехал мимо поля для мини-гольфа, майского шеста и скрылся в направлении шоссе.

Юнас медленно отошел от кургана.

Дядя Кент обещал шикарное лето. Все будет супер, сказал он.

А он совершенно один на берегу. Когда Каспер укатил на своем мопеде, Юнас сразу понял, что предстоящий месяц будет мерзее не придумаешь.

Лиза

Солнце зашло за горизонт, а праздник продолжался.

Леди Саммертайм из своей высокой будки поглядывала на шевелящуюся массу, похожую на закипающую в кастрюле кашу. Воздетые к потолку руки, качающиеся спины, темные волны теней на полу.

– Лето любви! – крикнула она в микрофон. – Долгое лето любви!

Уже половина второго ночи, а в клубе все еще битком. Леди Саммертайм – главный распорядитель: ей подчиняются и вращающийся диско-шар, рассыпающий разноцветные блески, и бухающие басы – всё. Она – главная. Лиловый парик, желтая майка, черный лак на ногтях и такая же черная кожаная куртка. Она в жизни бы не надела такую одежду – но куда денешься: форменный мундир Леди Саммертайм.

Лиза пришла на работу в половине восьмого, повара накормили ее ужином. После этого наложилась грим, надела лиловый парик, покрасила ногти, и ровно в половине девятого Лиза исчезла: порог ночного клуба переступила Леди Саммертайм. Ни на кого не глядя, взошла на свой трон и поставила для начала диск со спокойной фоновой музыкой.

Поначалу никак не удавалось расшевелить публику: народ реагировал вяло, сказывались вчерашние излишества. Но часам к десяти начали подтягиваться люди из отеля и кемпинга с красными от солнца и выпивки физиономиями. Они, как по команде, шли к бару, заказывали пиво и косились в сторону ее будки.

В половине одиннадцатого она одновременно включила дискант и бас – так неожиданно, что многие вздрогнули.

– А теперь танцевать! – хрипло выкрикнула Леди Саммертайм, и люди, как ни странно, послушались.

Они уже достаточно выпили и двинулись на танцевальную площадку, поднимая руки со сжатыми кулаками, чтобы никто не заподозрил, что они плохо веселятся.

В одиннадцать часов в баре было не протолкнуться. Чуть не на каждом втором столике появились ведерки со льдом для шампанского. Лиза весь вечер, по-видимому единственная из всех, пила только воду.

В четверть двенадцатого на пол полетел первый бокал. Осколки разлетелись по всему полу, между стульев и высоких каблуков, но танцы не прекращались. Никто и внимания не обратил. В половине двенадцатого на пол полилось шампанское – парень, купивший бутылку за тысячу

четыреста крон, визжа и хохоча, поливал танцующих. Богатенький... это видно по раннему и ровному загару.

Веселье оказалось заразительным. Танцующие визжали от счастья, размазывая по лицам пузырящуюся жидкость. В воздухе замелькали кредитные карточки. *Шампанского]*

К полуночи в баре стало нечем дышать. Запах спиртного смешался с запахом пота. Танцевали без перерыва, в мокрых сорочках и топах на бретельках, волосы у женщин слиплись в мокрые пряди, косметика давным-давно испарилась. У Леди Саммертайм появилась группа поддержки. Несколько человек у подиума, на котором стояла будка диджея, качали поднятыми кулаками в такт музыке:

– *Саммертайм! Саммертайм!*

А она отвечала им:

– *Love you! Love you!*

Ровно в полночь она поставила ремикс Коули из *Ifeél love* с Лонной Саммер, включила стробоскоп и запустила дымовую установку. Подумав, спрыгнула на пол и пошла среди танцующих.

Пулеметные вспышки стробоскопа останавливали в движении потные тела, искаженные лица, нелепые позы. Она попрыгала со всеми, поднимая сжатые в кулаки руки, с кем-то пообнималась, получила предложение зайти в номер от какого-то парня в изначально белой сорочке, улыбаясь, покачала головой – Леди Саммертайм никогда не теряла самообладания – и вернулась в будку. Отключила дым и поставила *Situation* с *Yazoo*.

– *Саммертайм! Саммертайм!*

Выкрики, плавающие в воздухе руки, спотыкающиеся ноги, плещущие на пол напитки. Группа поддержки становилась все больше.

Леди Саммертайм перебирала виниловые диски и улыбалась безадресно, но призывно. И тут она увидела трех парней – они стояли в самом дальнем конце бара, в метре от стойки, чуть не прижавшись друг к другу Может, греки, а может, итальянцы. Они о чем-то перешептывались и поглядывали на публику. Она быстро смикшировала очередной танец и вновь поглядела в их сторону – парни уже исчезли. Были, и нет. Будто испарились в этом чаду.

Бутылки шампанского пустели, появлялись новые. Лиза краем глаза подсмотрела, как какой-то парень отсчитал несколько тысячных бумажек и протянул вахтеру – сдачи не надо!

Безумие. Летнее безумие.

Рядом с будкой появился охранник и помахал ей рукой. Она сняла наушники и наклонилась к нему.

– Поступили заявления, – сказал он заученную фразу. – Ты можешь прервать музыку? Надо объявить через микрофон, чтобы были повнимательней.

– Какое заявление?

– Не заявление, а заявления. – Охранник старался перекричать грохот музыки. – Несколько бумажников сперли.

Лиза взяла микрофон, поднесла его ко рту, но задержалась.

– Я видела недавно трех парней! – крикнула она в ответ. – Довольно загадочного вида.

Охранник уже собрался уходить, но остановился как вкопанный:

– Как это – загадочного?

– Не знаю, как сказать... масляные такие... типа мафиози. Волосы назад зализаны, белые сорочки.

– Поищем, – мрачно кивнул охранник.

Лиза прикрутила громкость, взяла микрофон и попросила веселящихся внимательнее следить за своими деньгами и драгоценностями.

На ее слова никто, как ей показалось, внимания не обратил.

Купальщики продолжали веселиться.

В половине третьего клуб закрылся. Лиза под конец запустила медленный старинный лот, чтобы дать танцующим прийти в себя и успокоиться.

– Спасибо всем! Я вас всех люблю, встретимся завтра!

На помощь пришли охранники, начали понемногу оттеснять людей к выходу. Довольно деликатно – никто не возмущался, ни у кого не испортилось настроение. Многие продолжали пританцовывать и за дверьми, прежде чем постепенно разбрелись по своим коттеджам, гостиничным номерам и кемперам.

Приезжие двинулись на остановку ночного автобуса. Но не все. Любители ночного купания гольшом пошли на пляж, а кое-кто решил поспать прямо на песке, загадочно серебрившемся в свете полной луны.

Бар опустел. Остался один паренек. Слишком молод для меня, решила Леди Саммертайм. Стал помогать собирать диски. Наверное, из богатеньких. Черный пиджак, ровный, какой-нибудь мальдивский или флоридский загар, такой же, как у того, что поливал всех шампанским.

– Ты меня не узнаешь?

– Пока нет... похож на кого-то. Из Стокгольма?

– Местный, – улыбнулся он. – Мы виделись, когда тебе ключи передавали. Урбан Клосс. Я хозяин всего этого... в смысле «Эландика».

– Вот как? – Пареньку самое большее двадцать. – И давно ты его

купил?

Паренек перестал улыбаться. Помолчал, переварил насмешку.

– Это семейное предприятие.

– Значит, не ты хозяин, Урбан, а твоя семья. Ты просто работаешь.

– Я шеф тут.

– Шеф чего?

– Ну... не шеф, заместитель шефа. Исполняю обязанности метрдотеля.

– Как скажешь...

Урбан опять заулыбался. Похоже, ему даже понравилась ее ершистость.

– Не хочешь в гольф поиграть? На следующей неделе открывается турнир...

Леди Саммертайм ядовито улыбнулась. К ней частенько приставали парни, но она, в отличие от Лизы, могла за себя постоять. Она покачала головой и зевнула.

– Мячей жалко... они такие хрупкие, зачем по ним палкой колотить. Сейчас соберу свои причиндалы – ив Стенвик, на боковую.

– Я тебе помогу.

– Спасибо, справлюсь.

– Я же сказал – помогу.

Он схватил тяжелую сумку с винилом. Леди Саммертайм пожала плечами, заперла будку и пошла к машине.

На парковке было полно народу Среди демократичных «вольво», «фольксвагенов» и «саабов» попадались «порше», спортивные BMW и даже один «ламборгини».

И ее старенький «пассат».

– Ну вот. – Урбан протянул ей сумку.

Она обняла его, по-дружески, конечно, но постаравшись, чтобы объятие вышло как можно более ироничным. Быстро села в машину:

– Спокойной ночи, Урбан.

С таким лиловым париком, как у нее, отшить парня – никаких проблем.

Последние два года у нее наладилось раздвоение личности, с чем она себя и поздравила. Одна из этих личностей, Лиза Турессон, играла на гитаре и боялась всего на свете – ос, змей и даже чаек. Зато другая, Леди Саммертайм, надевала лиловый парик, переворачивала диски, орала что-то в микрофон и буквально сочилась сексуальностью. Лизе нравилась эта отвязная девица.

Через четверть часа она въехала в спящий кемпинг в Стенвике. Здесь

было тихо, все спали, но в ушах у нее по-прежнему гремела музыка.

Без десяти три. Темно, только кое-где вдоль берега мерцают огоньки. Рассвет начнется не раньше чем через час. И ни единой души. Никто не видел, как она внесла свою большую диджеевскую сумку в кемпер, закрыла за собой дверь и задернула шторы.

Украденные бумажники лежали на самом дне. Пять штук. Она очень хотела спать, но все же не удержалась и пересчитала добычу.

В основном кредитные карточки, но и наличных порядочно. Три тысячных бумажки и несколько по пятьсот.

С утра пораньше надо поискать в бумажниках записки с пин-кодами и, если найдутся, быстро смотаться в Марнес и снять с банкомата деньги. Пока лохи не позвонили в банк и не заблокировали карточки.

А сейчас – спать.

И в четверть четвертого она уже спала. Глубоким, крепким сном без сновидений и угрызений совести.

Лиза здесь ни при чем. Бумажники сперла Леди Саммертайм. И деньги нужны вовсе не Лизе. Деньги нужны Силасу.

Герлоф

Праздники закончились, и многие на острове вздохнули с облегчением – прежде всего владельцы кемпингов и рестораников. И охранники, конечно.

И Герлоф успокоился. Стенвик как стоял, так и стоит.

Его молодая родственница, Тильда Лавидссон, тоже была довольна, может, даже больше остальных. Она работала в полицейском управлении в Кальмаре, но жила с мужем и ребенком на Эланде, у маяка, и, похоже, рассматривала остров как свой участок.

– Значит, с точки зрения полиции, все было хорошо?

– Не хуже, чем обычно. Без крупных эксцессов.

Герлофу понравилось это слово – эксцессы. Куда изящнее, чем, скажем, мордобой или поножовщина.

– И как же вам удалось обойтись без эксцессов? – с удовольствием повторил он.

– На мосту проверяли машины и изымали излишки алкоголя. Ящиками везут.

– И все? Ну, знаешь... кому позарез выпить, тот найдет. Если только захочет.

– Это правда... но мы не пропускали, кто уже перебрал. И, во всяком случае, крупных потасовок не было.

– Прошло спокойно?

– Совсем спокойно никогда не бывает. Кого-то избили, мелкие кражи, пару лодочных моторов сперли, пять или шесть пьяных за рулем... но да, ты прав. Спокойнее, чем обычно.

– Приятно слышать.

– И одно исчезновение, – вздохнула Тильда. – Охранник в «Эландике». Они уверены, что парень уехал на континент.

– Исчез? Как это – исчез?

– Мы его ищем, – добавила она и замолчала.

Герлоф знал, что больше она ничего не скажет. Ему иногда удавалось разговорить Тильду насчет ее работы, но до определенного предела.

– Скорее всего, Кент Клосс ему надоел, – решил Герлоф. – Ты же тоже скоро уедешь?

– С шестнадцатого июля я в отпуске.

– Желаю хорошо отдохнуть.

– И тебе того же.

Уместное пожелание. Знает, что говорит, – с подростками никогда не бывает спокойно. Тем более что Герлоф с ними один, и помочь некому. Еще пять дней до возвращения Юлии из Гётеборга.

Аудионом Ульрик вернулся в Стенвик сразу после праздников – последний раз подрегулировать новые уши Герлофа.

Остался доволен.

– Главное, не забывайте снимать аппарат, когда спите. И выключайте на ночь, экономьте аккумуляторы.

Он поскреб пальцем коробочку из-под аппарата и осмотрелся. Голубое небо, зеленые деревья.

– Вот здесь бы и работать...

Ульрик говорил очень тихо, себе под нос, но Герлофу показалось, что он кричит ему прямо в уши. Ясно и громко. Ляже слишком. Он много чего еще слышал: рев бензопилы где-то в одном из садов, тарахтение мопеда на береговой дороге и где-то в небе жужжание спортивного самолета, который он, как ни вглядывался, так и не обнаружил.

Мир внезапно приблизился. Будто кто-то годами исподтишка убавлял громкость, но потом это ему надоело, и этот кто-то одним поворотом повернул регулятор на полную мощность.

– Все слышу. – Герлоф, удивленно моргая, уставился на веселого аудионома. – Это нормально?

– А ваш собственный голос? – спросил вместо ответа Ульрик. – Не отдается в голове? Никакого эха?

– Немного есть.

Аудионом опять сел за компьютер, и через несколько секунд эхо заметно уменьшилось.

– Я установил четыре программы. Вы можете сами выбрать любую, в зависимости от ситуации. Скажем, хотите слушать пение птиц – одна программа. Разговариваете с кем-то – другая. Радио слушаете – третья. И наконец, если хотите прислушаться к далеким звукам.

– То есть если соберусь подслушать кого-то?

Ульрик улыбнулся:

– Вот именно. Соберетесь подслушивать – сразу включайте программу «сплетни».

Аудионом ушел, а Герлоф остался в саду. Вслушивался в давно забытые звуки и удивлялся могуществу техники. Он вернулся в потерянный мир.

Пронзительный вопль. Он чуть не подпрыгнул от неожиданности – но тут же вспомнил: любовный клич фазана. Гуляет где-то в лугах и зовет самочку.

Какие-то голоса... он повертел головой, пытаясь понять откуда. Ничего не видно – сосны и дубы за спиной. Значит, говорят где-то в лесу, может быть, за лесом, на берегу. Казалось, что совсем рядом, но это особенность острова: плоский ландшафт, ничто не мешает распространению звука, и иногда можно услышать голоса за несколько сот метров, если встать с подветренной стороны.

Он повертел регулятор на слуховом аппарате и немного устыдился.

Программа «сплетни». Режим подслушивания.

Удивительно, но и в самом деле он слышал теперь намного лучше. Слов на таком расстоянии различить он не мог, но ясно слышал два голоса: мужской и женский. Мужчина говорил спокойно, как бы объяснял что-то, а женщина отвечала быстро и возбужденно, но вполне дружелюбно. Близкие друзья. А может, влюбленные.

Он покрутил регулятор, но лучше не стало. А может, они и говорят не по-шведски? На каком-то другом языке?

Тоже может быть. Как Герлоф ни пробовал, слов не слышал.

Звякнул колокольчик у калитки, и Герлоф быстро подкрутил регулятор: его чуть не оглушили радостные вопли вернувшихся с пляжа внуков.

Юнас

Мате огляделся – проверил, не слушает ли кто из взрослых, наклонился к Юнасу и веско сказал:

– Ты в Кальмар не поедешь. Ясно?

Юнас сидел напротив, на кожаном диване дяди Кента. Хорошо бы возмутиться, но он не мог выдать ни слова.

– Нет. Не ясно, – пробормотал он наконец.

– Ты слишком мал для этого фильма. «Армагеддон» с пятнадцати лет.

Ну вот, очередной раунд проигран. В глубине души Юнас прекрасно все понимал, но на всякий случай продолжил:

– Мы же ходили на такие фильмы в Марнесе. И ты ходил, и я... купили билеты – и всех дел.

Мате отмахнулся от севшей на ухо мухи.

– Да, но одно дело Марнес, другое – Кальмар. Кальмар – большой город, там за этим смотрят. Контролеры спрашивают удостоверение личности. Как в «Системете». А у тебя его нет. Значит, просидишь весь сеанс на скамейке в парке. Или будешь шляться по Кальмару, где ты никого не знаешь. Такой вариант тебя устраивает?

Юнас медленно покачал головой. Матсу восемнадцать, Урбану уже девятнадцать. Ясное дело, они у него за спиной договорились пойти на взрослый фильм. «Детям до пятнадцати»... И Каспер с ними. Касперу можно, а ему, Юнасу, нельзя.

– Деньги за билет ты, само собой, получишь, – примирительно улыбнулся Мате. – Только... сам понимаешь: и отец, и дядя Кент, и Вероника должны быть уверены, что ты с нами, так что не показывайся им на глаза до нашего прихода. Поиграй с кем-нибудь.

Поиграть? С кем ему здесь играть? Ни одного приятеля в поселке. И как назло, никого в его возрасте. Либо старше, либо совсем малышня. Старшие в компанию не берут, а с малышами неинтересно.

В доме нигде не спрячешься, у взрослых пирушка, начнут бродить по комнатам... Хорошо бы исчезнуть, а потом появиться, перепрыгнуть во времени через три часа... если бы это было возможно, он так бы и поступил.

– Привет, привет!

Отец появился в гостиной и поглядел на устроившихся на диване сыновей – Юнасу показалось, что смотрит он с некоторым удивлением,

будто впервые их видит, хотя за последние годы они встречались не раз и не два. Несколько раз.

– Значит, кино в городе?

Юнас промолчал.

– Поедете на автобусе, Мате?

– На машине. Урбан поведет.

– О'кей. Значит, никакого пива.

Мате возвел глаза к потолку:

– А ты-то сам? У вас же сегодня вечеринка, выпьешь небось от души?

– Ничего подобного, – сказал отец, отводя глаза. – Что вообще за разговор? Ты меня хоть раз видел пьяным?

– Мать видела. Говорит, ты даже на свадьбу пришел поддатым.

Юнас молчал. Ему был неприятен этот разговор. Хоть бы тетя Вероника появилась, прямо сейчас...

Отец посмотрел на Матса:

– Это было давно. Вас еще и в проекте не было. В нашей первой квартире... мы тогда пировали круто, иной раз и с перехлестом. Кстати, Анита тоже не была такой уж трезвенницей. Тоже вытворяла дай бог...

– Не кати на маму...

– Я говорю, как было, Мате.

Юнас медленно, стараясь не обращать на себя внимания, встал с дивана. Никто, может, и не заметит. Он мелкими бесшумными шажками двинулся к стеклянной двери на веранду. Осталось только открыть дверь...

– Юнас?

Он остановился и повернулся. Где только отец нашел такую улыбку – словно приклеенная.

– Пошли искупаемся?

Голубое, даже синее небо, ни облачка, сухой теплый воздух, но Юнаса знобило. Ему было очень одиноко, хотя рядом с ним шел отец. Никакого кино в Кальмаре... Одиночество, одиночество, одиночество...

Они перешли дорогу и вышли на обрыв. Отец почти все время молчал. На секунду остановился около кургана и показал на камни:

– Многие думают, там клад зарыт. Но ты-то знаешь, что это древний могильник?

Юнас кивнул:

– Мы учили в школе. Бронзовый век. Между каменным и железным.

– Вот именно. Тут и лежит какой-нибудь вождь бронзового века. Знаешь могильник короля Мюсинга на юге острова? И здесь какая-нибудь

шишка, только помельче. Ты ведь не боишься могил?

– Нет. Не боюсь.

Во всяком случае, не сейчас, когда светит солнце и отец рядом. Подумаешь, могильник – чего там бояться? Но по вечерам он не любил здесь бывать. Начинало казаться, что эта безобидная куча камней – врата в какой-то иной мир и призрак похороненного в бронзовом веке воина появляется из могилы и превращает людей в зомби-убийц.

Они начали спускаться с обрыва по каменной лестнице, и тут отец что-то сказал. А что – Юнас не расслышал.

– Что?

– Как мама себя чувствует? – повторил отец.

– Вроде ничего... много работает в своей школе.

– Хорошо... хорошо, когда есть работа.

Похоже было, что он собирается продолжить монолог о матери, но Юнас поспешил вниз по выщербленным временем ступеням.

С общего пляжа доносились смех и визг, но на участке берега у виллы было пусто. Пусто и очень жарко. Волны осторожно ощупывали седые известняковые валуны. Немного южнее из воды торчали толстые деревянные шесты в ряд. Они шли наискосок от берега в море. Довольно далеко, метров сто, не меньше.

– Гляди-ка, они и в этом году поставили донные сети. Значит, угорь еще не перевелся...

В нескольких метрах от лестницы стоял большой кирпичный сарай, называемый по традиции рыбарней. Но там теперь хранились не сети и рыбацкая утварь, а пляжная мебель и купальные принадлежности. Сарай был заперт на висячий замок, но Каспер сказал ему комбинацию.

Желтая резиновая лодка Каспера была на месте. Лаже с пластиковыми веслами в ключинах. Воздуха за зиму поубавилось, и лодка выглядела довольно грустно. Каспер давно ею не пользовался, а Юнас, хоть и катался в прошлом году за год порядком вырос. Скоро лодка и ему будет мала.

Отец вытащил лодку на солнце:

– Хочешь погрести?

Юнас молча кивнул.

– Пожалуйста... только недалеко. Я помогу тебе ее накачать.

Пока отец накачивал лодку Юнас быстро натянул плавки. Ему очень хотелось проехать на лодке вдоль сетей и посмотреть, как в придонной зеленоватой тьме извиваются туманные тени попавшихся угрей.

А продолжать разговор с отцом... Рано или поздно он не удержится и спросит, почему тот угодил в тюрьму. Юнас знал, что что-то там было

незаконное. Деньги, таможня... что-то, о чем ни отец, ни он сам говорить не хотели.

Всю семью опозорил, сказал как-то Мате, когда они были вдвоем. Причем сказал так, будто главным было не то, что отец делал что-то противозаконное, а что он по глупости угодил в каталажку.

Возвращенец

Тени становились все длиннее и длиннее, а потом солнце скрылось за горизонтом, и день как-то сразу состарился, поседел, как волосы Возвращенца. Линия горизонта постепенно исчезла, и море на западе выглядело как постепенно темнеющий театральный занавес.

Люди в тени деревьев почти не видимы – серые тени.

Пора.

Пекка и Возвращенец проникли на обнесенную изгородью территорию «Эландика» с севера и двинулись на юг, стараясь идти лесом, чтобы их не увидели с берега. Это было и нетрудно, и безопасно – посадки шли почти до самой гавани. На парковке пусто. Рабочий день кончился.

– Ты как? – спросил Возвращенец.

– Нормально.

После убийства охранника Пекка притих. Глаза его беспокойно бегали, но он молча подчинялся указаниям.

Здесь, у самой опушки, они дождались темноты. Молча, не говоря ни слова, вышли на парковку и двинулись к пирсу в виде буквы «Г».

Возвращенец так долго наблюдал за этой лайбой, что чувствовал себя чуть ли не членом экипажа. Четыре человека, все иностранцы. Сегодня никакого движения не наблюдалось – они чуть не двое суток разгружали мешки и ящики, потом грузили что-то, и, очевидно, погрузка закончилась. Завтра собираются уйти в море. А сейчас, скорее всего, пьют пиво в баре и ни о чем не догадываются.

Но теперь их очередь.

Они быстрым шагом прошли по дощатому настилу – старик впереди, Пекка на шаг сзади.

Пекка после убийства охранника отказался от пистолета, но на всякий случай держал в руке только что заточенный топор. Возвращенец прятал за спиной свой «вальтер».

– Ну что, пора?

– Пора, значит, пора, – не слишком решительно кивнул Пекка и натянул маску с прорезями для глаз.

Возвращенец через силу – давал о себе знать возраст – прибавил шаг.

Они вышли на пирс. Пекка набрал номер на мобильнике, пропустил два сигнала и нажал кнопку отбоя – условный сигнал. Рита заводит подвесной мотор на катере, огибает мыс и подходит к лайбе со стороны

моря.

Таков план.

Темный, местами ржавый корпус. Ни звука.

Но плану осуществиться было не суждено: в чреве лайбы что-то затарахтело. Возвращенец остановился как вкопанный и прислушался. Сомнений не было – кто-то запустил двигатель.

– Черт! Надо возвращаться... – услышал он голос Пекки за спиной.

Старик молча покачал головой и двинулся вперед.

– Ты что, не понимаешь? Они все там! Решили не ждать до утра, отвалить в ночь.

Но Возвращенец будто и не слышал. Он даже ускорил шаг.

Подошел к трапу и оглянулся на Пекку – не отставай.

В рубке и вправду горел свет – экипаж на корабле. Из трюма вылез парень в замасленном комбинезоне с картонной прокладкой в руке. Вид у него был такой, будто он не спал три ночи подряд.

Они слышали натужный рев подвесного мотора – из-за мыса появился катерок с Ритой.

Матрос поднял голову, взглянул в сторону моря, потом на пирс – и обнаружил там людей. Он посмотрел на них скорее с удивлением, чем с подозрением.

Возвращенец подошел к пирсу.

– Привет, – спокойно сказал он.

Матрос открыл рот, чтобы ответить, и в ту же секунду глаза его потемнели от ужаса: Возвращенец поднял пистолет и приложил к губам палец левой руки.

Рита заложила крутой поворот. Катер летел к корме лайбы.

Три чалки, три толстых каната удерживали лайбу у пирса. Пекка поднял топор. Пять тяжелых ударов – и зачальный за чугунный кнехт конец троса соскользнул в воду. Перешел к следующему.

Возвращенец так и держал матроса под прицелом и что-то ему говорил – тихо, но внушительно.

Краем глаза старик увидел, как Пекка опустил топор. Готово. Чалки перерублены. Лайба начала медленно дрейфовать в пролив.

Возвращенец оглянулся. На пирсе по-прежнему никого не было.

Моряк не мог прийти в себя, вид у него был совершенно отчаянный. Он поднял перед собой руки, словно защищаясь, и медленно отступал.

Корабль был в их руках.

Земля обетованная, июнь 1931

А шестьдесят восемь лет назад корабль, на котором Арон отплывал в Новую страну, был тоже железный, но белый. И куда больше, чем все корабли, что он видел до этого.

Они приехали поездом из Кальмара. Поезд шел на север – через густые ельники, мимо гор и голубых озер – и наконец прибыл в самый центр столицы Швеции.

Вокзал был просто огромен и так забит людьми, что Арон поначалу решил, что здесь собрался весь город. Но нет, они вышли на улицу, и там было тоже не протолкнуться. Длинные, прямые, вымощенные мостовые, по которым сновали не только повозки и коляски с запряженными лошадьми, но и большие черные автомобили с шоферами в ливреях и шикарно одетыми господами на заднем сиденье.

– Стокгольм, – сказал Свен.

Арон знал название – в школе говорили.

– Столица Швеции, – подтвердил он.

В двух кварталах от Центрального вокзала они зашли в какой-то прокуренный пивной бар. Им подали обжигающий и, как показалось Арону, необыкновенно вкусный калопс^[10]. Утолив голод, пошли по магазинам – надо было кое-что купить в дорогу Свен зашел в скобяную лавку и купил большую, надежную с виду лопату и молоток.

– Со своими инструментами легче найти работу, – пояснил он Арону, и они пошли на пристань.

Мосты, мосты, вода, огромные дома, гигантский королевский дворец – Арон только успевал вертеть головой. По тесному, мощенному старинным булыжником переулку спустились к гавани, где, как и в городе, было полно народу.

– Вот он!

Арон поискал глазами – у пирса стояло несколько судов, больших и маленьких. Но Свен показывал на длинный белый пароход с огромной трубой, а на трубе на ярко-голубом фоне красовались выстроенные треугольником три желтые короны. Из трубы вился белый дымок. Вдоль палубы на релингах были вывешены разноцветные вымпелы, а над кормой развевался шведский флаг.

S/S «Кастельхольм»^[11].

– Это наш мост, – сказал Свен. – Мост к Новой стране.

Свен сиял – куда девались его злость и плохое настроение? Он вытащил из деревянной табакерки щепотку снюса и сунул в рот.

Они поплывут не одни – на палубе стояли как минимум два десятка пассажиров с чемоданами, рюкзаками, инструментами. Все держались бодро, спины прямые, головы высоко подняты – их ожидала новая, настоящая жизнь.

– Пора, – сказал Свен. – Пора в Новую страну.

У Арона по спине пробежал холодок. Может, из-за дувшего с моря знобкого ветерка, а может, испугался. Его ждала неизвестность.

И что там будет, в этой Новой стране?

Он покорно поднялся за Свеном и повернулся к Швеции спиной.

Герлоф

В понедельник вечером солнце медленно провалилось в тучи. На горизонте стояла сплошная дымная багровая стена, будто на континенте бушевал лесной пожар. Впрочем, Герлоф, старый моряк, знал, что никакой пожар на континенте не бушует. Такой закат – к дождю, к непогоде. Главное – не свистеть, свист привлекает штормы и грозы. Хотя то там, то тут уже безмолвно вспыхивали зарницы, словно демоны грозы договаривались между собой, где начать представление.

Нет, свистеть он не будет. И без свиста шума хватает: в доме дети. Дочери после праздника уехали, а детей оставили. В начале июля придет Юлия с мужем, у них начинается отпуск, а до этого Герлофу придется играть роль няньки. В такие моменты ему особенно не хватало жены, Эллы, – она управлялась с детьми куда лучше его.

Три мальчика. Старшему, Винсенту, уже девятнадцать, почти взрослый, он, в общем-то, помогал приглядывать за другими – шестнадцать и одиннадцать. Но все равно, у них был такой запас энергии, что Герлоф даже и припомнить не мог, был ли он сам таким же неутомным. Представить трудно.

Пришли еще какие-то друзья, они затеяли войну, носились вокруг дома с водяными пистолетами, потом сели играть в какие-то телевизионные игры – «Нинтендо», «Супер Марио»... кто их знает, как они там называются.

Или вообще смотрят телевизор. Герлоф к телевизору почти не подходил. Он помнил, как в шестидесятые годы установил первую антенну. Знакомый по евангелической церкви критически осмотрел работу и мрачно изрек: «Ты посадил дьявола на крышу!»

Герлоф молча страдал, но в голове созрел план побега.

– Я нынче переночую в рыбарне, – сообщил он за ужином.

Так раньше и поступали рыбаки, устав от домашних свар. Пойду ночевать в рыбарню, надо снасти проверить или что-то там еще.

– А почему, дедушка?

– Там... темнее. И потише.

Не мог же он соврать, хотя насчет «темнее» было полуправдой. Если не зажигать свет, в доме так же темно, как и в рыбарне.

Винсент кивнул. Уже достаточно взрослый, чтобы понять.

Так что после ужина Герлоф взял пижаму, бутылку с водой и пошел к

берегу. Ноги вели себя прилично, кресло-каталку можно оставить дома. К тому же его проводил внук. Опираясь одной рукой на трость, другой – на внука, Герлоф спустился к хижине.

Потянул носом – пахло жареным мясом и дымом. Где-то пируют... Грили расставлены вдоль всего пляжа, хотя наиболее требовательные мясоеды привезли свои.

В траве у дороги лежала пустая банка из-под пива.

Герлоф отодвинул ее палкой:

– Стокгольмцы... свиньи.

– Откуда ты знаешь, дед? Может, кто-то из Смоланда...

Герлоф с трудом нагнулся и поднял банку:

– Можешь бросить в ящик для мусора, Винсент?

– Конечно...

В мусорщики я еще гожусь, подумал Герлоф и усмехнулся.

Проходя мимо старой шлюпки, он обратил внимание, что кто-то с ней возился. Во всяком случае, гниль с бортов была счищена, кое-где рубанком. Должно быть, Ион. Или сын его, Лидере. Ничего удивительного – Ион привык держать слово.

Винсент отпер рыбарню. Лампа под потолком давно перегорела, внутри стоял сумрак, но Герлоф сразу увидел: обе раскладушки застелены. Или он сам их застелил? Он не помнил. Может быть.

– Здесь тебе будет спокойней, дед, – улыбнулся Винсент, снял с керосиновой лампы стеклянный абажур, поджег фитиль, подкрутил регулятор и поставил красивый стеклянный сосуд на место, тщательно закрепив его в кольце пружинистых лапок.

– Будем надеяться.

Винсент ушел. Герлоф не стал запира́ть дверь. Осмотрелся. Всё, как всегда, – раскладушки, сети, маленький столик. Сколько раз они с Ионом ночевали здесь, чтобы встать на рассвете и проверить сети... Сейчас он не собирался вставать так рано. До семи можно поспать, а то и подольше. Надо выспаться.

Он вышел на берег и постоял, наслаждаясь свежим морским воздухом. Вдохнул – выдохнул. Еще раз. Вечером воздух еще лучше. Тишина, какая бывает только в такие ласковые летние вечера.

И он сам посреди этой тишины.

Прислушался. С юга доносился какой-то звук. Еле-еле слышный, если бы не слуховой аппарат, он бы ни за что не услышал. Герлоф даже не сразу понял, что это. Потом сообразил: работающий на холостом ходу дизельный мотор. Судя по низкому регистру, довольно большой.

Корабль? Может быть... Где-то за мысом, потому что на воде пусто. Ни кораблей, ни лодок. Ничего.

Он зашел в рыбарню, запер за собой дверь и включил старенький радиоприемник.

Ночью на Эланде и Готланде пасмурно и безветренно, на рассвете кое-где могут пройти дожди.

Грозы, судя по всему, остались на континенте. А в четверг опять солнце.

Он разделся, облачился в пижаму и вынул из ушей аппарат. Еще две маленькие штучки, за которыми надо следить, – не дай бог, потеряешь. Было бы жаль, потому что аппарат начинал ему нравиться.

Последний раз посмотрел на медленно темнеющий залив. На горизонте под сплошным сизым покровом пробилась полоска багряно-алого света.

Темная, как кровь, подумал он. Нельзя сказать, что из-за этого мрачного сравнения его охватили недобрые предчувствия. Он видел такой закат сотни раз. Последний привет. Солнце закатилось, но его призрак тлел над горизонтом, как медленно обрастающие пеплом угли догоревшего костра.

Герлоф поставил на табуретку рядом с раскладушкой две маленькие чайные свечи в стеклянных подсвечниках, чтобы ночью не искать.

Медленно, покряхтывая, вытащил улитки слухового аппарата, выключил батарейки, улегся на раскладушку и закрыл глаза. Хорошо. Как будто он зачалил свою лайбу в каком-то диком заливе и пошел в каюту. Такая же узенькая койка, такая же близость к Создателю, такой же мир и покой в душе. Если ночью подует ветер, он обязательно проснется – профессиональная привычка, которая в обычной жизни совершенно не нужна.

За окном становилось все темнее. Теперь, без слухового аппарата, никаких звуков он не слышал.

Заснул Герлоф мгновенно и сразу увидел сон: будто бы он в яркий солнечный полдень сталкивает в воду новенькую, пахнущую смолой и краской шлюпку в залив.

И тут он проснулся. Но разбудил его не ветер. Его разбудил настойчивый стук в дверь рыбарни.

Юнас

Он парил в закате, а под ним шевелилась бездна.

Юнас лежал на спине в резиновой лодке, как будто на надувном матрасе. Впрочем, почему «как будто» – это и был матрас. Он лежал, положив ноги на овальную трубку борта, и смотрел на медленно темнеющее небо. Нал горизонтом уже можно различить разгорающиеся звезды.

Здесь он свободен. Один в море, как потерпевший кораблекрушение моряк.

Хитроумный план сработал. В начале седьмого Юнас сел в машину с Матсом и двоюродными братьями. У взрослых не возникло ни малейших сомнений, что все четверо едут в Кальмар в кино. Как бы не так: Юнас доехал с ними только до кемпинга в Стенвике, чуть ли не в пределах видимости с виллы Клосс. Там ему пришлось вылезти, и Мате вручил ему деньги за билет в кино:

– Развлекайся, братишка!

Двоюродные братья покивали, поулыбались, Мате подмигнул, и машина укатила.

Юнас смотрел вслед, пока они не скрылись из виду, и даже немного дольше. Покачал головой и побрел к мосткам. Там толклись любители вечернего купания. Он сел на камень. Его внимание привлекла девочка примерно его возраста, высокая, с длинными, почти белыми волосами. Она сидела на подстилке с двумя подругами. Левочки болтали о чем-то, смеялись... И она ни разу не посмотрела в его сторону. Ни разу. Словно бы он человек-невидимка.

Ну и ладно. Юнас встал и побрел назад. На пляже у виллы Клосс было пусто, ни души. Хорошее место, осталось только найти, чем бы заняться, чтобы время не тянулось так мучительно долго.

Искупался. Долго плавал, а потом лежал под вечерним солнцем, пока не обсох. Поискал, не найдется ли чего на пляже. Нашел пару пустых картонных пакетов из-под молока необычного вида. Поднял один – немецкое.

Еще раз искупался. Солнце висело уже совсем низко над горизонтом, и вода, как ему показалось, стала прохладнее.

Обсох, надел шорты, вытащил из сарая резиновую лодку Катера и надел спаежилет. Можно погрести немного, а когда зайдет солнце,

пробраться незаметно в свой флигель и лечь спать. Утром скажет: фильм замечательный.

Хороший план.

Он постоял на камне, удерживая лодку. Вода в проливе была глянцевой и спокойной. Ни ветерка. Никакой опасности. Хотя он знал – дно круто обрывается в нескольких метрах от берега, так что можно утонуть в двух шагах от спасительной суши.

Солнце зашло, и вода стала непрозрачной. Исчезло солнце, исчезло дно. Жутковато, но интересно.

Он столкнул лодку и начал грести вдоль берега. Весла маленькие и неудобные, но все же он добрался до места, где рыбаки ставили сети, и поплыл вдоль шестов. Где-то под ним колыхались водоросли, проплывали рыбы, громоздились камни – он, конечно, не видел все это, но чувствовал. Зов глубины.

Так он добрался до середины сетей, зачалил лодку за толстый деревянный кол и лег на дно. Загадочная черная бездна под ним, но вода по-прежнему напоминала зеркало. В ней отражалась лодка, сам Юнас, когда он перегнулся через борт, но что делается в пяти сантиметрах под поверхностью – различить невозможно.

Юнас улегся поудобнее на дно и наблюдал, как с каждой минутой темнеет небо. В просветах между облаками мерцали белые гвоздики звезд.

А они сейчас сидят в кино в Кальмаре, подумал он.

Они смотрят фильм, Мате и двоюродные. А он, Юнас, смотрит на звезды над островом. Странно, но зависти он не почувствовал, зависть уступила место покою и необычному чувству парения между морем и небом, почти невесомости. Сюда даже комары не долетали, и ничто не мешало ему наслаждаться новыми и необычными ощущениями.

Он закрыл глаза. Все спокойно, все темно.

Какой-то странный звук. Он поднял голову. Глухое постукивание, он не только слышал его, но и чувствовал через толстое резиновое дно лодки. То громче, то тише.

Катер, довольно большой, судя по звуку. Или баржа. Где-то в темноте завели дизельный мотор. Шум то нарастал, то становился тише.

Юнас протер глаза – оказывается, он задремал. Часов у него не было. Луна и звезды исчезли, ночное небо затянуто облаками.

Темень, хоть глаз выколи. Он посмотрел на юг, но и там было темно. Если это катер, то почему не горят бортовые и топовые огни?

Остров был еще темнее, чем море. Языки суши, окаймляющие залив, казались совершенно черными, если не считать россыпи огоньков в

прибрежных дачах.

Внезапно донесся смех – вечеринка у взрослых, должно быть, в самом разгаре. Отец, тетя Вероника, дядя Кент и все остальные... сидят на веранде, пьют вино и едят барбекю, с которым возились весь день.

Может, стоит переночевать в лодке? Они допьют вино, доедят мясо, вернется машина из Кальмара... а где Юнас? *Где Юнас? Кто-нибудь видел Юнаса?* И он ни с того ни с сего станет для них самой важной персоной. Куда запропастился Юнас?

Ладно, пока можно еще немного погрести. К дальнему концу сети, так далеко он никогда еще не забирался.

Он старался грести равномерно и не сильно, чтобы не устать. Ему показалось, что дно лодки стало холодней. Посмотрел на волю – теперь все черно. Если вдруг в лодке появится течь, вряд ли он доплывет до берега, даже в спасательном жилете.

У него закружилась голова.

Наконец он догреб до последнего кола, удерживающего сеть. Из воды торчал только невысокий толстый пенек – глубина здесь порядочная. Толстые канаты и стальные цепи-растяжки удерживали кол в стоячем положении.

Юнас отложил весла. Лодка продолжала скользить. Он ухватился обеими руками за шершавый кол. Ну что ж, раз эту орясину кто-то здесь поставил, значит, в мире есть и другие люди, кроме него. Он не один во Вселенной. Ловцы угря поставили придонную сеть еще в начале лета.

Он всмотрелся в черную воду Нет, сети не видно. А может, там уже сидят пойманные угри? В семье Клоссов копченый угорь появлялся на столе довольно часто, но Юнасу он не особенно нравился – слишком жирный.

Опять послышалось равномерное тарахтение дизеля. Все-таки лайба? Но по строгим правилам навигации должны быть зажжены опознавательные огни: правый – зеленый, левый – красный, один или несколько, в зависимости от груза, белых топовых. Но никаких огней, сколько он ни крутил головой, видно не было.

И опять тишина.

Юнас отпустил кол, и лодку тут же подхватило неведомое течение. Кол стал медленно отплывать в сторону. *Пока, столбик. Ло встречи.*

Он взялся было за весла, но раздумал. Зачем грести, если лодка плывет и так? Еще несколько секунд, потом надо возвращаться. Насколько он мог сориентироваться, лодка дрейфовала от берега. Ничего страшного, спасательный жилет на нем. Несколько секунд – и домой.

Вгляделся в темноту. От воды начал космами подниматься ночной туман, и если раньше ему казалось, что он что-то все же может различить в темноте, то теперь он просто ничего не видел, кроме белесой мути.

Внезапно ему показалось, что где-то у южного мыса скользит что-то большое и темное. Серая тень на воде, длинная и узкая, похожая на доисторическое чудовище. Лох-Несс. Морской змей или гигантский осьминог, поджидающий свою жертву в заливе...

Скользит или не скользит? Он зажмурился на секунду и снова открыл глаза. Чудище исчезло.

Он взялся за весла. Вдруг очень захотелось домой, но в ночном тумане он не был уверен, куда грести и как далеко он от берега. Где-то далеко мерцали слабые огоньки, но он вовсе не был уверен, что это окна прибрежных домов.

В борт плеснула волна. Еще одна. Странно – ни ветерка. Он прислушался и различил ровный шипящий звук, похожий на шум кильватерной струи за кормой.

Небо было по-прежнему черным, и в этой темноте он увидел дымный силуэт скользящего прямо на него корабля. И в этот момент огромная луна прорвалась сквозь тучи и осветила весь залив волшебным восковым сиянием. Вода и впрямь стала похожа на серебристую чешую морского змея.

Юнас лихорадочно схватился за весла, но было поздно. Корабль навис над ним, как гигантское стальное чудовище.

На носу была ясно различима надпись. Белым по черному. «ЭЛИЯ».

Запах солярки, глухо постукивающий в чреве дизельный мотор.

Никакого столкновения не произошло – его надувная лодочка была слишком мала. Струей рассекаемой воды лодку прижало к скуле корабля, и он потащил ее за собой.

У Юнаса похолодело в животе. Ему стало очень страшно. Лодка быстро набирала воду. Холодные струи переливались через надувной борт, похоже, что и дно повреждено, вода уже по колено.

Теперь он по-настоящему испугался. С трудом удерживаясь на ногах, встал на колеблющемся резиновом дне и попытался зацепиться за что-нибудь на корабле. На счастье, в руки ему попался причальный канат. Он свисал с корабля, как лиана. Его почему-то забыли выбрать.

Юнас вцепился в канат. Лодка тут же ушла из-под ног, закрутилась в воде, как желтый спасательный круг, и нырнула под корабль. Вот и конец надувной игрушке Каспера. Может, еще удастся спасти? Но если он отпустит канат, его тут же затянет под киль, точно так же, как лодку Он

висел на канате.

Но недолго. Надо что-то делать. Он подергал ногами, как кукла в театре марионеток, и нащупал какой-то выступ на корпусе, на уровне груди. Уперся в этот выступ, из последних сил подтянулся и ухватился за стальную трубку релинга.

Прислушался.

На корабле ни звука, только негромкое уханье двигателя и плеск волны о борта.

Юнас передохнул, еще раз подтянулся и перевалился через релинг.

Он стоял босыми ногами на стальной палубе. Замерз, но, во всяком случае, не утонул.

Выдохнул и осмотрелся. Где он?

Баржа. Не такая большая, как ему показалось из воды. Сетей не видно, но сомнений нет – рыбаки. Запах рыбы и солярки такой, что ошибиться невозможно.

Две рубки, похожих на домики, поменьше на носу, побольше – на корме. Между ними – большой люк грузового трюма. Тула, наверное, сваливают улов. Люк на замке. В кормовой рубке слабо светился круглый иллюминатор. Вот и все. Больше никакого света.

Юнас удивленно заморгал. Откуда он взялся, этот корабль? Он и раньше видел рыбацкие лайбы в проливе, но они никогда не подходили так близко к берегу.

Он постоял у закрытого люка. И что делать дальше? Идти к носу? Или к корме? Или остаться стоять?

Обошел приподнятый край грузового люка и двинулся к корме. Там действительно светился какой-то огонек, не так страшно.

Он мелкими шагами обогнул люк и увидел что-то круглое и темное. Поначалу показалось – футбольный мяч.

Но сразу понял – никакой не мяч. Голова. И шея, и сгорбленные плечи.

На палубе лежал человек.

Юнас замер.

Мужчина в темном комбинезоне. Рядом с большим грузовым люком был еще один люк, четырехугольный, для экипажа. Ноги мужчины так и остались в этом люке, словно он из последних сил хотел выбраться на палубу, но не смог.

А теперь он не шевелился. И кажется, не дышал. Лежал неподвижно.

И Юнас не шевелился. Он хотел потрогать его ногой, но как раз в эту секунду услышал жалобные стоны. В трюме кто-то стонал.

Там были люди, но голоса звучали как-то странно. Мучительные,

полузадушенные стоны. Юнас никогда не слышал, чтобы кто-то так стонал.
Он замер.

Все стихло.

Нет, не все – за спиной он услышал чье-то хриплое дыхание.

Резко обернулся – на него шел, спотыкаясь, высокий худой парень в джинсах и белой футболке. Голова свесилась набок, глаза пусто поблескивают в темноте. Он шел, как лунатик, чуть не споткнулся о край грузового люка, но удержался.

Живой мертвец. Зомби.

И тут он заметил Юнаса. Вытянул руки, прохрипел что-то на незнакомом языке и двинулся к нему.

Юнас попятился, повернулся, обогнул мертвеца и побежал вдоль релинга. Вода за бортом казалась маслянистой и черной, как чернила. Толкнул по пути узкую стальную дверь в капитанскую рубку – закрыта. И никакой рукоятки. Он попытался просунуть палец и подцепить небрежно приваренный к раме стальной лист – ничего не вышло.

Пойман.

Сипение слышалось все ближе.

Юнас почувствовал, как по ноге потекла теплая жидкость – он обмочился. Одновременно почувствовал, как стальную дверь кто-то сильно толкнул. Изнутри.

Дверь скрипнула и отворилась – так решительно, что Юнас отскочил от двери, присел, прижался к обшивке рубки и сжался в комочек. Еще один зомби?

Будь что будет.

Из рубки показался кожаный сапог, потом нога в джинсах и поднятые руки.

Руки эти сжимали топор.

Тоже молодой, худощавый парень, наголо бритый. Он, похоже, не заметил Юнаса – того прикрыла открывшаяся дверь.

Парень взмахнул топором.

Лезвие на длинном топорнице сверкнуло в лунном свете и вонзилось в грудь зомби. Тот упал совсем рядом с Юнасом, но тут же попытался встать. Еще удар топором. Третий, четвертый.

Наконец тело в залитой кровью белой рубашке застыло неподвижно.

И тут убийца заметил Юнаса.

Взгляды их встретились, и Юнас сразу понял, что он уже видел этого человека, эти беспокойно мигающие глаза, напряженную физиономию.

Точно, он видел этого человека.

Но в глазах парня не было узнавания. В них вообще ничего не было, кроме страха.

– Ты еще кто такой? – Он схватил Юнаса за плечо.

Юнас открыл рот, но не смог выдать ни слова.

– Кто ты такой? – повторил парень. – А где этот... шведский американец? Арон?

Юнас молчал.

– Где старик? – Он поднял топор.

Юнас вырвался и бросился к релингу. Сорвал висевший на стальной трубе спасательный круг и швырнул его в воду.

– Подожди! – отчаянно крикнул парень.

Но Юнас уже перенес ногу через стальную трубку.

Последнее, что он успел заметить, – за смотровым стеклом в рубке стоял еще один человек. Старик. Седые волосы. Очень бледное, как ему показалось, лицо.

Он зажмурился и прыгнул.

Вода показалась очень холодной и сразу потянула его в глубину, окружив кипением воздушных пузырьков. Он отчаянно заработал руками, вынырнул на поверхность и снова увидел корабль. Но на этот раз он удалялся. По-прежнему глухо постукивал дизельный мотор.

Юнас с удивлением обнаружил, что держится на воде без всяких усилий, – спасательный жилет никуда не делся. А в нескольких метрах на черной поверхности воды покачивался спасательный круг. Всего несколько гребков.

Теперь он мог держаться сколько угодно. Только бы не замерзнуть.

Он огляделся и заметил вдалеке у горизонта неподвижные огоньки. Они мерцали, как звезды, но он понял – это не звезды. Это Эланд.

Очень далеко, но это земля. Ему ничего не оставалось – только плыть в этом направлении.

Он начал отталкиваться ногами – ровно десять раз, по счету. Немного отдохнул – и еще десять. Еще десять.

Берег понемногу приближался. Теперь он уже мог различить, что это не просто огоньки, а окна в домах и редкие фонари.

Наконец он опустил ноги и почувствовал под ногами дно. Довольно острые камни. Но они показались ему мягкими, как подушка.

Берег.

За спиной что-то плеснуло. Он в ужасе обернулся. Никого. Только черная вода, никаких огней.

А может, мертвецы прыгнули вслед за ним в воду и теперь медленно

подбираются к берегу?

Он выбрел на берег, вылез из спасательного круга, отжал кое-как майку и шорты и без сил упал на траву.

Юнас очень устал, но страх, что за ним гонятся мертвецы, заставил его тут же вскочить на ноги.

Где спрятаться?

И где он находится? Остров большой, может, он выплыл километрах в ста от дома?

Берег был не очень крутой, значит, он где-то севернее залива – дальше к югу идут сплошные обрывы. На откосе рядами стояли рыбацкие хижины и сараи, но только в одной в торцевом окне теплился слабый свет.

Юнас пустился бежать, несколько раз споткнулся в темноте, но в конце концов оказался у двери.

Дернул за ручку, но дверь не открылась.

Он стал колотить кулаками в дверь и звать на помощь.

И дверь открылась.

Перед ним был не зомби, не псих с топором, а заспанный старик. Старик молча пропустил Юнаса в дом, в тепло и свет.

Юнас остановился. Вода с его одежды капала на мягкий лоскутный коврик.

Силы оставили его, и он опустился на пол.

Старик молча смотрел на него. Дверь осталась открытой, и в проеме вибрировал зловещий, засасывающий мрак.

– Закройте дверь... – прошептал Юнас. – Заприте! Они гонятся за мной...

– Кто? Кто за тобой гонится?

– Мертвецы...

Герлоф

Герлоф проснулся от странных толчков, решил даже, что ему приснилось, будто он лежит в подвесной койке на своей лайбе. Открыл глаза и вспомнил, что вечером решил спать в рыбарне: тихо, спокойно и никто не мешает. Вот тебе и не мешает – аж стены дрожат от ударов.

Землетрясение, что ли?.. Он с трудом поднялся с раскладушки. И, только сунув в ухо слуховой аппарат, сообразил, что никакого это не землетрясение. Кто-то колотит в дверь. И кричит тонким голосом.

– Иду иду, – проворчал Герлоф, натянул брюки и шерстяной свитер и пошел к двери. Не показываться же незнакомцу в трусах.

Из ночной тьмы в рыбарню влетел незнакомый мальчонка в спасательном жилете и насквозь промокшей одежде. Споткнулся на пороге и упал на лоскутный коврик.

– Ой, – растерялся Герлоф. Ничего другого в голову не пришло.

Мальчик поднялся на колени и с ужасом посмотрел на открытую лверь:

– Заприте скорее... они за мной гонятся.

– Кто – они?

– Мертвецы с корабля.

Герлоф, не возражая, закрыл дверь и повернул ключ в замке.

– Кто-кто? Кто за тобой гонится? О чем ты?

Мальчик на четвереньках отполз подальше от двери и вцепился в ножку раскладушки, не сводя глаз с двери. На Герлофа даже не взглянул – взгляд его был парализован ужасом. Герлофу показалось, что он даже не дышит. Прислушивается. Герлоф тоже прислушался. Тихий шорох полусонного прибора, ворчание потревоженной волной гальки. За ручку двери никто не дергает, никто не стучит, не рвется в гости.

Он постарался унять невольное беспокойство. Спросонья, что ли?.. Ему-то чего бояться?

Не торопясь, зажег керосиновую лампу. Тени по углам шарахнулись в сторону и исчезли.

Он шагнул к мальчику, но тут же остановился:

– Как тебя зовут?

– Юнас.

– И что случилось, Юнас? Можешь рассказать?

Наконец-то мальчик посмотрел на Герлофа, бегло, искоса, и тут же как

завороженный уставился на дверь.

– Там корабль... – почти прошептал он. – Большой... он шел прямо на меня, я еле зацепился... а лодка утонула... резиновая, – всхлипнул Юнас. – А там все мертвые. – Он помолчал. – Кроме одного. С топором.

– И он за тобой гнался?

– Призрак! – Мальчик повысил голос. – За мной гнался призрак, а другой ударил его топором. Он сражался с мертвецом!

Он всхлипнул, в глазах появились слезы.

Герлоф включил аппарат. Подождал несколько мгновений, подошел к мальчику, расстегнул спасательный жилет и уверенно произнес:

– Никакой это был не призрак.

– Призрак!

– Нет. И знаешь почему?

Юнас молча помотал головой.

– Потому что призраки боятся воды. – Он снял с мальчика темный от воды оранжевый жилет и продолжил: – Мой дед всегда говорил: увидишь привидение, спасайся на лодке. Так что это был не призрак. Это точно.

Мальчик с сомнением посмотрел на Герлофа. Он, похоже, немного успокоился, хотя время от времени с опаской поглядывал на дверь.

Герлоф подошел к двери и открыл ее – другого способа убедить мальчика не было. Тот за спиной тихо ахнул.

– Я только посмотрю, что там творится. И послушаю.

Конечно же ничто ему не грозит, но на всякий случай он прихватил с собой полутораметровый ортоцерас – окаменевшую копьевидную раковину вымершего миллионы лет назад моллюска. Давным-давно нашел на берегу. Тяжелая и зазубренная, как палица. С такой дубинкой ничего не страшно. Вышел и сразу окунулся в загадочную темноту теплой летней ночи. Под ним черной атласной бездной угадывалось море, слышалось его спокойное дыхание.

Шагнул в сторону от теплого конуса света от двери и взгляделся. Несколько тусклых огоньков по ту сторону пролива. Больше ничего.

Покрутил крошечное колесико на слуховом аппарате – настроил на более низкие частоты. Выпрямился и вслушался.

С пролива, откуда-то очень издалека, доносился странный звук. Герлоф узнал это глухое постукивание – то самое, что он слышал перед сном. Но только теперь звук шел с севера. Удалялся. Он снова покрутил колесико, надеясь увеличить громкость, но звук, и так уже еле слышный, пропал окончательно.

Герлоф подождал пару минут и услышал, как ласковое бормотание

моря прервалось несколькими глубокими вздохами: волна от прошедшего судна доползла до берега. Судно прошло, а след его остался, хоть и задержался во времени.

Он зашел в хижину и запер за собой дверь.

– Никого, – улыбнулся мальчику. – Никаких призраков и никаких привидений.

Юнас молчал.

– Меня зовут Герлоф.

– Я знаю. Вы дедушка Кристофера.

Ага, вот это кто... теперь и он узнал мальчика. Товарищ по играм самого младшего внука, Кристофера. Видел его совсем недавно, на празднике.

– Так ты Юнас Клосс?

Мальчик кивнул и вновь покосился на дверь.

– Он рубил мертвецов топором... – Юнас задумался. – А еще он спросил про какого-то старого американца... «Где шведский американец? Где старик?»

Шведский американец?

– А ты узнал его... этого, с топором?

– Не знаю... – Мальчик покачал головой. – Не знаю, как его зовут.

Герлофу ответ показался странным.

– Не знаешь, как зовут... Но тебе он знаком?

– По-моему да... где-то я его видел.

– Где?

– Не помню.

Мальчонка опустил глаза и как-то весь съежился.

Герлоф решил не давить на него – паренек и так натерпелся. Только сказал тихо:

– Но вот ты пытаешься вспомнить, я вижу... и что тебе приходит в голову? Про что ты подумал, когда его увидел?

Юнас поднял на него глаза, наморщил лоб и неуверенно произнес:

– Про Африку...

Возвращенец

Дизельный мотор замолк. Внезапно на корабле настала полная тишина, такая же загадочная, как и тишина окружающей ночи. Теперь они стали частью этой ночи. Лайба дрейфовала в этой тишине очень медленно, еле заметно, но для старика с уставшими руками и ржавыми, негнуцимися суставами пересечь в катер – задача нелегкая.

Возвращенец бросил в катер мешок с добычей, затянул на запястье гибкий пластиковый шланг, перелез через релинг и встал на скользкий бак. Катер заметно покачнулся, но он устоял на ногах. На какую-то секунду ему показалось, что суда сейчас разойдутся от толчка и он полетит в воду, но Рита, оказывается, умела обращаться с мотором: она чуть прибавила обороты, – и катер словно прилип к шершавому борту лайбы.

Он ухватился за край ветрового стекла и спустился в кокпит, не отпуская шланг. Катер медленно отошел от борта. Единственное, что связывало их теперь, – тонкая виниловая трубка.

Рита правила молча, она выглядела собранной и спокойной. С ее парнем дело обстояло похуже – сгорбился на шканцах и бормотал что-то про себя. Окровавленный топор он, не успев спрыгнуть в катер, выбросил в море, подальше в темноту.

– Черт... черт... – повторял Пекка шепотом.

Возвращенец сел рядом и положил руку ему на колено:

– Пекка... погляди на меня.

Пекка поднял голову.

– Черт... – Губы его дрожали. – Они все мертвы.

Возвращенец кивнул:

– Да... и нам надо поскорее замести следы... осталось последнее дело.

Пекка растерянно заморгал:

– Мы их всех укокошили... весь экипаж.

Возвращенец взял его за руку – ладонь ледяная. Знакомое состояние. Шок. Едва ли не каждый солдат испытывает нечто подобное, убив первого в своей жизни человека. Теперь важно сосредоточиться на деталях, не размышлять. Давным-давно, когда он только ступил на эту дорожку старался думать только о своем оружии – почистить, смазать, привести в боевую готовность. Разобрать, проверить, собрать. И ни о чем другом. Помогало. Тогда помогало.

– Они что, там... поотравились все, что ли? Там, в трюме...

Возвращенец неопределенно помотал головой. Ответа на этот вопрос у него не было.

– Сами виноваты, – произнес вяло и протянул Пекке конец шланга. – Пора кончать с этим. Займись делом.

Пекка поднял голову. Другой конец шланга уходил в грузовой люк. Дрожащей рукой он принял шланг, закрыл глаза и нажал маленькую кнопку.

В чреве лайбы раздался глухой, но очень сильный удар; ему показалось, что содрогнулся и завибрировал весь окружающий их ночной мрак. Из трюма послышалось журчание – откуда-то из глубины, во всяком случае ниже ватерлинии.

Возвращенец перевел дыхание:

– Порядок. Уходим.

Рита прибавила газа. Было уже заметно, как судно наклонилось. Возвращенец разместил заряд в переднем отсеке, и нос тонул, сначала медленнее, потом все быстрее и быстрее. Корма с винтом поднялась в воздух, и через четверть часа лайба беззвучно ушла под воду если не считать шипения вытесняемого водой воздуха.

Всё. Масляно-черная вода. Еле заметные огоньки на берегу. Рита вывела подвесной мотор на полную мощность. Пора домой.

Черная тень берега росла на глазах. Издалека остров казался мягким и уютным, но по мере приближения все явственнее вырисовывались острые скалистые уступы.

Ряд небольших заливов между Стенвиком и «Эландиком», в одном из них лодочная стоянка. Похоже, обошлось.

Возвращенец сунул руку в пакет, достал оттуда два рулона ассигнаций и сунул каждому в задние карманы джинсов.

– Этого пока должно хватить. Скоро увидимся.

Пекка молча кивнул. Он, похоже, немного успокоился.

– А этот пацан на лайбе? – вдруг спросил он. – Откуда он взялся?

Возвращенец уставился на Пекку:

– Пацан? Какой пацан?

– А ты не видел? Он словно ниоткуда возник. Там, у грузового трюма. Я тебя искал, а тут он стоит. И еще один за ним, и еще... живые трупы. Ну, я взял топор и... в общем, взял топор и...

– Успокойся, – тихо, но с угрозой сказал Возвращенец. Катер шел на свободном ходу и как раз в эту секунду царапнул днищем по каменистому дну – Пацан этот... он тебя видел?

Лодку тряхнуло, и Возвращенец уцепился за релинг.

– Видел, конечно, он от меня в метре был, не больше. Прямо передо мной. И люк рядом. Черт его знает, откуда он взялся. Хотел поймать, но он прыгнул через релинг...

Рита заглушила мотор:

– Но на тебе ведь была маска?

Пекка смущенно покачал головой:

– В тот момент не было... пот глаза заливал, я ее снял, на фиг.

Возвращенец встал и обвел взглядом берег:

– А ты знаешь, кто это?

– Не-а.

Возвращенец тяжело выпрыгнул из катера, придержал его за носовой высокий релинг и тихо сказал:

– Езжай домой прямо сейчас... и никуда не высовывайся. На улице не появляйся.

Пекка закивал. Он только сейчас осознал серьезность положения. Его видели на месте преступления. Мало того – не только на месте, но и в момент совершения преступления.

– А ты? – спросил он. – Ты тоже домой?

– Ломой?

– Ну да... в свою Америку?

Возвращенец не ответил. Посмотрел на темную воду пролива и вспомнил море своего детства. Того далекого времени, когда он еще верил в будущее.

Земля обетованная, июнь 1931

Арон оставил Свена в каюте. Что он мог еще сделать? Отчим лежал на койке, и тощее его тело сотрясали судороги. Голову держал над эмалированным горшком. Вонь невыносимая. Дышать нечем.

В недолгие промежутки между приступами рвоты Свен бормотал что-то неразборчивое. Арон различал только отдельные слова. Что-то про семейство Клоссов, каменные блоки, падающие стены...

– Ясно, последнее слово всегда за тобой... он-то как столб каменный... шел бы домой, не поднял на него руку...

Похоже, Свен в бреду воображает, что он на Эланде, на берегу в Рёдторпе... Как же, разбежался. Он в тесной каюте, на длинном белом пароходе «Кастельхольм», а длинный белый пароход «Кастельхольм», выпуская клубы черного дыма, пересекает бурное море.

У них своя каюта, одна на двоих, но Арон старается там не бывать. Никакого желания нюхать блевотину. Он все время на палубе. Или в рубке: он подружился с капитаном, и тот позволил ему смотреть, как легко и ловко он управляет огромным пароходом.

Поначалу Арону все было интересно. Он бродил по пароходу смотрел на огромную черную трубу, на укрепленную на ней совсем тоненькую трубочку, из которой внезапно выстреливало облачко белого пара, а потом раздавался протяжный вой, от которого по коже бежали мурашки. С палубы в машинное отделение вела узкая железная лестница. Люк был почти всегда закрыт, но иногда его открывали, и тогда можно было видеть, как ходят взад-вперед лоснящиеся от смазки шатуны, как крутится гигантский маховик.

Свен поначалу тоже бродил по кораблю, потом шел на нос и, лержась обеими руками за шершавый релинг, смотрел на море. Но на третий день начало штормить, волны становились все выше и выше, море покрылось прозрачным кружевом пены. Началась качка, и Свен помчался в каюту. К горшку.

А Арон проводил целые дни на палубе, часами смотрел на пенящуюся воду на мутное небо, где за тучами иногда появлялось неяркое призрачное пятно солнца. Берега не видно, ни одного корабля. Только волны, ряд за рядом, разбиваются о ныряющий нос парохода. Конца не видно.

Он уже не мог сосчитать, сколько дней они в море. Лишь бы добраться до цели. Выйти на сушу, неважно какую. Он чуть ли не ощущал запах

свежевспаханной земли.

Холодный, пронизывающий ветер. Тяжелое кряхтение и сопение паровой машины в трюме, но Арон уже потерял к ней интерес. Солнце и ветер... напоминает немного хутор, хорошо бы только еще земля была под ногами.

Он ждет. Ждет и тоскует по земле.

Тяжелые шаги за спиной.

Свен все-таки заставил себя выйти на палубу. Качнулся, ухватился за короткую мачту, чтобы не упасть, и глубоко вдохнул холодный морской воздух.

– Скоро мы доберемся? – спросил Арон.

Свен вздохнул:

– Что ты, как дятел, долбишь одно и то же? – Подавил рвотный позыв. – Землю видишь?

Арон присмотрелся повнимательней и покачал головой.

– Когда появится, увидишь. Еще не появилась. Скоро.

– А маме напишем? Как приедем?

– А как же. Когда приедем. Если ты найдешь карандаш, бумагу, все что нужно... марку купишь.

– Обязательно найду.

– Если это нам по карману.

– Тебе все не по карману.

Арон решил твердо – как только он ступит на сушу, сразу купит бумагу, карандаш, марку и напишет матери. Сколько бы это ни стоило.

– А долго мы там будем?

– «Будем»? Что значит – будем? Мы едем работать, а не «быть». Не болтаться без дела. Не меньше года. Надо встать на ноги.

– А потом поедem домой?

Свен снова вздохнул:

– Когда поедem, тогда и поедem. Отстань.

Корабль подняло на волну, нос задрался и косо провалился, как в бездну Свен повернулся, еле удержал рвотный позыв и на подгибающихся ногах побежал в каюту.

Арон остался на носу. Смотрел на море и ждал, когда же на горизонте появится Новая страна.

Герлоф

Солнце вошло над островом в половине пятого. Обычно Герлоф вставал с рассветом, но на этот раз проснулся только в начале восьмого. Поморгал, посмотрел на старые сети, развешанные на противоположной стене, и сразу вспомнил – истерический стук в дверь и промокший, перепуганный мальчик, влетевший в рыбарню, едва он успел открыть. Уж не приснилось ли?

Нет, не приснилось. Под потолком висят короткие штанишки и майка, а под кучей одеял – маленькая, свернувшаяся калачиком фигурка. Вспомнил, как он собирал эти одеяла по всей рыбарне.

Мальчик. Юнас Клосс.

Герлоф накануне выключил свет и молча слушал, как постепенно успокаивается дыхание мальчика, пока тот не заснул. Стало совсем тихо. Сам-то он долго еще не спал – сидел со своей смехотворной древней окаменелостью в руках и прислушивался, готовый дать бой любой нечисти, подстерегающей мальчика в ночи. Мертвые моряки, зомби с топорами... или как там их называют. Никто так и не появился, и он сам не заметил, как уснул.

И проснулся в той же позе – полусидя на кровати, с каменной доисторической дубинкой в руках.

Подвигал затекшими плечами, опустил ноги на холодный пол и пошел к окну – надо же посмотреть, что там делается. Поднял рулонную шторку. Солнце стояло еще довольно низко над горизонтом, но постепенно набирало летнюю языческую мощь. Песок на берегу казался серым. Ни души. И пролив пуст – ни лодок, ни яхт, ни «летучих голландцев». Утро совсем раннее.

И как всегда, к утру утих ветер.

Внезапно на зеркальной глади залива показалась черная точка. Он присмотрелся – черная головка медленно двигалась вдоль пляжа.

За спиной зашевелился Юнас.

– Доброе утро, – обернулся к нему Герлоф.

Мальчик поднял голову.

– Есть там кто? – спросил он дрожащим от страха голосом.

– Никого... – Герлоф постарался, чтобы голос его звучал тихо и спокойно. – Только норка плавает. Они тут часто шастают – птичьи яйца ищут.

В небе с яростными воплями нарезали круги чайки. Они тоже заметили норку, и не прошло и нескольких секунд, как большая птица с клювом, как острое копье, спикировала в воду. Но зверек успел нырнуть, и головка его вскоре показалась совсем в другом месте – совсем близко от берега, где можно было скрыться под нагромождением камней. Через секунду норка грациозно выскочила на берег, отряхнулась и убежала, виляя на бегу, похожая на черного сухопутного угря.

Герлоф опустил штору и улыбнулся:

– Как ты сегодня? Пришел в себя?

Юнас кивнул, но в глазах его по-прежнему стоял ужас.

– А... люди там есть какие-нибудь?

– Никого. И в море никого.

Взгляд Герлофа упал на старый альбом для рисования – кто-то из внуков забыл на полке. Рядом лежала коробочка с цветными мелками.

Ему пришла в голову мысль.

– Лавай попробуем изобразить этот корабль, – сказал он мальчику. – Ты рассказывай, а я попробую нарисовать.

– Ладно... давайте.

Герлоф выбрал черный мелок и набросал контуры типичного эландского рыбацкого баркаса. Маленькая рубка, короткая мачта на носу.

– Такой?

– Не-а... Больше. Рыбой там, правда, пахло.

Герлоф перевернул лист и нарисовал буксир с усиленным носом и транцем.

– Еще больше. Длиннее.

Герлоф вырвал два первых рисунка и изобразил типичную грузовую лайбу – длинную, несколько трюмных люков.

– Может, такой?

Мальчик молча кивнул. Герлоф почувствовал приятный укол гордости за свое художественное мастерство.

– А из чего он сделан? Сталь или доски? Ты видел клепки на бортах, когда карабкался на палубу?

Мальчик немного подумал и снова кивнул.

– Хорошо... значит, стальная лайба. А надстройки какие на палубе?

– Маленькая рубка вот здесь, впереди... и побольше сзади.

– Хорошо... а грузовые отметки на борту видел?

Мальчик смотрел на него непонимающе.

– Ладно, бог с ними... а мачты?

Юнас закрыл глаза, потом открыл опять:

– Не помню... небольшая мачта на носу... нет, не помню. А вот здесь, между рубками, большой люк.

Герлоф изобразил трюмный люк толстой жирной линией.

– А где были эти... умирающие?

– Вот тут... и тут. И тут.

– А живой?

– Этот, с топором, стоял вот здесь. И еще там был какой-то старик. Седой. За штурвалом. Вот тут.

Герлоф пометил крестиками: вот здесь – убийца с топором, вот тут – какой-то старик.

– А может, ты и название помнишь? Не заметил, случайно?

– Почему не заметил? Заметил. Там было написано «ЭЛИЯ».

– Элия?^[12] Тот, кто воскресил отрока в Сарепте Сидонской?

Мальчик уставился на него как на сумасшедшего. Ясно дело... еще не прошел конфирмацию. Впрочем, конфирманты теперь Библию не читают. Лапают друг друга и распевают что-то несусветное. Он разборчиво написал на носу: «ЭЛИЯ». Аккуратно свернул рисунок.

– Вот такие дела, Юнас, – улыбнулся он. – Пойдем в дом завтракать?

Мальчик встал и пошел за ним. Лаже не улыбнулся.

Лиза

Наутро после второго вечера в ночном клубе Лизу разбудил металлический скрежет под окнами кемпера. Она села в постели и машинально посмотрела на часы. Десять минут одиннадцатого. Бабушка, когда совсем состарилась, спала, самое меньшее, до десяти. *Если встану раньше*, говорила она, *день получается очень уж длинный*.

То есть давала понять, как тоскливо и скучно ей после смерти леда.

Ну, нет. Жизнь Лизы скучной никак не назовешь.

Вчера Леди Саммертайм чуть не попалась. Пьяный и, судя по всему, очень богатый сопляк сорил деньгами, будто это были конфетти. Весь вечер. И как раз в ту секунду когда она уже почти выудила бумажник у него из кармана, он вдруг схватил ее за руку. Ладонь была горячая и потная.

Вот и все, успела она подумать и выпустила толстенный бумажник. Тот скользнул в карман пиджака, а юнец, покачиваясь, лизнул ее в ухо и повернулся к бару.

Ничего не заметил.

Она встала и посмотрела в окно. Солнце светит на всю катушку Яркоголубое небо над головой. Тихие, ласковые вздохи еле заметного прибоя. Скверно себя чувствует, похоже, только майский фаллос на поляне, где позавчера кипел праздник. Одинокий, заброшенный, цветы на венках завяли. Ничего удивительного – при такой-то жаре. Лиза улыбнулась. Вот-вот съезится и опадет, как его прототип.

По другую сторону поляны какой-то седой старик пытался подвести домкрат под покосившийся кемпер. Вот и объяснение странных звуков. Она отвернулась от окна и приготовила завтрак.

Поев, Лиза достала мобильник и позвонила в квартиру в Хюдлинге. Сосчитала – прошло двенадцать сигналов, прежде чем на другом конце провода отозвался хриплый сонный голос:

– Ла?

Силас. Без четверти одиннадцать. По его меркам, очень рано. И похоже, чистенький. Сонный, но чистенький.

– Привет, это я.

Силас вздохнул:

– Привет...

Молчание. Она прислушалась к дыханию. Точно – чист. Сегодняшняя доза еще впереди.

- Как ты?
- Пить хочу...
- Так попей.
- Лома нет ничего.
- А в кране вода есть?
- Не хочу. В ней мышьяк.
- Опять молчание.
- Я послала тебе письмо.
- С бумагами?
- С важными. Битком набито. Лишнюю марку пришлось купить.
- Это хорошо... А еще пошлешь?
- Лумаю, да.
- Отлично.

Лаже не поблагодарил. Но голос довольный.

На этом разговор и закончился. Силас куда-то торопился. Кула – не сказал. Она и так знала куда.

Лиза нажала кнопку отбоя и с минуту сидела неподвижно, сжимая в руке мобильник. Обдумывала разговор.

Собственно, обдумывать было нечего.

Взяла пластиковую канистру и пошла набрать воды. Яркий солнечный свет в первую секунду ослепил ее. Она зажмурилась и прикрыла глаза ладонью, а когда отняла руку, увидела, что из соседнего кемпера, втиснутого между кустами шиповника, вышла молодая женщина. Яркие зелено-голубые глаза цвета топаза. Лиза узнала ее: та самая иностранка, которая на празднике солнцеворота стояла с семейкой Клосс.

Паулина, кажется... Они обменялись поклонами.

– Лоброе утро, – сказала Лиза. – Значит, вы тоже здесь живете?

Паулина кивнула.

– И давно?

– Пару недель... Нанялась на лето.

– Вот как? А я думала... ваш кемпер стоит так, что можно подумать – сначала поставили кемпер, а потом вокруг вырос шиповник. – Лиза хотела пошутить, но девушка, похоже, не поняла. Неважно. – Я тоже... на лето. На июль, если точно. А потом назад, в Польшу?

– Не Польша, нет. Лиетува, – покачала головой иностранка.

– Лиетува... – задумалась Лиза. – Это ведь Литва, да?

– Да... Литва.

Паулина замолчала. Разговор иссяк. Кемпер у Паулины был еще меньше и в довольно скверном состоянии. Больше всего он напоминал

лопнувшее яйцо. Ни с того ни с сего Лиза почувствовала себя важной персоной, но ей тут же стало неудобно.

– Что ж... пора привести себя в порядок перед работой. А у вас тоже рабочий день?

Паулина кивнула.

– Вы работаете на семью Клосс?

– Нет. Не на семью. На него.

– На него?

– На него... – Взгляд ее стал очень серьезным. – На Кента Клосса.

Она отвела свои прекрасные глаза и замолчала. У Лизы осталось ощущение, что Паулина не очень-то довольна своими служебными обязанностями.

Герлоф

Оказалось, одиннадцатилетний Кристофер, поздний ребенок Юлии, прекрасно знаком с Юнасом – они вместе учились плаванию в Стенвике. Мальчишки стеснительно поздоровались.

Вот и хорошо. Знакомым легче договариваться.

– Позвони родителям. – Он подвел Юнаса к телефону. – Сообщи, что жив и здоров.

Мальчик остановился в нерешительности.

– Там только папа... Мы живем у дяди с тетей в вилле Клосс. Кент и Вероника.

Герлоф кивнул – ему ли не знать владельцев «Эландика»?

– Позвони и скажи, что ты у меня. Лавидссон моя фамилия. Хочешь, чтобы они за тобой приехали?

Юнас энергично замотал головой, взял трубку и просительно поглядел на Герлофа. Герлоф вышел из комнаты, закрыл за собой дверь и прислушался. Мальчик тихо говорил с кем-то.

Сели позавтракать. Герлоф почему-то ждал, что внуки начнут его расспрашивать, где он нашел Юнаса, но они обсуждали что-то свое. Юнас не сразу, но тоже включился в разговор. Ребята обменялись улыбками.

Но Герлоф не улыбался. Он все время косился на журнальный столик, где лежал рисунок загадочного корабля. «Элия»... Черный крестик над грузовым трюмом...

После завтрака он взял рисунок, надел свою соломенную шляпу и позвал Юнаса. Они вышли во двор и уселись на пластмассовые белые стульчики, стоявшие прямо на газоне. Солнце начало припекать, особенно плечи. Юнас уставился в землю, будто увидел что-то в траве.

– Думаешь о вчерашнем? – осторожно спросил Герлоф.

Мальчик молча кивнул и слегка побледнел.

Вернулся страх.

– И все, что ты рассказывал... все так и было?.. Ты видел мертвых моряков, и старика в рубке, и парня с топором на палубе? Который приехал из Африки?

– Он не приехал из Африки – тихо сказал Юнас. – Просто я увидел его и почему-то вспомнил об Африке. Антилопы, жирафы... барабаны в джунглях.

Герлоф задумался.

– А ты был в Африке?

– Нет...

Разговор иссяк. Больше спрашивать нечего.

Герлоф взял свою палку и не без усилия поднялся:

– Значит, надо звонить в полицию.

Мальчик побледнел еще больше, и Герлоф поспешил его успокоить:

– Не бойся...там моя родственница.

* * *

Собственно, Тильда Лавидссон, внучка покойного старшего брата, была единственным знакомым Герлофу представителем власти. Тильда жила на восточном побережье, и Герлофу повезло – он застал ее дома и коротко поведал о странном происшествии.

– Вот я и думаю, – осторожно сказал он, чтобы ей не пришло в голову, будто он опять пытается играть роль детектива, – может, береговая охрана видела ночью какую-то посудину?

– Понятия не имею! Я же не береговая охрана. К тому же у меня выходные.

Герлоф услышал детский смех в комнате, словно подчеркнувший неуместность его звонка, но все же продолжил:

– А ты можешь их попросить навести справки?

– Нет. Это может сделать оперативный координационный центр, если мы сочтем, что рассказ мальчика заслуживает доверия.

Герлоф вздохнул:

– А ты можешь подъехать? Сама определишь, заслуживает или не заслуживает.

И Тильда приехала. Одна, без формы и без коллег. На ней был просторный джинсовый сарафан. Уж не беременна ли? – подумал Герлоф. Подумал, но спросить не решился.

Тильда потискала двоюродных братьев и пожала руку Юнасу Тот неохотно отложил пульт телевизионной игровой приставки.

– Тильда работает в полиции в Кальмаре, – сказал Герлоф. – Думаю, тебе самое время с ней поговорить.

Тильда повернулась к Герлофу.

– Ты тоже можешь присутствовать, – сказала она.

– Разве?

– Ты будешь понятным на допросе... или как лучше? Опросе? Мы

иногда практикуем такое, чтобы не нарушать прозрачности.

Герлоф так и не понял, шутит она или говорит серьезно, но на всякий случай кивнул.

Они вышли во двор. Солнце жарило еще сильнее, чем час назад.

– Значит, ты каждое лето здесь проводишь? – обратилась Тильда к Юнасу.

Они уселись за стол под большим оранжевым зонтом.

– Не-а. Прошлым летом мы дома были. С мамой. Потому что папа...

Он замолчал и посмотрел на Герлофа.

– А где живет твоя мама?

– В Хускварне.

Герлоф молчал – пусть поболтают. Надо, чтобы мальчик почувствовал доверие. Понял, что ему хотят помочь.

Сначала они обсуждали телевизионные игры и коллекции карточек с знаменитыми футболистами – к удивлению Герлофа, Тильда неплохо в этих делах разбиралась. Потом она нагнулась поближе к мальчику и тихо спросила:

– Как я понимаю, ты каких-то ужасов насмотрелся этой ночью?

Юнас молча кивнул.

– Хочешь рассказать?

Рассказ занял минут двадцать и в точности совпадал с тем, что Герлоф слышал ночью. Тот же темный корабль в ночи, те же мертвецы, тот же тип с топором и старый «шведский американец» по имени Арон.

Герлоф все более и более убеждался, что мальчик говорит правду.

Потом они отпустили Юнаса в дом продолжать игру.

– Твой допрос к моему ничего не прибавил, – не удержался Герлоф.

– Это никакой не допрос. Допрашивать малолетних – очень тонкая штука. У нас для этого есть специально подготовленные люди. Мы так... поболтали немного.

– Ну и что? Займетесь вы этим делом?

– Каким делом, Герлоф? Для того чтобы координационный центр назначил следственную группу, должно быть место преступления. А его нет, как ты знаешь.

Герлоф развернул сложенный вчетверо рисунок:

– Зато есть вот что. Мы с Юнасом нарисовали, когда он проснулся. Он говорит, что это именно тот корабль. Лайба, вернее. Но это не эландская лайба.

Тильда с недоумением посмотрела на рисунок:

– Откуда ты знаешь?

– Слишком велика. Похожа на средних размеров баржу тридцатых годов. Мог бы быть сухогруз из Ледерхамна, на таких цемент перевозили. Но там не было баржи с таким названием – «Элия».

– Ну, хорошо... и где он теперь, этот «летучий голландец»? Я только что ехала по прибрежной дороге – пролив пуст.

– Как – где? Пошли дальше... мальчик сказал, у них дизель работал. Я тоже слышал ночью звук двигателя, какой-то корабль шел на север. И волну от него видел. Ушел в море.... – Герлоф помолчал. – Если его не затопили...

– Допустим. – Тильда повертела рисунок и вернула Герлофу. – Я, конечно, могу попросить береговую охрану быть начеку, но если они ничего не обнаружат, у нас ничего нет, чтобы продолжать. Рассказ мальчугана, и все.

– Насмерть перепуганного мальчугана. Его трясло, когда он ко мне явился среди ночи. Он и в самом деле видел что-то жуткое.

– Привидения на корабле-призраке...

– Если человек *видит* привидение, это еще не значит, что он видит *привидение*, – сказал Герлоф. – Могу тебе рассказать историю...

– Одну из твоих сказок про привидения? – Тильда скептически улыбнулась.

– Слушай, – Герлоф внушительно поднял палец, – это было не с кем-то, а со мной. В пятидесятые годы. Мы шли в Стокгольм с грузом... ничего особенного, в каботажной зоне вдоль берега. Нормальный рейс, раз в две недели. Рутинка. И тоже был жаркий день, как сегодня. Мы зачалились в Оскарсхамне, грузили бочки с солидолом. Рядом у пирса стоял сейнер, с виду вполне ходовой, но что-то в нем было такое... нежилое. Будто его бросили. На борту – ни души. Но у моряков традиция – поприветствовать соседей. Так что загрузили мы эти бочки, и я пошел посмотреть, куда же подевались рыбаки. Может, напились и спят...

Герлоф посмотрел на запад, где между деревьями поблескивало, словно подмигивало, море.

– Постучал в рубку – никто не отвечает. Пустой сейнер. Ну что ж, сидят, наверное, в каком-нибудь кабачке на берегу. Можно возвращаться. Но меня что-то будто подтолкнуло – надо, думаю, и в трюм заглянуть. Смотрю – люк грузового трюма приоткрыт. Заглянул – а они там. Двое. Лежат и не шевелятся.

– Убиты?

– Я тоже так подумал. Спустился в трюм. Мертвые – да. Но, как у вас там говорят, никаких следов насилия. Только лица какие-то... синеватые. Я

сразу сообразил, в чем дело, – и скорее на воздух. А дальше ничего не помню. Очнулся на палубе. Ион стоит и орет на меня. Значит, каким-то образом все-таки я выбрался на палубу и сразу отключился. Чувствовал себя... как живой мертвец. Жуткое дело.

– Так в чем же дело? Кто-то их отравил газом?

Герлоф покачал головой:

– Рыба. Они разбирали улов, чистили рыбу, а в такую жару вся эта чешуя и потроха начали гнить. Сероводород. Запах для них привычный. Но когда его много, человек гибнет.

– И часто такое бывает?

– Только не на современных сейнерах. Холодильные установки, лед... рыба не протухает. А на старых посудинах... вроде той, на которой был Юнас, бывало. Он же сказал – на палубе пахло рыбой. Так что вполне может быть, что эти мертвецы, которых он видел, отравились сероводородом.

Тильда поразмышляла.

– Значит, несчастный случай?

– Может, и так... Но вот что непонятно... Они были в трюме. Закрытое помещение, нет притока свежего воздуха... Но что они там делали? В двух шагах от берега? Похоже, кто-то заставил их туда спуститься. И задраил люк.

Тильда подумала немного, кивнула, достала мобильник и вышла во двор. Герлоф слышал только, как она тихо с кем-то разговаривает. Через пару минут она вернулась:

– Поговорила с береговой охраной. По их данным, никаких сулов в проливе ночью не было.

– А что ты им сказала?

– Сказала, что свидетель видел дрейфующий корабль на траверзе Стенвика. Тревогу они не объявляют, но обещали понаблюдать.

Герлоф взял свою палку и проводил Тильду до машины.

– А для тебя-то это важно? Вся эта история? – спросила она, открывая дверцу.

– Не могу сказать... но подростков тоже кто-то должен выслушать. Нельзя все списать на выдумки. Я был мальчишкой тоже... помню, как на кладбище покойник начал что-то выстукивать в гробу. Уже гроб в яму опустили, а он стучит. Отец надо мной посмеялся. Очень было обидно. Так что я стараюсь не смеяться, как бы смешно их рассказы ни выглядели... – Он посмотрел на Тильду: – А как твои привидения, там, у маяков?

– В отпуске. И я скоро пойду в отпуск.

Она села за руль и повернула ключ.

Что еще можно сделать? Герлоф напряженно соображал. Ла ничего.

Вернулся в сад. Птицы пели всюду, солнце палило, как в какой-нибудь Африке.

Корабль-призрак в проливе, старик в рубке? Шведский американец?
Американский швед?

И парень. Из Африки.

Возвращенец

В этот жаркий летний полдень людей на пляже – как в какой-нибудь Ницце. Возвращенец и представить не мог, сколько туристов приезжает на Эланд в купальный сезон. Это ему на руку. Он спокойно затесался в толпу – кто обратит внимание на старика в шортах, красной футболке и темных очках?

Можно спокойно подойти к кургану в Стенвике, и никто не спросит, что он там делает.

Могильник, достопримечательность, памятник давно прошедших времен.

Он припарковал купленный в Стокгольме «форд» у длинного ряда почтовых ящиков и пошел пешком.

В проливе было полно катеров, с натужным ревом носившихся вдоль берега, чуть подальше – большие крейсерские яхты. И все. Ни одного рыболовецкого сейнера, ни одной баржи.

Сейчас, в солнечном свете, он с трудом припоминал вчерашнюю ночь. Баржа, матросы, которых он, угрожая пистолетом, загнал в трюм. Глухой взрыв, поднявшаяся на несколько секунда корма с винтом – и тишина. Такая тишина, которая может быть только ночью, далеко от берега. Ни следа – только неширокая волна от затонувшей баржи слегка толкнула катер.

Он миновал купальные мостки и пошел к известковому обрыву. Под обрывом шла неглубокая ложбина. Когда-то здесь добывали известняк, рабочие кирками врубались в камень – осталась только эта, похожая на окоп щель, заполненная щебнем и осколками камня. Никто из обитателей летних домов наверху видеть его не мог. Возвращенец шел медленно и осторожно, чтобы не оступиться.

Наконец он увидел над собой могильник. Ему показалось, что курган ближе к обрыву, чем семьдесят лет назад. Причуда памяти. А может быть, скала понемногу осыпается или выветривается.

Времени подвластно все.

Прямо под курганом в скале была ржавая железная дверь в прямоугольной бетонной раме. Похоже на вход в бункер. Скорее всего, один из многочисленных дотов, сооруженных во время войны.

Старик огляделся. По-прежнему никого поблизости.

Дверь заперта на цепь с массивным висячим замком.

Подергал цепь – куда там. Нужен инструмент. Болторез. Или арматурные кусачки.

Он постоял немного и увидел недалеко от двери узкую каменную лестницу. Возвращенец не без труда поднялся на обрыв и подошел к кургану. Вспомнил Свена.

Повернулся и посмотрел на виллы через дорогу. Большие одноэтажные виллы с огромными панорамными окнами и просторными деревянными верандами. Между ними – большой плавательный бассейн.

Теперь он был совсем рядом с семейством Клосс, несколько сот метров, не больше. И у него есть ложбина под обрывом. Там его никто не видит. А впрочем, даже если увидит – никто его здесь не знает. Никто и не догадывается, кто он.

И это намного облегчает задачу.

Земля обетованная, июль 1931

Арон и Свен стояли на палубе со своими баулами. Пароход «Кастельхольм», дымя высокими черными трубами, входил в большую гавань, полную разнокалиберных судов – и грузовых, и пассажирских. «Кастельхольм» полз еле-еле, разворачиваясь у широкого бетонного пирса. Арон как замороженный смотрел на разворачивающийся перед ними огромный город. Широкие улицы, большие, красивые дома с длинными рядами узких окон.

Стокгольм куда меньше. Арон не знал, как называется этот город, знал только, что это Америка.

Соединенные Штаты. Новая земля...

Свен подхватил чемоданы и инструмент. Их провели в темный подъезд и поставили в очередь. Стояли довольно долго. Наконец подошел их черед. За кривым столом сидели два широкоплечих дядьки в гимнастерках и переводчик. Отвечал только Свен. Он показал паспорта, зачем-то протянул лопату. И без конца улыбался – и переводчику и пограничникам.

– Мы приехали добровольно, потому что хотели приехать, – странно выразился Свен.

– Ясное дело, – кивнул переводчик. – А что вы собираетесь делать?

– Мы хотим работать. Оба. Строить страну.

Переводчик посоветовался с военными.

– А какая у тебя профессия?

– Я крестьянин. Земледелец, – поправился Свен. – Работал на мельницах тоже, но в основном – земля. И скотина, конечно. Но умею все... Мой сын... – он кивнул на Арона, – мой приемный сын учился в школе и мне помогал, когда свободен.

Переводчик заглянул в паспорт:

– Всего-то тринадцать лет...

– Он здоровый парень и работает на совесть.

Один из военных достал из папки фотографию. Усатый мужчина с острым взглядом прищуренных глаз.

– Знаешь, кто это?

– Ваш главный.

– А как его зовут?

Свен произнес какое-то малопонятное слово, и военный удовлетворенно кивнул.

Обмакнул ручку в чернильницу. Написал какую-то бумагу, потом подышал на печать и проштемпелевал паспорта. Новая страна открыла им свои двери.

Они прожили в городе три дня. Ночевали в какой-то маленькой гостинице рядом с вокзалом и бродили по улицам. Широкие улицы забиты народом – откуда столько? Все говорили на непонятном Арону языке и куда-то торопились.

Свен явно чувствовал себя не в своей тарелке. Настроение у него испортилось, он даже пару раз влепил Арону подзатыльник.

По вечерам Свен куда-то надолго уходил, и Арон ждал его, сидя у окна.

На второй вечер Свен явился окрыленный. Все образуется, сказал он. Он встретил парня, говорящего по-шведски.

– Мы едем дальше, – сказал он. – На север, на стройку. Там полно скандинавов. И есть работа. Бесплатные билеты! – В голосе его звучало ликование. – Ты только подумай: бесплатные билеты!

Арону хотелось остаться в этом красивом и загадочном городе, но протестовать он не решился.

На следующий день они сели на поезд. Постепенно исчезли высокие каменные дома. Сначала попадались деревни, а потом начался лес, нетронутые сосняки и ельники. В лесных прогалинах то и дело мелькала вода – из поезда не определить, река это или озеро.

Поезд набит рабочими. Все со своим инструментом – лопаты, ломы, пилы и топоры.

Едут в общем вагоне. Деньги на исходе. Они голодны, к тому же ночью в поезде очень холодно. Но в конце вагона стоит титан, и можно бесплатно получить кружку кипятка.

Свен молчит и думает о чем-то, положив руки на черенок лопаты.

Юнас

Юнас вернулся на виллу в полдень. Он только сделал вид, что звонил домой, чтобы успокоить Герлофа, и никто не знал, где он пропал всю ночь. Если бы Юнас проболтался, Мате и двоюродные братья точно сбросили бы его со скалы.

По дороге он то и дело косился на залив – не покажется ли таинственный корабль? И не выбросило ли на берег трупы матросов? Нет, ничего такого – солнце печет, у мостков полно купальщиков. Обычный летний день, но сердце колотится отчаянно.

Он подошел к вилле. Помедлил немного и отвел раздвижную стеклянную дверь в доме дяди Кента. Почему-то он был уверен, что все взволнованное семейство собралось за длинным столом: и Кент, и отец, и братья, и кузены – и что сейчас они начнут осыпать его упреками и расспросами.

Ничего подобного. Никто, похоже, и не заметил его отсутствия. Только прислуга, Паулина, разбирает в кухне посуду после вчерашнего пира. Все остальные, наверное, спят. Или в «Эландике».

Он попил воды и пошел в свой домик.

– Привет, братишка.

Мате и Урбан. Оба в зеленых шортах, темных очках, с тонкими, как скелеты, гоночными велосипедами.

– Как оно? – спросил Урбан.

– Нормально.

– Мы сказали, ты ночевал у приятеля, – понизил голос Мате. – Так ведь?

– Вроде того... я ночевал в рыбарне.

– Здорово. Наверняка веселее, чем в Кальмаре. Фильм – полная чушь.

Юнас кивнул и вспомнил мертвых моряков. И опять почему-то подумал про Африку. В голове начали бить боевые барабаны. Ему очень захотелось позвонить матери и попросить забрать его отсюда.

Но не позвонил. Он должен остаться. Работать.

Мате и Урбан укатили на своих велосипедах, а он опять пошел на виллу дяди Кента. Деревянные доски веранды надо было сначала ошкурить, а потом пропитать специально заказанной китайской соевой олифой.

Внезапно он услышал за спиной звук мотора. Кент свернул к гаражу и

остановил машину. Отсюда было видно, как он говорит с кем-то по мобильнику. Вернее, скорее слушает: кто-то говорит, а Кент время от времени односложно отвечает. Лицо красное и потное. Он закончил разговор и довольно долго сидел за рулем и смотрел на пролив. Покачал головой и набрал чей-то номер.

Какая-то у него неприятность, но Юнасу вовсе не хотелось знать какая именно. Кент, похоже, его и не видел, слишком был возбужден разговором. Через пару минут он дал задний ход, развернулся и уехал.

Юнас с тоской посмотрел на доски веранды. Всё, каникулы кончились. Накануне отец показал, как шкурить.

– Спокойные, равномерные движения, Юнас, и старайся за одно движение захватить как можно большую поверхность. Рука все время должна двигаться, тогда не снимешь лишнего.

Юнас взял шлифовальную машинку, нажал на кнопку и начал двигать вдоль досок – спокойно и равномерно.

Это было нелегко. Он сразу вспотел. Грязь въелась глубоко, и приходилось по нескольку раз водить по одному и тому же месту, пока доберешься до натурального светлого дерева.

С другой стороны – хорошо. За работой ни о чем не думаешь. Ни о парне с топором, ни о трупах матросов.

Минут через двадцать стеклянная дверь поехала в сторону, и на веранде появился заспанный отец:

– Привет, Юнас!

Шорты, расстегнутая сорочка и сандалии.

– Идет дело? – Он помахал рукой.

Юнас молча кивнул. Отец расслабленно пошел к бассейну, тяжело опустился в шезлонг и закрыл глаза.

Что он, с похмелья, что ли? Отсюда не поймешь.

Юнас продолжал работать. Две доски готовы. Пот по спине лил ручьями, и он решил передохнуть.

Подошел к отцу, сел на ограду бассейна и опустил ноги в прохладную воду. Отец улыбнулся.

– Ты корабль видел? – спросил Юнас.

Отец посмотрел на него, потом на пролив:

– Какой корабль?

– Большой. Вчера вечером.

– Вчера не видел. А так уже несколько здоровых лайб прошли, пока мы здесь.

Юнас не стал продолжать разговор. Посидел, поболтал ногами в воде,

дождался, пока высохнет пот.

– Пошел продолжать.

Дело пошло побыстрей. Он приноровился к машинке, и ему даже понравилось. Всегда интересно работать, когда видишь результат.

Поводив машинкой, он встал и потянулся – затекла спина. И сразу заметил, что за ним наблюдают с другой стороны прибрежной дороги. Там, рядом с курганом, стоял седой дядька в темных очках и смотрел на виллу Клоссов. Красная футболка с длинными рукавами, а лица не видно. Слишком далеко.

Старик стоял между двух камней, свалившихся когда-то с могильного кургана, и, когда Юнас осознал это, у него похолодело в груди.

Он обернулся – интересно, видит ли отец? Но тот спал в шезлонге с полуоткрытым ртом.

Юнас опять взялся за работу. Закончив доску посмотрел в сторону кургана.

Там никого не было. Старик исчез.

Герлоф

Птицы распелись на славу. Герлоф подкрутил слуховой аппарат до максимальной громкости, и щебет теперь звучал как настоящий летний концерт в парке. Кому нужны патефоны-граммофоны, стерео-видео, когда есть черные дрозды? Ему не нужны, уж это точно.

Дело шло к вечеру, но было по-прежнему тепло и безветренно. Лень прошел, скоро и июнь кончится, а он только и делает, что дремлет на солнышке.

Немного болела голова, скорее всего после бессонной ночи. Внуки тащили его играть с ними в мини-гольф, он придумал какую-то отговорку и теперь слушал дроздов.

Скрипнула калитка.

Вернулся вчерашний ночной гость, Юнас Клосс. Герлоф помахал ему рукой. Мальчик подошел поближе.

– А Кристофер дома? – робко спросил он.

– Сейчас нет.

– Мы хотели поиграть с «Нинтендо».

Герлоф на всякий случай кивнул. Он понятия не имел, что это за зверь такой – Нинтендо. Собака? Странное имя для собаки.

– Ребята там, за рестораном. Скоро придут... Как ты сегодня, Юнас?

– Хорошо.

Одно слово. И замолчал.

Герлоф подождал немного.

– Все думаешь про этот... корабль?

Юнас напряженно кивнул.

Как струнка, подумал Герлоф. Его не отпускают эти мертвецы. Это мне знакомо. Семьдесят лет прошло, а я помню, как Гилберт Клосс замертво рухнул на кладбище. Я был тогда всего-то на пару лет старше, чем Юнас, а помню, будто вчера это было... нехорошо, если мальчонку будут всю жизнь преследовать такие видения.

Он выпрямился на стуле:

– Юнас... Думаю, я знаю, что случилось с этими матросами. Они никакие не зомби, не призраки и не чудовища. Они отравились газом.

– Газом?

– От рыбы в трюме. Ты же сам сказал, там сильно пахло рыбой. И я думаю, что рыба на жаре протухла, и...

Он слово в слово повторил то, что рассказал Тильде.

Юнас слушал молча, и Герлофу показалось, что мальчик немного успокоился.

Юнас собрался уходить, но Герлоф его окликнул:

– А этот парень с топором? Вспомнил, где ты его видел?

Мальчик покачал головой – нет, не вспомнил.

– Хочешь, попробуем вспомнить?

Герлоф не без труда встал и притащил второй стул. Утвердил на траве, достал из кармана блокнот и карандаш.

– Садись, – улыбнулся он. – Все нормально?

– Вроде бы да.

– Вот и хорошо... Ты можешь представить себе его физиономию?

Юнас кивнул и опустил глаза.

– А теперь попробуй вспомнить место, где ты его мог видеть. Попробуй вернуться в прошлое.

Юнас наклонил голову еще больше.

– О'кей, – почти прошептал он.

В саду стало совсем тихо. Одинокое жужжание шмеля где-то в кустах только подчеркивало эту неправдоподобную тишину. Даже птицы замолкли почему-то. Герлоф выждал несколько секунд и мысленно сформулировал вопрос.

– Что ты видишь своим внутренним взором? – спросил он наконец и смутился. Что за чушь... какой еще внутренний взор...

– Лом, – внезапно произнес Юнас громко и четко.

– Когда?

– Не знаю... но лето. Летний вечер.

– Значит, ты стоишь перед каким-то домом. На Эланде?

– Не знаю... Думаю, да.

– А что за дом?

– Большой.

– Сложен из камня, как замок? Или кирпичный?

– Деревянный. Здоровенные доски.

Юнас опять устался в землю. Как на сеансе гипноза, подумал Герлоф. Но мальчик вовсе не был загипнотизирован, он просто изо всех сил старался сосредоточиться.

Деревянный дом, записал Герлоф в блокнот.

Аопрашивать малолетних – очень тонкая штука, сказала Тильда. Надо быть осторожнее. Но это же никакой не допрос, постарался он убедить себя. Так... *болтаем немного,* опять вспомнились слова Тильды.

– А какого цвета? Лом, я имею в виду?

– Красный.

Большинство деревянных домов красные. И не только на Эланде. Во всей Швеции. Фалунской краски хватает на всех.

Надо попробовать по-другому.

– Значит, он там, в этом доме? В большом красном доме?

Кивок.

– А ты?

– Я тоже... вернее, я туда вхожу.

– Один?

– Нет... с Матсом.

– А кто это?

– Старший брат.

– Входите в дом... и что?

– Поднимаемся по лестнице. Каменной. Лом деревянный, а лестница каменная. Я потому и запомнил.

– А потом в дверь?

Юнас молча кивнул.

– И там этот, с баржи, вас дожидается?

– Да... он там сидит и... да, вроде бы дожидается.

– И что он сказал, когда вас увидел?

– Ничего не сказал. Кивнул, по-моему.

– И что?

– И ничего. Руку мне протянул.

Герлоф задумался. Как это – протянул руку? Незнакомому пацану? С чего бы?

– Почему? Хотел что-то от вас?

– Ну да. Деньги хотел.

– Деньги? Сколько?

– Мате дал ему, сколько у нас было.

Герлоф опять задумался. Но не успел открыть рот, чтобы спросить: «А что вы получили за эти деньги?», как скрипнула калитка.

– Привет, Юнас!

Кристофер.

Юнас поднял голову, и всю его сосредоточенность как ветром сдуло. Помахал приятелю и вскочил, точно ему застали за чем-то постыдным.

– Идти надо, – почти прошептал он.

– Знаю, знаю, – улыбнулся Герлоф. – Спасибо за беседу Мальчики умчались.

Человека в большом красном доме. Из Африки. Герлоф размышлял над этой загадкой весь вечер, но так ни к чему и не пришел.

Стало прохладно, и он пошел в дом. Внуки, как всегда, смотрели какой-то фильм с погонями и взрывами. Почти каждый вечер они смотрели такие фильмы, но, когда Герлоф проходил мимо, вежливо убавляли громкость. Приучил.

Он пожелал им спокойной ночи и прошел в ванную. Сегодня он будет спать дома. Спокойнее.

* * *

Через три часа дети выключили телевизор и постепенно утомнились. Герлофа тоже неодолимо клонило ко сну. Голова его все глубже погружалась в подушку и вдруг он открыл глаза.

Лети каждый вечер смотрят фильм.

Он сел в кровати, открыл блокнот. Прочитал запись беседы с Юнасом и удивленно заморгал. В глубине сознания снялась с якоря и стала медленно всплывать догадка, обрастая по пути ненужными и тут же ускользающими предположениями. Оказывается, засыпающий мозг продолжал раскладывать пасьянс из несвязных воспоминаний и натолкнулся на вполне возможное решение, где умещались и Юнас, и Африка.

Он взял ручку и дрожащей рукой записал в блокноте всего одно слово, чтобы не забыть за ночь.

Потянулся за телефонным справочником. Надо было поговорить со старым знакомым по краеведческому обществу.

Нашел номер и позвонил. Прошло три сигнала.

– Добрый вечер, Бертиль. Герлоф Давидссон.

– А-а, Герлоф. Привет, привет.

– Ты не спал?

– Какого черта, спал. Летом ложусь поздно. Сидели с братом на веранде, болтали, так что...

– Вот и хорошо, – прерывал его Герлоф. – У меня к тебе вопрос... может показаться странным, но мне это важно. Скажи, ты по-прежнему ведешь дела в марнесской усадьбе?

– А куда от них денешься?

– Я ищу одного человека, который у тебя там летом подрабатывал лет пять назад. Продавал билеты. Молодой парень, хотя точный возраст не

знаю. Знаю только, что молодой.

– Лет пять назад? Э-э-э... где-то в девяносто четвертом?

– Да-да, где-то так. Был у тебя такой?

Бертиль помолчал.

– Одного помню... да, работал один летом. Пекка. Тогда ему было лет двадцать.

– Пекка?

– Он так себя называл. Петер. Петер Майер. Поработал у нас немного и уволился.

– Куда?

– То одно, то другое. На каком-то траулере работал, в кемпинге, в продуктовой лавке. Он такой... проблемный, как теперь говорят... Скверный характер. С дисциплиной не все в порядке. Ну, ты понимаешь.

– Думаю, да... И еще одно. У тебя нет списка фильмов за тот год? Не помнишь, что вы показывали?

– Лома нет. В конторе.

– А взглянуть можно?

– Почему же нет? Завтра проеду мимо и посмотрю.

– Спасибо тебе.

Он пожелал Бертилю спокойной ночи и повесил трубку.

Взял блокнот и записал никогда раньше не слышанное им имя.

ПЕТЕР МАЙЕР.

Погасил свет и мгновенно уснул.

Юнас

На сегодня хватит со шлифовкой. Юнас положил машинку и пошел искупаться в бассейн. Как и все эти дни, дома никого. Он один. Столько событий за последние дни, а ничего не изменилось. Каспер укатил на своем мопеде. Юнас сказал, что утопил его старую резиновую лодку, но Каспер махнул рукой и укатил. Отец в ресторане, Мате и Урбан работают в «Эландике».

Конечно, есть и другие дети в поселке. Кристофер, к примеру. На целый год младше Юнаса, еще ребенок, но играть с ним все равно весело.

Юнас сел на велосипед и поехал к Кристоферу.

– Юнас!

Герлоф, дед Кристофера, сидел на своем обычном месте в саду и махал маленьким блокнотиком. Вид у него был заговорщицкий.

– Кристофер дома, но я хочу тебе что-то показать. Я вчера, после нашего разговора, записал кое-что. Насчет того парня, что ты видел на борту. Хочешь посмотреть?

Собственно, Юнасу больше всего хотелось поскорее забыть этот корабль-призрак, но отказаться было бы невежливо.

Он кивнул.

Герлоф открыл блокнот. На чистой странице дрожащей рукой было крупно выведено:

Король Лев.

Он прочитал вслух:

– *Король Лев.* Это фильм. Я смотрел его с внуками по видео, но и в кино он тоже шел. Помнишь?

Юнас кивнул. Уж этот-то фильм он видел несчитаное количество раз.

– Там один лев сбросил своего брата со скалы. В Африке. И музыка клевая.

– Правильно! В Африке! Вот когда ты сказал «в Африке», а потом про красный дом рассказывал, мне в голову пришло: уж не про кино ли ты? В Марнесе городской клуб красный, там кино показывают, а парень этот, который у вас деньги взял, билеты продавал. Я тут позвонил одному знакомому, а он говорит – да, было такое, пять лет назад показывали мы «Короля Льва». Летом девяносто четвертого. Так? Был ты в Стенвике тем летом?

– Наверное.

– Вот видишь, все совпадает. Лом большой, красный, деревянный. Совпадает с твоим описанием. Были вы там с братом, когда «Короля Льва» показывали?

Юнас кивнул. Теперь он вспомнил. Ему тем летом было семь, а Матсу уже двенадцать. Отец подбросил их на машине в Марнес, но сам в кино не пошел. Обещал встретиться после сеанса. Он запомнил этот день – они впервые в жизни были в кино без родителей, пошли к кассе, а там...

С каждой секундой он вспоминал все отчетливей.

– Да... он там сидел и продавал билеты.

– Вот и хорошо... Я поспрашивал насчет этих показов. Мой знакомый говорит, в то время только один парень у них подрабатывал. Я и имя его узнал. Думаю, это он.

Герлоф помолчал и подался немного вперед.

– Я тебе назову его имя, только пообещай никому не рассказывать.

Юнас снова кивнул, правда, не особенно уверенно.

– Его зовут Петер. Петер Майер, но все его называют Пекка. Тебе знакомо это имя?

Юнас отрицательно помотал головой.

– Тот, на корабле, не представился, – натужно пошутил он.

– Ясно, не представился. Но я посмотрел в телефонном справочнике. Есть только один Петер Майер. Он живет в Марнесе.

У Юнаса по рукам побежали мурашки.

– Значит, он живет... здесь, на Эланде?

– Если это он – да. – Герлоф придвинулся еще ближе. – Ничего страшного, Юнас. Он-то тебя не знает.

– Знает. Он меня видел.

Страх не отпускал. Марнес – это же так близко. Полчаса на велосипеде. Каспер на своем мопеде чуть не каждый день туда мотается. А там живет этот... с топором.

– Надо о нем побольше разузнать, – как можно спокойнее сказал Герлоф. – И еще: он же говорил о каком-то шведском американце?

– Да... Арон. Он спросил: «Где Арон?»

– Арон... – Герлоф задумался.

Юнас хотел было рассказать про старика, которого видел накануне у кургана, – уж очень тот был похож на того, с корабля мертвецов. Но он уже и сам не был уверен, не померещилось ли ему.

Наступила тишина. Герлоф перелистывал свой блокнот.

– Хорошо, Юнас, – сказал он. – Попробуем найти и американца. Если он существует в природе.

Герлоф

У Тильды все время было занято. Герлоф медленно положил трубку на рычаг.

Ему надо было кое-что ей рассказать. Следить за кем-то и разнюхивать законом не запрещено, ему это прекрасно известно. Но пора уже поделиться тем, что ему удалось узнать, с полицией. Рассказать про Петера Майера и про этого загадочного шведского американца.

Он вспомнил про массовую эмиграцию. Швеция заметно пустела вплоть до тридцатых годов.

Сейчас, когда летние виллы в Стенвике соревновались друг с другом в величине и роскоши, когда сверкающие автомобили дорогих марок шуршат по гравию прибрежной дороги, легко забыть, какой бедной была эта северная страна всего сто лет назад. Швеция нищенствовала. Почти пятая часть населения эмигрировала. Главным образом в Америку.

Эланд и Америка оказались связаны друг с другом. Вначале люди ехали туда, потом обратно. Большинство возвращались не намного богаче, чем уехали, хотя кое-кто разбогател.

Среди знакомых Герлофа возвращенцев не было. Вернее, были, но теперь все они умерли.

Он набрал номер единственного знакомого американца, Билла Карлссона, энергичного потомка настоящих эландских эмигрантов.

Ответил кто-то из его молодых родственников.

– Он на веранде, сейчас позову.

– Yes?

– Привет Билл, это Герлоф Лавидссон.

Несколько секунд молчания. Видно, вспоминает, кто это – Герлоф Лавидссон.

– Йерлофф! Хелло! Как дела?

– Спасибо, все в порядке.

– А как твоя лодка?

– Моя что? А-а-а... работаю понемногу. Я хотел тебя попросить помочь мне с одним делом. Я ищу одного пожилого американца.

– *American?*

– Ну да. Думаю, он сейчас на Эланде, только не знаю где.

– *Good luck...* Здесь наших куда больше, чем может показаться на первый взгляд. В продуктовом... э-э-э... в продуктовом шопе в Лонгвике я

встретил молодых ребят из Вашингтона. Они...

– Я ищу старика, – напомнил Герлоф. – Швед-американец. Зовут его, скорее всего, Арон. Откуда-то с северного Эланда. Во всяком случае, ориентируется здесь как дома. Его интересуют лодки... я так думаю.

– О'кей, я таких не знаю. Что еще?

– Он... подозрительный тип.

– Уголовник? – Билл негромко засмеялся.

– Вполне возможно. Я с ним не знаком.

– Всякие бывают...Слышал когда-нибудь про Оскара Лундина из Легерхамна?

– Нет. Кто это?

– Шведский американец из Чикаго... Я встречался с ним. Много лет назад... он утверждал, что был шофером в мафии. И не просто так – возил самого Аль Капоне. С одной гангстерской разборки на другую, пока босса не заперли на Алькатрасе.

– И что, жив он? Лундин, я имею в виду?

– Что ты... не менее мертв, чем сам Аль Капоне. Но успел вернуться на Эланд перед смертью. Почти все, кто вернулся, умерли.

Герлоф сочувственно вздохнул.

– Но кое-кто жив. В пятницу соберемся на ланч. Выпьем, поболтаем.

– Кто?

– Что – кто?

– Кто соберется?

– Возвращенцы с северного Эланда. Каждый год собираемся в отеле «Боргхольм» сразу после Иванова дня.

– И что, все приходят? Те, кто еще жив?

– *Who knows...* кто знает. – Герлоф ясно представил, как Билл пожал плечами. – Но если интересно, могу показать кое-что. Выписка из церковной книги. Там все, кто уехал с Эланда в девятисотые годы. Мой двоюродный брат занимается этой историей, накопал в гётеборгском архиве.

– Очень интересно... а насчет ланча...

– Приходи и ты, – прервал его Билл.

– С удовольствием, но я же не возвращенец. Я даже в Америке никогда не был.

– Но в роду-то у тебя были эмигранты?

– Это да... дедовы братья. В начале века пустились по волнам. Один осел в Бостоне и разбогател. Другой помер под забором в Чикаго.

– Тогда я тебя назначаю почетным возвращенцем.

– Вот удружил!

– Все равно никто и не спросит. Все только о себе и говорят. Где были, что пережили...

– А я послушаю, – сказал Герлоф, почетный возвращенец.

Возвращенец

Теперь все носят с собой телефоны. Все, кроме Возвращенца. Он предпочитал старомодные будки с телефонами-автоматами. Кое-где на острове еще можно их найти – на площадях, на придорожных стоянках.

Как раз в эту минуту он и стоял в такой будке.

Набрал номер и дождался, пока ответит хриплый мужской голос.

– Алло? – Даже в этом стандартном «алло» слышалась подозрительность.

– Балл?

– Ла...

– Ты знаешь, кто говорит?

– Знаю, знаю...

Балл говорил медленно и монотонно. Похоже, пил весь день. Или с похмелья.

– У меня опять к тебе дело.

– Сначала со старым разберемся... Какого хрена ты натворил с лайбой?

Возвращенец помолчал.

– Сделанного не вернешь.

– «Не вернешь»... Пекка звонил вчера. Перепуган до полусмерти. Говорит, ты ее затопил, к чертовой матери.

– Что поделаешь... Ядовитый газ в трюме.

Балл помолчал. В трубке послышалось звяканье бутылки о стакан и звучный глоток.

– Значит, хочешь еще что-то купить?

– Да. Деньги у меня есть.

– Завтра к вечеру.

Возвращенец положил трубку. Он вспомнил про бункер рядом с виллой Клоссов. И про человека, который умел поднимать в воздух огромные валуны.

Земля обетованная, апрель 1932

– Что ж, мы были готовы от чего-то отказаться, – сказал Свен. – Надеюсь, ты это понимаешь.

Арон промолчал. Посмотрел на свои руки и промолчал.

У Свена руки не лучше. Кожа потрескалась, поломаны ногти, пальцы в ссадинах. И у других не лучше. Кое-кто из рабочих уже недосчитывался одного или двух пальцев. Никакие руки не устоят – под тонким дерном сплошная глина, и каменные блоки в нее словно впаяны. Лопаты вгрызаются в твердую глину, но она не сдается. И камни не сдаются.

Жизнь в земле обетованной состоит из сна и работы.

Здесь работают сотни, если не тысячи людей.

Он вспомнил книгу, где гномик Нильс летал над Швецией на гусе. Интересно, что бы он сказал, увидев стройку с высоты птичьего полета. Наверное, сверху мы похожи на тараканов, беспорядочно ползающих по белой равнине, – кто с тачкой, кто с киркой, кто с лопатой.

Арон уже понял, что они ни в какой не Америке, а в Советском Союзе. И с чего он вообще взял, что Новая страна – это Америка? Он начал ходить на обязательные курсы ликбеза – ликвидации безграмотности. Его учат читать и писать. И еще – оказывается, среди рабочих очень много заключенных. Почти все. Их называют «каналоармейцы». Над бараком висит плакат:

\$\$\$КАНАЛОАРМЕЕЦ! ОТ ЖАРКОЙ РАБОТЫ \$\$\$РАСТАЕТ ТВОЙ СРОК!

На стройке работают заключенные и заграничные энтузиасты.

Спят они в бараке, где, помимо них, еще двадцать человек. А может, и больше. Спят на койках, которые и койками не назовешь. Койка Свена состоит из трех сдвинутых ящичков. У Арона койка покороче: три доски на деревянных козлах.

Их работа – копать. Каждый день, с утра до вечера, Свен, Арон и другие роют в лесу канал. Арону все равно, что они роют. Где рыть – указывают воткнутые в землю колышки, они тянутся прямой линией до горизонта, где маячит призрак невысоких гор. Но это не его дело – думать, зачем все это. Его дело рыть. Лопата вязнет, он раскачивает ее, вытягивает с трудом, опять и опять. Хлюпает носом и продолжает рыть.

Зима кончилась, наступила весна.

Снег растаял мгновенно, копать стало немного легче. И в один из этих

первых теплых дней с железнодорожного полустанка пришел энергичный парень в черной кепке. Перед собой он толкал тачку, нагруженную деревянными ящиками. Весело кивнул землекопам, а когда узнал, что среди них есть и шведы, снял кепку и помахал.

– *Ruotsi!*^[13] – удивился парень и продолжил по-шведски: – А я из Эсбу это в Финляндии. Горный инженер. Сдал экзамен и решил посмотреть мир. Фантастическая страна, правда?

Свен кивнул. Арон промолчал.

Парень осмотрелся:

– Наверное, есть у вас валуны, которые лопатами не угрызешь?

– А то! – усмехнулся Свен.

Валуны попадались то и дело. Он показал на несколько здоровенных камней впереди.

– Вот и хорошо. Сейчас мы их расколдуем, – кивнул парень из Эсбу – помогите разгрузить тачку.

Рабочие неохотно спустили на землю тяжелые ящики.

Арон, не отрываясь, смотрел, как он достает круглые цилиндры, завернутые в промасленную бумагу.

– Аммонал! – весело крикнул парень и взял в руки пару цилиндров и потряс в воздухе. – Вот они, мои шашечки, с ними мы и работаем. Куда вы хотите передвинуть вот эту глыбу? Вправо? Заложите ребятишек с левой стороны... поглубже, поглубже, им тоже упор нужен. Вдавите запальный патрон со шнуром... и не торопитесь, понежней, как со своим...

Землекопы дружно заржали, но тут же стихли. Парень взялся за лело сам. Взял у стоявшего рядом рабочего лом и пробил в земле под камнем несколько отверстий. После каждого останавливался, что-то отмерял и несколько секунд размышлял. Потом рассказал, что такое направленный взрыв.

– Непростое дело, – сказал он, – многое надо учесть...

И поджег метровый черный шнур.

– Всем отойти! Подальше, подальше... лучше укрыться за чем-нибудь. Дальше, дальше!

Земля вздрогнула. Облако дыма и огня выстрелило в воздух, многотонный валун подпрыгнул и, перевернувшись несколько раз, откатился в сторону.

– Ур-ра! – закричали землекопы.

Парень снял кепку и раскланялся, как факир:

– Аммонал! За динамитом будущее!

Инженер из Эсбу научил их, как взрывать камни, и покатил дальше. И

вновь пошли в дело лопаты. Лучше бы он вообще не приезжал, решил Арон. Лучше бы вообще не знать, что есть такая штука – аммонал. Оказывается, скалы можно взрывать, а у них только кирки да лопаты.

Постепенно становилось теплее. Глина подсохла, копать стало совсем легко, зато появились комары. С самого начала лета в лесу кружились несметные полчища этой чумы. Они жужжали где-то рядом, прокусывали ткань полуистлевших сорочек. Лицо у Арона опухло, он непрерывно чесался и расчесывал укусы до крови. Они даже залетали в рот. Вкус у комаров был такой же, как у крови, – солоновато-сладкий.

Свен соорудил себе и Арону берестяные колпаки от солнца и от комаров. Полюбовался на свою работу и взял лопату.

– Не сдаваться, – сказал он. – Мы же этого хотели, или как?

Арон промолчал.

В короткий обеденный перерыв приносят котлы с супом, графитово-серым от комаров. Арон давит их ложкой и ест, закрыв глаза.

Больше всего ему хочется убить их всех. Всех до одного.

Юнас

Юнас вернулся на виллу. Нечего думать об этом Петере Майере. Надо работать.

Принес со склада шлифовальную машинку, с усилием воткнул вилку в розетку. Заправил шкурку и начал работать. По одной доске. Неторопливо и равномерно, не нажимая, как сказал отец. Снять серый налет, чтобы доски опять стали светлыми и нарядными. После этого покрыть все китайским маслом.

Он работал на коленях. Солнце пекло непокрытую голову, лоб вспотел. Он и в самом деле старался ни о чем не думать, но никак не мог отделаться от этого имени. Петер Майер. Мальчик знал, что это тайна, Герлоф несколько раз повторил – никому, ладно? Лучше бы вообще забыть, но не получалось. Человек с лайбы, с топором. Убийца.

Петер Майер. Продавал билеты на «Короля Льва». Живет в Марнесе.

– Все в порядке, Юнас?

Отец. Юнас его и не заметил. Раздвинул стеклянные двери и смотрит, как сын шкурит веранду.

– Идут дела?

Юнас кивнул.

– Нравится?

Мальчик не знал, что ответить. Что тут может нравиться? Попытался улыбнуться, но сам почувствовал, что улыбка вышла неестественной. И отец заметил. Вышел на веранду и закрыл за собой стеклянную дверь:

– По матери скучаешь?

– Немного... да нет, все в порядке.

Юнас машинально водил машинкой – неторопливо и равномерно.

– А в чем тогда дело? – спросил отец, подождав немного.

Юнас отпустил кнопку выключателя. Наступила тишина.

– Так... случилось кое-что.

– Что? Что случилось?

– Кое-что... в понедельник вечером.

– В понедельник вечером? Что могло случиться в понедельник вечером? Ты же был в кино?

Юнас помолчал. Попытался сделать вид, что оценивает свою работу, но отцовский взгляд словно прижимал его к полуошкуреным лоскам веранды.

– Нет, – промямлил он в конце концов. – Я остался дома.

Отец подошел поближе:

– Лома?

– Взял надувную лодку и пошел на берег. Вот тогда-то все и произошло...

Событие было чересчур значительным, и он не выдержал – рассказал отцу все без утайки. Все, что он видел ночью в проливе. Начал медленно, с трудом подбирая слова, потом все быстрее и быстрее – ему не под силу было нести этот груз одному И про рыбацкую лайбу и о живых мертвецах, и о погнавшемся за ним парне. Его, скорее всего, зовут Петер Майер.

Отец слушал, не перебивая. Он был хорошим слушателем – ни разу не остановил, не засмеялся. Он и сейчас, когда Юнас закончил, даже не улыбнулся.

– О'кей, – не сразу сказал отец. – Спасибо, что рассказал.

И все. Похоже, его ничуть не беспокоил рассказ сына про ночное приключение, едва не стоившее ему жизни. Юнас посмотрел на отца выжидательно. Тот кивнул:

– Все в порядке. Можешь продолжать играть.

– Я не играю, – тихо сказал Юнас. – Я работаю.

Вдруг он вспомнил женщину, с которой разговаривал у Герлофа, и неуверенно спросил:

– В полицию сообщим?

– Конечно... Мне надо подумать.

Отец отвернулся и посмотрел на сверкающий голубым огнем пролив. Вид у него был такой, будто он чего-то устыдился. Не глядя на Юнаса, молча направился к двери.

Юнасу было неловко. Во-первых, он пообещал Матсу не рассказывать, что они не взяли его в Кальмар. Во-вторых, он нарушил слово, данное Герлофу – молчать про Петера Майера. Никому, ладно? Никому, никому...

И тут же выболтал. Отец даже и не спрашивал.

Что сделано – то сделано. Назад не вернешь. Надо работать, а не думать.

Через час пятая часть веранды была готова. Лоски выглядели совершенно новыми. Он взгляделся – здорово получилось. Все ровно, никаких ям и шероховатостей. От досок, разделенных, как на палубе, темными швами, исходил спокойный янтарный свет. И сучки похожи на жуков в янтаре. Такой работой можно гордиться.

Юнас с удовольствием выпрямился и увидел подъезжающую машину. Такого размера тачка во всем поселке была только у дяди Кента.

«Лендкрузер».

Кент Клосс и сидел за рулем – в белой кепке и закрывающих пол-лица темных очках. Открыл дверцу, помахал Юнасу и направился к нему быстрым шагом. Начал говорить еще на ходу:

– Твой отец звонил мне только что, Ю-Ко... С тобой, оказывается, кое-что приключилось позавчера?

Он взбежал на веранду присел рядом с Юнасом на корточки и заглянул в глаза.

– Побывал на барже, да? Отец сказал, ты там видел парня по имени Петер Майер? Это правда?

Юнас промолчал.

– Правда или нет?

Мальчик неуверенно кивнул.

– Интересно... – Дядя Кент не отводил взгляд. – Тогда я могу тебе рассказать одну историю. Мы арендовали баржу, она привозила свежую рыбу – надо же как-то обеспечивать рестораны и поселок. Она стояла в грузовой гавани «Эландика». И вот баржа эта куда-то исчезла. Капитан даже не поставил нас в известность, что на него не похоже. Нам это показалось по меньшей мере странным...

Юнас мысленно пересчитал мертвых моряков.

– А этот Петер Майер, его все называют Пекка, в прошлом году работал у нас в «Эландике» охранником... мне бы очень хотелось с ним поговорить. Но сначала я должен быть уверен, что ты на этом... на этом «летучем голландце» видел именно его. Ты его узнаешь, если увидишь?

Юнасу оцепенел. Дядя Кент улыбнулся:

– Не бойся. Пекка живет в Марнесе. У меня даже адрес его есть. Но чтобы не выглядеть идиотом, я должен знать точно – он, не он... Можешь поехать со мной?

Мальчик подумал, кивнул и хотел что-то сказать, но Кент его опередил:

– Отлично, Ю-Ко! – Он взъерошил волосы мальчика. – В Марнесе ярмарка, полно народу. Скорее всего, он там. Я за тобой подъеду.

Кент пошел к машине, дал задний ход и выехал на прибрежную дорогу.

Юнас взял в руки шлифовальную машину. Ему было очень не по себе.

Искать того парня с корабля? Говорить с ним? А если у него с собой топор?

Лиза

Ни шампанского, ни пьяных посетителей. Абрикосовый закат и теплый ветерок на открытой веранде ресторана.

Никаких дисков. Она сидела на высоком барном стуле с гитарой. Солнце светило прямо в глаза, и единственное, что она видела отчетливо, – маленький микрофон.

Никаких париков в этот вечер. Сегодня она трубадур, а не диск-жокей. Это совсем другое, чем выкрикивать разную чушь в микрофон и полночи менять диски. Звук, правда, похуже – один маленький динамик, а ветер с пролива уносит звуки в альвар, так что она и сама себя временами почти не слышит.

Она пела то, что любила сама. Старые шведские песни, барды первой половины двадцатого века. Эверт Тоб, Лан Андерссон, Нильс Ферлин. Публика была не в восторге. Хотели что-то посовременнее.

– *Ace of Basel* – высокий девичий голос.

– Я не знаю их лотов...

– *MarkoolM*

Лиза подняла гитару. Уже десятый час, пора заканчивать.

– Я же не могу знать все лоты в мире. Спою песню, которую я знаю... Песню написал Тумас Ледин. Автор сожалеет, что лето очень быстро кончается.

Можно позволить себе спокойный вечер. Леди Саммертайм нечего делать среди обычных отпускников. Ее интересуют только пухлые бумажники богатых лохов. Взять у богатых – отдать бедным. Или Силасу. Робин Гуд в лиловом парике.

Четверть десятого. Лиза поклонилась и положила гитару в футляр. Над горизонтом висело багровое солнце. Хватит на сегодня.

Она хотела купить молока и хлеба, но магазинчик рядом с рестораном закрылся в восемь. Ей нравился хозяин – приветливый пожилой дядька. Ему помогал сын, тоже симпатичный. А ресторан, где она пела, принадлежал ее работодателям – семье Клосс.

Ресторан небольшой, но работы выше головы. Две финки-официантки мечутся между столиками, в кухне царит канадский повар в окружении баночек с песто и раскатанных лепешек для пиццы. Хозяином ресторана считается, слава богу, не Кент Клосс, а его младший брат – Никлас. Этот ни во что особо не вмешивается, стоит у кассы. Персонал подгонять не надо –

и без понуканий работают как запрограммированные.

Лиза застегнула футляр и пошла к выходу.

– Звучит нормально? – спросила на выходе.

– Отлично, – кивнул Никлас Клосс.

– Повторим в понедельник.

– Отлично.

Что это он – все «отлично» да «отлично»... Словно не слышит, что она говорит. А может, и вправду не слышит – уставился в окно. Лиза повернулась – на парковку свернул большой черный джип. Водитель, не выключая мотор, открыл дверь и вышел. Лиза сразу узнала – Кент Клосс. Он помахал, и Никлас пошел к нему.

Она прислушалась, но ветер доносил только обрывки фраз.

– ...раньше у нас работал...

– ... не хочу обсуждать...

– ... просто поговорить...

– ... по телефону...

– ... нет, лучше съездить...

Никлас без большой охоты влез на пассажирское сиденье. Кент развернулся и выехал с парковки.

На заднем сиденье сидел мальчик, это она заметила сразу. Она узнала его – сын Никласа.

Ей показалось, он чем-то напуган.

Пока она дошла до кемпинга, солнце успело зайти. Осталась только кроваво-красная полоса над горизонтом.

Лень словно выцвел, краски поблекли, потемнели кроны деревьев. Начало одиннадцатого. Лиза открыла кемпер и остановилась на пороге. Летям полагалось бы спать в это время. Куда они потащили мальчика на ночь глядя?

Юнас

Марнес расположился на восточном берегу острова. Несколько магазинов, белая средневековая церковь. Поселок слишком велик, чтобы называть его деревней, но для города маловат. Народу на улицах обычно много – привлекают продуктовые магазины, «Систем-булагет», гавань с рыбацкими баркасами и отделение полиции, открытое для посетителей по вторникам с десяти до часу. Юнасу нравились магазинчики в Марнесе, но в этот вечер все они закрыты. Ничего удивительного. Уже половина десятого, смеркается, откуда-то потянул прохладный вечерний ветерок. Марнес в это время готовится ко сну – пустеют улицы, зажигаются фонари, закрываются жалюзи. Но сегодня ярмарка, и народу кругом достаточно.

Площадь плавно переходит в гавань. Здесь кипит жизнь. Настоящий тиволи – качели, карусели, киоски с сосисками, мороженым, временные ларьки с сувенирами. Все подъезды к площади забиты машинами. Дядя Кент долго искал парковку, выругался и припарковался позади конторы, в ячейке для инвалидов.

– Лолго не задержимся, – сказал он. – Оштрафуют – заплачу. Никлас подавленно молчал. За всю поездку он не произнес ни слова. Зато Кент разговаривал без остановки:

– Позвоним в дверь – и все. Узнаем, дома ли он. И если это и в самом деле он, тот парень, которого ты видел на лайбе, поговорим, узнаем, что там было на самом деле. Тебе даже присутствовать не надо. Договорились?

Юнас кивнул. Ему было страшно, сердце колотилось так, что в ушах отдавалось, но его обуревала гордость. За этот день он стал взрослым. Подумать только – главный свидетель в деле об убийстве!

Весело мигали низко повешенные гирлянды цветных лампочек, пахло жареными на гриле сосисками и попкорном. Юнас с удовольствием задержался бы у ларька, где торговали подержанными видеокассетами, но дядя Кент покачал головой.

– Дешевка, – сказал он брезгливо, – летом Марнес превращается в копеечный толчок. Торгуют всяким дерьмом.

Он прибавил шагу. У открытого бассейна свернули на боковую улочку. Два дома-близнеца – трехэтажные, со съемными квартирами. Лома откровенно бюджетные, но ухоженные. И вид на пролив наверняка умопомрачительный.

– Номер восемь, – сказал Кент. – Второй этаж. Здесь он и живет.

Он пропустил брата и Юнаса, придержал дверь и начал подниматься по лестнице.

– Спрячься за мной, Ю-Ко.

Теперь он шел помедленнее, не так уверенно. Процессию замыкал отец. Он все время оглядывался, будто проверял, есть ли куда удрать в случае чего.

Поднялись на второй этаж. Две двери, на левой над почтовой щелью прилеплена написанная от руки табличка – МАЙЕР.

Сердце забило еще сильнее, желудок провалился в низ живота. Юнасу показалось, что вся лестничная площадка потемнела; невесть откуда потянул знобкий ветерок, словно сюда слетелись невидимые духи зла.

Он посмотрел на дядю Кента. Тот вовсе не выглядел испуганным – решительно поднял руку, нажал на кнопку звонка и долго не отпускал. В квартире раздался сухой, мертвый звонок. Юнасу стало еще страшней – эхо звонка показалось бесконечным, а в памяти, как назло, всплыли жуткие картины с корабля-призрака. В двери встроен глазок, точно такой же, как у них дома в Хускварне. А может, там уже кто-то стоит, смотрит на них и сжимает в руке топор?

Петер Майер. Человек с топором.

Никто не открывал. Кент подождал немного, позвонил еще раз и вздохнул:

– Вот и все. Никого нет. Поехали домой.

Юнас почувствовал облегчение. Приключение не состоялось. Он был немного разочарован, но на душе стало легче.

Они вышли на улицу. Стало еще темнее. Зажглись уличные фонари, в мелькании лампочек и стробоскопов люди похожи на привидения.

Юнас немного отстал – ему хотелось посмотреть на аттракционы. Радиоуправляемые машины, полет на пушечном ядре... хорошо бы, но никто не разрешит. У взрослых свои дела.

Рядом с гаванью расположилась единственная в городке пиццерия «Моби Лик». Два года назад они там ели с отцом и Мате ом. Тогда в пиццерии почти никого не было, не то что сейчас. На веранде по шесть-семь человек за столиком, ни одного свободного. Лым столбом, хохот, официанты не успевают разносить кружки с пивом. Загорелые поклонники гольфа в теннисках и белых бейсболках. Яхтсмены в голубых пиджаках, велосипедисты с примятыми шлемом шевелюрами.

Курортники. Или, как их называют в Стенвике, *купальщики*. Юнасу стало немножко завидно.

Долговязый бритоголовый парень в черной джинсовой куртке

лавировал между столиками с картонной коробкой с пиццей в руке.

Юнас всмотрелся.

Время словно остановилось.

Он отвернулся, стараясь не делать быстрых движений. Никаких сомнений.

Остановился и взял отца за руку.

– Там, – сказал он.

– Что – там?

– Это он.

Отец остановился:

– Кто?

– Тот... с лайбы.

– Майер? Где?

Юнас незаметно кивнул в сторону пиццерии. Петер Майер выбрался с веранды на тротуар и шел прямо на них, по направлению к гавани.

– Кент! – крикнул отец.

– Что?

– Вон там...

Дядя Кент проследил за его взглядом, увидел Петера Майера, замер и пустился бежать через улицу.

– Пекка! – крикнул он на бегу. – Подожди!

Парень обернулся, замер на секунду и тоже побежал. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

– Подожди! – крикнул Кент. – Я только хотел...

Майер отшвырнул свою пиццу и побежал что есть сил. Но бежал он не к дому а от дома.

Дядя Кент пустился за ним.

– Я за машиной! – крикнул отец ему вдогонку Дядя Кент на ходу кивнул и прибавил шаг.

Отец положил Юнасу руку на плечо:

– За мной, мальчик. – И двинулся к конторе гавани, раздвигая толпу и то и дело извиняясь.

Юнас послушался было, но тут же остановился. И как же это – не увидеть, чем кончилось дело? Он повернулся и побежал за дядей Кентом.

– Юнас!

Мальчик даже не оглянулся.

На этот раз он бежал с удовольствием. Он уже не дичь, как тогда. Он охотник. Охотник из семьи Клоссов.

Здесь освещение было похуже, чем на площади. Лица людей почти не

различимы, но белую ветровку дяди Кента видно издалека. Дядя Кент перебежал улицу. Перед ним маячила бритая голова Петера Майера.

Юнас помчался за ними.

Очень скоро он обнаружил, что люди куда-то исчезли. Улица на выезде из города была совершенно пустой.

Здесь почему-то было заметно прохладнее.

Дядя Кент миновал церковь. Майер остановился у последнего фонаря и юркнул в березовую рощу. Постепенно глаза привыкли к темноте.

Кент побежал за ним, перепрыгнул канаву и исчез между деревьями.

Это была странная погоня – очень медленная, как во сне. И Майер, и Кент боялись оступиться.

Юнас последовал за ними. Он тоже, примерившись, перепрыгнул канаву и остановился. В лесок уходила тропинка. Внезапно стало очень тихо – страшноватая, сосущая тишина. Постепенно глаза привыкли к темноте. Полная луна напоминала грязноватый уличный фонарь. Она то и дело пряталась за тучами, в ее свете еле заметно белели вертикальные призраки берез. Несколько мгновений Юнас стоял неподвижно, пока не услышал, как где-то хрустнула сухая ветка. Он побежал, лавируя между деревьями. Лес вскоре кончился, он оказался на заросшем невспаханном поле, больше напоминавшем луг перед покосом. Трава в лунном свете серебрилась, как огромная волчья шкура у дяди Кента в спальне.

На другом конце поля опять начинался лес. Вдоль опушки бесшумно двигались две фигуры. Потом они исчезли.

Юнас быстро перебежал луг. Тут тоже была тропинка. Он немного устал, ему было страшно, но гордость и возбуждение пересиливали страх. Сегодня он не один, как тогда, ночью, на этом жутком корабле-призраке. Где-то за спиной отец, а здесь, в лесу, здоровенный дядя Кент.

Опять до него донесся хруст ветки и еще какое-то странный гул, словно растревоженный пчелиный улей. Он не сразу сообразил, что это за звук, потом до него дошло – машины! Здесь же шоссе на Борнхольм, и еще не так поздно, движение пока не стихло.

Юнас прислушался и двинулся вперед, стараясь не сбиться с тропинки.

Кто-то крикнул, похоже, дядя Кент.

Юнас остановился.

Еще один крик, и сразу вслед мгновенно оборвавшийся дикий вой.

Юнас вздрогнул и заледенел. Но сразу сообразил – это кричит не человек. Это визг автомобильных тормозов по асфальту.

Несколько секунд полной тишины, потом вновь чей-то отчаянный

крик.

Хлопнула автомобильная дверца.

Юнас замер. Стоял, не двигаясь, и прислушивался. Снова захрустели сухие ветки. Кто-то направлялся прямо к нему.

Из темноты проявилась тень.

– Это ты, Ю-Ко?

Дядя Кент.

– Да, я хотел только...

– Нечего тебе здесь делать, – резко оборвал Кент.

Юнас промолчал – что тут скажешь?

Дядя Кент не ответил. Он, тяжело дыша, прошел мимо Юнаса по тропинке, отодвинув мальчика, как мешающую пройти ветку.

Ничего не оставалось, как следовать за ним. Шли молча, но Юнасу не терпелось. Он догнал Кента:

– И как?

Кент не ответил. Они пересекли лужайку и шли теперь по тропинке в Марнес.

– Ты его не поймал?

– Нет. Его больше нет, – буркнул Кент, не останавливаясь.

Они перепрыгнули канаву и оказались на асфальтированной, освещенной дороге.

Юнас заметил, что у дяди Кента ритмично подрагивает левый глаз, словно какой-то маленький мускул затеял самостоятельную тренировку.

Кент внезапно остановился и пристально посмотрел на Юнаса:

– Ты видел там что-нибудь?

– Где – там?

Кент перевел дыхание и пошел дальше.

– Эге-й! – тишину прервал голос отца. Он стоял около машины рядом с церковью. – Что случилось?

Кент подошел к нему вплотную и что-то тихо ответил. Юнас разобрал только:

– ... вывернулась «ауди»...

– «Ауди»?

Дядя Кент кивнул.

Отец молча покачал головой.

Они сели в машину. Отец подождал, пока Кент отдышится, повернул ключ зажигания:

– Поехали домой.

На шоссе Юнас увидел полицейские мигалки. В сотне метров от них

скопилось несколько машин, толпились люди. Несколько человек в оранжевых светоотражающих жилетах возились у обочины.

Отец показал левый поворот, но дядя Кент остановил его:

– Лавай направо. Поедем через Лонгвик.

Отец кивнул.

Юнас посмотрел в заднее стекло. Ясно, случилось что-то серьезное, но что именно – понять невозможно.

Мигалки исчезли за горизонтом. Через несколько километров отец свернул на проселок к берегу.

Кент откинулся на сиденье:

– Завтра в новостях скажут, что случилось. Мы не будем об этом говорить.

– Конечно, – пробормотал отец. – Как обычно.

А Юнас промолчал. Сидел на заднем сиденье и вглядывался в темноту.

Что хотел сказать дядя Кент? Кому они не будут говорить? Семье? Полиции?

Герлоф

Герлоф потянулся, чтобы выключить приемник, но тут как раз пропикало двенадцать. Полуночные местные новости.

– А теперь о происшествии на севере Эланда, – сказал диктор. – На сто тридцать третьей дороге, недалеко от Марнеса, машина сбила двадцатичетырехлетнего мужчину. Он выскочил на дорогу прямо перед радиатором идущей с большой скоростью «ауди». Пострадавшего отвезли в больницу, где врачи констатировали смерть. Водитель «ауди» все еще в тяжелом шоке.

Имени погибшего, как всегда, не назвали. «Двадцатичетырехлетний мужчина». Герлоф давно говорил, что дорожному управлению пора снизить скорость на сто тридцать третьей. Широкое четырехполосное шоссе на Боргхольм, прямое как стрела. Трудно избежать соблазна придавить акселератор.

Надо бы написать в газету. А что предложить? Переделать шоссе в проселок, как было раньше?

Он улыбнулся сам себе и выключил приемник.

Погасил свет. Завтра он и сам поедет по этой дороге, правда, по другому участку и на автобусе. Предстоит ностальгический ланч в Боргхольме.

На следующий день он сидел за длинным столом в окружении мужчин и женщин примерно его возраста. Все они возвратились на родину после долгих лет эмиграции. Даже по лицам видно, как много повидали они на своем веку. Обменивались историями из эмигрантской жизни. Герлоф тоже решил принять участие в разговоре:

– У отца моего был знакомый в Бэде, его двоюродный брат тоже уехал в Америку. И как-то вечером ложится этот, из Бэде, спать и вдруг чувствует трупный запах. Сначала думал – галлюцинация, но жена тоже принохивается. Решили, какой-то зверь сдох в подвале, но не ночью же искать. Уснули, а на рассвете просыпается он и видит брата в окне. Тут только до него дошло – умер он там, в Америке.

Он замолчал. Некоторые засмеялись, как будто в его истории было что-то смешное.

Девять мужчин и две женщины. Шведско-американский ланч в отеле «Боргхольм». Жареный палтус с томатным мармеладом.

Герлоф приехал в Боргхольм заранее – хотелось пройтись по когда-то родному ему городу Здесь, в гавани, стояла его лайба.

Идешь, бывало, по улице – не успеваешь здороваться, а сейчас ни одного знакомого лица. Зато туристов полно – столько никогда не было.

Он спустился к воде и постоял немного у пирса. В те времена здесь были зачалены сотни парусных лайб – таких, как у него, у кого-то побольше, у кого-то поменьше. А теперь только современные катера из стеклопластика и прогулочные яхты. Среди них есть и шикарные, но сама гавань выглядит неухоженной. Штукатурка на стенах построек искрошилась, бетон потрескался.

Но ресторан – не придерешься. Очень красиво. Светлые, только что отремонтированные залы, полы из полированного камня – возможно, кто-то из его родни добывал когда-то этот розоватый известняк в стенвикской каменоломне. Свежайший, еще пахнущий морем палтус не пережарен, в меру сладковатый, щедро сдобренный лимонным соком томатный мармелад просто тает во рту.

Но главное его внимание было приковано к соседям по столу. К возвращенцам.

Они говорили на причудливой смеси шведского и английского, но никаких трудностей в понимании не возникало.

Заказали датский аквавит. Становилось все шумнее. Посыпались байки.

– Шведская камбала хороша... но однажды на Аляске я поймал палтуса на двести килограммов...

Ингемар Грандин приехал из Сан-Пабло в Калифорнии. Одна из лам с редким именем Нурдлоф – из Нью-Хэвена. Остальные родились в Америке – в Миннесоте, Висконсине, Бостоне.

В конце концов выяснилось, что только трое из присутствующих когда-то и в самом деле эмигрировали из Швеции в Америку. Остальные родились в Америке, но все равно считали себя уроженцами Эланда.

Вид вполне мирный. Ни за что не скажешь, что кто-то из них возил Аль-Капоне по улицам Чикаго или грабил рыбацкие баркасы.

Решили завершить встречу кофе с тортом в новой кондитерской, и веселье почему-то угасло. Может, аквавит сделал свое дело.

Пошли воспоминания, как трудно пришлось эмигрантам в новой стране.

– Многие так и не расстались с картой Швеции, так и носили в бумажниках... Вернулись бы, но никак не удавалось собрать деньги на билет.

– Да, тем, кто не сумел пробиться, нелегко пришлось. Работа, работа и работа. Конца не видно, а денег все нет и нет. Особенно в лесу, это, честно говоря, *crazy job*, опасно для жизни. Никакой техники безопасности...

– Какая там техника безопасности! *Lumbermen*...^[14] Кто без руки, кто без ноги. Пальцы не в счет.

К Герлофу подошел Билл Карлссон и вручил ему несколько сложенных пополам листов:

– Это то, за что ты просил.

– О чем.

– Что – о чем?

– О чем я просил. Не за что, а о чем.

– Никакой разницы, – решил Билл.

Отпечатанный на пишущей машинке список – имена и даты. Герлоф был немного ошарашен, но тут же вспомнил, что двоюродный брат Билла переворочил все церковные книги – хотел разузнать как можно больше о судьбе эмигрантов с острова.

Впрочем, не всего острова – здесь были данные только о жителях северных приходов. И только за последние сто лет. Этого вполне достаточно.

Он неторопливо водил пальцем по прыгающим строкам и вдруг остановился. Его внимание привлекли два имени:

Арон Фред, р. 1918, Рёдторп, приход Альбэке.

Свен Фред, р. 1894, Рёдторп, приход Альбэке.

Уехали в мае тридцать первого года. Люди эмигрировали и позже, вплоть до сороковых – пятидесятих годов. Но тогда уже не плыли третьим классом на корабле, а летели самолетом, и не в «Америку», а в США. Арон и Свен были из последних эмигрантов той, первой волны.

Собственно, внимание Герлофа обратило имя – Арон. Юнас Клосс слышал это имя на корабле-призраке. Но и название хутора показалось знакомым. Где он его слышал?

Арон из Рёдторпа?

И вдруг он вспомнил. Вспомнил, наклонился к Биллу и ткнул пальцем в строку:

– Этого я знаю. Арон из Рёдторпа... мы с ним работали одно время на кладбище в Марнесе... Он еще тогда говорил, что собирается в Америку. А потом я слышал, он все-таки уехал. С отцом. А уж как там у них сложилось – понятия не имею.

Бил встал, зашел к Герлофу за спину и посмотрел на запись:

– Тридцать первый год... *Great depression* – Великая депрессия. Не скажешь, чтобы удачно выбрали время. Тогда не только эмигрантом туго приходилось. Безработица и все такое... Хлебнули, наверное.

– Наверняка, – согласился Герлоф.

Он посмотрел на шведских американцев. Скисли малость, немолодые уже. Интересно, приезжал ли Арон хоть раз навестить родные края?

Возвращенец

К торговцу оружием он приехал на этот раз один, на машине. Запарковался метрах в пятидесяти от дома Валла и несколько минут подождал. Никого, все спокойно.

В лучах заходящего солнца трава казалась изумрудно-зеленой, а дальше, у горизонта, виднелась дымная темно-голубая полоска моря. Идиллия, да и только. Но что-то было не так.

Он вышел из машины и хлопнул дверцей. Где-то у воды загоготали невидимые гуси, и тут же все стихло.

Одинокая хижина, выкрашенная давно выцветшей красной фалунской краской. А за ней – море. Где-то там, по ту сторону горизонта, Готланд.

– Эй, есть тут кто-нибудь?

Молчание. На зов никто не вышел.

Он подошел поближе. Лверь не заперта, даже приоткрыта слегка. Потянул за ручку и взгляделся:

– Балл?

Гусиный гогот в ответ.

Определенно что-то не так.

Он тихо проскользнул в дверь. На первом этаже никого. Судя по всему, Валла нет дома. Но почему тогда не заперта дверь? Он помнил, как преувеличенно осторожен Балл был в первую их встречу. Это на него не похоже.

Возвращенец вышел во двор и сделал несколько шагов к берегу. В воде покачивалась незачаленная деревянная шлюпка. Почему она качается? Абсолютный штиль, ни малейшего ветерка. Похоже, в ней кто-то сидит.

Он подошел поближе. Он помнил совершенно точно – в тот раз шлюпка лежала на берегу, в траве.

Нет, это не человек. Это птицы.

Большие коричневатые птицы сидят рядком на борту. Это под их тяжестью качается лодка. Абсолютный штиль, ни малейшей волны, лодка качается, а вокруг с криками носятся вороны и галки.

Возвращенец подошел к кромке воды, махнул рукой и негромко крикнул.

Птицы на лодке захлопали крыльями, но не взлетели.

Теперь он их узнал – орланы-белохвосты. Огромные, с хищно изогнутыми клювами, они то и дело наклонялись и клевали что-то на дне

лодки, изредка бросая презрительные взгляды на снующих вокруг ворон.

Внезапно он заметил в клюве у одного из орлов что-то белое. Вгляделся, и его передернуло – кусок окровавленного мяса с лохмотьями белой кожи. Орлан подержал его в клюве и бросил на дно лодки – видно, сообразил, что такой кусок ему не проглотить.

Возвращенец постоял несколько секунд. Потом решился и медленно вошел в воду. Крикнул несколько раз – птицы не обращали на него внимания, пока он не подошел совсем близко. Только тогда они с возмущенными воплями поднялись в воздух. Бояться нечего – орланы почти никогда не атакуют людей.

Перегнулся через релинг – сомнений не было.

Балл лежал на спине, на узкой елани. Рядом валялась недопитая бутылка «Эксплорера».

Возвращенец опознал только одежду Валла. Только одежду и можно было узнать. Орланы уже почти расклевали лицо.

Он отпустил лодку и попятился. Ему и раньше случалось видеть трупы. Картина привычная. Задом дошел до берега и долго стоял в мокрых башмаках, глядя на покачивающуюся шлюпку.

Собрался с духом и пошел в дом – надо было взять то, ради чего он приехал.

Балл хвастался, что у него была с обыском полиция, искали полдня, но ничего не нашли.

Возвращенцу повезло больше. Он знал, понимал и чувствовал оружие лучше, чем большинство людей на этой земле. Он мог найти его по запаху. Методично прошел по всем комнатам, осмотрел мебель, приподнял ковры. На втором этаже его внимание привлек старый сундук – когда-то в нем, наверное, лежало приданое жены Валла. Сейчас там ничего, кроме старых одеял, не было, но сундук был непомерно тяжел.

В сундуке оказалось двойное дно, а под ним лежали две винтовки. Видавшая виды длинноствольная «хускварна» с патронами «гитторп». Патроны превосходные, но сама винтовка знавала лучшие времена.

Зато вторая – совершенно новая короткоствольная штурмовая «Беретта ARX-60». Красивое, современное оружие.

Возвращенец поднес обе винтовки к окну и внимательно рассмотрел. Он любил хорошее оружие, надежную амуницию, когда все зависит не от заклинившего патрона, а от стрелка.

Когда он был мальчишкой, настоящее оружие здесь, на Эланде, считалось редкостью. То и дело случались несчастные случаи. У старых охотников встречались даже дульнозарядные курковые ружья неизвестно

какой эпохи. Требовалось два, а то и три выстрела, чтобы добить вальдшнепа или утку.

Но к нему это не относится. Даже в детстве он обходился одним выстрелом. Чтобы убить добычу наверняка, нужно хорошее оружие. И конечно, стрелок должен быть трезвым как стеклышко. Вот и все. Больше ничего не надо.

Он взял винтовки и спустился по лестнице.

Надо бы поскорее отсюда убраться, но тут он заметил на стене в кухне связку ключей.

Возвращенец спустился к рыбарне.

На Эланде рыбарни обычно не запирали – самое большее, подвяжут дверь обрывком веревки, чтобы не хлопала на ветру. Но у Валла на двери были стальная накладка и массивный висячий замок. Интересно, добралась ли сюда полиция?

Он подобрал ключ и открыл дверь. На него пахнуло запахом водорослей – ничего удивительного, под потолком были развешаны не особо тщательно просушенные сети.

В углу небольшой газовый баллон. Он поднял его и прочитал надпись – «хлороформ». Поставил у порога и продолжил поиски.

В самом дальнем углу, забитом небрежно сложенными в кучу мокрыми сетями, лежали два деревянных ящика с желтыми наклейками. Он вынес один из ящиков на свет.

Ящики тщательно заколочены. Возвращенец огляделся, нашел старый массивный рыбацкий нож и поддел крайнюю дощечку. Именно то, что он и думал.

Он завернул ящики и баллон в одеяло, отнес к машине и запер дверь.

Бросил последний взгляд на лодку где продолжали свою мрачную работу орланы. И вороны не летали – ждали своей очереди.

Скоро от Валла ничего не останется. С этим уже ничего не сделаешь. Надо все же позвонить в полицию – анонимно, само собой. Из автомата.

Завел мотор и уехал.

Земля обетованная, ноябрь 1933

Пришла зима. Все кругом белым-бело. Пусто и бело. Горы на горизонте, лес и нескончаемые снежные поля. И канал, как бесконечная рыжая рана на белой коже земли. Канал пустили еще в августе. Накрыли столы для всех, впервые за много лет Арон наелся до отвала. Приехало множество делегаций. Приехали даже писатели, среди них какой-то очень знаменитый. Писатель слушал рассказ начальника стройки, расспрашивал рабочих и довольно кивал, потирая большие нестриженные усы.

Прошли первые баржи и пароходы.

Праздники закончились, и опять пошли будни. Как всегда, сплошные недоделки. Надо уплотнять шлюзы, укреплять русло, строить дома, поселки для работников канала, прокладывать дороги...

Комаров нет, но легче не стало. Начались первые морозы.

Живут они в покосившемся бараке. Измученные рабочие из по меньшей мере десяти стран. Торопливо съедают черствый хлеб и жидкий мясной суп у печки-буржуйки и валяются спать.

Вонь, как в запущенной конюшне. Они не моются, мыться негде – вода в кадках замерзла уже неделю назад.

Арон прислушивается, как воеет ветер за щелястыми деревянными стенами, и вспоминает Эланд. Морской берег, теплые, отполированные волнами камни, на которых он любил загорать, охоту с дедом, мамины вечерние сказки, сестру Грету – как давно это было... Воспоминания стерлись, стали бессвязными. Отдельные яркие картинки.

Ему исполнилось пятнадцать. Понемногу забывается и истощается родной язык, и, если его спрашивают о чем-то, он механически отвечает на новом, чужом языке, и слова этого нового языка приходят в голову все быстрее и быстрее.

Он не просто стал старше. Он изменился и внешне. В бараке нет зеркала, но он чувствует, как растут волосы на щеках и подбородке, еще недавно они были мягкими как пух, но постепенно становятся все жестче.

Каждое утро он просыпается от холода, удивляясь, что еще может двигаться. Если печка ночью гаснет, надо побыстрее затопить ее снова – если запаслись дровами, разумеется. Он сует несколько полешек, горсть щепы, раздувает огонь и слышит, как медленно, с кашлем и стонами просыпаются на нарах рабочие.

Как-то утром один из рабочих не проснулся. Арон почему-то считал,

что он из Германии, хотя они так ни разу и не разговаривали. Совсем рядом, через койку от Арона. Его попытались растолкать, но где там.

– Сердце остановилось, – тихо сказал Свен. – Инфаркт, что ли...

Арон долго смотрел на умершего, вспоминая Гилберта Клосса. Много лет назад тот потерял сознание и рухнул в только что выкопанную могилу, где уже лежал в гробу его брат.

У Гилберта тоже остановилось сердце. Но не от усталости, а от страха.

Немца отнесли подальше от барака и похоронили. На могиле поставили деревянный крест.

Никто о нем не вспоминал. Он мертв.

Но Арон не умрет. Он выживет. Несмотря на нечеловеческую, изматывающую работу, несмотря на нечеловеческий, изматывающий мороз.

Можно топить буржуйку хоть сутки напролет – в бараке никогда не бывает тепло. С потолка свисают сосульки, на тонких, ничем не утепленных дощатых стенах узоры инея. Каждое утро одно и то же – попытки размять окоченевшие мышцы и суставы. А за стенами барака – минус двадцать пять, если верить старому ртутному термометру, приколоченному у дверей.

Хоть тридцать пять – работа продолжается. Они толкуются среди вековых елей, валят лес, отгребают движками снег, выворачивают валуны, врубаются кирками в промерзшую землю.

Они уже привыкли и потеряли счет дням.

Свен работает так же яростно, как и другие. Он старается не разговаривать на морозе. В тысячный раз достает из кармана свою деревянную коробочку – не осталось ли хоть немного снюса? Матерится сквозь зубы на новом языке и продолжает работать.

Отчим вроде бы немного оживает по вечерам в бараке, но лучше бы продолжал молчать. Сидит в темноте, уставившись на приемного сына, и держит руку наготове, чтобы вклепить оплеуху, если Арон ляпнет что-то не то. Но Арон уже подросток, он почти сравнялся ростом со Свеном. Он тоже молчит и смотрит на Свена. Он и в самом деле уже большой, к тому же слишком устал, чтобы бояться Свена.

Как-то Свен ударил его, и он дал сдачи. Это было замечательно.

Юнас

– Как там у вас на Эланде? – спросила мама.

Юнас поплотнее прижал трубку к уху. Он не знал, что ответить. Конечно, ему было что рассказать – и про корабль-призрак, и про Петера Майера, – но он не решался. Дядя Кент строго-настрого приказал держать язык за зубами, и откуда Юнасу знать, не стоит ли он за дверью. И потом... это же его телефон на столике у окна. А вдруг он записывает все разговоры?

– Здесь хорошо.

– Папа тебя не обижает?

– Нет, что ты.

– По дому соскучился?

– Немножко.

– А я очень скучаю по вас с Мате ом.

Петер Майер погиб. Теперь Юнас уже знал – Петера Майера сбила машина. Но *аяя* Кент за завтраком ни словом не обмолвился – болтал и шутил с мальчиками, как обычно.

Отец помалкивал, но он вообще был не так разговорчив, как Кент.

– Четыре недели осталось, – сказала мама, – а потом домой, в Хускварну.

Юнас заставлял себя не думать про Хускварну. *Четыре недели*. Это же почти месяц.

В телефоне все время что-то поскрипывало и щелкало.

– Мам, а ты дома?

– Нет, мой мальчик, я в Испании. В Малаге. Я же говорила тебе, что уеду сразу после праздников, разве ты не помнишь?

Он не помнил. Какая разница – теперь он знал, что домой не поедет, даже если бы очень захотел.

– А когда назад?

– Через неделю, не раньше. Хочу немного побродить по окрестностям, здесь очень красиво...

Мама говорила что-то еще, но он уже не слушал.

За окном, на кургане, положив руку на камень, стоял седоволосый старик. Юнас пригляделся, но блики от мерцающей под солнцем волы мешали ему рассмотреть старика как следует. Туманная фигура.

– Юнас! Ты меня слушаешь? Ты где?

– Я тут, мама. Слушаю.

Он прищурился. Старик спустился с кургана и исчез, словно провалился в землю. Был он или не был? Или показалось? А может быть, призрак?

– А знаешь, что я сегодня купила?

– Что?

– Подарок тебе. Из Испании. Ни за что не скажу что... Знаешь, я заканчиваю.

Мать торопливо сообщила, что международные звонки довольно дороги, что она его любит и мечтает поскорее увидеть. Потом позвонит еще раз.

Интересно, с кем она там, в Испании? Он хотел было спросить, но удержался.

– Скоро увидимся!

– О'кей.

Он медленно положил трубку.

На скале у могильника пусто.

Незачем думать. Ни про что. Ни про мать в Испании, ни про Марнес, ни про могильник.

У него есть работа.

* * *

Через четверть часа он, разгоряченный и мокрый от пота, уже шкурил веранду Сюда доносились выкрики и смех с пляжа, но он не обращал внимание.

Надо отшкурить эти доски. Кое-где дело шло легко и просто, а кое-где грязь въелась так, что приходилось чуть не сто раз водить туда-сюда тяжелой машинкой. Особенно по краям – сколько он ни шкурил, доски оставались темными.

Он сделал паузу и невольно покосился на берег. Седой старик больше не появлялся. В проливе носился катер, огибая донные сети. Юнас узнал катер – дядя Кент решил покатать ребят. Катер сбавил скорость, и Мате, Урбан и Каспер один за другим попрыгали в воду. Залив по-прежнему плавился серебряной рябью, при таком освещении люди похожи на темные безликие тени. Кент выбирал из воды длинный фал – наверное, пока Юнас драил веранду, кто-то из кузенов катался на водных лыжах.

Впрочем, обижаться нечего – дядя Кент утром предлагал ему

покататься. Юнас сам отказался.

Шкурить, шкурить... шкурить и ни о чем не думать. Но как только он закрывал глаза, ему тут же представлялся полный ужаса взгляд Петера Майера, когда тот увидел дядю Кента. Увидел – и бросился бежать. Через лесок и на дорогу На дорогу...

Юнас выпрямился, вытер пот со лба и отогнал муху.

Сияющая и переливающаяся серебром вода. Жужжание мощной лвухс от дв адцатисильной «ямахи».

Он поставил задачу – отшкурить двадцать досок, но сейчас понял, что это ему не по силам. Закружилась голова, затошнило. Надо попить воды и остыть немного.

Можно было бы, конечно, искупаться в бассейне, но он надел плавки и пошел на берег. Выбрал путь мимо могильного кургана, остановился, посмотрел – все камни на месте, вокруг никого. Призрак исчез.

Спустился по каменной лестнице к берегу. Солнце здесь светило так ярко, что приходилось щуриться. Он натянул кепку на брови.

– Привет, Юнас!

Тетя Вероника плыла вдоль берега. Юнас всегда любовался ее брассом. Она замечательная пловчиха, тетя Вероника.

– Привет.

– Как ярмарка вчера?

– Нормально.

– Народу, наверное, как муравьев.

– Ла уж... народу полно.

Юнасу вовсе не хотелось вспоминать про вчерашнюю ярмарку. Погоня в темноте, истошный визг тормозов... Он снял сандалии и вскрикнул – настолько раскалились камни под летним солнцем.

– Надень купальные тапочки, Юнас! – крикнула тетя Вероника. Юнас промолчал. Прикусил губу и заставил себя вытерпеть. Не обжечь только подошвы.

Он подождал, пока тетя Вероника начнет очередной заплыв, и встал у кромки воды. Жарко и безветренно – такое редко бывает на Эланде. Остров известен своими ветрами. Иногда горячими, словно здесь поблизости африканская пустыня, но чаще сырыми и пронизывающе холодными.

Впрочем, и сейчас с моря временами задувал прохладный бриз, и искрящаяся вода покрывалась кружевными пенными разводами.

К берегу подползли, постепенно затухая, вялые волны от катера дяди Кента. Он так и продолжал носиться взад-вперед вдоль поплавков донных сетей. Лыжи лежали в кокпите, Мате и кузены сидели на корме, свесив

ноги по обе стороны сыто рокочущей «ямахи». Кент правил катером стоя, осанка идеальная. Видно, старался показать пример молодежи, как надо держаться.

Повернулся и сказал что-то ребятам, те недружно засмеялись.

– Привет, Ю-Ко! – бодро крикнул он, заметив Юнаса. Как будто вчерашнего дня вообще не было.

– Покатайся с ребятами! – Это уже тетя Вероника. Сложила ладони рупором. – Знаешь, как здорово!

Юнас посмотрел на контрастные, плохо различимые фигуры в катере. На Кента, который гнался за Петером Майером, на Матса, на двоюродных братьев, никогда не доверявших Юнасу свои секреты.

И покачал головой:

– Я здесь побуду.

Герлоф

– Я слышал, у вас человек погиб, – сказал Герлоф.

– Какой? – спросила Тильда.

– Молодой парень в автокатастрофе, – машинально сказал Герлоф и задумался. Что значит – «какой»? – А что, еще кто-то погиб?

Тильда ответила не сразу:

– У нас два трупа.

– Вот как?

Герлоф ожидал подробного рассказа, но вместо этого Тильда ответила вопросом на вопрос:

– Ты, случайно, не знаешь такого – Эйнар Балл?

– Слышал... вернее, знаю, кто это. Старый рыбак. Он же живет там у вас, к северу от Марнеса. В соседях.

– Расскажи поподробнее...

– Нечего особенно рассказывать. Он же на пенсии был, да? Я же говорю – старый рыбак, охотник, рыбой торговал, дичью... говорят, еще какими-то делишками промышлял... в общем, из тех, про кого громко не говорят.

– Уголовник?

Герлоф пожал плечами:

– Откуда мне знать... Его рыбу уважали больше, чем его самого. Я с ним никогда дела не имел... Он помоложе меня будет, ему, наверное, и семидесяти нет.

– Был, – уточнила Тильда. – Не будет, а был.

– Он что, умер?

– Кто-то позвонил в пятницу вечером – сказал, что Балл лежит мертвый в лодке. Скорее всего, в пятницу и умер. А может, за день до того.

– Что случилось?

– А вот это я не могу обсуждать.

Спрашивай не спрашивай – все равно ни слова не скажет. Служебная тайна. У них с этим строго.

– А этот... который под машину попал?

– Племянник... да, выскочил на сто тридцать третью дорогу Прямо на радиатор. За день до того. Петер Майер.

Герлоф вздрогнул:

– Кто-кто? Какой племянник?

– Петер Майер. Двадцать четыре года. Племянник Валла. Они с дядей, судя по всему были довольно близки. Так что мы сейчас проверяем, нет ли какой связи между этими двумя смертями. Потому и тебя спрашиваю...

Герлоф решил было рассказать всю историю про Петера Майера, но удержался. Надо было пораньше спохватиться, а теперь уже поздно. Конечно, может, это и случайность, но если Юнас Клосс опознал Майера, чем черт не шутит...

– Потом поговорим, – сказал он торопливо. – Мне надо идти. Ион за мной заедет.

– Куда это вы собрались?

– Кофейку попить.

– К кому?

– К могильщику. – Герлоф перехватил изумленный взгляд Тильды и поправился: – К дочери могильщика. Бывшего. Сам-то могильщик давно помер.

Далеко не у всех на Эланде были такие роскошные виллы, как у семейства Клосс. Лочка Роланда Бенгтссона, могильщика, была замужем за стариком фермером. Ляже в лучшие времена у него было всего-то полдюжины молочных коров, два-три надела картошки и курятник в крытом соломой каменном сарайчике. Все это продали и на восточном побережье, в поселке Утвалла, купили маленький кирпичный домик с видом на загаженный морскими птицами скалистый островок.

За островом, как театральная сцена, лежало темно-синее Балтийское море, и небо над ним было похоже на нарисованный задник. А что там, за этим постоянно меняющим цвет задником, никто и думать не хотел. Может быть, вечность. А если посмотреть на карту – Россия.

Но Герлоф на море не смотрел, ему в эту минуту было не до вечных загадок жизни. Он смотрел на север. Там, совсем близко, от Утваллы в полутора километрах, не более, жил Эйнар Балл. Обойти пару заливчиков, через лес – и там.

Собственно, Герлоф сам напросился на кофе, да еще и Иона с собой притащил – у Иона машина, а без машины добираться далековато. Ничего странного: на острове, где все друг друга знают, вполне обычная история. А уж они-то с Соней знакомы с незапамятных времен.

В прихожей стояли чемоданы – старики собирались завтра лететь на Майорку. Но Майорка Майоркой, а законов гостеприимства никто не отменял.

После взаимных приветствий и объятий Герлоф спросил про Валла.

Соня покачала головой:

– Мы ничего не видели в тот вечер. И не слышали. Даже если и было что, разве услышишь – сплошной ельник по берегу.

– Балл непростой был мужик, – вставил ее муж. – Рыбу, конечно, продавал, дичь и все такое... но, думаю, еще чем-то приторговывал. Какие-то люди к нему приезжали на машинах не из наших краев. И люди-то... никто не кивнет, рукой не помашет... Ничего хорошего о них не скажу.

– И пил он, как губка, – добавила Соня. – Оттого, должно быть, и помер. Сердце не выдержало.

– Инфаркт?

– Я слышала, да. Сидел в своей лодке и квасил, а жара такая – здоровому плохо станет.

Они помолчали, прихлебывая кофе. Герлоф затеял разговор о Балле для затравки. На самом деле его интересовало совсем другое.

– А знаешь ли, Соня, что я мальчишкой подрабатывал у твоего отца Роланда?

– Ла что ты? Когда же это было?

– В тридцать первом году. Там еще один мальчишка работал, Роланд его тоже пригрел. Арон звали. Арон Фред.

Соня с мужем переглянулись. Герлоф понял – имя им знакомо. Хорошо знакомо.

– Родня. Отец о нем заботился.

– Значит, и ты родня с Ароном?

– Дальняя... он, вернее сказать, даже не отцовский был родственник. Со стороны матери. Короче, моя мать и его мать, Астрид, были то ли двоюродные, то ли троюродные сестры.

Астрид Фред, черкнул Герлоф в записной книжке.

– Господи, все уже поумирили. Астрид в семидесятых, она тогда уже съехала из Рёдторпа. И сестра у Арона была, Грета. Тоже померла. В доме престарелых в Марнесе. Упала, подошли – а она уже все. Ударилась, что ли...

– В каком отделении?

– Не помню, как называлось... «Токарь», по-моему.

Герлоф понимающе кивнул и попытался припомнить этот случай. Впрочем, отделение «Токарь» помещалось на первом этаже, он мог и не знать. Назвали так, потому что какой-то меценат подарил старикам новенький токарный станок, он так и стоял в мастерской. А падают старики то и дело. К сожалению. Он уже приучил себя остерегаться чересчур тщательно натертых полов и незакрепленных ковров.

– А где это – Рёдторп? Где-то здесь, поблизости?

– Ну нет... это там, у вас, на западном берегу. На земле Клоссов. Астрид и Грета там жили до конца тридцатых. А приемный отец увез Арона в Америку.

А вот это было неожиданностью: оказывается, Свен не родной отец Арона.

– Ты сказала – приемный отец?

Соня опять поглядела на мужа.

– Свен приехал в начале двадцатых. Нанялся батраком. Арон и Грета к тому времени уже родились.

Интересно... почему она не называет имени настоящего отца?

Помолчали.

– И куда они потом делись? Я имею в виду в Америке?

– Понятия не имею. Герлоф! – усмехнулась она. – Ты не забыл? Семьдесят лет прошло!

– А письма? Они не писали домой?

– Не писали... Погоди-ка. – Соня поднялась со стула. – Где-то в отцовских бумагах была открытка. Погоди, поищу...

Она вернулась минут через пять с темно-зеленым альбомом в кожаном потертом переплете. Но позолоченное тиснение выглядело так, будто его сделали вчера. **АЛЬБОМ ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТОК.**

– Отец получил этот альбом от деда, – улыбнулась Соня. – Они оба собирали эти открытки, и отец, и дед. Много не насобирали. Мыто обязательно посылали... вот там, в конце, все это наши. С Майорки.

Герлоф медленно листал альбом, начал с конца. Он любил открытки. Все моряки любят открытки. Сколько он их послал жене! Считай, из каждой гавани, где они швартовались.

Карточки из Испании в конце альбома были очень яркими: голубой блеск моря, яркое солнце, пальмы. А в начале открыточки поскромнее, многие еще черно-белые. «Эспланада в Иевле». «Гранд-отель в Хальмстаде».

Но одна открытка отличалась от других. Герлоф задержался и прочитал текст на лицевой стороне. «Шведско-американская линия, пароход «Кастельхольм». *Carte postale*». На фотографии – величественный корабль с тремя трубами, из которых валит черный дым. Ему иногда встречались такие на Балтике.

– Наверное, это она. – Соня осторожно достала открытку из прорезей по углам.

На обороте – коротенькое письмецо, карандашом.

Спасибо за все, дядя Роланд. Мы уже на корабле. Корабль, сам видишь, огромный. Скоро отплываем в Америку, но обязательно вернемся. Твой Арон.

Типичное, ничего не говорящее письмо будущего эмигранта. Арон писал довольно грамотно. Послана открытка, скорее всего, из Гётеборга. Штемпель почти стерся, но две последние цифры на марке можно различить – тридцать первый год.

Герлоф аккуратно вставил открытку на место:

– Арон пишет, что вернется.

– Они все так писали, – вздохнула Соня. – Но мы о них больше не слышали. Я иногда навещала Грету Фред – она тоже ничего не получала. Полное молчание.

Если Грета говорила правду, подумал Герлоф, а вслух сказал вот что:

– Чаще всего слышишь о тех, кто чего-то добился. Те посылали домой доллары, знали, каково здесь приходится. А если сам живешь в лачуге и еле-еле сводишь концы с концами, о чем писать... И хорошо, если сводишь. Им там нелегко жилось.

Соня печально кивнула:

– Наверное... хотя хуже, чем здесь было, и придумать трудно. Лом у них... одно название. А у Свена никогда денег не было. Он же полуинвалид, с разбитой ногой. Надеюсь, там им все же полегче было.

– А чем же он на жизнь зарабатывал?

– На жизнь? На жизнь... Если это можно назвать жизнью. За все брался. На мельнице, помню, подручным был, – вспомнила Соня. – Куда позовут.

Они помолчали. Ион, стараясь, чтобы никто не заметил, посмотрел на часы. Приближалось время вечернего обхода кемпинга. Ион был на редкость пунктуален.

Герлоф поставил чашку:

– Спасибо за кофе... Приятно было поговорить. А можно попросить у вас этот альбом ненадолго?

– Две недели он твой. Пока не вернемся с Майорки.

Опять наступило молчание. У Герлофа вертелся на языке еще один вопрос – помнит ли она историю, как покойный Эдвард Клосс стучал в гробу? Но что она могла про это знать? Ее там не было. Герлоф слышал этот стук. И отец Сони, Роланд, тоже слышал, но он теперь и сам на кладбище.

– Что ж, не будем мешать паковаться, – сказал он. – Еще раз спасибо.

Юнас

С кем можно поиграть здесь, на Эланде? Только с Кристофером. Юнас постучал и открыл калитку дома Лавидссона. Герлоф, как Юнас и ожидал, сидел в саду в широкополой соломенной шляпе.

Сад был небольшой, но Юнасу здесь нравилось куда больше, чем лома. У Лавидссонов хорошо и спокойно.

– Подойди-ка на секунду Юнас, – попросил Герлоф. Голос его звучал жестче, чем обычно.

Юнас медленно подошел и встал у скамейки.

Герлоф наклонился, оперся на палку и пристально посмотрел ему в глаза.

– Петер Майер, – сказал он медленно и отдельно. – Помнишь такое имя?

У Юнаса забилося сердце. Еще бы не помнить.

– А теперь скажи мне, Юнас... ты называл его кому-нибудь?

Мальчик молчал. Он не знал, что ответить. Ему очень хотелось опуститься на траву и рассказать все в подробностях о вечере в Марнесе, как дядя Кент гнался за Петером Майером и как завизжали шины по асфальту.

И что тогда будет? Вчера Каспер дал ему прокатиться на мопеде, а если они узнают, что он выдал дядю Кента... даже думать неохота.

И он покачал головой:

– Нет. Никому.

– И никто тебя не спрашивал про Петера Майера?

– Не-а, – быстро ответил Юнас.

Наверное, слишком быстро. Герлоф отмахнулся от мухи и уставился на него еще пристальнее:

– Ты нервничаешь, Юнас... У тебя все в порядке?

– Не сказать, чтобы...

– А в чем дело?

Юнас тяжело вздохнул. За последние дни он испытал столько страхов, что просто не мог не поделиться хотя бы одним из них. Тем более с Герлофом – старик знал всю историю лучше, чем кто-либо другой.

– Я видел призрак у могильника.

– Ла?

Герлофа новость, похоже, вовсе не испугала.

– Я видел его. Он вышел из кургана.

– Вот как... – Герлоф улыбнулся. – А я-то слышал, там дракон живет. Двенадцать метров длиной и весь зеленый – от кончика носа до хвоста.

Юнас на улыбку не ответил. Нечего его держать за ребенка. Он прекрасно знает, что никаких драконов не бывает. В мире есть и другие вещи, пострашнее драконов.

Герлоф тоже перестал улыбаться. Он утвердил клюшку в траве, проверил, надежно ли, и встал:

– Лавай пройдемся, Юнас.

Они прошли к дальнему концу сада, откуда убегала тропинка в заросли кустарника и дальше, на луг. Через несколько метров Герлоф остановился:

– Посмотри-ка, Юнас.

Юнас повернулся – деревянная башня. Лоски, если и были когда-то покрашены, выгорели и приняли серовато-белый жемчужный оттенок.

Он прекрасно знал, что это за сооружение. Ветряная мельница. Точно такая же стояла за рестораном, только та была в виде шестигранной пирамиды и совсем недавно заново выкрашена в темно-красный цвет. А эта вот-вот развалится. В стенах дыры, крылья сломаны. И стоит на подставке, как будто ребенок по ошибке поставил большой кубик на маленький.

– Мельница.

– Нет-нет... вон там, подальше.

Герлоф показал палкой. Справа от мельницы лежала небольшая куча круглых камней, почти заросшая высокой травой.

– Видишь? Вот это могильник. Настоящий могильник, его насыпали на могиле какого-нибудь вождя бронзового века.

– Ну да?

– Не «ну да», а точно. Твои предки, Эдвард, Сигфрид и Гилберт Клосс, устроили здесь раскопки в двадцатые годы. Думали, золото найдут. Уж не знаю, нашли или не нашли, но, пока копали, кому-то пришла в голову мысль, что могильник будет смотреться лучше, если его насыпать на их земле, у моря, прямо на обрыве. Представляешь: заходит солнце, скала, а на ней – могильный курган. Десять телег национальной романтики.

– А что это такое?

– Национальная романтика? Это... как бы тебе сказать... люди пытаются найти в прошлом, чем бы они могли гордиться сегодня. Если, конечно, сегодня гордиться нечем. Викинги, герои... старинные предания. Все, чтобы доказать, какая у них героическая, древняя и превосходящая всех остальных нация... Вот, значит, братья подогнали штук десять телег с

волами и отвезли полкургана себе в поместье.

Юнас молча слушал, хотя и не все понял.

– Вот... новый курган около вашей виллы – никакой не старинный могильник. Декорация. А ты видел бункер в скале? На откосе?

– Видел... там стальная дверца. Ржавая.

– Вот-вот... и ты думаешь, стали бы военные инженеры сооружать бункер прямо под старинным могильником, если бы это и в самом деле был могильник? Никто бы не разрешил, да и у самих совести бы не хватило.

Юнас молча покачал головой – конечно, никто бы не разрешил.

– Ни за что, – еще раз подтвердил Герлоф. – Но поскольку всем известно, что это никакой не могильный курган, а декорация, – пожалуйста, стройте ваш бункер. Хоть три.

Он еще раз посмотрел на невзрачную кучку камней.

– А уж кто боялся привидений, так это я... Старики пугали – дескать, ночью мимо кургана не ходи. Призраки задушат. Схватят невидимыми ледяными руками и стиснут так, что и дух вон.

– А вы и сейчас их боитесь? – тихо спросил Юнас.

Герлоф без улыбки посмотрел на мальчика и покачал головой:

– Сейчас – нет. Думаю, самые жуткие и непонятные вещи можно объяснить. Раньше, например, люди божились – своими ушами слышали, как привидения стонут в альваре, а кто-то набрался смелости и пошел проверить. Оказалось, голодные лисята. Сидят в своей норе и просят, чтобы мать их накормила.

Юнасу стало спокойней. Замечательный старик Герлоф. На все у него есть ответ.

Они вернулись в сад. Юнас по привычке осмотрел штанины – не прицепился ли клещ? На пастбищах они чуть не на каждой травинке сидят.

Герлоф сел в свое кресло и закрыл глаза – хватит на сегодня. Но Юнас не унимался:

– Я точно видел, кто-то там стоял.

Герлоф медленно разлепил веки:

– Я тебе верю, Юнас. Но это наверняка был живой человек. Турист какой-нибудь. А другой его снизу фотографировал.

– Но он был, как вы... очень старый. А потом исчез. Как сквозь землю провалился.

– И как он выглядел?

– Седой, в темной рубаше. Точно как тот... в рубке.

Герлоф выпрямился в кресле и внимательно посмотрел на мальчика.

– Ты себя нормально чувствуешь, Юнас? – спросил он заботливо. –

Понимаешь, вся эта жуть, что тебе пришлось пережить... У меня тоже было такое в жизни, когда мне было пятнадцать. Человек умер от инфаркта прямо у меня на глазах. Единственное утешение – все в этой жизни проходит. Становишься старше. И новые, приятные переживания постепенно вытесняют старые... менее приятные.

Юнас понимающе кивнул.

Поскорее бы дождаться приятных переживаний.

Герлоф

Внуки и Юнас помчались на велосипедах в киоск. Герлоф зашел в лом – к вечеру начали буйствовать комары. Вымыл оставленные детьми пустые стаканы из-под сока и тяжело опустился в кресло у телефона. Ничего особенного не делал, а чувствовал себя так, будто весь день мешки таскал.

Ничего не сходится. Во всяком случае, с неожиданной гибелью Петера Майера.

А этот старый американец? Как его искать? Где концы?

Герлоф достал записную книжку, лизнул палец и начал листать. Он ведь что-то записывал – и на ланче с возвращенцами, и пока они пили кофе у дочери могильщика.

Все эти разговоры насчет семьи из Рёдторпа. Свен и Арон Фред... Запись: где они поселились в Америке? Дальше – чистая строка. Ответа нет. Кроме единственной почтовой открытки из шведской гавани, вестей от них не было. Соня, во всяком случае, ничего не знала про своих дальних родственников.

Надеюсь, там им все же полегче было, сказала Соня. Лом – одно название.

Он подумал пару минут и набрал номер Сони.

Она ответила почти мгновенно. Голос запыхавшийся – видно, складывает последние причиндалы.

– Вы еще не уехали?

– Автобус в Каструп через два часа.

Ей сейчас, конечно, не до него.

– Соня, ты сказала одну вещь... значит, семья Фред жила в некрашеном старом доме на берегу и хутор их назывался Рёдторп?

– Да, Рёдторп. Свен Фред взял его в пожизненную аренду у Клоссов. Дом стоял в леске, там, где теперь «Эландик». – Соня помолчала. – Клоссы этот сарай давно снесли, так что и название-то – Рёдторп – мало кто помнит. Все старые хутора исчезают понемногу... один за другим.

– Да... жаль, конечно, но времена меняются. А скажи, откуда такое название – Рёдторп? Красный хутор? Домик-то, ты сама сказала, серый, некрашенный...

Соня засмеялась:

– Уж никак не по цвету... Свен болтал много на мельницах, оттуда и

название.

– На мельницах? О чем?

– Как это назвать... агитировал, в общем.

– За что? За что агитировал?

– За социализм. Свен был убежденный социалист, еще с армии. Он срочную службу проходил в Кальмаре, там его и научили всем этим премудростям. Про него даже говорили, что он коммунист.

– Значит, он на мельницах и хуторах занимался агитацией? Политикой?

– Да... можно и так сказать. В тридцатые годы в воздухе куда больше было политики, чем сейчас. Коммунисты, нацисты... дрались непрерывно, флаги друг у друга рвали. Братья Клосс терпеть не могли все эти политические дела, так что Свен и с ними собачился.

Герлоф прекрасно помнил это время. Он отчасти потому и выбрал профессию моряка – подальше от бесконечных политических лязг и побоищ. В море не до политики. Ветер, волны и цены на фракт.

– Спасибо, Соня. Извини, что отвлек.

Пожелал хорошо провести время и положил трубку.

С трудом поднялся, взял с полки Сонин альбом почтовых карточек и нашел черно-белую открытку от Арона. Прочитал еще раз, перевернул и посмотрел на белый пароход, стимер, как их тогда называли.

«Кастельхольм» у причала в Гётеборге. Шведские ворота в Америку.

Зрение у Герлофа было получше, чем слух, и он начал внимательно рассматривать картинку. Не столько пароход, сколько сам причал. На заднем плане все размыто – скорее всего, снимок сделан утром, когда еще не улегся ночной туман. Собственно, хорошо виден только сам пароход, несколько деревьев у причала и каменные дома. А где подъемные краны? Он много раз заходил в гавань в Гётеборге и хорошо запомнил поразивший его лес подъемных кранов...

Гётеборг? Нет, это вовсе не Гётеборг. Узнавание пришло мгновенно. Он много раз видел это место.

Он вернулся к столику и набрал хорошо знакомый номер:

– Ну как, Ион, закончил вечерний обход?

– Закончил... Андерс обдирает лодку, пойду помогу. Там работы – сам знаешь.

– А меня возьмете? Я бы тоже помог, если ты меня захватишь.

– Какой разговор?

Герлоф повесил трубку, но тут же поднял опять, поискал в каталоге и набрал еще один номер.

Номер Государственного музея мореходства.

Через четверть часа подъехал Ион. Он торопился, но Герлофу не терпелось рассказать ему о своих достижениях.

Он увлек Иона на веранду.

– Я кое-что обнаружил, – сказал он и потер руки.

– И что же это ты обнаружил?

– Свен Фред, приемный отец Арона, был коммунистом.

Ион поморгал, но не удивился. Слово «коммунист» давно уже не пахло порохом, как в те времена. Скорее плесенью.

– Ты что, не понял? Свен был революционером! И что революционеру делать в США? Там коммунистов не любят. И сейчас не любят, а тогда особенно. И вообще, эмигрантов из Европы в то время не особенно и принимали. После биржевого краха и у самих американцев работы не было, а уж смутьяны и «большевики» им были на дух не нужны.

– Это правда, – сказал Ион. – Но ведь на таможене в Нью-Йорке никто не обязан кричать о своих взглядах?

– Они никогда в Нью-Йорке не были. Посмотри внимательно – разве это Гётеборг? Это стокгольмская гавань!

– Стокгольмская?

Герлоф кивнул:

– Так сразу нелегко распознать... но я пригляделся, и ты посмотри: это же Шеппсбрун! Стокгольм! Старый город. Ни в какую Америку оттуда корабли не ходили.

– Нет. Не ходили. Только в Финляндию. Мы сами с тобой видели, как они стоят под погрузкой.

– Правильно, в Финляндию. Но были и другие направления, подальше...

– «Кастельхольм» челночил в Америку. Лаже на открытке написано: «Шведско-американская линия».

– Шведско-американская линия владела «Кастельхольмом». Это был их пароход. Но это не значит, что он не обслуживал и европейские направления. Я позвонил в Музей мореходства. Пять минут спустя после нашего разговора. Попался какой-то любезный парень, посмотрел в компьютерных архивах – у них же теперь все на компьютерах, старые бумаги пылятся в хранилищах, никто их не трогает. У нас все оцифровано, сказал он. Короче, в начале тридцатых годов «Кастельхольм» обслуживал балтийские направления. В том числе и Ленинград.

Ион внимательно слушал, но вид у него был недоверчивый.

– Арон и Свен никогда не были в Америке. Они поехали в страну,

которой уже нет на карте, – в Советский Союз.

У Иона прояснились глаза – только теперь до него начинало доходить.

– Значит, не на запад они двинули... на восток.

– И не только они. И другие шведы. Не так много, но все же. Те, кто мечтал о бесклассовом обществе и всемирной революции.

– И что с ними там было?

– Не знаю... в Советском Союзе беспокойные были времена, а сталинская паранойя с каждым годом только нарастала, так что... все могло случиться... А как, ты думаешь, сложилось у мальчишки? У Арона?

Ион молча пожал плечами.

Герлоф подождал и сам ответил на вопрос:

– Во всяком случае, шофером у Аль-Капоне он не работал.

Разгар лета

*Не скажу, чтобы жизнь была хороша,
Жизнь скорее скверна и недужна...
Но и так не скажу – не лежит душа,
Мне не так уж и много нужно:
Ава простых инструмента: угольник и нож, –
Чтоб измерить, что можно измерить,
И отрезать кусок, что отменно хорош,
От плохого. И в это поверить.
Я, конечно, весь мир переделать не прочь,
Но на это не хватит мочи,
Так уж пусть остальное измерит ночь
И кромсают демоны ночи.*

Леннарт Шёгрэн

Земля обетованная, октябрь 1934

Сапоги прохудились, ноги все время мокрые. Арон стоит по щиколотку в глине перед цепью барачников на опушке ельника.

– Зачем ты меня сюда привез? Ты же собирался в Америку!

– Я сказал только, что мы поедем в Новую страну. И мы здесь. На востоке. На востоке всходит солнце. Восток... страна солнца и изобилия.

Арон молчит. Из всего этого изобилия ему достался ломоть черного хлеба на завтрак. Один ломоть. Он огляделся – серые бараки и непролазная грязь на дорогах.

– Америка – никакая не земля обетованная, Арон, – продолжил лекцию Свен. – Это царство зла. На чернокожих и бедняков там охотятся, как на бешеных собак. Их вешают на деревьях, а богатые упражняются в стрельбе по живым мишеням. Ты и в самом деле хочешь в Америку? Повисеть на дереве?

Арон молчит.

– Ясное дело. Не хочешь. По тебе вижу – не хочешь. Ты хочешь остаться здесь, где все работают дружно, бок о бок.

– Я хочу домой, – тихо говорит Арон. – Ломой. В Рёдторп. Я ведь написал матери, что мы вернемся.

– Она этого не знает.

– Она знает...

– Она ничего не знает. – Свен, прихрамывая, отошел в сторону. – Я не послал письмо... и мы все равно не можем сейчас уехать. У нас нет денег. Но, конечно, мы вернемся. Только попозже.

Арон слышит эти пустые обещания уже три года. Куда подевался его отчим – сильный, гордый шведский рабочий? Жалкий неудачник.

Арон по-прежнему ходит на курсы ликбеза. У него русский учитель, товарищ Ковалев. Арон говорит по-русски гораздо лучше Свена. Он, в случае чего, может блеснуть фразами вроде:

«Товарищи, после победы всемирной революции столы будут ломиться от еды».

Или:

«Не привязывайтесь к вашей собственности, товарищи, частная собственность – источник всего зла и всей несправедливости на земле».

Или еще проще:

«Лолой частную собственность!»

Но лучше всего он освоил русские ругательства.

Все вокруг говорят только о еде, и Арон тоже. Ему снится соленая жареная свекла, копченый угорь. Свинина. Мелко порубленная свинина, тертый картофель. Свинина и тертый картофель – какие клецки готовила мать! Горячие, душистые...

Только о еде. Все время только о еде. Ходят слухи – в стране голод. Утром за работой он передает эту новость Свену:

– Народ голодает. Люди мрут прямо на улицах.

Свен выпрямился:

– О чем ты?

– Люди говорят. Голод.

– Где?

– На юге. В Крайне. – Арон вытер нос рукавицей.

– На Украине, – поправил Свен.

– Ладно... пусть будет на Украине. Там земля плодородная, еды должно быть завались. Но, говорят, все забрали солдаты.

– Какие еще солдаты? Солдаты тут ни при чем. – Свен с силой всадил лопату в глину. – Кулаки! Зажиточные крестьяне прячут еду от народа. И жрут по ночам.

– И коровы все подошли, – продолжает Арон. – Там люди чуть ли не собственных детей едят.

– Слушай больше всякие сплетни! Я лучше расскажу тебе про Сталина. Про капитана этого огромного корабля, плывущего в светлое будущее. Иосиф Сталин. – Свен поднял голову и посмотрел в холодную блеклую голубизну осеннего неба, будто рассчитывал увидеть там либо вождя, либо капитана. – Двадцать лет назад Сталин возглавил борьбу против тогдашней власти. Против царя и его приспешников. И вот как-то его схватили и приказали *прогнать сквозь строй*. Он должен был пройти сквозь строй солдат, а у тех были палки. И знаешь, что сделал Сталин?

Арон покачал головой.

– Удрал? – предположил он.

– Удерешь от них! Он взял в рот соломинку и подошел к строю. И пошел. Сталин не бежал сквозь строй. Он шел. Он шел так, будто прогуливался по лужайке. И когда он остановился в конце строя, вся спина его была в крови, а на соломинке даже следа зубов не осталось. И потом он все равно победил. Понял?

– Что я должен был понять?

Товарищ Ковалев читал им вслух рассказ Толстого «После бала» – все должны знать про ужасы царского режима. Но потом учитель сказал, что

это варварское наказание – *прогнать* *сквозь* *строй* – отменили еще в середине прошлого века. Так что Свен приврал. Пусть врет, если ему так легче. Сам во всем виноват.

– Мы должны быть сильными, как Сталин, – сказал Свен. – Мы должны преодолеть любые невзгоды, любую боль. Берись-ка за лопату.

Арон не шевельнулся:

– Я не Сталин. – В его взгляде мелькнула такая ненависть, что Свен отшатнулся, будто его толкнули в грудь.

– А мог бы стать, – буркнул он.

Возвращенец

Он остановил машину на пустой парковке. На пассажирском сиденье лежал открытый деревянный ящик. В таком могли бы перевозить консервы или бутылки, но на ящике красовалась желтая наклейка и ярко-красная надпись: «ОСТОРОЖНО! ВЗРЫВООПАСНО!»

В ящике дремлют двадцать одинаковых стержней светло-желтой взрывчатки в бурой воценой бумаге. Детонаторы, мотки запального шнура, который в его детстве называли бикфордовым, – все на месте.

Теперь все это хозяйство принадлежит ему. Балл в нем больше не нуждается. Он завернул ящики в одеяло, вышел из машины и пошел к столу – на этой пустынной дорожной парковке ничего не было, кроме двух вполне чистых туалетов и большого дубового стола с лубовыми же массивными лавками. Но стоянка эта не пользовалась популярностью. Машины со свистом проносились мимо. Теперь мало кто берет с собой еду – на оборудованных стоянках полно киосков с хот-догами и гамбургерами.

Ждать пришлось недолго – на стоянку свернул ярко-желтый старенький «фиат-барчетта», притворяющийся спортивным автомобилем.

За рулем Рита. Одна – Пекки в машине нет.

Она вышла из машины и медленно двинулась к нему. Глаза заплаканы.

Что-то случилось.

– Где Пекка?

Рита горестно покачала головой:

– Пекки больше нет.

– Как это?

– Попал под машину. Погиб.

Возвращенец непонимающе уставился на нее:

– Как погиб? Где?

– Недалеко отсюда... Он побежал купить пиццу. Пока его не было, заходили двое каких-то типов... таких, знаешь, костюмных. Богатеньких. Я не открыла.

– Костюмных?

Рита кивнула:

– Оба в костюмах. Летних таких, льняных. Светлых. Двое. И с ними мальчишка маленький.

– Клосс, – сказал он. – Братя Клосс. И мальчишка, который видел

Пекку на лайбе. Наверняка сынок кого-то из них.

Рита опустила голову и всхлипнула.

– И дядя Пекки тоже... – сказал он.

– Балл? Тоже погиб?

– Эйнар Балл. Я нашел его в лодке, совсем рядом с домом... значит, Клоссы и у него побывали.

Рита присела на лавку. Вполне могла быть его дочерью... Он отогнал эту мысль.

– Балл наверняка узнал, что Пекка погиб, – тихо сказала она. – Он очень любил Пекку. Они были, типа, как отец с сыном.

Они помолчали. Возвращенец думал об отцах, сыновьях, о Пекке и Балле, о тысячах, сотнях тысяч, миллионах, миллиардах других... Как они все помещаются на этой земле?

Рита резко и внезапно встала:

– Не стоит нам здесь рисоваться. Надо исчезнуть.

– Этого они и хотят... братья Клосы. Теперь они уверены, что победили.

Рита посмотрела на спокойное море и задумалась.

– Я знаю, что сделать, – сказала она. – Я знаю, что мы можем сделать для Пекки и Валла.

– Вот как?

Она кивнула с неожиданной решимостью:

– Он говорил... он хотел, когда его выгнали из «Эландика»... еще до того, как они с Баллом планировали грабануть лайбу...

– Что-то с Клоссами?

– Отомстить хотел. Хотел, чтобы люди их поганый «Эландик» за версту обходили. Они на этом миллионы потеряют. У него план был...

Возвращенец выслушал ее, поднялся, кивнул и сухо улыбнулся.

– Так и сделаем, – сказал он, не спрашивая деталей.

Герлоф

В начале июля на остров пришла тропическая жара. Солнце появлялось над горизонтом в начале пятого, и к семи утра от ночной прохлады не оставалось и следа. В девять в альваре стояло такое пекло, что даже птицы переставали петь и прятались в тени кустов можжевельника.

Жара. до этого лето было просто очень теплым, а сейчас пришла настоящая жара. Так, во всяком случае, сформулировал для себя Герлоф. Острые, раскаленные лучи словно пригвоздили к земле все, что могло двигаться, – люди искали тень, птицы не летали, над горизонтом дрожало белое марево. И ни ветерка. Разве что на берегу, где над водой все-таки проносился иногда легкий морской бриз – и тут же умирал, наткнувшись на скалистые откосы.

Тут, на берегу, Герлоф и предпочитал проводить время, да и не только он – все жители Стенвика тянулись к воде. Иногда сюда приходи и Ион – лениво водил скребком по бортам лодки или менял подгнившую рейку.

А Герлоф в такую жару работать не мог. Он сидел в тени рыбарни на матерчатом пляжном стульчике, нахлобучив свою старинную соломенную шляпу.

– Мне недолго осталось, – сказал Герлоф.

– Это я слышу от тебя последние тридцать лет.

– Не... я не о том. Дочери приезжают с семьями. Тесновато будет. Придется перебираться в Марнес, в дом престарелых.

– Когда?

– В следующие выходные. Не в эти, а в следующие. Через десять дней, короче.

Ион окинул «Ласточку» критическим взглядом:

– Так быстро не успеем. Еще конопатить надо, шпаклевать, шкурить, красить...

– Знаю, – сказал Герлоф. – Жары бы такой не было... И непонятно, как часто я смогу сюда вырываться. Но мысленно я с вами.

На самом деле мысленно он был совсем в другом месте. Он думал о двух подростках. Арон Фред и Юнас Клосс.

Арон, конечно, уже никакой не подросток, если вообще уцелел в Советском Союзе. Но Герлоф почему-то представлял его подростком.

Хлипкий мальчуган у открытой могилы. Тоже чуть с ума не сошел от страха, услышав стук из гроба. Наверняка. Герлоф вспомнил, как за

Ароном пришел отчим – высокий, худой парень. Свен, убежденный коммунист.

И еще один перепуганный мальчишка – Юнас Клосс. Тоже стал свидетелем каких-то сверхъестественных событий. Но Герлоф не был уверен, что единственной причиной страхов были померещившийся ему призрак могильника и жуткие события ночью на корабле. Нет, там было что-то еще. Что-то неладно у него в семье.

Герлоф вернулся в сад – после полудня даже в тени жарило невыносимо. Поставил с помощью внуков большой зонт. Для него, конечно, хватало, но весь сад не укроешь. Газон уже начал желтеть, трава пожухла. Не уцелеть газону.

Он вытер лоб платком и посмотрел на термометр. Тридцать один. Даже животные прячутся в такую погоду.

Но не все. Он заметил тень на траве и поднял голову – коршун. Летает кругами над поселком, выискивает грызунов в траве. Даже не летает – расправил крылья и парит, медленно и беззвучно. Олицетворение абсолютной свободы.

Интересно, радуется ли коршун своей свободе? Никакая это не свобода. Коршун не свободен. Он просто-напросто голоден.

Сформулировав эту философскую мысль, Герлоф понял, что тоже проголодался, и пошел в дом – попить любимого кислого молока с корицей.

И тут зазвонил телефон. У Тильды появились новости.

– Лайбу нашли? – быстро спросил Герлоф.

– Нет... лайбы как не было, так и нет. Ищем. Но в проливе всплыл еще один труп. Судя по одежде, рыбака.

Жара... Вода в проливе теплеет, и утопленники всплывают.

– Из экипажа «Элии»?

– Возможно... им занимается кальмарская полиция. При нем даже документы нашли.

– Хорошо, – сказал Герлоф. – Я тоже кое-что проверяю. – Он предпочел не заметить осуждающий вздох Тильды и продолжил: – Пробую разыскать того старика с лайбы... американца.

– Шведский американец. Так сказал Юнас Клосс.

– Вот-вот. Только если это тот, про кого я думаю, он в Америке никогда не был. Он эмигрировал в Россию. И зовут его Арон Фред.

– Скажи пожалуйста... мне это имя незнакомо. Лай знать, если найдешь.

– Легко сказать... на острове народу как на ярмарке.

– Это не новость. – В голосе Тильды мелькнула нотка раздражения. Или ему показалось? – Но теперь, когда в деле появился утопленник, мы должны допросить Юнаса Клосса. Допросить по-настоящему, а не так, как тогда.

– В полиции?

– Не обязательно... можно у него дома, там ему будет спокойнее. А *вот это вряд ли*, подумал Герлоф, а вслух сказал:

– Я тоже хотел бы присутствовать.

– Это вряд ли, – коротко засмеялась Тильда, а Герлоф вздрогнул: она слово в слово повторила его мысль. Но решил не сдаваться.

– Я же могу быть этим... как ты сказала тогда – понятным на допросе? Я помню, ты даже добавила: «Чтобы не нарушать прозрачности».

Тильда помолчала.

– В таком случае нужно одобрение мальчика.

– Не вижу, почему бы ему меня не одобрить.

– И ты при этом должен молчать как рыба. Ни единого слова! И ни с кем потом не обсуждать.

– Это уж можешь положиться.

– Положиться? – повторила Тильда. – На тебя?

Убежденности в ее голосе Герлоф не почувствовал.

Юнас

– У нас сегодня будут гости, Ю-Ко, – сказал дядя Кент.

Он произнес эти слова, даже не обернувшись к племяннику, – смотрел, не отрываясь, на прибрежную дорогу Уголок левого глаза подергивался. Точно так, как тогда, на ярмарке в Марнесе.

Юнас после того вечера старался не встречаться с дядей. Но попробуй с ним не встретиться, когда полдня горбатишься на веранде с шлифовальной машинкой, а обитатели виллы снуют взад-вперед... Дядя Кент проходил мимо него как минимум дважды в день, утром и вечером. Иногда в светлом льняном костюме, другой раз в шортах и тенниске. Иногда здоровался на ходу а иногда словно бы и не замечал. Но в этот вечер на нем был темный костюм. Тоже льняной, элегантно мятый, но темно-серый, стальной. Он только что подъехал, уже потянул вбок стеклянную дверь, но остановился:

– У нас сегодня гости.

– Какие гости? – спросил Юнас.

Кент резко повернулся и смерил его взглядом:

– Полиция... с тобой хочет поговорить полиция, Ю-Ко.

– Про что?

Дядя Кент опять отвернулся и посмотрел на пролив:

– Про этот загадочный корабль, который ты видел ночью. Ничего другого. Так что отвечай на их вопросы. Я буду рядом.

Юнас посмотрел на дом. В окне гостиной маячили две головы – Мате и Урбан, родной и двоюродный братья. Смотрят телевизор. Они уже *знают* – он проболтался, что не был с ними в кино. Ни слова ему не сказали, но знают. Это точно. И ничего хорошего он от них не ждал.

– Не возражаешь, Ю-Ко? – спросил Кент.

Юнас пожал плечами и проследил взгляд Кента. Курган на месте, но призрак в последние дни не показывался. Наверное, стесняется – Герлоф ведь рассказал, что курган не настоящий, откуда там взяться призракам?

– И еще одно... – продолжил Кент. – Ты знаешь, что означает слово *актер!*

Кент подошел поближе. Ворот сорочки был расстегнут, и на Юнаса пахло тяжелым, как от коньяка, запахом туалетной воды.

– Тот, кто в театре играет?

– И это тоже... но, вообще говоря, актер – это участник делового

процесса. Или крупной игры. Есть большие актеры и маленькие актеры... А ты – маленький актер в большой игре. Понял?

Юнас кивнул, хотя уверенности, что он понял намек дяди Кента, у него не было.

– Хорошо... – Дядя моргнул и понизил голос: – Ты ведь знаешь, что сделал твой отец? Почему его прошлым летом не было с нами?

Юнас снова кивнул – это-то он знал точно.

– Он опять здесь, так что все обошлось. – Кент наклонился к Юнасу почти вплотную. – Но если ты вдруг вообразишь, что ты *большой актер*, Ю-Ко, если ты захочешь рассказать полицейским про вечер на ярмарке в Марнесе... они могут опять забрать твоего отца. Ты ведь этого не хочешь?

Юнас затряс головой – само собой, не хочу.

– И никто не хочет. Поэтому отвечай коротко на их вопросы про корабль, а про остальное – ни слова. О'кей?

– О'кей.

– Вот и хорошо. Тогда мы эту игру выиграем.

Он выпрямился, похлопал Юнаса по плечу и пошел в дом. Через несколько секунд Юнас услышал, как дядя включил беговую дорожку.

Возвращенец

Хутор был освещен единственным прожектором, укрепленным на столбе над коровником. Собственно, и освещал-то он только коровник, весь остальной двор тонул в полумраке. Но о ночной тишине и речи не шло – со всех сторон слышалось мычание, бляение, деревянные стены сотрясались от тяжелых ударов: молодые бычки проверяли лбы на прочность. Старая силосная башня устремлялась в небо, как большая, но на удивление корявая ракета.

Ночь на субботу. Конечно, на больших хуторах работа не прекращается никогда, но в пятницу людей здесь куда меньше, чем обычно. Рабочая неделя закончилась, всем хочется отдохнуть.

Но Возвращенец не думал об отдыхе. Он присел на корточках рядом с башней и ждал Риту, которая скрылась между строений с пустым пластмассовым ведерком в руке.

– Скоро вернусь, – бросила она через плечо.

Помочь не попросила.

Он ждал. В теплом, сухом ночном воздухе пахло навозом. Огляделся – башня, большой коровник, стойло для лошадей, ухоженная техника. Новый трактор. Есть еще крупные фермеры на острове. А может, только крупные и остались. Мелких почти нет – кто разорился, кто состарился.

Прошуршала трава. Появилась Рита – быстро и незаметно. Всхрапнула невидимая лошадь.

– Вот, – сказал она, переводя дыхание. – Никто меня не видел.

Он принял у нее ведро. Теперь оно уже не было пустым – довольно тяжелое, плотно закрыто крышкой.

В другой руке у нее был желтый, облепленный куриным пометом аппарат со свисающим шлангом.

– А это что?

– Насос... Мойка высокого давления. Все. Больше ничего не надо.

Он кивнул.

– Теперь – к Клоссам.

Земля обетованная, май 1935

Еще прошлой весной Свен сказал:

– Пора собираться домой. – Приближалось лето, земля подсохла, и копать стало легче. – Домой, на хутор.

Арон уставился на отчима:

– Ты что, всерьез?

– Серьезней не бывает. Я отдал паспорт в контору, они пошлют его в Ленинград. Скоро паспорт вернется оттуда со всеми нужными штемпелями. И всё. Скатертью дорога.

Арон поверил. Наконец. *Наконец-то.*

Но дни проходили за днями, месяцы за месяцами, а паспорта все не было.

Правда, кормить стали не то чтобы лучше, но сытнее. Арон уже не дрожал от голода по утрам и особенно по ночам. В лесу полно ягод, все время подвозят мясо и прошлогодние яблоки.

Появилась еда, зато стали исчезать люди.

Один из первых – Михаил Сунцов, сосед по бараку, пожилой рабочий из Минска. Он рассказывал невероятные истории о жизни в Советском Союзе и все время что-то мастерил. Вырезал из куска березы красивый боевой корабль. Свену он так понравился, что он прибил его к потолку над изголовьем их с Ароном койки.

Но в один прекрасный день Сунцов исчез. В начале утренней смены его ждали несколько военных в темной форме, они поговорили с ним о чем-то, и Сунцов исчез. Больше его не видели.

Просто исчез. Ночью койка его была пуста.

Свен поспрашивал рабочих, куда он делся, но никто не знал. А может, и знали, но не хотели говорить.

И после этого началось. Люди исчезали. За ними приезжали молчаливые солдаты, как правило, ночью – лиц их никто не видел, перемещались по бараку, как ночные тени, и уводили с собой одного из рабочих. А иногда двоих и даже троих.

И Свен так и не получил свой паспорт.

Настала осень, стало холодать, по ночам случались заморозки – с утра трава жесткая и в инее, земля промерзла, лопатой не возьмешь.

И со Свеном что-то не так. Энтузиазма заметно поубавилось, он стал горбиться, хромал сильнее, чем обычно.

– Все равно уедем, – сказал он Арону. – Я написал в шведское консульство в Ленинград. Как это так – человек не может поехать, куда он хочет? Разберутся...

Но уверенности в его словах не было.

Из Ленинграда никто не ответил. Выпал первый снег. Они продолжали копать.

Пережили и зиму. Кормили по-прежнему досыта, они уже набрались опыта, кое-как утеплили барак. По крайней мере, сосульки с потолка уже не падали.

В мае Свена после работы внезапно вызвали в контору.

Арон из окна видит, как за отчимом захлопывается дверь.

Его нет очень долго. Арону кажется – весь вечер.

Наконец Свен появился. Он мрачнее тучи. Говорит, почти не разжимая челюсти:

– Паспорт у них. Они никуда его не посылали. И письмо в консульство. Они вообще не отправляют письма. И письма из Швеции тоже у них...

Он бессильно опустился на койку.

– Говорят, надо в первую очередь раздавить заговорщиков.

– А кто это такие – заговорщики?

Свен обреченно покачал головой и кивнул в сторону конторы:

– Какой я идиот, что отдал им паспорт... Какой идиот...

Он продолжает что-то бормотать, но Арон уже не слушает. Он ложится и долго смотрит на модель корабля над головой. Единственное доказательство, что когда-то был такой человек – Михаил Сунцов.

Надо постараться заснуть. Его-то паспорт лежит в кармане. Он никогда и никому его не показывал. Никто даже не знает, что он у него есть, – здесь выдают паспорта только после шестнадцати.

Он проваливается в сон. Свен молча сидит на краю кровати, уронив голову на руки.

Арон проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Скосил глаза – рука в кожаной перчатке.

– Вставай!

В бараке трое – один стоит у его койки, двое у дверей. Все в серо-зеленых шинелях и васильковых фуражках с красными околышами.

– Вставай, говорю! – Солдат рывком сдергивает Арона с койки. – Одевайся.

Пол ледяной. Арон непослушными руками натянул сапоги и телогрейку. Уже на улице немного пришел в себя и заметил, что он не один.

Свен. Они разбудили и Свена.

Их подвели к черной машине. Там был еще один военный с пачкой документов в руке. Арон успел заметить среди бумаг шведский паспорт – паспорт Свена. Офицер прочитал их имена – медленно, по-русски.

– Это вы?

Свен молча кивнул.

– Садитесь в машину.

Они сели на заднее сиденье, в середину – по бокам втиснулись охранники. Арону пришлось сидеть чуть ли не у Свена на коленях. Свен нагнулся к его уху.

– Самое главное – спокойствие, – прошептал он по-шведски.

– Я спокоен.

– Это очень важно. Спокойствие.

Свен мог бы повторить эти слова еще раз двадцать, но по нему было видно – он-то далеко не спокоен. Какое там спокойствие – вертится из стороны в сторону, будто у него болит спина.

А вот Арон, как ни странно, спокоен. Он сам себе удивляется – как это может быть? Ему чуть ли не нравится эта ночная поездка. Он никогда раньше не ездил на машине. Урчит мотор, и Арону кажется, что все его беды остаются позади. Ему все интересно. У военного рядом кобура на бедре. Интересно, что за система? Маузер? Он не только выучил за эти годы слово «энкавэдэшник», но и узнал, что штатное оружие у энкавэдэшников – маузер. А может, это и не так. В бараке много чего болтают.

Он вдруг вспомнил свое детскую мечту, как он представлял себя шерифом в Америке. Они едут и едут в темноте, наверное, несколько десятков километров. Свен молчит. И Арон тоже – ему даже в голову не приходит затеять разговор с этими суровыми военными.

Наконец машина останавливается в свете прожекторов. Прожектора установлены на черной башне, возвышающейся над окружающим лесом.

Сторожевая вышка. От нее в темноту по обе стороны уходят ряды колючей проволоки. В ограде открылись ворота, машина проехала еще метров сто и встала у низкого кирпичного здания.

– Выходите.

Охранник с пистолетом в руке ведет их по длинному коридору. Цементный пол, глухие деревянные двери. Откуда-то доносятся странные звуки – то ли стоны, то ли выкрики.

Одна из дверей открывается, и Арон видит уходящую в подвал каменную лестницу.

Герлоф

Герлоф ни разу в жизни не был у Клоссов. Даже на их участок заходить не приходилось. Собственно, участок не особенно большой. Красивый, выложенный шестиугольными гранитными плитами лвор с декоративно подстриженными кустами букса, можжевельника и ярко-синей куриной слепотой. Сад огражден от дороги каменной стеной, а за стеной два длинных дома, южный и северный. Довольно высокие, но одноэтажные, похожие на огромные остекленные ящики. Чуть поодаль – гаражи и гостевые домики.

В пятидесятые годы Герлофу предлагали купить участок в первом ряду, но он отказался. Он в то время был моряком, и в свободное время у него не было никакого желания таращиться на пролив. Поэтому его домик стоит там, где стоит. Подальше от воды. Хочется посмотреть на воду – спускайся в рыбарню.

Его подбросил Ион. Никто из хозяев не вышел Герлофу навстречу, не пригласил в дом. У ворот его встретила среднего возраста женщина, в короткой стрижке заметно проступала седина.

– Герлоф Лавидссон?

– Именно так.

Он никогда раньше не встречался с этой дамой, но сомнений не было – она из полиции. И одежда выдавала: темная юбка, белая блузка да еще тонкая, но все равно шерстяная кофта. Кому еще придет в голову надеть кофту в жаркий июльский вечер?

Она протянула руку для пожатия и представилась:

– Сесилия Сандер. Я специалист по работе с детьми в полиции округа. Допросы и все такое. А вы, значит, свидетель.

– Именно так, – опять сказал Герлоф.

– Вы в курсе, что это значит?

– Думаю, да. Слушать и запоминать.

– Хорошо. – Она пошла к южной вилле.

Герлоф прошел за ней по свежоошкуренной веранде. Лвери раздвинулись. В большом зале с полированным каменным полом и дубовыми панелями на стенах было на удивление прохладно – где-то работали невидимые кондиционеры.

Сестра Кента Клосса – джинсы и палевая шелковая блузка с изящным вырезом – встретила их у дверей. Она приветливо улыбнулась и протянула

руку. Распущенные волосы элегантно падали на плечи.

– Герлоф?

– Добрый день... мы ведь и раньше виделись.

Он почему-то надеялся, что она вспомнит.

– Вы были в доме престарелых в Марнесе, рассказывали историю вашей семьи. И «Эландика».

– Ла-да-да... припоминаю – прошлым летом... Очень интересный был разговор. Пожилые люди могут рассказать столько интересного...

– Тем, кто захочет выслушать, – вставил Герлоф невеселую реплику.

Она улыбнулась и повела его дальше. Они прошли мимо выключенной беговой дорожки, большого винного стеллажа.

В креслах вокруг низкого дубового столика сидели несколько человек. Здесь настроение было явно напряженным. Серьезней всех выглядел главный герой – Юнас Клосс. Рядом с ним, покровительственно положив руку на плечо мальчику, сидел Кент Клосс – в меру загорелый, спортивный, в светло-бежевом летнем пиджаке.

Еще трое подростков, все опрятно одетые, в сорочках и темных джинсах. Герлоф знал только, что кто-то из них родной брат Юнаса, а двое других – двоюродные.

Милостивая молодая женщина принесла кувшин воды со льдом. Герлоф сначала решил, что это еще какая-нибудь родственница, но, когда она на ломаном шведском сказала «пожалуйста», сообразил что к чему. Наемная работница. Когда-то это называлось «прислуга». Подумать только – есть еще люди, которым это по карману.

– Итак, – сказала Сесилия Сандер, заняла место у торца и улыбнулась. – Семейная конференция закончена. Начинаем допрос. Мне бы хотелось, чтобы с нами остался только Юнас и кто-то из родителей. Остальные свободны. И погода, как видите, замечательная.

– Останусь я, – быстро сказал дядя Кент. – Я дядя Юнаса. Родителей здесь, к сожалению, нет.

Он улыбнулся, но улыбка осталась без ответа.

– А где они, Юнас? – спросила Сесилия.

– Мама дома... мы живем в Хускварне. А папа здесь, только... – Он замолчал и посмотрел на дядю.

– Он шеф нашего ресторана и должен быть на месте. Иначе мы лишимся лицензии на торговлю алкогольными напитками.

Сесилия посмотрела на Юнаса.

– Ну, хорошо, – сказала она. – Тогда начнем.

Открыла блокнот и перелистала записи.

– Вечером в конце июня, двадцать восьмого, если точно, ты с братьями собирался в кино в Кальмар. Но не поехал. Вместо этого решил пойти на берег.

– Так и было.

– А почему? Почему ты не поехал в кино?

– Фильм только с пятнадцати... Они меня не взяли.

Кент прокашлялся и наклонился над столом:

– Старшие братья так решили. У нас за спиной... я уже говорил с ними на эту тему. Они раскаиваются.

Герлоф обратил внимание, что Сесилия Сандер слушает Кента, но смотрит при этом на Юнаса.

– Значит, ты пошел на берег. И что было дальше?

Юнас обвел взглядом сидящих:

– Тут я увидел корабль... ну, я взял резиновую лодку хотел покататься. И увидел корабль.

– И ты можешь рассказать, что было дальше?

– Он назывался «Элия»... корабль, в смысле... он лодку утопил. И я забрался на борт.

Юнас начал рассказывать историю, которую Герлоф слышал уже дважды. Он рассказывал медленно, но на удивление последовательно и точно.

Сесилия слушала и делала пометки в своем блокноте. Когда Юнас рассказал, как он прыгнул с корабля и поплыл на берег, она отложила блокнот и достала из сумки несколько фотографий:

– Извини, Юнас, но я должна показать тебе несколько... неприятных фотографий, так что соберись с духом, пожалуйста. Это снимки утопленника, найденного в проливе несколько дней назад, примерно в пяти морских милях к северу.

Закрытые глаза, иссиня-бледное раздутое лицо, редкая бородка. На вид лет пятьдесят. Рабочий комбинезон. Наверняка несколько дней пролежал в воде, решил Герлоф. Он и раньше видел утопленников.

– Ты его узнаешь?

Юнас посмотрел на снимок, отвернулся, помедлил немного, взгляделся и кивнул:

– Он там был... лежал около люка в трюм.

Сандер отложила снимок:

– Его зовут Томас Херберг. Он немец. В кармане у него был бумажник с документами.

Никто не произнес ни слова.

Она показала еще одну фотографию:

– А вот это... не напоминает тебе тот корабль... «Элия»?

Герлоф вытянул шею и посмотрел на снимок. Относительно небольшая баржа, сфотографирована в три четверти. Черный корпус, две рубки. Он даже почувствовал гордость за свой рисунок в рыбарне. Один к одному Единственная разница – эта зачалена у пирса.

– Да... похоже, – тихо сказал Юнас.

Герлоф покосился на Кента Клосса – тот мельком глянул на снимок и отвернулся к окну.

– И название ты прочитал правильно, – кивнула Сандер. – Вернее, частично правильно. Называется баржа не «Элия», а «Офелия». Посмотри: *Ophelia*. Ты прочитал только четыре последние буквы: *elia*. Старая грузовая баржа из Гамбурга. – Она убрала фотографию и добавила: – Томас Херберг был капитаном на этой барже.

«Офелия». Герлоф задумался. Может быть, не Юнас прочитал неверно, а кто-то из экипажа закрасил первые три буквы? Или эти... захватчики? Вряд ли... Зачем?

– У меня есть и другие снимки.

Сесилия Сандер выложила сразу четыре фотографии.

Молодые люди, не старше двадцати – тридцати лет. Серьезно смотрят в камеру. Похоже на полицейские фотографии, решил Герлоф. Сам он никого из этих парней не знал, но Юнас сразу показал на четвертого:

– Этого я знаю. Это Петер Майер... Это он был с топором.

– Значит, ты даже знаешь, как его зовут? – удивилась Сесилия Сандер.

– Я его видел в кино в Марнесе, – кивнул Юнас и покосился на Герлофа. – Он продавал там билеты.

Она сделала пометку в блокноте.

– И больше ты с ним не встречался?

Юнас посмотрел на Кента Клосса. Тот молча уставился на него. Ни один мускул не дрогнул. Мальчик повернулся к Сесилии и покачал головой.

– Понятно. – Она убрала фотографии. – И еще одна, последняя. Ты когда-нибудь видел этого человека?

Сильно увеличенный, нерезкий снимок старика в черном пиджаке. Он смотрел на фотографа, а за его спиной виднелась часть деревянного щита с надписью «...карь». Герлоф сразу узнал – это был щит с названием отделения в доме престарелых. «Токарь». Оно занимало первый этаж, а отделение Герлофа было на втором.

Он и человека узнал, правда, не сразу. Эйнар Балл, рыбак, про которого поговаривали, что он промышляет контрабандой оружия. Но Балл

жил в уединенной хижине на берегу, почему он сфотографировался около дома престарелых? Может, у него там кто-то из родни?

Юнас внимательно рассмотрел снимок и покачал головой:

– Не-а, я его никогда не видел.

Наступила недолгая тишина. Сесилия черкнула еще несколько слов в блокноте и пристально посмотрела на Юнаса.

– Хорошо, – сказала она. – На этом закончим. Когда будет готов протокол, я пришлю его вам на согласование. Вы должны подтвердить, что ничего не добавлено и не пропущено. Если будет необходимость, позвоню. Спасибо, Юнас.

Юнас кивнул и побежал к дверям. Герлоф понял, что мальчик как груз скинул с плеч.

Допрос закончен.

Возвращенец

Он смазал резьбу серебристой уплотнительной пастой и вытер пот со лба. В тесной кухоньке было очень душно. Пятница шла к вечеру, и ему осталось затянуть последнюю муфту. Рядом стояло ведро – то самое, с хутора.

Они привезли все это в машине сюда, во владения Клосса. Он и Рита. И никто даже не подумал их остановить. Решили, должно быть, что кто-то из отдыхающих. Отец и дочь. Или внучка.

Врезать тройник в водопроводную трубу – дело не быстрое, поэтому они наговорились вдоволь. Рита рассказала о своей семье. С родителями контакт давно порван, а брат работает в Северной Норвегии. Сама она приехала на Эланд по наитию – захотелось начать новую жизнь. Ну, может быть, не только. Из-за Пекки тоже, конечно. Они встретились на рок-фестивале.

– А вы? – спросила она. – У вас нет семьи в Америке?

– Я никогда не говорил, что был в Америке. Я был в Советском Союзе.

– Теперь нет такого, – подвела итог Рита и больше ни о чем не спрашивала.

Он закончил работу.

– Попробуем, – сказала Рита и нажала кнопку.

Он сделал шаг назад. Мотор насоса заработал с тихим гудением.

Ну что ж. Начало конца. Так начинается катастрофа в семействе Клосс. И конец катастрофы ждать себя не заставит.

У него было именно такое чувство – все идет к концу.

Пекки и Валла больше нет. Они мертвы. Его жена тоже умерла. И ему скорее всего, недолго осталось.

Он посмотрел в окно.

Ряды бунгало напомнили ему лагерь для заключенных.

Земля обетованная, декабрь 1935

Жизнь – это работа. Сон и работа, ничего другого.

Для Арона и Свена так и есть. Ночью они заключенные, днем – рабочие. Лаже не рабочие – рабы.

Топоры и пилы. С ними работают еще двое: Матти, высокий и тощий финн, и Гриша. Гриша, в отличие от Матти, небольшого роста, но он из тех, про кого говорят «поперек себя шире». Они валят еловый лес с утра до вечера и стаскивают стволы к реке. Обещали прислать лошадей, но пока не прислали. Работу лошадей делают люди.

Никто не знает, где они находятся. Где-то в Сибири – вот и все, что им известно. Короткий допрос, суд, занявший минут пятнадцать, – и они здесь. Всего трое судей, никаких адвокатов. Приговор написан, проштемпелеван, с него сняты копии. Они со Свеном осужден на восемь лет в исправительно-трудовом лагере. За вредительство.

Кому они навредили? Этого им не сказали.

Наказание заключается в работе. Работы еще больше чем там, на канале.

В тюрьме, куда они попали из фильтрационного лагеря, их продержали всего несколько дней. Сразу после суда выкрикнули из переполненной камеры и под конвоем отвели на станцию. Товарный вагон был набит людьми. Они долго сидели в тесноте, поезд не двигался с места. Потом двери открылись, в вагон ворвалось облако морозного пара. Оказывается, принесли еду. Все получили по миске супа, дверь закрылась, снаружи что-то лязгнуло, пробуксовали колеса, и поезд тронулся.

Ехали долго. Несколько дней, а может, и недель. Вагон без окон, только три зарешеченные форточки под самой крышей. Поезд все время останавливался и стоял на полустанках. Солдаты отгоняли сердобольных старушек, пытающихся передать еду арестантам. Потом опять свисток паровоза, скрежет колес – их везут куда-то еще дальше, на восток.

Уборной в вагоне не было, только небольшая дырка в полу, которая быстро заросла льдом, и приходилось испражняться прямо на пол в углу. Вонь от быстро растущей кучи поначалу казалась невыносимой, но потом привыкли.

На остановках в вагон заталкивали новых заключенных. Сопровождали их солдаты в ладно пригнанных шинелях с винтовками в руках. Арон смотрел на них и вспоминал детство, когда отец давал ему

подержать свое ружье.

– Смотри, у них ножи на дуле!

– Это не ножи, – устало поправил Свен. – Это штыки.

– То есть с такой винтовкой можно и стрелять и колоть?

Свен не ответил. Прислонился спиной к стенке вагона и закрыл глаза.

На одной из станций поезд стоял очень долго.

Наконец тяжелые двери разъехались. Заключенных, или, как их тут называли, эков, построили в колонну и куда-то повели. Трудовой лагерь помещался в еловом лесу. Первое, что Арон увидел, – сваленную в кучу припудренную снегом одежду. Он присмотрелся – из кучи торчала почерневшая рука. до него дошло – это не одежда. Это труп.

– Людей здесь не хоронят, что ли?

Свен промолчал.

– Попробуй похорони, – пробурчал кто-то сзади по-норвежски. – В землю не то что лопату, лом не воткнешь. Все промерзло. Весной похоронят.

Здесь промерзло все. Не только земля.

Потом он увидел забор. Много рядов колючей проволоки с наростшим льдом. У столбов мечутся смутные тени огромных цепных собак. Чуть поодаль – сторожевая башня, высокая, как трехэтажный дом.

Ворота открылись, и колонну пропустили в лагерь. Их отвели в переполненный барак.

Арон посмотрел в треснувшее окно – смутный белый мир в сумерках и стена елового леса. Небо видно, только если подойти к самому окну и посмотреть вверх. И склон горы.

Лес.

Горы.

В ту зиму он насмотрелся на лес и горы на всю жизнь. На Эланде никаких гор нет. И деревьев почти нет, а здесь – нескончаемое море огромных, устремленных в небо сосен и елей.

Вокруг лагеря ни поселков, ни хуторов – ничего. Пустынный, скованный морозом край.

Дни они проводили в лесу, вечером возвращались под конвоем в барак. Раз в две недели – баня.

Лагерь довольно новый, всего года два, сказали им. Все это строили сами эки. Вырубили деревья, выкорчевали пни, вырыли землянки. Понемногу построили хижины, а потом и настоящие бараки.

Свен и Арон делили барак еще с пятьюдесятью заключенными. Пятьдесят заключенных из десяти стран. Спят по трое на нарах, едят

черствый хлеб и жидкую похлебку, которую ээки называют баландой. Греются у «камина» – ржавой бочки с приваренной, уходящей в потолок трубой. Чтобы нагреть барак, этот «камин» надо топить почти непрерывно – почти все тепло уходит в трубу.

Арон прислушивался к вою ветра за стеной барака, пытался вспомнить эландские осенние шторма – и не мог. Детские воспоминания понемногу стираются из памяти. Он уже взрослый. Ему шестнадцать.

Утром он просыпается, давит по традиции несколько клопов и встает. Если есть дрова, сует несколько поленьев в печку и зажигает.

Ээки начинают понемногу ворочаться, потом поднимаются один за другим, со стонами и руганью.

Но не все. Поднимались не все. Иногда они пытались разбудить кого-то, но находили остывшее тело.

Смерть бродила между нарами, и Арон уже привык видеть синие губы и мутные, иной раз уже подёрнувшиеся ледяной слюдой глаза. Окоченевший труп выносили из барака, как бревно. Обмыть покойника сил ни у кого не было, и тело сваливали в штабель вместе с покойниками из других бараков. до весны.

Начинается рабочий день.

Каждое утро, ровно в семь часов, ээки покидают лагерь и строем маршируют в лес. Там их делят на бригады. Есть и распорядитель работ, бугор, как его тут называют, но Арон видел его один или два раза, не больше. Бригады, вооруженные топорами, двуручными пилами и веревками, углубляются в лес. Делают на стволах насечки, пилят, валят деревья, обрубают сучья и волокут бревна на самодельных катках к реке.

Бежать отсюда невозможно. На десятки, если не на сотни километров – сплошная заснеженная тайга, говорят, что в ней есть волки, а еще страшней волков – медведи-шатуны.

Бастовать бессмысленно. Не удастся и сжульничать, гнать туфту – на берегу все стволы пересчитывают, и если бригада не выполнит положенной нормы, им уменьшают паек. А недоедание – это смерть. Рано или поздно.

Они рубят, пилят, грузят, волокут – и, несмотря на тяжелую работу, все равно мерзнут. Особенно руки. Варежек не хватает. Свену удалось выменять башмаки и почти целые варежки для себя и Арона, а другие попросту обматывают руки и пальцы ног тряпьем.

У финна Матти варежек нет. Он замерз так, что даже дрожать перестал. Пальцы на левой руке белые, покрылись льдом. Он пытается работать, но движется механически и неуверенно, как во сне.

– Отдохни, Матти. – Свен смотрит на него с сочувствием. – Вернемся в

барак, и ты оттаешь.

Матти прислонился к дереву. Арону кажется, что финн сошел с ума – долго бормотал что-то по-фински и вдруг начал негромко петь.

Остальные работают. Норму надо выполнить, иначе останешься без жратвы.

А в сумерках Матти исчез. Арон, Гриша и Свен обрубали сучья с поваленного дерева, а когда подняли головы, увидели только цепочку следов на снегу. Свен пошел было, но в наступившей темноте быстро потерял след. Покричали, позвали: «Матти! Матти!» – но ответа не дождались.

А вот и долгожданный свисток – всем собраться. Что ж, придется идти в барак без Матти.

Бугор пересчитывает головы и начинает материться – одного не хватает. Но сделать он все равно ничего не может – надо возвращаться в зону.

Мороз – минус восемнадцать. Арон слушает шум ветра в кронах и думает про огромный лес, и где-то там – истощенный, замерзший Матти.

На следующее утро бригаду снова выводят в лес. Ветер стих, в воздухе кружатся неторопливые снежинки.

Они раскладывают инструменты и вдруг слышат песню. Кто-то громко поет по-фински, и этот кто-то не может быть никем, кроме Матти.

– Матти!

Свен рванул в лес, Арон за ним.

Матти сидел, прислонившись к сосне, и пел. Руки выставлены перед собой – два заледеневших комка. Из снега полукругом торчат маленькие белые грибы.

– Матти?

Свен трясет финна за плечи, но тот, похоже, его не замечает – поет во весь голос, не открывая глаз.

Арон тем временем с удивлением смотрит на странный полукруг – он никогда не видел, чтобы зимой в снегу росли грибы.

Никакие это не грибы, вдруг понимает он.

Финн обрубил отмерзшие пальцы и аккуратно, правильным полукругом, воткнул их в снег.

Матти самозабвенно поет. Глаза закрыты, и трудно понять, что это – песня или протяжный, леденящий душу вой.

Арон молча смотрит на торчащие из снега белые, обледеневшие пальцы, в немой мольбе поднятые к белесому северному небу.

Матти на самодельных носилках относят в лагерный медпункт. Ему

ампутируют руки и пальцы на ногах, но уже поздно: он умер в ту же ночь.

Что-то произошло с Ароном в этот день. Он словно окаменел, страдания, которые он видел ежедневно, теперь оставляли его равнодушным. Больные, умирающие, обмороженные – не важно. Он всегда проходил мимо.

И он, и Свен старались не общаться с другими зэками. Лучше соблюдать осторожность. Но то и дело привозили новых, и им, новым, хотелось узнать, что и как в лагере.

Несколько недель с ними работал американец, Макс Хингли из Чикаго. Он был убежденным коммунистом, приехал в Советский Союз еще в середине двадцатых. Какое-то время работал в Интернационале, а потом, как и многие, как и Свен с Ароном, оказался на стройке канала. Потом, само собой, «тройка», приговор – «вредительство». И сибирский лагерь.

Они работали в лесу, бок о бок, а в один прекрасный день Макс Хингли исчез. Ходили слухи, что его взяли ночью и уже наутро опять собралась «тройка» и его приговорили к расстрелу. За что, почему – никто не знал.

– За шпионаж, – сказал кто-то.

– Шпионаж? – удивился Свен. – Макс – шпион? Хингли – убежденный коммунист...

В лагере теперь действовали какие-то новые правила, которые заключенные не очень понимали. Очевидно, из центра приходили указания: в связи с появившимися в деле новыми данными – расстрелять. Кто-то из зэков исчезал, и все время возникали новые лица.

В их бригаде появился молодой русский парень. Шевченко. Он представился полным именем, хотя был всего на год старше Арона: Владимир Николаевич Шевченко. Он из Киева. В России так принято, Владимир – это имя, а Николай – его отец. Николаевич – значит сын Николая.

– Не важно, – заключил парень с детской улыбкой. – Зовите меня Влад. Аля иностранцев так проще.

– А ты зови меня Арон, – вставил Арон по-русски.

Влад говорил без остановки. В их молчаливой бригаде к этому не привыкли. В первый же день он рассказал всю свою биографию. Мать русская, отец украинец. Оба умерли от голода два года назад. Сам он получил четыре года лагерей за воровство – припрятал полбуханки хлеба.

– Как я тоскую по украинскому хлебу! – покачал он головой и закатил глаза. – Все равно – черный, белый... какой хлеб у нас пекли! А яблоки, абрикосы... черешни! Картошка! Тает во рту...

Арон слушал с открытым ртом. Он принял решение не заводить в лагере друзей, но когда Влад говорит о еде – не слушать невозможно.

Влад – опытный зэк; он знает, как выжить в лагере. Сделал себе унты из бересты и прошлогоднего мха, у него теплая, почти новая телогрейка и непонятно каким образом уцелевшая среди повального воровства кожаная шапка на овечьем меху. У него есть запас бумаги и карандаш, и Арон смог продолжить учиться писать по-русски.

Буквы он выучил еще на канале, хотя это было нелегко: много незнакомых, а знакомые выглядят так же, как шведские, но произносятся по-другому. С грамотностью было так себе, но дело потихонечку шло. Он писал русские слова шведскими буквами, а Влад – то же слово по-русски. Арон сравнивал и пытался запомнить.

За три года он вполне овладел разговорным русским, по-шведски говорил только со Свенном, да и то все реже и реже. И читал почти свободно.

Однажды Влад раздобыл где-то свежую луковицу и щедро поделился с Ароном.

Он рассказал, что видел, как увели Макса Хингли. Люди в серых шинелях, тайная полиция. НКВД. Они работают по ночам.

– Потому что он иностранец.

Арон замер:

– И что?

– Они считают, что все иностранцы – шпионы.

Они молча жевали лук.

– Я не шпион.

– А ты уверен? – Влад улыбнулся и придвинулся поближе. – Вам надо получить советское гражданство. И тебе, и Свену. Раздобыть паспорта. И тогда, если вас выпустят отсюда, вы свободны как ветер. Если выпустят.

– Мы не хотим гражданства. Мы хотим домой.

Влад понимающе кивнул:

– Сначала отсюда надо выбраться. А потом можете ехать домой.

– Да... но как?

– Как-как... а вот так. Возьмите паспорта у тех, кому они не нужны.

– Как это? Паспорта нужны всем. – Арон не понял, что хотел сказать

Влад.

– Всем-то всем... но *фитилям* они не нужны.

Фитили... те, кто доживает последние дни. Вот-вот погаснут, как фитиль керосиновой лампы. Еще их называли *доходягами*.

Арон задумался.

В этот же вечер он поговорил со Свенном. Дождался темноты, пока все заснут, и пересказал советы Влада.

По-шведски, конечно.

– И что он предлагает? Украсть... украсть советский паспорт? Чтобы стать гражданином, надо воровать?

Арон кивнул...

– Воровать... У кого? У трупов? Зачем фитилям паспорта?

Они замолчали, прислушиваясь к тяжелому храпу. Казалось, что храпят не люди, а весь барак – деревянные стены, дощатый занозистый пол, покосившиеся скрипучие двери.

Герлоф

Допрос закончился. Все поднялись с мест. Поднялся и Герлоф, медленно, с покряхтыванием – отчасти ему и в самом деле было трудно, но главным образом потому, что таков его план: задержаться немного. Во время допроса он не сказал ни слова, но не сводил глаз с Кента Клосса. Теперь, когда все кончилось, владелец «Эландика» улыбался, будто выиграл важный теннисный матч.

Герлофу почему-то очень захотелось стереть с его физиономии эту улыбку.

– Кстати, – сказал он, – вчера мимо Стенвика буксировали землечерпалку... это к вам, в «Эландик»?

– Ла... очень много ила на дне накопилось, пора заняться.

– В гавани?

– Точно так, – улыбнулся Кент, почти не слушая, и демонстративно посмотрел на часы.

– Ла... во время войны там был один узенький пирс для пароходиков с континента, а теперь настоящая грузовая гавань.

Кент хотел было выйти из-за стола, но Герлоф своей палкой загородил ему выход:

– И вы пользуетесь этой гаванью?

Кент пожал плечами:

– Гавань и гавань. Укрепили старый пирс, и всех дел.

– Но вы содержите его в порядке, да?

– Ла... иногда, чаще по весне, подгоняем землечерпалку. Заиливается довольно быстро.

– А там, что, мелко?

– Несколько метров. Три или что-то вроде этого.

Герлоф показал тростью на оставшийся на столе снимок «Офелии»:

– Как раз для нее... У нее осадка два с небольшим. Вполне могла стоять у грузового пирса в «Эландике».

Кент Клосс словно проснулся и внимательно посмотрел на Герлофа.

– Смотрите... в Боргхольме никто ее не видел. А здесь вокруг такие меляки, что ее нигде не зачалишь, кроме разве что в вашей гавани.

Клосс промолчал. Сесилия Сандер, до этого молча возившаяся со своими записями, заинтересованно подняла голову.

– «Офелия»? – спросила она, глядя на Кента. – Это была *ваша* баржа?

Она так подчеркнула это притяжательное местоимение «ваша», что Кент энергично замотал головой.

– Нет, – сказал он решительно. – Не наша. Не совсем.

– Как это понимать? А поточнее? Что значит «не совсем»?

– Не совсем – значит, совсем не наша. Но вполне возможно, что мы ее арендовали. – Кент опустил голову и задумался. – Я видел какую-то посудину в гавани во время праздников, но названия не помню. Мы арендовали часть грузового трюма на какой-то барже, это я знаю точно.

– Аля какого груза?

Кент Клосс внимательно рассмотрел ногти – сначала на левой руке, потом на правой.

– Аля... продуктов питания.

– Аля рыбы, – уточнил Герлоф.

– Вот именно, рыбы. – Кент посмотрел на Герлофа чуть не с благодарностью за подсказку – Замороженная рыба для наших ресторанов. Разгрузились они в канун праздников и снялись с якоря.

– Вы были в контакте с капитаном?

– После разгрузки – нет. – Кент непринужденно пожал плечами, но Герлофу показалось, что не очень-то и непринужденно. Клоссу похоже, не так легко давалась эта непринужденность. – Грузом занялись наши повара. Я, честно говоря, впервые увидел капитана Херберга на вашем снимке. Вы спросили насчет контакта с капитаном... единственный контакт – телефонный номер фирмы в Гамбурге.

– А судовой журнал «Офелии»? Вы его видели?

– К сожалению...

Сандер черкнула что-то в своем блокноте. Чувствовалось, что она не удовлетворена ответами Клосса.

А еще меньше – Герлоф.

Рыбу везут в трюме из-за границы... Выглядит логично, праздник, рестораны... но так ли все просто?

Он посмотрел в окно. Юнас на веранде разговаривал с каким-то мужчиной в пиджаке. Тот был очень серьезен и время от времени поглядывал на виллу, где задержалась следователь. Наверняка отец Юнаса, Никлас.

– В случае чего мы дадим о себе знать, – закончила Сандер дежурной фразой и пошла к выходу У дверей остановилась, посмотрела на Кента Клосса и добавила: – Мы в таких случаях обычно подключаем таможенную и береговую охрану.

Герлоф, не торопясь, последовал за ней. Солнце скрылось за лесом, но

жара не спала. Хозяевам жара не страшна – всегда можно охладиться в бассейне.

Юнас уже сидел на корточках и равномерными, плавными движениями шкурил палубу... веранду поправил себя Герлоф. Но пол веранды был и в самом деле похож на палубный – светлые полированные доски, отделенные друг от друга тонкими шоколадными желобками. Отец Юнаса куда-то исчез.

Герлоф огляделся. Кент Клосс стоял около машины Иона. Ион опустил стекло, и они о чем-то разговаривали.

Герлоф подошел поближе. Разговор прервался. Клосс внимательно посмотрел на него. Минутной растерянности как не бывало. Взгляд его был настолько выразительным, что Герлофу не составило труда понять, что хотел сказать ему Кент.

Только попробуй.

Ион повернул ключ зажигания и дал задний ход. Так, задом, они и выехали из владений семьи Клосс.

– Вел переговоры с противником? – поинтересовался Герлоф.

– Какой он мне противник? Конкурент – не значит противник.

– А что он хотел?

– Спросил, есть ли кто из стариков... он сказал – пожилых людей. Нет ли у меня пожилых людей в кемпинге.

– Конечно есть! – удивился Герлоф. – У тебя же постоянные гости, много лет уже...

– Я так и сказал. А он говорит – нет, я не этих имею в виду... нет ли каких-нибудь новых, которых ты раньше не видел. Есть, разумеется. Несколько человек. Из-за границы? – спрашивает. А мне откуда знать...

– Значит, мы с ним заняты одним и тем же. Ищем пожилых иностранцев.

– Ну. Он попросил показать их кемперы, но тут уж извините. С какой стати я буду сплетничать за спиной моих гостей? Ну, нет.

– Разумеется, – согласился Герлоф, хотя три секунды назад хотел обратиться к Иону с той же самой просьбой. – А что ты знаешь про брата Кента Клосса?

– Его зовут Никлас.

– Каков вопрос, таков ответ... хорошо: и что ты знаешь про Никласа Клосса?

– Почти ничего... – Ион помолчал. – Занимается рестораном, но я его почти не вижу. Кого замечаешь, так это Кента. И сестру их, Веронику.

– Странно... и сегодня, на допросе... – задумчиво произнес Герлоф. –

Собственно, не Кент должен был там быть, а отец мальчугана. Но папаша, как видно, спрятался...

– Никлас Клосс – паршивая овца в семейке. – Ион усмехнулся. – Если, конечно, верить сплетням. Или, может, семейка паршивая, а он – туда-сюда.

– А почему?

– Он ведь тоже унаследовал землю здесь, но построить что-то не потянул. Продал через несколько лет. Проигрался, что ли... А потом в тюрьму угодил.

– Ну да? – удивился Герлоф. – За что?

– Понятия не имею. Мошенничество, воровство... кто его знает. Только недавно освободился.

Герлоф задумчиво покивал головой:

– Тогда я понимаю, почему он старается держаться подальше от полиции...

Возвращенец

На второй неделе июля в выходные в небе над Эландом опять не было ни облачка. Остров утопал в солнечном свете, было жарко и безветренно. Поток туристов, особенно с юга Швеции, все увеличивался. В эту субботу приехало рекордное число курортников. Почти вся Швеция ушла в отпуск. Таких пробок, как на Лень летнего солнцеворота, не было, но машины и кемперы тянулись через мост нескончаемым потоком и растекались по острову, от северного мыса до южного.

На пляжах днем не протолкнуться, в кемпингах и около отелей по вечерам толпы людей. На несколько недель дороги, электросети и канализация будут работать на пределе пропускной способности. Затишье наступит только в августе.

Летние бунгало тоже переполнены. Очереди у дверей ночных клубов, потные охранники не успевают разбираться, кого надо пропустить, а кто может подождать.

И так будет до августа, когда гости потихоньку начнут разъезжаться.

Возвращенец стоял на одной из придорожных парковок и смотрел на проносящиеся мимо машины.

Рядом с ним была Рита. Он искоса посмотрел на нее. Заметно устала, но вид решительный.

– Ну что ж, мы свое сделали, – сказала она и посмотрела на свою машину. – Я исчезаю.

Возвращенец кивнул. Опять мелькнула назойливая мысль: он мог бы приходиться ей отцом. Или дедом.

Он достал бумажник и принялся отсчитывать ассигнации:

– Это еще немного к твоей доле. С баржи.

Она молча взяла деньги, не пересчитывая.

– Копенгаген, – тихо сказала Рита. – У меня там друзья... надо залечь на дно на время. А вы?

– Я остаюсь. Здесь, на острове.

– Надолго?

– Пока не умру.

Рита улыбнулась, больше из вежливости – шутка не показалась ей удачной.

– Спасибо за лето.

Она коротко обняла его и пошла к машине. К новым приключениям.

Возвращенец остался стоять. Пока они разговаривали, на парковку заехало несколько машин. За столом уже сидела компания. Женщины, непрерывно хохоча, раздавали бутерброды и разливали кофе из огромного китайского термоса.

Семья Клосс готова к приему отдыхающих. «Эландик Ресорт» сияет свежевывмытыми стеклами, повара лихорадочно заполняют морозильные камеры. И никто, кроме него и Риты, не знает, что приближается катастрофа. Она не разразится ни с того ни с сего, она подползет тайно, из-под земли.

Земля обетованная, февраль 1936

Этот день ничем не отличался от остальных.

Их четверо в лесу: Арон, Влад, пожилой зэк Гриша и Свен. Грузят бревна. Сегодня немного полегче – у них есть лошадь. Старый коняга по имени Боксер, он тянет волокушу с бревнами к реке, пустую – обратно. Конь – в чем только душа держится, по всему крупу потертости величиной с чайное блюдце, но пока тянет. Это уже третья лошадь, которую привели откуда-то по распоряжению коменданта. Реквизировали. Две погибли от холода. Конины по вкусу похожа на постную свинину.

Боксер – их спасение. Правда, никто не знает, надолго ли он у них. В других бригадах сами тянут волокуши, а бревна потяжелее – на катках.

Работают они в полную силу, но до нормы все равно не дотягивают. Чтобы выполнить норму надо, чтобы деревья сами падали на землю, причем десятками. Вообще-то их семеро в бригаде, но двое заболели, а одного посадили в изолятор – сказали, гнал туфту.

Поваленные стволы лежат на земле, сучья обрублены – деревья «обессучены», как говорит Гриша. Влад, Гриша и Арон самодельными рычагами поднимают их на волокушу, а Свен крепит цепью, чтобы не свалились на ухабах. Гриша крикает и стонет после каждого бревна. Все это они проделывают в тысячный раз.

Арон работает механически, как автомат. Перед глазами у него стоит солнечный берег в Рёдторпе. А шорох хвои в кронах напоминает журчание волн между камнями. Песок мягкий и теплый, можно купаться сколько хочешь.

– Арон, – тихо произносит Свен и возвращает Арона в ледяной мир тайги.

Он поворачивается и видит, что Свен возится у цепи.

Бревна начинают шевелиться.

– *Spring!* – кричит Свен по-шведски. – Беги!

Влад по-прежнему стоит около волокуши, но Арон уже понял, что сейчас произойдет, и отпрыгнул назад. Цепь разошлась, бревна пришли в движение.

– Влад!

Но он и сам не успел. Первое бревно валится с волокуши, и он получает чудовищной силы удар в плечо, а потом в лицо.

Он падает на землю, но боли не чувствует. Только огромную тяжесть

придавившего его ствола, ледяную враждебность грубой, шершавой коры. Краем глаза замечает, как бревна медленно валятся с волокуши и катятся по склону, подпрыгивая и набирая скорость, плюща все на своем пути, как мельничные жернова.

Откуда-то сквозь глухой грохот прорвался отчаянный вопль Гриши и ржание Боксера. И тот, и другой, судя по всему, уцелели.

Но не Влад. Влад лежит у самой волокуши, придавленный бревном. Владимир с Украины, в новой телогрейке и кожаной, на меху, шапке.

Арон не видит его, но знает – Влад не мог уцелеть. Он стоял у самых саней.

Боль захлестнула, он потерял сознание, и в последнюю секунду его охватило тихое блаженство, словно он погрузился в теплое, ласковое море.

...Арон... Арон... Арон...

Из омута беспомыслия всплыл голос, тонкий, как комариный писк.

Ему поначалу показалось, что звенит в ушах, но имя его повторялось раз за разом, все настойчивей и настойчивей.

...Арон... Арон... Арон...

Арон открыл глаза. Он лежит на чем-то мягком, но это не постель. Он лежит в снегу, а над ним нависает огромная тень.

– Арон! Ты меня слышишь?

Свен. Голос его дрожит от возбуждения.

– Сейчас или никогда! Другого такого случая не будет!

Свен наклоняется к нему и пытается поднять. Сломанные ребра отдаются невыносимой болью.

– Оставь меня, – хрипло цедит Арон.

– Надо торопиться, Арон! Я отослал Гришу за помощью. Скоро сюда придут, у нас нет ни минуты!

Он торопливо стаскивает с Арона одежду.

Арон уже не слушает его. Его начинает рвать, и каждый спазм отдается нестерпимой болью во всем теле. Он даже не чувствует, что лежит голый в снегу...

Арон очнулся. Слабый свет. Он лежит на койке.

– Владимир Шевченко?

Он с трудом поворачивает голову. Пожилая медсестра – тощая, с бледным отечным лицом. Тоже из эков. Но ей повезло больше: она, по крайней мере, работает в помещении.

И глаза дружелюбные. Лаже улыбается. Чему тут улыбаться?

Он потом не мог вспомнить, ответил ли он на ее вопрос, или кивнул, или промолчал.

– Попал ты, сынок... Правая нога сломана, плечо вывихнуто... спасибо, доктор вправил. Ребра переломаны, нос... Но все равно тебе повезло. А напарник твой...

– Кто?

Она подносит к его губам поильник с горячим чаем:

– Иностранец... Шведский паренек. Бревна по нему прошли... как танк. Размозжило в лепешку.

Влад. Арон с большим трудом заставил себя промолчать.

– Придется тебе полежать здесь. – Она в последний раз улыбается и выходит из больничного барака.

Преодолевая боль, Арон поднимает руку. Лицо его на ощупь неузнаваемо: распухшее, в грубых корках запекшейся крови. Чужое лицо.

На правой голени наложена шина из двух деревянных планок, скрепленных проволокой. На левой ноге валенок, но это не его валенок. Это валенок Влада. И нижнее белье тоже Влада.

Все это сделал Свен. Он намеренно отпустил цепь. Арон сам виноват – нечего было ворон ловить, Свен же крикнул ему: «Беги!»

Из подозрительного иностранца Арон превратился в советского паренька Влада. Мелкого уголовника. Ляже не уголовника, а так, неразумного юношу, слегка оступившегося на жизненном пути. Полумаешь – украл полбуханки хлеба.

Кто-то рядом натужно кашляет.

Арон с трудом поворачивает голову и видит, что он не один в переполненном больничном бараке. Кроме него, еще человек тридцать.

Очень тесно, но под потолком висит лампа, стоят несколько буржук. Тепло.

И белье... не сказать чтобы очень уж чистое, но – белье! *Простыня*] И клопов вроде нет. И чай по вкусу похож на настоящий, не то неизвестно на чем настоянное пойло, которое давали в бараках.

Про это ему рассказывали. Если человек умирает от голода и холода – это естественно, никто и внимания не обращает. Но несчастный случай на работе – это грубое нарушение техники безопасности, особая отчетность. За это охрану могут и наказать, поэтому аля пострадавших на работе стараются создать более или менее человеческие условия.

Странно.

Влад погиб, но в рай вместо него попал Арон.

Лиза

С утра она чувствовала себя довольно скверно. Слабость, тошнота, дрожь во всем теле, хотя температура нормальная.

Леди Саммертайм в субботу отработала свой шестой вечер в ночном клубе, и отработала очень успешно. Народу было полно, она подпустила белого диск-жокейского дыма и в стробоскопическом безумии поживилась тремя бумажниками и двумя мобильниками. Но кредитные карточки так и лежали на месте – чтобы получить с них деньги, надо ехать в Боргхольм, а ей было очень не по себе. Физически не по себе. Странно – Леди Саммертайм в рот не брала спиртного, весь вечер накануне пила только воду а Лиза проснулась, как с тяжелого похмелья.

Наверное, что-то с животом. Она с трудом съела маленький бутерброд, надела купальник и спустилась к воде, но купаться не стала. Почему-то ей показалось, что на солнце будет получше.

Уже несколько дней стояла жара, и на пляже было полно народу. Ей сразу стало душно среди этих трущихся друг о друга тел, бикини и пляжных полотенец. Запах крема для загара вызывал тошноту, купальщики перекликались, дети визжали, пляжные мухи норовили залететь в рот. Лиза проглотила кислую слюну и закрыла глаза.

Через час-другой пляжники стали расходиться на ланч. Она тоже вернулась в кемпер. Лучше не стало. Ноги не слушались, она несколько раз больно ударилась пальцами о камни. Кажется, такое состояние бывает при обезвоживании, но куда тогда делась вся выпитая накануне вода?

Забывтый мобильник так и лежал на кровати. Она нажала кнопку – звонил Силас. Дважды. Черт побери. Надо бы перезвонить, но ее словно разбил паралич.

Заставила себя съесть еще один кусок хлеба с маслом, легла и забылась в полудреме.

Открыла глаза в седьмом часу. Лучше не стало. Луш – и на работу.

В половине восьмого она уже была в клубе. Сумка с двенадцатилюймовыми виниловыми дисками показалась неподъемно тяжелой, пот катил градом, и было трудно дышать.

Можно поужинать на кухне, но она даже думать не могла о еде. Зашла в туалет, выпила залпом бутылку минеральной воды, поправила парик и макияж и вышла в зал.

Уже как Леди Саммертайм.

Лиск-жокей на подгибающихся ногах.

Никаких радостных выкриков в микрофон. Она поставила пластинку и включила дискотечные световые эффекты. Вечер долгий, надо выдержать. Надо постараться выглядеть веселой.

Но это оказалось невозможно. Выглядеть веселой не получалось. К девяти вечера зал клуба начал заполняться – раньше, чем обычно. Типичный субботний вечер. Стало жарко: кондиционеры не справляются, когда на улице под тридцать. Бармены не успевали раздавать стаканы с ледяной газировкой.

Странно, даже обслуга сегодня какая-то вялая, все словно обкурились. И танцевать никто не рвется. Стоят у стен со стаканами и обмахиваются кто чем.

Леди Саммертайм по привычке отметила торчащие из карманов шорт и джинсов бумажники, но сегодня у нее не было сил начинать охоту. Она мысленно представила упреки Силаса... но нет, в таком состоянии работать нельзя. Только музыка. Она ставила пластинку за пластинкой, преодолевая мучительную тошноту.

Пила воду стакан за стаканом, но лучше не становилось. В животе бурчало, как в стиральной машине с изношенными подшипниками. Холодный пот заливал глаза, вот-вот отклеятся накладные ресницы.

И в какой-то момент она поняла – больше не выдержит. В свои двадцать четыре года Лиза хорошо знала свое тело.

Дрожащими руками поставила самый длинный лот из альбома *Beach Boys – Here Comes the Night*, почти одиннадцать минут, и, стараясь не бежать, пошла к выходу.

В панике растолкала очередь в дамский туалет. Над раковиной склонилась совсем молодая девушка в белой блузке и с еще более белым лицом. Ее неудержимо рвало. Точно такие же звуки доносились из кабинок. Господи, что же они так напились... Блюют хором. Такого никогда не было.

Она с трудом удержала рвотный позыв.

– Простите, мне нужно срочно...

Она с таким же успехом могла обратиться к стенке. Словно всех поразила загадочная болезнь. Сальмонелла. Женщин начинало рвать прямо в очереди. Вскоре весь пол покрылся вонючими лужами.

Она побежала к выходу Первый же кустик, машина, за которой можно спрятаться... Нет, не успеть.

В глазах потемнело. Внезапно она увидела дверь с надписью *VIP* и рванула туда.

– Эй, куда? – крикнул кто-то за спиной.

Охранник, чтоб ему пусто было... Она влетела в комнату. За столом сидели какие-то люди в костюмах, но ей было все равно. Она заметила самое главное – корзину для бумаг. Согнулась над ней в три погибели и открыла рот.

Мерзко, стыдно, но какое облегчение... Просто открыть рот и дать выход всей этой дряни.

Beach Boys замолкли. Наступила тишина.

Черт знает что, подумала Леди Саммертайм. *Непрофессионально.*

А Лизе было все равно. Она подняла голову, посмотрела сквозь слезы на сидящих за столом и вновь склонилась над корзиной.

Юнас

Юнас проснулся ночью от странных звуков в соседнем домике. То ли хрюканье, то ли полузадушенные стоны. Он прислушался. Хлопнула дверь, и опять мучительные стоны вперемешку с кашлем.

В соседнем домике жил Мате. Что с ним – заболел?

Юнас попробовал заснуть. Повертелся в постели, но было слишком жарко. К тому же его разбирало любопытство.

Он встал и открыл дверь. Ни ветерка. Над проливом сияет узкий месяц.

– Мате? – полушепотом позвал он.

Спустился с крыльца и увидел старшего брата. Тот сидел на корточках в кустах между гостевыми домиками, голова бессильно, как у тряпичной куклы, упала на грудь. Похож на игрока команды, которая только что пропустила решающий гол. Странно – при виде Матса Юнас почувствовал себя сильным и здоровым.

– Что с тобой? Заболел?

Мате медленно поднял голову:

– Можешь принести водички, братишка? Из виллы?

Юнас побежал в кухню, нашел бутылку минеральной воды и вернулся к Матсу:

– Ты что, пива перепил?

Мате медленно покачал головой:

– Траву стриг в «Эландике»... не знаю, что это такое...

И побрел в свой домик. Даже спасибо не сказал.

Как же! – подумал Юнас. Траву он стриг... наверняка наакался с приятелями.

Но это поклеп. Мате был совершенно трезв. Утром выяснилось, что заболели все. К завтраку вышли только служанка Паулина и Юнас.

Двери в спальни закрыты. На вилле полная тишина – в кои-то веки.

Дядя Кент появился в кухне чуть позже, Юнас уже жевал бутерброд с сыром.

Они уставились друг на друга. Юнаса подмывало спросить дядю, доволен ли тот, как он, Юнас, вел себя на допросе, но почему-то не решился. Полицейские исчезли и больше не появлялись. Значит, все обошлось?

– С добрым утром, – сказал Кент после долгой паузы.

Это «с добрым утром» прозвучало так тихо и жалобно, что Юнас сразу понял: дяде тоже нездоровится. Ровный загар только подчеркивал сероватую бледность лица.

Кент подошел к холодильнику достал бутылку грейпфрутов ого сока и поднял ее к свету, словно сомневался в содержимом. Потом все же сделал два небольших глотка.

Зазвонил телефон на стене. Кент взял трубку:

– Ла?

Он довольно долго слушал, не произнося ни слова.

– Ты шутишь. – устало сказал он под конец. – Шутишь, да?

На другом конце провода, очевидно, вновь последовал длинный монолог.

– О'кей. – Кент покачал головой. – У меня тоже что-то с кишечником... Прямо «месть Монтесумы»^[15] какая-то... надо искать людей. Кто-то же должен быть здоров, черт их всех подери!

Опять пауза.

– Хорошо, ищи всех, кого найдешь. Кто подменял, кто замещал... всех. У нас есть договор с ассенизационной фирмой? – Кент помолчал, потом вытер пот со лба. – Хорошо, сейчас приду.

Он вылил в раковину остатки сока.

– Ю-Ко, если тетя придет, скажи, что тут черт знает что творится. Весь «Эландик» блюет и дрищет Эпидемия. И персонал, и гости... все. Канализация забита. Я пошел разбираться, пусть позвонит мне на мобильник.

Юнас осторожно кивнул.

– Мате тоже болен. Его всю ночь рвало.

– Все больны. Все поголовно. А ты, Ю-Ко? Как ты себя чувствуешь? Ты не заболел?

Юнас покачал головой.

– Значит, заболеешь.

Он посмотрел на него так, будто это Юнас виноват в разразившейся эпидемии, пожал плечами и пошел к машине. Как-то вяло, не бодрым, спортивным шагом, как обычно.

Юнас намазал себе еще один бутерброд. Странно – все больны, а он нет. Он себя чувствовал прекрасно. Сейчас поест и пойдет к Кристоферу.

Завтра начинается новая рабочая неделя. Веранда закончена – отшлифована и пропитана китайским маслом, отчего доски казались

прозрачными. Кент обещал заплатить. А потом он будет работать у тети Вероники. Там ни могильника, ни дяди Кента.

От этой мысли ему стало легче. Что-то не так было на вилле в это лето. Что-то похуже, чем этот всемирный понос.

Герлоф

«Ласточка» понемногу приобретала былые очертания. Долго и тщательно соскребали старую краску, заменили трухлявые доски обшивки, проконопатили, прошпаклевали, ошкурили, дважды проолифили. Лодка приятно пахла семечками. Лидере принес ведро нитрокраски («лучше не бывает», сказал он), и они с Ионом начали красить. Герлоф налил в чашку кофе из термоса.

Ион посмотрел на него подозрительно:

– А ты хорошо прокипятил воду?

Термос остановился в воздухе.

– Что?

– Воду надо кипятить, Герлоф.

– С чего бы это?

– Все побережье поносит. Кое-кого даже в больницу пришлось отправить. Эпидемия. Ты что, газет не читаешь?

– Сегодня не читал. – Герлоф налил полную чашку. – У меня с животом все в порядке.

– В Стенвике не так много случаев. А там, у Клоссов, черт-те что. Я же говорю – настоящая эпидемия.

– Что значит – у Клоссов? В «Эландике»?

– Ну.

– Плохо дело. – Герлоф отхлебнул кофе. – В разгар сезона, надо же... катастрофа, можно сказать.

– Ну. – Это «ну» у Иона могло означать все что угодно. Иной раз он заменял им целые фразы. – Канализация забилась. Вот это, я называю, понос... Люди уже разбирают палатки. Кемперы уезжают.

Собственно, Ион должен бы потирать руки – все-таки конкуренты. Но то, что плохо для одного кемпинга, какой бы он ни был, плохо для всех. Люди после такого возвращаются домой и твердят: «На Эланд больше ни ногой».

Герлоф отхлебнул кофе и закрыл глаза, наслаждаясь предзакатным ветерком с пролива. Последние деньки... Через пять дней придется вернуться в свою комнату в доме престарелых в Марнесе, а это значит – лето для него кончилось. Там не разгуляешься.

Жаль. Кто знает – может, это его последнее лето в Стенвике.

Он отогнал севшую на щеку муху и посмотрел на юг. Все спокойно. У

мостков купальщиков почти нет, но на пляже полно солнцепоклонников.

На скале курган. Вспомнил, как он сказал Юнасу – никакой это не курган. Это декорация.

Он пригляделся. Что-то привлекло его внимание, хотя он не сразу сообразил что именно. Но все же сообразил.

Потом понял.

– Лверь открыта, – сказал он.

Ион замер с кистью в руке:

– Что?

Герлоф показал на другой конец залива, на заброшенную каменоломню:

– Лверь в старый бункер... Она же всегда закрыта?

– Ну. – Ион присмотрелся. – И правда открыта. Там же замок висячий. Здоровенный. Военные бог знает сколько лет назад повесили.

Герлофу показалось, что он увидел какое-то движение в двери, но поручиться не мог – слишком далеко.

Он вспомнил рассказ Юнаса Клосса – у кургана появился старик, а потом исчез, как сквозь землю провалился.

– Кто знает... может, и впрямь привидение. Какого-нибудь солдата.

Возвращенец

Он вышел из бункера и запер стальную дверь на позаимствованный у Валла висячий замок.

Спина ныла. Он больше часа простоял, согнувшись и чуть не упираясь головой в низкий бетонный потолок. Словно вернулся на стройку того бесконечного канала.

Работа шла очень медленно. Под каждым камнем, который он выворачивал, оказывались два других, еще больше. На Эланде камней больше, чем земли.

Поднять лом, воткнуть в стену, освободить камень, вывернуть его, отскочить в сторону, чтобы не ударило и не засыпало землей. Эта процедура повторялась раз двести за вечер. А может, и больше. Лом и лопата... как землекоп в лагере, только вверх. Косо и вверх.

Руки болели, по телу струями катился пот.

Он спустился с откоса, несколько раз потянулся, чтобы расправить затекшую спину, и посмотрел на юг. «Эландик» отсюда не виден, но он живо представил тихое жужжание электромотора. Старый насос сделал свое дело.

Глянул в другую сторону. На берегу почти никого не было, хотя тут и там попадались энтузиасты-купальщики. Может, пришли из «Эландика», чтобы не видеть всю эту суету.

На другой стороне залива рыбарня, рядом возятся старые рыбаки – красят лодку.

Более мирного занятия не придумать. Возвращенец вспомнил, как дед вечно возился с лодками и канатами, которые он называл «шкотами» и «фалами».

Он дорого бы дал, чтобы пойти к этим рыбакам, поговорить с ними, послушать их истории и рассказать свою. Хоть на несколько минут испытать забытое чувство покоя и умиротворения.

Но нет. Влад всегда начеку.

Земля обетованная, март 1936

Арону исполнилось восемнадцать. Он носит подбитую толстым слоем ватина телогрейку своего погибшего друга Влада, спит на его койке и ест из его миски. Тех, кто знает или догадывается о подмене, Свен уговорил молчать. Пока молчат.

Самая большая проблема – Гриша. Гриша *знает*. Он согласен молчать, но не бесплатно.

– Добывай деньги, – сказал он Арону. – Иначе настучу Польшину.

Влад-Арон кивает – мол, само собой. Польшинин – начальник лагеря. У него шикарные усы и звероподобный вид, но на самом деле его интересуют только две вещи: чтобы в лагере было тихо и выпивка. Впрочем, когда он пьян, на глаза ему лучше не попадаться.

Никто, кроме Гриши, про деньги не думает. Зачем в лагере деньги? Так что Гриша, можно сказать, единственный в зоне капиталист.

СМЕРТЬ КАПИТАЛИСТАМ.

Этот лозунг Арон знает наизусть – он висит на каждом углу.

Что-то надо предпринять. Отчима он попросить не может. Они иногда переглядываются при встрече, но заговорить не решаются. Свен – иностранец.

И на могилу Влада ходить рискованно. Влада похоронили там же, где и всех остальных, – в лесу, в братской могиле. Братская могила... название, смысл которого Арон понять не может. Чьи братья? Никаких крестов, никаких фамилий... разве что на стене барака Свен выцарапал надпись среди многих десятков других:

АРОН ФРЕД, 1918-1936

Чтобы не забывали – Арона Фреда на свете больше нет.

Свен стал тоньше и даже, похоже, меньше ростом. Он очень изменился – беспокойно рыщет по зоне и ищет ссор. Если ему показалось, что кто-то не так на него посмотрел или сказал что-то обидное, тут же лезет драться. Но драться по-настоящему он уже не может. Машет кулаками в воздухе.

Почему он так боялся отчима в детстве? Теперь, когда он стал Владом, ни капли его не боится.

Иногда Свену удается прошмыгнуть в барак Влада, и он оставляет ему записки по-шведски. Это очень опасно, и Влад рвет их, не читая.

Как ни странно, план Свена сделать Арона советским гражданином сработал. Но он теперь уже не верит, что ему удастся бежать из этой страны.

Как? Как они могут убежать из этой земли обетованной?

Сначала надо как-то преодолеть многорядную колючую проволоку. На вышке постоянно дежурит охранник, шарят прожектора. Ну, хорошо. Вот они выбрались из лагеря. Вот они на свободе. И как они найдут дорогу если даже не знают, в какой части огромной страны расположен их лагерь? Как преодолеть пешком эти сотни, если не тысячи километров? Чем питаться? Как скрываться, если за поимку беглецов власти обещают вознаграждение?

Слишком рискованно. А потом и невозможно – в один прекрасный день Арон остался без Свена... А бежать одному – подписать себе смертный приговор.

Свена взяли ночью, и не только его – всех иностранцев. Арон вечером заглянул в его барак – пустая койка. Впрочем, ее тут же занял другой зэк – поближе к печке.

Конечно, ничего удивительного в этом не было. Время от времени кто-то исчезал. Как правило, ночью. Задавать вопросы никто не решался.

Новоиспеченный Влад молчал. Какое ему дело до иностранцев?

Но для Арона Свен – единственное звено, связывавшее его с родиной. Он осторожно расспрашивал зэков, но наткнулся либо на ругательство, либо на молчание и испуганные, бегающие глаза.

– Пуфф! – внезапно говорит один из раскулаченных с редким именем Фрол. – Пуфф! Ты что, не знаешь? Нет их никого, иностранцев. Говорят, все они – шпионы. Засланы мировым капитализмом. А остальные – трокцисты. Так что – пуфф! – и нет никого. Ты же и без меня знаешь.

– Свен не шпион. – Это не Влад говорит, а Арон.

– Осужден ихней «тройкой». – Фрол криво улыбается в усы. – Никого из басурманов не осталось. Разве что... разве что в изоляторе сидит, пока подельников не выдаст.

Арон молчит. Ему трудно в это поверить – Свен, прожженный коммунист, и вдруг шпион!

Бывший кулак наклоняется к нему и понижает голос:

– Мне Гришка рассказал, что вы там творили в лесу. Чудеса... паренек-то, из уголовников, помер, мертвей некуда, а он – вот он. Опять живой.

Арон сжал кулаки:

– Заткнись... что ты несешь?

– Значит, не понимаешь... а Польшин, глядишь, поймет... сообразил, шведанок?

Удар получился не сильный. Раскровянил губу, и только. Фрол ответил, но промахнулся. Они кружат вокруг друг друга. Настоящей драки не получилось, но эки собрались вокруг и подначивают бойцов – какое-никакое, а развлечение. Появляется охрана, и их ведут к начальнику лагеря – разбираться.

Польшин в лагере – царь-батюшка. В его воле казнить и миловать.

Странное чувство – оказаться в конторе Польшина после барака. Чисто вымытые окна, мебель, даже ковер на полу. Настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром. На столе недопитая бутылка водки, стакан, миска с квашеной капустой и старый армейский наган.

На стене три портрета – Ленин, народный комиссар внутренних дел Ягода и, конечно, отец народов, Иосиф Виссарионович Сталин. На портрете он мудро и добродушно улыбается. Соломинки в зубах не видно.

– Что там у вас? – Польшин покосился на грязные следы на полу и грозно уставился на эков. Он сильно пьян – глаза плавают, ему трудно зафиксировать взгляд.

– Это он начал, гражданин начальник! – плачущим голосом кричит Фрол.

– Ничего подобного, – стараясь быть спокойным, отвечает Влад. – Кулаки – они все такие. Всюду хотят главными быть.

– Молчи, щенок! – рычит Фрол.

Комендант берет наган и прицеливается по очереди в провинившихся. Медленно и мутно улыбается, кладет револьвер на стол и подталкивает к краю:

– Разбирайтесь сами.

Влад уставился на треснувшую деревянную рукоятку револьвера. Он не понимает, чего хочет комендант. Чтобы они стреляли друг в друга? А если я выстрелю в него самого? Наверняка не заряжен.

Но кулак Фрол, очевидно, знает, чем все может кончиться.

– Гражданин начальник, – говорит Фрол тихо и значительно – куда только делась плаксивая лагерная истерика. – Этот-то не тот вовсе...

Решение пришло мгновенно – пан или пропал. Его надо остановить. Влад схватил со стола наган, прижал к груди Фрола и нажал на курок, не забыв снять с предохранителя. Бывший кулак повалился на пол, как сноп, и задергался.

Влад прицелился и нажал курок еще раз, но послышался только пустой щелчок.

– Одна пуля была... – Начальник тяжело поднялся со стула и покачнулся. – Ну, ты даешь... Ладно, он и так готов.

Фрол в самом деле перестал дергаться. Открытые глаза неподвижно устремлены в потолок.

Арон закрыл глаза, ожидая немедленной расправы.

– Украинец?

Неужели обошлось? Арон открывает глаза и встает по стойке «смирно», как и положено, когда говоришь с начальством.

Собственно, уже не Арон. Владимир Шевченко.

– И русский, и украинец, гражданин начальник. Мать из Царицына... ну, Сталинград теперь, а отец из Винницы. Оба померли.

– За что осужден?

– Полбуханки украл... для сестры младшей. Пожила бы еще с недельку.

– Украл хлеб у государства? И тебя не расстреляли?

– В лагерь отправили, гражданин начальник. Мне еще пять месяцев осталось в зоне.

– Ладно... а с оружием ты ловко обращаешься.

– У отца берданка была. – Влад вытянулся совсем уж в струнку.

– У нас тут такие отбросы в охране... – задумчиво произносит Польшин. Он, похоже, немного протрезвел от случившегося. – Неграмотные алкаши. Мусор. В слона не попадут.

– Я непьющий, гражданин начальник.

Комендант невольно оглянулся на бутылку и внезапно зарычал:

– Сидоров!

Еще эхо не отзвучало, а на пороге уже стоял начальник лагерной охраны. Ждал он, что ли, в приемной...

– Вот тебе подкрепление. Хороший парень.

Сидоров подошел вплотную. Страшный начальник, которого в лагере боялись больше, чем Польшина, оказался очень маленького роста – нос его почти упирался Владу в подбородок.

– Первый приказ. Как стемнеет, возьми пару эков и закопайте этого кулака-кровососа, чтобы никто не видел.

Польшин с трудом попал ключом в скважину, открыл сейф и достал оттуда выдавшую виду винтовку.

– Вот тебе, – сказал он, стараясь быть торжественным. – Винтовка Мосина образца тысяча восемьсот девяносто первого дробь трина...

тридцатого года. Не новая, но еще послужит. Носи ее через плечо, чтобы все видели. Потеряешь – пиши письма.

Ну нет, Влад винтовку не потеряет. Бывший зэк-швед превратился в лагерного охранника. Под тяжестью винтовки выпрямляется спина, он чувствует себя непобедимым.

Служба имеет свои преимущества. Он переселился в барак охранников. Кормежка получше – в первый же день выдали пять кило картошки. Покидать зону он по-прежнему не имеет права. Но в лагере – никаких ограничений. Это важно – у него есть неотложное дело.

На следующий день он патрулирует ограду и назначает встречу с Гришей за восьмым баракком, в самом дальнем конце лагеря.

Гриша, как и договорились, пришел, но близко не подходит – держится в тени барака.

Влад достает из кармана пакетик.

– Курага и махра, – говорит он безразличным тоном.

Гриша подходит поближе, чуть не выхватывает пакетик из рук и прячет за пазухой.

Фрукты и махорка – твердая валюта, но вид у него все равно недовольный.

– И все?

Влад качает головой и внимательно смотрит на Гришу.

– Мы спрятали деньги вон там, – показывает на затененное место у ограды. – Пятьсот рублей... Если поклянешься молчать, деньги твои.

Гриша не верит своим ушам. Пятьсот рублей! Целое состояние. Охранник в лагере получает двести.

– А собаки? – спрашивает он.

– Какие собаки? – улыбается Влад. – Собаки у ворот. Где ты видишь собак?

Гриша не двигается с места.

– Забыл тебе сказать – папашу-то твоего не шпокнули. В изоляторе он. Там одни иностранцы.

Гриша, очевидно, ждет реакции.

Влад пожимает плечами:

– Не хочешь – не надо. Самому пригодятся. А ты можешь болтать что хочешь – кто тебе поверит?

И он делает вид, что направляется к колючей проволоке.

Гриша не молод, но проворства ему не занимать. Он стрелой проносится мимо Влада к столбу, под которым, как сказал этот швед,

закопаны деньги.

Влад смотрит на его спину, вскидывает винтовку и нажимает курок. Один раз, второй.

– Побег! – кричит он изо всех сил. – Побег!

Со всех сторон бегут охранники. Вертухай, как их называют в лагере. Вохра. Арон не знает, как говорят по-русски на свободе, но лагерный язык он освоил в совершенстве. Ему остается только кивнуть в сторону распростертого на земле тела. Дальше расследованием происшествия будут заниматься другие. Его дело маленькое – заметил попытку побега и пресек. Тело Гриши в назидание остальным будет валяться на земле еще два дня.

Лиза

Она маялась двое суток – температура, понос, рвота... в кемпере стоял отвратительный запах, кончилась туалетная бумага, она израсходовала все салфетки и газеты. В тот кошмарный вечер она еле добралась домой и полумертвая свалилась в постель. Но на этом дело не кончилось – ее рвало всю ночь. Она ощущала себя больным и беспомощным пятилетним ребенком.

Все воскресенье Лиза в полубессознательном состоянии провалялась на койке.

В понедельник стало немного лучше – сумела заставить себя попить воды и выглянула в окно. По-прежнему нещадно палило солнце.

Во вторник она уже кое-что соображала. Живот болел, но уже не так сильно, тошнота прошла. Мысль о еде казалась отвратительной, но сил, как ни странно, прибавилось.

Но есть-то что-то надо? Ломтик поджаренного хлеба? А вдруг опять начнется все сначала...

Пришла Паулина, принесла минеральной воды – она, как ни странно, не заболела.

Лиза взяла бутылку и сделала несколько осторожных глотков. В животе тревожно забурлило, но ничего. Вода, как выражался Силас, «прижилась». Силас пил редко, но иногда являлся вдребезги пьяным и, не раздеваясь, валился на кровать. Утром с похмелья выпивал, морщась, рюмку аквавита и выжидал, закрыв глаза. Потом с облегчением произносил: «Прижилась».

Лето не кончилось. Не важно, что она пропустила несколько дней в клубе – там все равно никого не было. Почти всех поразила та же загадочная болезнь.

Эпидемия вроде бы пошла на убыль, но слухи не остановишь. Не только на острове, но и по всей стране.

И в этот вечер в баре почти никого не было. Все словно вымерли. Поселок привидений. Кемпинг выглядел как футбольное поле, исчезли длинные ряды палаток и кемперов, оставшиеся можно сосчитать по пальцам. Наверное, многим хватило огромной рубрики на первой странице «Эландсбладет»: «В ЗОНЕ ОТДЫХА СВИРЕПСТВУЕТ КИШЕЧНАЯ ИНФЕКЦИЯ». Кому хочется проводить отпуск, согнувшись над унитазом?

Отдыхающие быстро упаковались и уехали домой. Или в другие районы побережья, пока пощаженные вирусом.

Ничего удивительного. Остается один вопрос: почему эпидемия разразилась только в «Эландике»?

Но, как говорится, *show must go on*. В девять вечера она заняла место в своем закутке. Наверное, так чувствует себя птица, вновь обживающая разоренное гнездо. Поставила первый диск и взяла микрофон:

– Всем привет! Леди Саммертайм снова с вами, и не только Леди Саммертайм, а и все ваши любимые лоты. На вечер хватит. Итак, начинаем с *Bee Gees*, Думаю, все знают *You should be dancing*]

Голос звучал гулко и равнодушно, как объявление в вокзальном вестибюле.

Никого *Bee Gees* не заинтересовали. Несколько фигур у стойки склонились над узкими бокалами, но танцевальная площадка как была пустой, так и осталась. Никакого энтузиазма.

Ну что ж... работа есть работа. Лаже хорошо – напрягаться не надо. Но время тянется невыносимо долго.

В начале двенадцатого она заметила мобильный телефон. Он лежал на высоком дубовом столике у стенки рядом с недопитым бокалом. Это ее немного взбодрило.

Рядом темные солнцезащитные очки. Она огляделась – а где владелец? Покосилась на микшер, мягко перешла к Элтону Джону и взгляделась. Телефон лежит, как и лежал, наполовину скрытый пустым стаканом. Маленький, черный «Эрикссон», последняя модель. Треугольный столик вмонтирован в стену на уровне груди. Можно пройти мимо... даже нагибаться не надо. Смахнуть в карман, и все дела.

Интересно, кто же такой рассеянный? Богатый плейбой? Бедная девушка? Она не обратила внимания, кто именно стоял у этого столика, и это было непрофессионально.

Как бы там ни было, вечер шел к концу. *Sweet Dreams*, потом что-нибудь поромантичнее, и можно закругляться. Быстрый взгляд направо, налево – никто на нее не смотрел. И гостей совсем мало.

До конца лота минуты две. Она включила лазерный проектор и стробоскоп, поставила дымшину на полную мощность. Световые пятна и фигуры заматались по стенам, клубы дыма бродили по полу, как привидения на болоте. Приоткрыла низкую дверцу и вышла из своего закутка. Мало ли что, диджей Леди Саммертайм тоже иногда ходит в туалет.

У дверей никого. Вся охрана куда-то подевалась. Гости вяло

переговаривались, а какой-то парень вел долгую беседу с барменом, датчанином по имени Мортен.

В туалет она не пошла. У столика с телефоном по-прежнему никого не было. Осталось два метра, не больше. Она решительно двинулась вдоль стены, красиво изогнула бедро, якобы чтобы не задеть столик, коротким движением смахнула мобильник в боковой карман джинсовых шорт и оглянулась. Откуда-то появился охранник... как же его зовут? Никак не вспомнить. Стоит довольно далеко, имя на беджике не прочитать. Сейчас на нее не смотрит, но поди поручись, что он не заметил ее маневр несколько секунд назад.

Все может быть. Но тогда бы он уже направлялся сюда, не выпуская ее из поля зрения. Мобильник маленький, но тяжелый, заметно оттягивает карман. Можно положить назад, но вряд ли удастся проделать этот трюк незаметно. Надо возвращаться в свою клетушку. Или крикнуть что-нибудь вроде: «Чей телефон?..» Авось обойдется.

Она надела наушники. В *Sweet Dreams* осталось несколько тактов. Пауз быть не должно. Смикшировала *Perfect Day*. Странно, но к самому концу гости немного оживились. На площадку вышли несколько пар. Может быть, именно сегодня кто-то найдет свою большую, на всю жизнь, любовь.

Как раз в середине *Perfect Day* в клубе появилась тоненькая девчушка в черном облегающем платье и торопливо двинулась к столику. Именно к тому, где лежал телефон.

Леди Саммертайм заметила ее, но вида не показала, поправила наушники и склонилась над микшером.

Левушка отодвинула стакан, огляделась и двинулась к бару. Что-то спросила у Мортена, тот отрицательно покачал головой, что-то ее спросил и потянулся под стойку за собственным мобильником.

Лиза посмотрела на вход – там по-прежнему маячил охранник, но он не мог видеть, что делается у нее за низкой деревянной дверцей. Она медленно, без резких движений достала украденный мобильник из кармана, положила на пол и подтолкнула ногой к щели под выгородкой.

И в ту же секунду мобильник замигал и завибрировал – ясное дело, девушка позвонила с телефона Мортена. Лиза и сама один раз так искала свой мобильник в траве. Звонков почти не было слышно из-за музыки, и девушка растерянно вертела головой.

Леди Саммертайм поставила новый спокойный лот – *Don't give up*. Могла бы этого и не делать – ее смена закончилась. Но она нервничала, необходимо было выглядеть занятой.

Через пару минут одна из танцующих пар обратила внимание на мигающий телефон. Молодой человек нагнулся, поднял «Эрикссон» и нажал кнопку. Заткнул свободной рукой ухо, чтобы лучше слышать, и огляделся. У стойки стояла девушка и махала ему рукой. Он направился к ней. Музыка кончилась, и Лиза услышала озвученный конец пантомимы.

– Спасибо, большое спасибо! Где вы его нашли?

– На площадке...

– О, господи! Везде искала, кто бы мог подумать...

Замечательно. Мобильник вернулся к хозяйке, драма завершена.

Леди Саммертайм взяла микрофон:

– Это были Петер Габриель и Кейт Буш с замечательной песней *Don't give up*] Никогда не сдавайтесь! И ваша Леди Саммертайм тоже последует этому совету. У меня перерыв до полуночи, а пока наслаждайтесь живой музыкой. Наша замечательная группа *Fun Boys* уже заняла свое место на веранде.

Она сняла наушники и убрала звук.

На кухне ее ждет бесплатный ужин. Полчаса на еду По дороге кивнула и улыбнулась охраннику. На биджике прочитала имя: «Эммануэль». Эммануэль ответил таким же кивком, но ей показалось, что он посмотрел на нее как-то чересчур внимательно.

Герлоф

Странный звук вплелся в жужжание насекомых и пение птиц. Басовитое урчание. Герлоф покрутил головой и обратил внимание на большую темную тень за деревьями. Собственно, что это за тень, он не понял, но звук шел оттуда.

Ну и ладно.

Довольно долго ничего не происходило. Солнце пекло, тень за деревьями не двигалась, урчание продолжалось.

Герлоф очень устал, к тому же ноги ныли так, будто дело шло к лождю. Все же он заставил себя встать и подошел к калитке.

На дороге стоял огромный автомобиль с тонированными стеклами. Этаким новомодный джип, рассчитанный, очевидно, на то, чтобы перемахивать бордюры и островки безопасности. Хромированные детали сверкали, будто их только что начистили перед смотром.

Водительское стекло поехало вниз, и Герлоф увидел Кента Клосса. Одна рука на баранке, другой прижимает к уху мобильный телефон.

Значит, у Кента две машины. Эту он раньше не видел. А может, и три.

Герлоф открыл калитку, медленно подошел к джипу и церемонно поклонился.

– Привет! Спасибо, – сказал он, имея в виду приглашение на виллу присутствовать при допросе Юнаса.

– Это тебе спасибо, старина, – улыбнулся Кент, но улыбка получилась кислая.

Усталость просвечивала даже сквозь ровный загар. Двигатель он так и не выключил.

– Какими судьбами?

– Хочу захватить Ю-Ко.

– А что это – Ю-Ко?

Кент опять улыбнулся:

– Не что, а кто. Юнас Клосс... мой племянник. Пора домой. Он у тебя? Герлоф не пошевелился. Он не собирался отсылать Юнаса домой.

– Как там у вас? – спросил он, словно бы не заметив вопроса.

– Отлично. Так же жарко, как и тут, – опять улыбнулся Кент. – Может, даже жарче.

– Я имею в виду «Эландик». Люди говорят, у вас там эпидемия.

– Что-то вроде желудочного гриппа, – сказал Кент, не глядя на

собеседника. – В выходные черт-те что творилось. Сейчас вроде бы лучше. Сортиры все забились, пришлось ассенизаторов вызывать с машинами, промывать канализацию.

– А гости?

– Возвращаются, – быстро ответил Кент и зачем-то нажал на педаль газа. Мотор взревел и тут же затих. – Один за другим.

Уверенности в его тоне Герлоф не заметил.

И все же интересно – с какого перепугу Кент приперся забирать Юнаса на машине? От силы десять минут прогулочным шагом. Не хочет выпускать племянника из виду?

– Что-то новое про «Офелию»? – спросил Герлоф вслух. Ему показалось, что пауза слишком затянулась.

– Про кого?

– Про эту пропавшую баржу, которую вы арендовали.

Кент отвернулся и посмотрел на море:

– Ничего нового... Я, по крайней мере, не слышал. Пропала, но мы думаем... а, что там говорить... стараюсь не думать про эту лайбу.

– Да... это ведь была не просто лайба... или как?

Кент уставился на него:

– Что ты сказал?

– Вы же провозили спиртное на «Офелии».

Кент долго не спускал с Герлофа взгляд. Потом отвел глаза, покачал головой и опять нажал на газ. Мотор угрожающе зарычал.

– Мы ввозили рыбу.

– Контрабанда спиртного – прибыльная штука. Не только на Эланде, во всей Южной Швеции. Ты ведь слышал про Алгота Ниска? – Он тоже перешел на «ты».

Клосс промолчал.

– Когда я был молодым, Алгот со своими ребятами выходил в нейтральные воды, встречался с подельниками из Польши и Германии и покупал водку по две кроны литр. И сигареты. Иногда даже оружие. Привозили на Эланд и прятали – в рыбарнях, колодцах, поленницах... даже в ветроломах в альваре. А сейчас как это дело обставлено?

– Откуда мне знать?

– Соблазнительное это дело – перепродавать спиртное. Когда сезон наступает, на мосту кордон. Полиция смотрит, сколько спиртного народ ввозит на остров. Пикеты на мосту... А кого интересует, что люди вывозят с острова? Откуда здесь взяться спиртному? Так что сюда – морем, отсюда – машинами... а на континенте руки не связаны. Алгот так и делал.

А сейчас как?

Кент слегка улыбнулся:

– Я же сказал – мы завозили свежую рыбу. На «Офелии».

– А я ничего и не говорю... рыба там, конечно, была, как без рыбы...

Надо же что-то показать на таможне. Хотя зря, лучше бы что-нибудь еще. На «Офелии» и холодильников-то порядочных не было. В такую жару рыба долго не продержится. Все бы ничего, пока трюм открыт, а кто-то люк закрыл. И матросы отравились сероводородом.

– Мы этим занимаемся, – твердо сказал Кент. – Несколько охранников в «Эландике» вызывают сомнения.

– Как Петер Майер, к примеру?

– Петер Майер давно у нас не работал. Мы его уволили еще в прошлом году. А другой охранник просто исчез. Как раз на праздники.

– А Эйнар Балл? Ты его тоже знал?

– Только по делам. Он иногда поставлял в наши рестораны рыбу и дичь.

Герлоф уже догадывался, что произошло на празднике. Группа злоумышленников узнала, что в гавани стоит баржа, а на барже есть деньги. Он даже мог назвать несколько имен: Эйнар Балл, его родственник Петер Майер и старый швед, вернувшийся из-за границы. Они решили завладеть выручкой от контрабандного спирта. И это им удалось.

Но дальше все пошло не по плану.

– Петер Майер попал под машину на шоссе... Эйнар Балл погиб у себя дома...

Герлоф никаких вопросов не задавал, но Кент ответил – снова нажал на газ.

Герлоф, однако, еще не закончил:

– Будь осторожней, Кент. Мало ли что может случиться...

Кент онемел от удивления:

– Ты что... ты мне угрожаешь, старикан?

Герлоф бровью не повел, хотя мог бы и обидеться.

– Я? О, нет. Угроза не во мне.

– А в ком?

Герлоф, собственно, не знал, что ответить на этот вопрос, поэтому назвал имя, все время вертевшееся у него в голове:

– Арон Фред.

Кент устало улыбнулся, но по его взгляду Герлоф понял, что ему знакомо это имя.

– Арон Фред... это совсем другая история.

– Другая?

– Арон Фред еще сопляком эмигрировал в Штаты. С отчимом, Свеном... тот еще был лузер.

– Разве?

– Тот еще лузер, – повторил Кент. – Ему поручили передвинуть могильник, а он...

– Так это Свен строил курган? – прервал Герлоф.

– Свен, Свен... в двадцатые годы ему поручили перенести могильник на берег – зачем он там, где его никто не видит? Он взялся. Лед там был мой с братьями. Свен и перенес... обрушил на себя всю пирамиду Спасибо, уцелел, только ногу придавило. Пришлось все переделывать, только без Свена – его, понятное дело, отправили пинком под зад.

Герлоф слушал со все возрастающим интересом. Этих подробностей он не знал.

Не обращая внимания, что Кент опять начал газовать, он повысил голос, перекрикивая рев мотора:

– Я видел Арона.

– Сейчас? Этим летом?

Кент отпустил педаль – заинтересовался.

– В детстве, – покачал головой Герлоф. – Мы с Ароном помогали могильщику на кладбище. Могилу копали.

Клосс кивнул и высунулся в окно:

– Тогда ты можешь его найти, Герлоф. Ты же знаешь, как он выглядит.

– Я знаю, как он выглядел двенадцатилетним пацаном. Столько лет прошло.

– Ну, память-то у тебя – дай бог каждому. Все эландские лайбы помнишь, людей... не знаю, как это у тебя получается. И можешь заработать на этом деле.

– Заработать? Неужели он так опасен, этот Арон Фред? – спросил Герлоф, но ответа не дождался.

За спиной зашелестела трава – появился Юнас.

– Пора домой, Ю-Ко, – сказал Кент.

Юнас кивнул и залез в машину.

Кент внимательно посмотрел Герлофу в глаза:

– Может случиться, придется вернуться к этому разговору. Может, может так случиться...

Он отпустил сцепление, и тяжелый джип сдвинулся с места.

Герлоф посмотрел ему вслед. Интересный получился разговор у калитки. Кент наговорил кучу всяких вещей, и в то же время не сказал

ничего. Ровным счетом ничего, что хотя бы отдаленно напоминало признание.

Юнас

Китайская олифа капала с кисти, и точно так же, крупными тяжелыми каплями, со лба стекал пот. Юнас водил кистью по доскам веранды. Четыре доски – передых.

Выпил не меньше полулитра воды (гарантированно стерильной, из бутылки), вздохнул и продолжил работу.

Дело идет к концу. Несколько досок – и можно сдавать. С верандой дяди Кента покончено. А на следующей неделе все начнется сначала – надо отшкурить и пропитать маслом веранду у тети Вероники. Грязные доски и сладковатый запах китайской соевой олифы. Так и запомнится Юнасу это лето.

Солнечный диск медленно опускался, приближаясь к горизонтальной полоске земли на горизонте. Юнас загадал, успеет ли он закончить до захода солнца. Успел. Теперь пойти искупаться, и вечер свободен. Дядя Кент обещал устроить большой праздник в честь обновленной веранды – с грилем и все такое.

Но Юнасу вовсе не хотелось праздновать. Ему все время казалось, что дядя Кент исподтишка за ним наблюдает. Зачем-то приехал на машине к Кристоферу, хотя Юнас мог прекрасно добраться сам.

Он сбегал за купальными трусами и пошел на берег.

Первые дни после ночного приключения он избегал моря. Не то чтобы избегал, но ходить купаться в одиночку почти не решался. Страх еще не исчез – но нельзя же поддаваться!

Куриная слепота потеряла свой голубой наряд, цветы съежились и стали темно-лиловыми. И не только куриная слепота – трава на откосе пожухла, пожелтела, с кустов начали опадать листья, хотя до осени еще далеко. Природа на Эланде непривычна к такой жаре. Только могильник выглядел точно так же, как всегда, если не считать, что на землю скатился еще один камень. И сколько их теперь лежит в траве у подножия? Десять? Или одиннадцать?

Юнас не стал считать камни, постарался побыстрее пройти мимо – к старой, довольно крутой каменной лестнице. До нее метров двадцать, не больше. Спуститься по лестнице – и ты на берегу.

И вдруг он остановился.

Снизу, из ложбины, доносился странный скребущий звук. Оттуда, где каменотесы в давние годы долбили скалу и оставили за собой след в форме

римской цифры V откуда-то справа.

Юнас подошел совсем близко к обрыву. Ничего, кроме розоватой скалы, кое-где присыпанной мелким серым щебнем. Людей, во всяком случае, не видно.

Он остановился и прислушался. Из-под земли доносились глухие, еле слышные неравномерные удары вперемешку с металлическим скрежетом.

По-прежнему ни души. Впрочем, отсюда много и не увидишь – из скалы торчит большой уступ, перекрывающий поле зрения. Он спустился вниз.

Ложбину под откосом, оставшуюся от бывшей каменоломни, решили не благоустраивать. К морю вела узкая тропинка. Ходить здесь не сахар – приходится перепрыгивать с камня на камень, а в его старых кедах только и гляди, чтобы не поскользнуться.

Он сделал несколько прыжков, оглянулся и увидел стальную лверь. Как раз под курганом.

Бункер. Юнас вспомнил рассказ Герлофа.

У него с прошлого лета осталось слабое воспоминание: на двери бункера висел здоровенный ржавый висячий замок. А сейчас замка не видно. Аверь приоткрыта, и звуки доносятся именно оттуда – из бункера.

Кто-то там есть. Призрак...

Какой может быть призрак, если могильник фальшивый? Герлоф ведь объяснил – камни с могильника перенесли на берег. Аля экзотики.

Юнас подошел поближе. Он, само собой, никогда не заходил в запертый бункер, но они с Каспером в детстве играли около этой двери. Было немного страшновато – а вдруг там, внутри, до сих пор лежат убитые солдаты?

Скрежет продолжался.

Он подошел совсем близко к двери – пара метров, не больше. На цементном, засыпанном щебенкой полу бункера сонно шевелились солнечные пятна. Только у самого входа – дальше сплошной мрак.

Еще шаг. А может, это Мате взломал замок? Мате, Каспер и Урбан? С утра они были дома, а потом куда-то исчезли. Ему, как всегда, ничего не сказали.

Сидят там в темноте и наблюдают за ним. Ну уж нет. Страшновато, конечно, но не показывать же им, что он боится. Если уходить, то быстро и решительно, чего топтаться тут как идиот.

А можно и остаться. Чего бояться? Призрака здесь нет... почти наверняка. Всего-то два шага до двери, и первый он уже сделал. Шагнул, остановился и прислушался. Ничего не слышно, никаких ударов, никакого

скрежета. Подумал – и вошел. Ему пришлось пригнуться – широкий и высокий порог предназначался, скорее всего, чтобы дверь нельзя было выбить ударом снаружи, так что, когда он на него наступил, тут же уперся головой в потолок.

Странно, несмотря на открытую дверь, в бункере было душно, даже у самого входа. Глаза постепенно привыкли к темноте. Он находился в совсем маленьком помещении, но в дальнем конце слабо различалась еще одна, очень узкая дверь. Лучи замершего напротив входа в бункер солнца до нее не достигали.

Никакой мебели, если не считать старого покосившегося стола. В том, что он покосился, не было ничего удивительного – одна из ножек сломана, и под нее подставлен камень.

А на столе лежал какой-то предмет.

Юнас прищурился, потом закрыл глаза, подумал – не померещилось ли? – и снова открыл.

На столе лежал пистолет.

Все сомнения и страхи как ветром сдуло – победило любопытство. Неужели настоящий?

На всякий случай стараясь не шуметь, он спрыгнул с высокого порога и подошел к столу.

Протянул руку и взял пистолет.

Юнас даже не ожидал, что он окажется таким тяжелым. Очень тяжелый и наверняка старый – деревянная рукоятка вся исцарапана. Но никаких сомнений – самый настоящий пистолет.

Вновь из глубины бункера послышались скребущие звуки. Он вздрогнул и поднял голову. Это за той, маленькой дверью. Там кто-то есть. Призрак?

Надо мотать отсюда поскорее.

Юнас трясущимися руками завернул пистолет в купальное полотенце и выскочил из бункера.

Ему уже было не до купания. Риска упсть, он пробежал по ложбине и быстро поднялся по каменной лестнице, прижимая к груди невероятную находку.

Минуя курган, перебежал дорогу и напрямик направился к своему крошечному домику.

Запер дверь, тщательно задернул гардины и сел на кровать – надо же разглядеть как следует. Подумать только – настоящий пистолет!

Возвращенец

Он стоял в темноте, опираясь на лом.

Выбрал дальнюю стену, где трещины в цементе были побольше и поглубже, по крайней мере на вид, и работал – терпеливо, настойчиво, уже несколько дней, но чтобы докопаться до центра кургана, оставалось еще не менее двух метров. Много сил уходило, чтобы оттащить выломанные куски цемента и камня.

Никакого клада там нет, он это знал лучше, чем кто-то другой.

Передохнув, Возвращенец снова взялся за лом, поднял – и замер. Ему почудился какой-то звук. Или не почудился?

Что-то происходит за дверью. Он затаил дыхание. Какой-то шорох, может быть, осторожные шаги. А может, мыши. Он вспомнил, что неплотно закрыл дверь, но сейчас вечер, во впадине и быть некому. А с дороги и с вилл на той стороне увидеть его невозможно.

Наверное, это было нерасчетливо – начать работу до захода солнца, но он сам чувствовал, что силы его на исходе. Ночью много не наработаешь.

Он прислушался еще раз. Все тихо. У него затекла нога, и он, стараясь не шуметь, покачался несколько раз с пятки на носок.

Надо еще немного выждать. Он положил лом и двинулся к выходу.

В наружной секции бункера никого не было. Стальная дверь полуоткрыта.

Сломанный деревянный стол светился грязноватой древесной желтизной – солнце стояло над самым горизонтом, вровень с лверью бункера.

И только сейчас он вспомнил, что положил на этот стол свой «вальтер» – хорошо смазанному оружию нечего делать в пыльном закутке, где он работал.

А сейчас стол пуст.

Он совершил самое страшное преступление, которое только может совершить солдат, – потерял свое оружие.

К счастью, не последнее.

Земля обетованная, июль 1936

В начале года пришло требование: все документы должны быть с фотографиями. Удостоверения охранников в том числе. Мало ли затаившихся врагов народа присвоили себе чужие имена?

Но Арон спокоен. Вся эта процедура ему только на руку – теперь он всегда может предъявить документ. Пожалуйста. Владимир Николаевич Шевченко, вот моя фотография.

Он посмотрел на фотографию – и не узнал себя. Не глядел в зеркало много лет. На фотографии парень с грубоватым лицом, перебитым носом и розовым шрамом на лбу. Это не он, не Арон Фред. Это Влад.

Наряду с удостоверением охранника Арон-Влад получает паспорт и военную форму. Заботами Польшина он уже не совсем заключенный. Свободный человек. Или, вернее сказать, почти свободный. Во всяком случае, ему разрешено в любой момент покидать зону.

В бараке охраны тепло, пожилая женщина готовит им еду и стирает одежду. Впрочем, сапоги он чистит сам, хотя блестят они только несколько секунд после чистки – в лагере такая пыль и грязь, что достаточно выйти, и сапоги выглядят так, словно их последний раз чистили месяц назад. Сапог у него две пары. Но винтовка одна, и он с ней не расстанется. Каждый вечер разбирает, чистит, смазывает подвижные детали. Оружие должно быть в идеальном состоянии. Всегда.

Весной участились попытки побегов. Влад никогда не сомневается – стреляет на поражение. Расставляет ноги для устойчивости и стреляет. Польшин даже наградил его за бдительность – грамота и денежная премия. Сто рублей.

А потом началось лето. Тепло пришло волнами откуда-то из тайги. Побегу почему-то прекратились, но и работать стали хуже.

Газет в лагерь почти не привозят, но можно было догадаться, что в Советском Союзе наступило своего рода затишье. Кулаки раскулачены, коллективизация закончена, иностранные шпионы разоблачены и уничтожены. Наступает светлое будущее.

В начале июля у Польшина появляется новый зам. Лейтенант Беридзе с горящими черными глазами, откуда-то из южных краев. Новенькая форма с эмблемой на рукаве – меч, разрубающий змею.

Польшин собрал вохру в комендантском бараке, но держит речь Беридзе.

– Важные новости, – сообщает лейтенант. – Враги окопались на юге, и в городах, и в сельской местности. Их больше, чем мы думали. Огромный заговор, тысячи заговорщиков, которые только и мечтают уничтожить советскую власть.

– Кулаки, что ли? – спросил один из охранников.

– Кулаков больше нет, – отвечает Беридзе решительно. – Но эти еще хуже. Еще опасней. Эти притворяются интеллигенцией. Троцкисты. Фанатики.

– И что они там? Войну, что ли, объявили?

– Да, – без секундной заминки подтверждает Беридзе. – Да, это война. Они начали необъявленную войну. Враги маскируются под честных людей, пытаются слиться с массой. А потом наносят удар, как правило, исподтишка. Вредительство, беспорядки. Они не гнушаются и убийством. вспомните, как погиб товарищ Киров.

Наступает тишина. Да, конечно, все помнят, как погиб товарищ Киров. Полтора года назад. Секретарь ленинградской парторганизации, замечательный человек. Популярен, говорят, был очень, почти как сам товарищ Сталин. И его прямо в коридорах Смольного застрелил какой-то сумасшедший.

– Руководит всей этой нечистью не кто иной, как предатель Троцкий. Дергает ниточки из-за границы.

Троцкий... Арон смутно припоминает: кто-то ему говорил, что когда-то Сталин и Троцкий были лучшими друзьями. Соврал, должно быть.

– Но мы с ними разберемся. – Беридзе впервые улыбнулся. – На днях прибывает поезд с группой прожженных троцкистов. Они будут жить в отдельном бараке.

Герлоф

Он позировал, опершись на трость. Затвор щелкал и щелкал. Герлофу было немного не по себе от этой фотосессии на кладбище, но это была его идея. Никто его не заставлял. Только для пользы дела, уговаривал он себя.

Только чтобы как-то выманить Арона Фреда.

Он поднял глаза. Фотографировал не кто иной, как ветеран Бенгт Ньюберг, корреспондент местной газеты. Он писал обо всем, что происходило на севере Эланда.

– Я читал твою заметку о желудочном гриппе, – сказал Герлоф.

– В «Эландике», да. – Бенгт был явно доволен, что кто-то читает его заметки. – Они хотели бы спустить эту историю под сурдинку, но не на того напали. Больше сотни случаев! Только представь – такая куча людей одновременно блюет и дрищет... Подумай только – канализация забилась!

– А сам-то ты не заболел?

– Нет... к тому же эпидемия какая-то странная. Ограниченный очаг – и больше нигде. Думаю, дело в их водопроводе. Какой-нибудь микроб или паразит, шут их разберет. Я не пью воду из-под крана.

– Ой... – Герлоф горестно покачал головой. – И надо же, в разгар сезона...

– Ла... Клоссам не позавидуешь. А остальные руки потирают – довольно много людей из «Эландика» сбежало в другие места.

Разговор увял. Герлоф огляделся – заботливо постриженная трава, ровные ряды каменных надгробий. За семьдесят лет их заметно прибавилось. И жена Герлофа, и многие, многие родственники – все тут.

Надо, наконец, объяснить Бенгту ради чего он все это затеял.

– Вот здесь где-то это и случилось, – сказал он. – Не могу сказать точно где именно, помню только, что поблизости от кладбищенской стены.

Ньюберг пощелкал затвором – Герлоф театрально указывает палкой в неизвестном направлении.

– А что это была за могила?

– Точно сказать не могу... я много могил копал тем летом. Но где-то здесь...

Он, разумеется, врет. Ему не хочется, чтобы фамилия «Клосс» упоминалась в газете. Кенту это вряд ли понравится.

– Но стук этот я даже сейчас слышу, – продолжил Герлоф. – Три раза, потом еще три. И звучно так. Мы, конечно, сразу разгребли, что успели

накидать, вытащили гроб и позвонили доктору Блуму. Прикатил на своем велосипеде, посмотрел на покойника. Ничего, говорит, сделать не могу.

– Но он был мертв? Этот... в гробу?

– Мертвее некуда.

Лень был такой же жаркий и солнечный, как тогда, и Герлофа окатило странное чувство – будто и не было этих лет, будто и не прошла вся жизнь, будто все здесь так и стоят в недоумении – священник, врач, братья Клосс и могильщик Бенгтссон чуть позади. И Арон Фред в сторонке.

Нюберг сделал еще один снимок, черкнул что-то в блокноте и бросил на Герлофа довольный взгляд.

– Леденящая душу история, – сказал он. – Загадка года.

– Напишешь?

– Ла... не все, конечно, что ты нарасказывал. Один снимок и короткий текст. В верстке всегда найдется пустое место.

– И когда?

– Не могу сказать. Завтра, если повезет. Коммунальное управление только-только вернулось из отпуска, так что дефицита в новостях нет. И все прочее... сам знаешь.

Герлоф понял, что имеет в виду репортер – две смерти на прошлой неделе. Эйнар Балл и Петер Майер. А вышедшее из отпуска «коммунальное управление» – один человек. Леннарт Ноль.

– И напиши что-нибудь вроде: «Герлофу очень хотелось бы повидаться с кем-то из свидетелей того случая».

– Свидетелей?

– Ну да. Вдруг кто-то знает, почему покойнику вздумалось стучать в крышку гроба.

Бенгт кивнул. Не стал спрашивать, какие могут быть свидетели через семьдесят лет, если сам Герлоф тогда был мальчишкой.

Они расстались у ворот кладбища. На прощание Бенгт поделился пришедшей ему в голову рубрикой:

ГЕРЛОФ ВСЕ ЕЩЕ СЛЫШИТ СТУК В МОГИЛЕ.

Для журналиста сенсация – хлеб насущный. Они даже и думают сенсациями.

Но когда Герлоф двумя днями позже открыл газету, остался доволен. Статейка была на видном месте и наверняка многими прочитана. Свидетели... конечно же никого нет в живых, кроме него.

Кроме него и, возможно, Арона Фреда.

Лиза

Живот успокоился, и жить стало веселей – на следующее утро Лиза чувствовала себя совсем здоровой и с утра пошла на пляж. Камни на берегу уже успели нагреться, идти было легко и приятно. Она пробежала по мосткам до самого конца и прыгнула в воду – решительно, ни на секунду не задержавшись. Вода теплая, больше двадцати, песок на дне мягкий. Все в порядке. Можно расслабиться.

Она плавала довольно долго, пока мостки не оккупировали детишки из школы плавания. Вышла на берег, вернулась, не обтираясь, в кемпинг и остановилась как вкопанная.

Что-то не так. Лверь в ее трейлере приоткрыта, и, как ей показалось, вагончик слегка покачивается.

Тут же вспомнилась старая туристская шутка:

Don't knocking if the trailer is rocking.

Если кемпер качается, не входи без стука.

А если качается пустой кемпер? Там никого не должно быть.

Лиза не стала стучать, поднялась по приставной лесенке и открыла дверь.

После яркого солнца она почти ничего не видела.

– Есть здесь кто?

– Привет, Саммертайм.

Спокойный мужской голос, но у нее почему-то похолодело в животе от предчувствия беды.

Глаза постепенно привыкли в темноте, и она различила мужскую фигуру на корточках около своей узкой койки.

И сразу узнала: Кент Клосс.

В белых шортах и красной футболке. Сидит на корточках и роется в ее сумке.

Большая диджеевская сумка.

Кент методично перебирал один за другим двенадцатидюймовые виниловые диски.

– Заходи! – кивнул Кент, не оборачиваясь. – Чувствуй себя как дома.

Она угадала в его тоне насмешку.

Лиза постаралась взять себя в руки. Бросила на пол пляжную сумку и улыбнулась в ответ:

– Здравствуйте, Кент. Как вы сюда попали?

– У меня есть запасные ключи ко всем кемперам. Ты не забыла, что мы хозяева всех этих тележек? А ты – квартирозяйщица, мы позволяем тебе здесь жить... пока ты у нас работаешь.

Последние слова, как ей показалось, прозвучали угрожающе. Но тон оставался вполне мирным.

– Хотел посмотреть, как ты устроилась. И потом – я поклонник всей этой старой танцевальной музыки. Хотел посмотреть, что у тебя есть.

– Смотрите сколько угодно. Эти диски у меня для работы. В вашем же клубе. Хотите – смотрите здесь, хотите – там. Мне нечего скрывать.

– Так уж и нечего?

Вопрос последовал почти мгновенно.

Она энергично покачала головой и подошла поближе.

В ножном конце койки лежала кучка хорошо знакомых ей бумажников. И несколько мобильных телефонов.

Вся ее добыча из ночного клуба.

– Мне почему-то кажется, ты не хотела, чтобы кто-то все это видел. Она промолчала.

Надо было бы сразу сказать что-то вроде «я могу объяснить», но у нее перехватило дух, ослабли ноги и желудок опустился куда-то в промежность.

Она знала, что выглядит виноватой. Ясное дело, все кончено. Но почему бы не попытаться.

– А, эти... бар «Майская поэма»... Народ теряет все что можно. Я несколько раз пробовала найти хозяев, но никто не обращался. Я и притащила их сюда, чтобы потом разобраться. Может, кто-то видел, что я их сунула в сумку, и неправильно понял.

– В самую точку, – кивнул Кент и несколько секунд смотрел на нее внимательно. Ни разу не мигнул. – Кто-то видел. Наш охранник. Он видел, как ты стащила мобильник во вторник вечером.

Лиза кивнула:

– Я его тоже нашла.

– Конечно нашла. А я нашел тебя.

Он встал во весь рост. Теперь видно было, насколько он раздражен, несмотря на все свои улыбочки.

– Я много тут повидал за эти годы... Охранники обчищают домики, бармен мухлюет с кассой, уборщицы в отеле... Я к этому лерьму привык.

Только сейчас Лиза почувствовала, что от Кента сильно пахнет спиртным.

– На него работаешь?

– На кого?

Удар в лицо последовал неожиданно, она споткнулась о свою пляжную сумку и упала на пол. Кемпер закачался, как будто в нем занималась любовью не одна, а как минимум три пары любовников.

– Я спрашиваю – на кого ты работаешь? Шпионишь?

Лиза провела рукой по лицу – из носа текла кровь.

– Шпионю для кого? – спросила она тихо и по возможности миролюбиво и попыталась встать.

– Лежать! – рявкнул Кент и ударил ее ногой в ягодицу. Было очень больно, но она заставила себя промолчать.

В кемпере воцарилась тишина. Она слышала только его редкие, глубокие вдохи.

– Я не знаю, о чем вы говорите... о ком.

– Вот как... не знаешь...

Лиза замолчала, но слово взяла Леди Саммертайм. Та не обременяла себя «выканьем».

– А ты не обворовываешь гостей? – прошипела Саммертайм.

– Я?

– Тысяча четыреста за бутылку шампанского! А покупаешь ты эту шипучку у контрабандистов, самое большее, по пятьдесят спенн. Это что, не кража?

– Не уходи в сторону, – рявкнул Кент. – У кого-то тут проблемы, и этот кто-то – не я.

Лиза сжалась, ожидая удара, но обошлось.

– Тогда звони в полицию, – вызывающе сказала Леди Саммертайм.

Кент посмотрел на нее сверху вниз:

– Еще не время.

Он стоял неподвижно, будто размышляя о чем-то. На загорелом лбу вздулась голубая вена.

И вдруг словно обмяк – сел на койку и широко расставил колени.

– Ты можешь помочь мне кое с чем, – вдруг сказал Кент.

Леди Саммертайм встала и собралась было ногой врезать ему по яйцам, благо промежность совершенно открыта. А Лиза опасалась дальнейших побоев, хотя вид у Кента был вовсе не агрессивный.

Ну что ж, для начала неплохо. Пар выпустил, в полицию не позвонил.

Кент посмотрел в окно. Лаже привстал – убедился, что никто не подсматривает.

Побарабанил пальцами по колену.

– Сюда приехал один тип, и он... в общем, от него можно ждать

неприятностей. Я сначала не знал, а теперь знаю. Зовут его Арон Фред.

Он произнес имя, не сводя глаз с Лизы: как она среагирует?

Но она никогда не слышала это имя. Но как правильно ответить, чтобы не заработать еще одну оплеуху?

– Арон Фред, – повторила она как можно более нейтрально.

Клосс посмотрел на свои загорелые руки:

– Я даже не знаю, как он выглядит... Он старается не показываться на людях, но мне надо его найти. Думаю, ты можешь мне помочь.

– А где он?

– Где-то здесь, – пожал плечами Клосс. – В каком-то из кемпингов или в бунгало, черт его знает... к тому же под чужим именем. Но наверняка где-то здесь, – повторил он. – Иначе он не смог бы отравить нашу воду.

Отравить воду... что это такое, Лиза испытала на себе.

– «Эландик» велик, – сказала она тихо. – Как я его найду?

Кент улыбнулся. Приветливо, даже ласково, будто это вовсе не он пять минут назад ударил ее ногой, как собаку.

– Следить и наблюдать, естественно, – сказал он. – Наблюдать и следить. Этому тебя учить не надо.

Лиза перевела дух:

– Значит, мне надо его найти среди всей этой толпы отдыхающих, а вы даже не знаете, как он выглядит?

– Старик. Это я тебе уже сказал. Но для своего возраста вполне такой... живчик. Без семьи, поселился один. Толпа...никакая не толпа, хорошо, если десяток найдется. Наверняка найдется. Вот этих нескольких стариков и надо проверить. Выждать, пока уйдут, посмотреть, что у них там творится... аккуратно, конечно. Не так, как ты с телефоном.

– То есть когда кемпер... или там хижина...

– Конечно. Только когда гарантированно никого нет. Гости не должны ничего заметить.

– Гарантированно... кто и что может мне гарантировать? Сейчас его нет, а через три минуты он на месте. Проголодался. Или спать захотел.

– Охрана. Они знают, кто чем занимается.

Лиза прикинула, есть ли у нее выбор. Выбора не было.

– И что искать?

– Все необычное. Не зубную щетку с мыльницей, понятно. Оружие, маски... пачки денег, может быть. Но не трогать. Ничего не трогать. Это не обычный отдыхающий.

– А что потом?

– Потом? Потом посмотрим. – Кент встал с койки. – Во всяком случае,

сдавать тебя полиции я не собираюсь... можешь продолжать работать.
Только укороти пальчики.

– А если я попадусь, пока шпионю?

Кент опять улыбнулся, еще шире:

– Ты уже попалась, Саммертайм. Поэтому тебе и придется этим заниматься.

Герлоф

Статьеку про временно ожившего и постучавшего в крышку гроба покойника напечатали, и даже последовали кое-какие комментарии. Герлоф в душе надеялся, что заметку прочитает именно тот, на кого она рассчитана. Если, конечно, Арон Фред все еще на острове.

Так что оставалось только сидеть в саду и ждать.

Последние дни в летнем доме. После выходных придется переселяться в дом престарелых.

И в пятницу гость явился. Не просто гость – убийца. Но не тот, кого он разыскивал этим летом. Этого убийцу он разоблачил несколько лет назад.

Герлоф сидел, как обычно, на своем садовом кресле под зонтиком. Без зонта не выдержать – солнце пекло немилосердно.

Слуховой аппарат был включен, поэтому он сразу услышал шорох. Из кустов можжевельника вышел человек и остановился у сплетенного из старых некрашенных сучьев декоративного заборчика. Герлоф когда-то соорудил его по просьбе жены. Вначале ему не очень нравился этот сельско-народный стиль, но потом привык.

Он узнал этого человека.

Этот человек убил его внука.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, и Герлоф мысленно поблагодарил Бога, что его дочь Юлия еще не приехала.

– Добрый день, – сказал человек у забора.

– Добрый.

Убийца не внушал Герлофу никакого страха – бледный, усталый... Выглядит намного старше своих лет.

– Проходи, садись, – кивнул ему Герлоф. – На свободе?

Мужчина тяжело опустился на стул по другую сторону стола и покачал головой:

– Пока нет... увольнение. Первое увольнение без надзора. – Он грустно усмехнулся и посмотрел на дом. – Решил тебя навестить. Ты один?

– Внуки на пляже. А дочери еще не приехали.

Гость расслабился, но тут же насторожился – послышалось тяжелое басовитое гудение. Шершень. Если ужалит – довольно опасно, но шершни куда менее агрессивны, чем обычные осы. Солидные звери. Наверное, размеры придают им такую самоуверенность.

Шершень пожужжал и скрылся. Наступила тишина.

– И на сколько тебя отпустили?

– На сутки. У нас... у них свои правила. Сначала отпускают на несколько часов и под надзором, потом подольше. Если ты ничего не нарушил, естественно.

– Ну и как ты? Смирился?

– Смирился? Откуда мне знать – смирился я или нет?

– Человек знает, что он чувствует. Смирился – значит, ушла ненависть.

– Пытался... Там хороший психотерапевт.

– Значит, ушла.

– А ты, Герлоф? У тебя-то все основания меня ненавидеть.

Герлоф посмотрел в сторону:

– Вот сижу и как раз про это думаю...

Нет. Ненависти и злобы к убийце внука в нем не было. Шевельнулась смутная тоска, он даже крикнул от жутких воспоминаний, но ненависти и злобы не было.

– Никлас Клосс. – Надо было менять тему. – Ты его знаешь?

– Это ведь один из богатых братьев Клосс? Владельцев «Эланлика»?

– Да... Никлас у них считается паршивой овцой. В тюрьме сидел.

Гость кивнул:

– Не у нас. Я слышал про него, но никогда не встречал.

– А что слышал?

– Всего понемногу... в тюрьме все известно. Во всяком случае, знаю, за что ему дали срок.

– За что?

– Контрабанда. Лаже больше, есть такая специальная статья – «злостная контрабанда». Его задержали на таможне с грузовиком спиртного из Германии. Несколько миллионов крон. Вернее сказать, задержали не его. За рулем сидел не Клосс, но отвечал за груз именно он. Так говорят, по крайней мере.

Герлоф не оставил оговорку без внимания:

– А ты как считаешь?

– Все может быть... но скорее не он, а его старший брат. Кент Клосс. Но сел Никлас на пару лет. Вот и все, что я знаю.

– Не удивлюсь, если ты прав. И вообще... чему в наше время удивляться...

– Нечему. На Эланде всегда были контрабандисты. Спирт и табак. Но по мелочам. А сейчас масштабы изменились. Лаже не понять, кто все это может выпить. Как в Средние века, когда зараз выпивали по несколько литров пива...

– Не всё же здесь, на острове, выпивают, – возразил Герлоф.

– Это да... Это правда. На континент тоже немало попадает.

Гость замолчал. Странно – Герлоф не чувствовал ни малейшего напряжения. Он мог бы так судачить с кем угодно. Но когда разговор прекращался, вновь подступала старая и теперь уже, наверное, неистребимая тоска.

– Правильно сделал, что пришел, – сказал он.

Мужчина не сказал ни слова – сидел и смотрел в одну точку.

– Надеюсь, ты вернешься... Я имею в виду сюда, на остров.

– Да... домой. Тюрьма все же не дом.

– Ты спросил, ненавижу ли я тебя, – решился наконец Герлоф. – Что тебе сказать... Думаю, нет ничего глупее, чем перед смертью сидеть здесь на солнышке и пережевывать свою ненависть к кому-то.

Гость встал и кивнул – как показалось Герлофу, с облегчением.

– Пойду тем же путем, что и пришел. Мимо старой мельницы, могильника... через альвар.

– Конечно, – улыбнулся Герлоф. – Надо же убедиться, что памятники древности в целости и сохранности.

Он сидел и смотрел гостю вслед, пока тот не скрылся из вида.

Возвращенец

Было уже довольно поздно. Он держал в руке номер островной газеты, купленной в киоске в «Эландике», – он покупал ее каждый день, надо быть в курсе, что пишут о проблемах с питьевой водой. Но во вчерашней газете ему попала маленькая заметка.

ГЕРЛОФ ДО СИХ ПОР СЛЫШИТ СТУК ИЗ МОГИЛЫ

И фотография – между надгробий стоит старик, опирается на палку. Марнесское кладбище. Решил поделиться старой загадочной историей с репортером.

Возвращенец ни за что не узнал бы того мальчика в этом старике, если бы не заметка. Сейчас ему казалось, что узнает. И он прекрасно помнил открытую могилу и этот резкий, настойчивый стук. Ему стало зябко, хотя вечер был очень теплым. Мертвые хватают живых.

Стук из гроба. Чертовщина.

После того дня он ни разу не был на кладбище в Марнесе. Семьдесят лет. Даже на могиле сестры не был.

Вдруг ему стало очень одиноко. Пекка погиб, Балл погиб, Рита уехала. Жена умерла. Мобильника у него не было, поэтому пришлось дойти до единственного на весь берег телефона-автомата. В справочном бюро узнал телефон Герлофа Лавидссона.

Снял трубку и набрал номер.

Земля обетованная, ноябрь 1936

Опять зима. Выпал снег, но пока его мало, тут и там просвечивают черные острова размокшей, превратившейся в липкую грязь земли.

Арон присел на ящик и прислонился спиной к деревянной стене барака. Ночь выдалась ясной. Казалось, силуэты гигантских елей достают до мелких, ярких и бесконечно далеких звезд.

Полынина из лагеря убрали. В бараках говорят – допился до белочки. Тот вроде бы Владу покровительствовал, но он все равно чувствовал облегчение. У начальника лагеря были все причины от него избавиться. По пьянке дал ээку пистолет – тяжкое служебное преступление, – а тот на его глазах другого ээка пристрелил. Мог бы потихоньку спихнуть обратно в барак или вовсе убрать, но не сделал этого – почему?

Теперь начальник лагеря – старший лейтенант. Впрочем, уже не лейтенант – сразу после назначения Беридзе дали капитана.

Беридзе очень быстро заметил молодого охранника – в отличие от других, Влад не брал в рот спиртного и не курил. Ему доставались самые ответственные поручения.

Расстрелы в лагере случались не часто. Приговоры обычно приводили в исполнение в далекой Москве или в других городах. Но иногда в лагерь из Москвы приходили депеши – дескать, ознакомились подробнее с делом такого-то и такого-то и изменили срок на высшую меру наказания. В основном прореживали ряды троцкистов. Не зря их поселили в отдельный барак. И постепенно почти все расстрелы в лагере Беридзе стал поручать Владу. Эта работа не каждому по силам, но Влад относился к ней как к работе.

Во всем нужен профессионализм. Он очень быстро понял, что стрелять прямо в затылок, как предписывалось инструкцией, не самый лучший способ. Много крови, можно забрызгать гимнастерку. Лучше направить ствол не в затылок, а в шею и косо вверх. Тогда человек умирает мгновенно, и крови почти нет.

Похолодало, как всегда бывает ясной зимней ночью, Арон встал и медленно пошел вдоль барака.

Нет, возвращаться в барак для ээков ему вовсе не хотелось. Лежать, как в гробу, на нижней полке трехъярусных нар, стучать зубами от холода и хлебать по утрам быстро остывающую баланду.

Теперь у него теплая, хоть и старая, армейская шинель и керзачи – новенькие, с иголки. К морозам обещали выдать валенки. И жратва совсем другая.

А работа... ну что ж, работа есть работа. И враги есть враги.

На ужин принесли щи из тушенки и котелок горячей картошки. Арон ел с аппетитом, но к положенной охранникам водке даже не прикоснулся – как всегда, отдал свою пайку другим. Это сделало его популярным, но за популярностью он всегда угадывал подозрительность – почему это не пьет? Наверняка шепчутся между собой – не стукач ли?..

На следующий день его вызвали к начальнику лагеря. Там было еще двое. Одного из них он знал – секретарь партячейки лагеря Григоренко. Другой – молодой, высокий, в тщательно отглаженной энкавэдэшной форме, с тонкими, даже красивыми чертами лица. Большая звезда на рукаве – майор НКВД. Сидит за столом и листает какие-то бумаги.

– Шевченко? – спрашивает Григоренко.

– Так точно, товарищ секретарь!

– Владимир... э-э-э... Николаевич?

– Так точно, товарищ секретарь.

– А почему «товарищ»? – Майор НКВД оторвался от бумаг и внимательно посмотрел на Арона. – Вы же, если я не ошибаюсь, осужденный?

– Так точно, гражданин начальник!

В животе начал расти ледяной ком. Наверное, узнали. Вытрясли из Польшина, как было дело.

– За что отбываете срок?

– Хлеб украл, товарищ майор. Голод был. Полбуханки. Сестра голодала.

Молодой майор перевернул страницу.

– Так... по статье «хищение социалистической собственности». Полбуханки хлеба... Капитан! – вдруг обратился он к Беридзе. – Что бы ты сделал, если бы у тебя сестра голодала?

Беридзе посмотрел на начальство красивыми, овальными, как маслины, глазами и поцокал языком. Арон ясно почувствовал, что капитан изо всех сил старается угадать правильный ответ.

– Я бы... я бы всю буханку взял, товарищ майор! Сестра голодает, это как мужчина может допустить? Я бы две взял!

Майор слегка улыбнулся и покачал головой:

– Много еще перегибщиков... вот уж воистину: заставь дурака богу

молиться... Товарищ Сталин так и написал в «Правде» – «Головокружение от успехов».

Он резко захлопнул акт Арона... Нет, Владимира Николаевича Шевченко.

– Ну вот что, Влад... так тебя, кажется, кличут? – Он критически осмотрел потертую шинель, задержал взгляд на древней, кое-где обмотанной изолентой винтовке. Но ствол и затворная часть сияли ярким, грозным гляncем. – Много хорошего про тебя слышал. – Фамильярное «ты» почему-то сразу успокоило Арона. – Сомнения не грызут?

– Никогда, гражданин майор.

– Всегда на страже интересов родины? – Майор произнес эти слова с откровенно притворным энтузиазмом. – Хорошо работаешь... а как отдыхаешь? Спишь нормально?

– Без задних ног! – щегольнул Арон недавно услышанным русским выражением.

Офицер кивнул. Наступило молчание – никто не решался заполнить паузу.

– И как тебе здесь, на севере, товарищ Шевченко?

Влад понял, что майор имеет на него какие-то виды, и решил сказать правду:

– Не особенно, гражданин начальник. Уж очень холодно.

Майор опять кивнул:

– Та-ак... можешь завязывать с этим «гражданин начальник». Считаю себя досрочно освобожденным, а поражения в правах в приговоре нет. Мы все товарищи... И вот что я тебе скажу: народный комиссариат нуждается в людях. В настоящих солдатах, в людях с чистым сердцем и твердой рукой.... – Он почему-то поморщился и закончил фразу: – И непьющих к тому же.

– Ничего, кроме воды, не пью, граж... товарищ майор.

– Товарищ Шевченко... – Энкавэдэшник повернулся к Беридзе. – Лато, дашь ему рекомендацию в партию?

– Конечно. Такой работник... обязательно дам. Ему в партии самое место. Такой работник! – Беридзе даже прищелкнул языком.

– Моя будет вторая. Василь Тарасыч, – обратился он к Григоренко. – К завтраму подготовь партбилет. Мы тебя, Владимир Николаевич, принимаем в партию. Надеюсь, ты сознаешь, какая на тебя ложится ответственность.

Влад молча кивнул. Ему трудно было говорить.

– И вот еще что... ты знаешь, что такое *черная работа!*

– Вообще-то, знаю... – Тут Влад понял, что майор имеет в виду что-то

еще, и поправился: – Никак нет, товарищ майор.

– Секретное задание в Ленинграде. Работа тяжелая, в основном ночная. Мы продолжаем борьбу с врагами. Борьбу за выживание нашей молодой Республики Советов.

Арон невольно выпрямился.

Ленинград! В Ленинграде есть порт, а оттуда идут корабли в Швецию.

Черная работа? После всех этих лет он знал, что чернее, чем здесь, в лагере, работы просто не бывает. Просто не может быть.

Герлоф

Субботний вечер. После дневной жары голова такая, будто он ее отсидел. Отдыхающие тоже как вареные. Немилосердное солнце выжигает всю энергию, и не только из людей. Из природы тоже. Трава желтеет прямо на глазах.

Он уже открыл дверь спальни, собрался лечь, как вдруг задребезжал телефон. Кому это пришло в голову названивать в такой поздний час?

Внуки уже спят, трубку взять некому. Герлоф смалодушничал, выждал несколько мгновений – а вдруг кто-то еще не спит? – но не дождался и поплелся в прихожую.

– Лавидссон, – сказал он тихо.

Ему ответила тишина. Слуховой аппарат все еще сидел в ухе, так что не слышать он не мог.

– Алло?

Молчание.

И кто же это может быть? Ион? Ион не стал бы молчать. И дочери тоже.

У Герлофа мелькнула смутная догадка.

– Арон?

Опять никто не ответил. Теперь Герлоф почти не сомневался.

– Арон, – выговорил он тихо, но уверенно.

Еще несколько секунд молчания, и он услышал негромкий, слегка надтреснутый мужской голос:

– Значит, ты запомнил этот стук из гроба...

Во рту внезапно пересохло. Герлоф проглотил слюну. Голос стариковский, но твердый, как у маршала. Но с горечью... Как у отставного маршала, почему-то пришло ему в голову.

Он перевел дух:

– А то. И ты тоже помнишь.

– Помню.

Герлоф подождал, не скажет ли тот еще что-то, но не дождался и продолжил:

– Я тогда чуть в штаны не наложил, когда стоял на крышке. Ла и ты тоже. Или как?

Его собеседник все время делал паузы, будто соображал, как ответить.

– Это мне. Это мне Клосс стучал из гроба.

Герлоф чуть не выронил трубку:

– Тебе? Почему?

– Прогнать хотел.

– Почему это?

В трубке послышалось слабое жужжание, словно кто-то включил какой-то электроприбор, и что-то похожее на тихое лошадиное ржание.

Герлоф решил продолжить, хотя не был уверен, что Арон его слушает:

– На Эдварда Клосса обвалилась стена. И я все думал, сама эта стена обвалилась или кто-то ей помог...

Молчание.

– Болтали, что кто-то из братьев, то ли Сигфрид, то ли Гилберт, выбил распорки, на которых стена держалась. Может быть, вполне может быть – братья жили как кошка с собакой... а может, кто-то из рабочих решил отомстить.

Все то же жужжание.

– Я недавно узнал, что твой отчим... как его... Свен Фред работал на Клоссов... камни со старого могильника перетаскивал на бережок и строил новый курган. Но там что-то не сладилось... это правда или болтают?

– Курган обвалился. Братья Клосс дергали Свена без конца – быстрее, быстрее... а ты сам знаешь, как камни без раствора класть. Двадцать раз подогнать надо. Что-то не так положил, они и посыпались. Один ему на ногу. Так он и хромал всю жизнь.

– А Свен требовал, чтобы ему компенсировали потерю здоровья?

– Конечно, но от этих дождейся... Сказали, сам виноват. Надо соблюдать технику безопасности.

– А тебе тоже досталось, Арон? Знаешь, семьдесят лет прошло, а я помню – на лбу у тебя здоровенная царапина... Много лет прошло, а тот день помню, будто вчера это было. Не помнишь, что там было?

Арон Фред молчал.

– Да, много... семьдесят лет, – продолжил Герлоф. – Сейчас-то ты можешь рассказать?

В первый раз за все время голос прозвучал... не то чтобы взволнованно, но можно сказать, что и да. Взволнованно.

– Это когда стена сарая свалилась. Когда я под нее залез.

– Ты там тоже был?

– Был. Но стену не я свалил.

– Значит, Свен. Свен свалил на Клосса эту стену. А тебя послал вытащить у Эдварда бумажник. Так?

– Так. Эдвард должен был заплатить.

– Заплатить? За что?

– За искалеченную ногу... и за мою мать.

Герлоф лихорадочно соображал, что имеет в виду Арон.

– Он... он как-то обидел твою мать?

– Да... обидел. Он ее обидел.

Герлоф помолчал. Он уже и без того догадывался, кто был отцом Арона Фреда. Типичный случай – служанка беременеет от хозяина.

– Значит, Эдвард Клосс – твой отец? И твой, и твоей сестры? Греты?

– Все об этом знали. Но он отрицал.

Герлоф вздохнул:

– Я понимаю, что нежных чувств ты к нему не испытывал, Арон. Но внуки-то его при чем? Внуки Эдварда? Ты же понимаешь, что их-то вины нет.

Опять назойливо жужжащая пауза.

– Внуки отняли у меня хутор. Они забрали все, что у меня было.

Что на это скажешь?

– А ты отнял у них лайбу. И моряки задохнулись в трюме... Это-то зачем?

– Уголовники! – Герлофу почудилась в голосе неуверенность. Возможно, даже сожаление. – Кто бы знал, что они там? Их там не должно было быть, поэтому пришлось загнать их в трюм. Но баржа-то Клосса! К тому же там была куча денег. Денег Клоссов. Мы взяли деньги и утопили баржу.

– Где она лежит? «Офелия»?

– В проливе. Пять морских миль к юго-западу от Стенвика.

Герлоф опять вздохнул:

– Завязывай, Арон. Уже достаточно.

Нотки волнения в голосе исчезли, будто их и не было.

– Я делаю то, чему меня научили. Меня выбросили в мир, как слепого щенка, но я стал солдатом. А остановить атаку на полпути – то же самое что дезертировать. Я стал солдатом, Давидссон.

– В России? Да?

– В Советском Союзе.

– Война окончена, Арон. Тебе не надо больше воевать. Иначе ты будешь слышать этот стук из гроба всю жизнь. А может, и на том свете. Тебе могут помочь.

– Мне не нужна помощь, – твердо сказал Арон. – Мне не так долго осталось.

Он сказал это с такой уверенностью, что Герлоф сразу поверил: Арону осталось жить совсем недолго.

– И что ты собираешься делать дальше?

Щелчок. Короткие гудки.

Герлоф долго не клал трубку. Руки дрожали. Открыл окно, и в лицо пахнула прохладная ночная свежесть. Волнами накатывал стрекот кузнечиков. Природа отдыхала после дневной жары.

Растения на Эланде выносливы и неприхотливы. Тоже своего рола солдаты. И никогда человек не будет властвовать над природой. Мы живем на ее условиях. Если природа здорова, если растения здоровы, значит, и люди не болеют, не мрут от голода. А если болеет природа – пиши пропало.

Собственно, на Эланде все так. Растения хилые, но выносливые. Никаких природных богатств – ни тебе нефти, ни золотых приисков. Туризм? Да, конечно, но и то в умеренных масштабах. Никому и в голову не придет строить здесь гигантские отели и превращать Эланд в шведский Лас-Вегас.

Нельзя сказать, чтобы Герлофа это огорчало. Наоборот, он благодарил судьбу за то, что Эланд – это Эланд. И только мечтал, чтобы Эланд оставался Эландом подольше.

И слава богу, что не понадобилось Эланду никакой сильной руки, что не появился некто, кто всегда знает, как надо. Никто не заставляет стучать на соседей – естественно, для собственной же пользы... Так всегда и было. Поэтому ни Герлофу ни другим в тяжелые времена не приходилось принимать тяжелые решения и потом всю жизнь мучиться совестью.

Конечно, на Эланде есть кое-какое оружие, как и в других местах, но, к счастью, довольно мало. Нет здесь и кланов, каждый из которых считает, что имеет больше права на власть, чем другие. Ссоры никогда не перерастают размеры кулачных потасовок. Как и везде, в основном из-за земли, но обычно дело ограничивается руганью. В крайнем случае, вопрос решает местный суд.

Если говорить всерьез, Эланду повезло. Несмотря на суровые условия, на тощую почву – по высшему счету Эланду повезло.

Но сейчас острову грозит опасность.

Герлоф закрыл окно, чтобы не налетели комары. Он очень хотел спать, но подошел к телефону и набрал номер Иона.

– Мне звонил Арон Фред, – сказал он без всяких вступлений.

– Вот как? И где он?

– Этого он не сказал. Похоже, звонил из автомата.

– Вот как, – повторил Ион, на этот раз с утвердительной интонацией. –

Их уже не так много осталось. Я имею в виду – телефонов-автоматов.

– Совсем мало, – согласился Герлоф. – Но знаешь, я то и дело слышал какой-то звук в телефоне. Жужжание или скрип. Потом вдруг лошадь ржала. Никак не мог сообразить, что бы это могло значить. А сейчас думаю, это был электрический конь.

– Электрический конь? Это как это?

– А ты не знаешь? Есть такие... бросаешь монетку, он начинает скакать и ржет время от времени. Для детей.

– А... знаю. – Ион подумал немного. – Один такой есть у Клоссов, рядом с магазином. У них там полно всяких механических игрушек. Не знаю... сейчас дети все больше с компьютерами играют.

– Ты хочешь сказать, что Арон там и живет? В «Эландике»? Может быть... сказано же, если у тебя есть враг, держись к нему поближе и не спускай с него глаз.

– И как он? Не сожалеет, что натворил?

– Ни капельки. Но поговорили, во всяком случае. Будем надеяться, что позвонит еще раз. Хотя я в понедельник перебираюсь в Марнес.

– Тебя перевезти?

– Спасибо, Ион. Спокойной ночи.

Герлоф долго сидел на краю кровати и размышлял.

Старый солдат вернулся из большого мира на остров. Мститель, который сеет вокруг смерть и страх. И никто не знает, где он. Мало того, никто не знает, кто он. Пока остров кишит туристами, может делать что хочет. И кто его остановит?

Семейство Клосс?

Или он, Герлоф?

Лиза

В баре у нее выходной, но теперь есть другая работа.

Кент Клосс заставил ее шпионить в «Эландике». Надо найти какого-то старика. Мало того, очень опасного старика, если верить Кенту.

В два часа она припарковала машину у отеля и пошла в верхний кемпинг. Шортики, ярко-желтый топик – таких девушек среди отдыхающих тринадцать на дюжину. Белая бейсболка и большие темные очки – меньше шансов, что кто-то заметит, чем она занимается.

Когда она приехала на остров в конце июня, трава была ярко-зеленой, но с тех пор солнце жарило непрерывно, газоны пожелтели и высохли, хотя их ежедневно по нескольку раз поливали. Трава даже похрустывала под ногами, пока она бродила между кемперами.

Здесь было как в пустыне – пожухлая трава, белесое, выгоревшее небо, в воздухе дрожащее море. После массового отравления многие уехали, так что кемперов заметно поубавилось, было много пустых мест. А другие готовились к отъезду – монтировали съемные фаркопы на машинах, паковали тенты и пляжную мебель. Ну и пусть уезжают – ее они не интересуют. Ее интересуют те, кто остался.

Она искала мячи для гольфа.

Это была идея Кента Клосса, даже трудно сообразить, дурацкая или блестящая: положить маленький белый мячик у каждого вызывающего интерес кемпера. Рядом поле для гольфа, так что ничего удивительного – мячики то и дело залетают на территорию.

Метров через пятьдесят она увидела первую белую точку в желтой траве. Мячик лежал рядом с новеньким кемпером, к двери которого примыкала небольшая палатка.

Она остановилась в нескольких метрах и осмотрелась. По территории бродили какие-то люди, но довольно далеко.

Risky business, подумала она почему-то по-английски.

Впору хоть парик надевать, как, вероятно, и сделала бы Леди Саммертайм.

Лиза нервничала. Ну, хорошо, кто-то из охраны наверняка ее видит, но это ладно. Это согласовано. А если кто-то из отдыхающих? Что тогда сказать – пришла сделать уборку?

Конечно, можно просто открыть дверь и войти в кемпер – вряд ли кто обратит внимание. Хозяйка вернулась домой. Хуже, если как раз в эту

минуту появится настоящий хозяин.

Но стоять вот так и размышлять – наверняка привлечь к себе внимание.

Она нырнула в палатку и с ходу подергала ручку двери.

Заперто. Ну что ж... все, что остается, – заглянуть в окно.

Лиза прижалась лбом к маленькому овальному иллюминатору рядом с дверью. Что искать?

Все необычное, сказал Кент.

Оружие, пачки денег.

Можно подумать, что обладатель оружия или пачек денег выкладывает их на стол перед уходом.

Нет, конечно. Ни оружия, ни пачек денег. Прибрано тщательно, куда тщательнее, чем у нее. Аккуратно сложенные полотенца. Стопка книг.

Нечего здесь делать.

Торопливо оглядевшись, она вышла из палатки. Старалась выглядеть непринужденно – а вдруг за ней кто-то наблюдает?

Ну что ж, поищем следующий мячик.

Следующий мячик нашелся довольно быстро, в том же ряду. Этот кемпер был больше других, уж во всяком случае, намного больше, чем ее собственный. В ширину такой же, как мой в длину с завистью подумала Лиза. Серебристо-серый металлик, очень красивый. И тоже с палаткой.

Дверь не заперта. Ладки не захлопнута – так и оставлена приоткрытой.

Но входить опасно.

Она выглянула из палатки. Длинная, похожая на улицу лужайка между рядами кемперов совершенно пуста. Ни единого человека.

Ну что ж... делать нечего. Ее судьба висит на ниточке, а ниточка в руках у кукловода – Кента Клосса.

Она проскользнула в дверь, оставив ее в том же положении – чуть приоткрытой.

На оконном стекле жужжала муха. Когда Лиза вошла, муха перестала жужжать, беспокойно проползла по стеклу несколько сантиметров и опять принялась за свое. Выпустить бы ее, но Лиза не решалась открыть окно.

Если хозяин оставил кемпер открытым, значит, он где-то недалеко. Надо действовать быстро.

Койка была застелена серым покрывалом, а под ним что-то лежало. Какой-то небольшой круглый предмет.

Она и не собиралась заходить в кемпер. Осмотреться, стоя у двери, и назад. Но тут ее разобрало любопытство. Шагнула к койке и откинула одеяло.

Крошечный щенок. Таксик. Лежал и мирно спал, а Лиза его разбудила. Щенок открыл мутные спросонья глаза, вскочил сразу на все четыре лапы и пискляво затыкал.

Она в панике попятилась к двери, надвинула бейсболку поглубже и выскочила из кемпера как ошпаренная. Слава богу, никого. Никто ее не видел. Надо надеяться, никто...

Остался поселочек, где для отдыхающих были выстроены маленькие домики, которые все называли бунгало.

Она прошла небольшую ясеневую рощу и спустилась поближе к воде, где располагались бунгало.

В первом ряду она сразу увидела крошечный белый мячик. Он лежал в траве у третьего домика от края. Если задуматься – странно, конечно. Чтобы мячик долетел сюда с отправной точки поля для гольфа, нужен поистине чемпионский удар. Через весь кемпинг, да еще через рощу. В бунгало, похоже, никого нет – дверь закрыта, и никакого шевеления внутри не заметно. Все равно, надо действовать осторожно. Лиза подошла к домику поднялась на крошечную веранду и постучала в окно.

Спасибо, догадалась... Лверь не сразу, но открылась, и на пороге появился пожилой, совершенно лысый человек в красных плавках и с еще более красной обгоревшей физиономией:

– Вы ко мне?

Лиза от неожиданности сделала шаг назад и чуть не свалилась с веранды.

– Ой, – сказала она. – Лобрый день. Хорошо, что вы дома. У вас нет, случайно, немного стирального порошка?

Старик явно спал. Вид у него был очень недовольный.

– Чего нет, того нет, – буркнул он и захлопнул дверь.

– Спасибо! – крикнула Лиза ему вслед с улыбкой и облегчением.

У нее дрожали ноги. Ничего подозрительного в этом лысом дядьке она не заметила. Порошка нет – ну и что? Что ему стирать? Красные плавки?

Она пошла по рядам.

Второе бунгало нашлось метрах в двадцати, поближе к воде. Последний мячик словно подмигивал ей из травы белым фасеточным глазком. Она подняла его, сунула в карман шорт – шпионский сувенир. Подошла к двери и осторожно постучала.

Никто не ответил.

Лиза быстро оглянулась – за этот час она уже выработала настоящий шпионский прием: потрянула головой, вроде муху отогнала, а на самом деле посмотрела, нет ли кого позади. Все спокойно. Нажала ручку – и дверь, как

ни странно, открылась.

– Алло? Есть кто дома?

Тишина. Никаких такс, никаких котят. Пустая заправленная койка. На этот раз она не станет поднимать одеяло, но осмотреться-то можно?

Хозяин, как и в том кемпере, образцовый аккуратист. Все на своих местах, посуда вымыта, постель заправлена. Рядом с постелью – чемодан. Вроде больше ничего. Нет, рядом с маленькой двухконфорочной плитой на скамейке стоят рюкзак и упаковки с минеральной водой – бутылок пятнадцать, не меньше.

Рюкзак... черная кожа, чем-то основательно набит.

Сумки и рюкзаки... они всегда привлекали Лизу. Там могло оказаться все что угодно: украшения, деньги... Или мусор.

Она еще раз оглянулась – не стоит ли кто за спиной? – и быстро вошла.

Распустила завязки на рюкзаке. Сверху лежали еще две бутылки минеральной воды. Дальше – куча мужской одежды. Свернутые фланелевые рубашки, пара джинсов, носки, шерстяной свитер. А на самом дне виднелось что-то светлое, похоже, какая-то коробка светлого дерева.

И что это такое? Табакерка?

Она достала старую, изрядно поцарапанную коробку, чтобы посмотреть, что в ней спрятано, и замерла.

Под коробкой блеснула сталь. Стальная трубка. Она не сразу поняла, что это.

Револьвер. На дне рюкзака лежал револьвер.

Она даже не дотронулась до него. Попятилась, как от змеи, сжимая в руке деревянную коробочку.

Ну нет, второй раз попадаться она не собирается. Ведь если дверь не заперта, значит, и хозяин где-то поблизости.

Выскочила из бунгало как ошпаренная. Снаружи по-прежнему никого не было.

Надвинула кепку и быстрым шагом, еле сдерживаясь, чтобы не побежать, дошла до опушки ясеновой рощи.

Остановилась, отдышалась и достала мобильник:

– Кент Клосс?

Он ответил громко и уверенно, но она почти прошептала в ответ:

– Лиза Турессон.

– Что ты хочешь?

– Мне кажется, я его нашла.

– В кемпинге?

– В бунгало. В последнем... я только что туда вошла, и...

Она замолчала.

В нескольких шагах от нее в тени ясеня стоял пожилой человек. Он почувствовал, что она на него смотрит, и поднял голову.

Лиза сначала не могла сообразить, где она его видела, а потом вспомнила. Несколько недель назад, на празднике солнцеворота. На пляже «Эландика». Он стоял на камне. На последнем в гряде уходящих в море валунов.

Старик отвел от нее глаза и быстро направился к бунгалу.

И только сейчас она вспомнила, что не закрыла за собой дверь. Дверь так и осталась широко открытой, как сигнал предупреждения: здесь кто-то был.

Он скрылся в бунгалу.

Лиза прижала к уху мобильник:

– Он здесь... он вернулся.

– Задержи его, – сказал Клосс. – Мы сейчас приедем.

Ничего себе... *Задержи его*. И как она, интересно, может его задержать?

Не прошло и полминуты, как старик появился на веранде.

– Я не могу его задержать. Он уходит.

– Останови! – прошипел Кент Клосс ей в ухо.

– Не могу.

Ни за что. У него револьвер в рюкзаке, а ей на сегодня хватит рисковать. И так выше головы.

Лиза зашла за дерево, чтобы старик ее не увидел, и посмотрела на маленькую, но тяжелую круглую деревянную коробку, которую так и держала в руке. На задней стороне какие-то пятна. Снюс – табачная жвачка. Или нефть. Или кровь.

Герлоф

И опять в летнем доме полно народу. Приехали Лена и Юлия со своими мужьями – провести пару недель с детьми на море. Они уже успели позавтракать, выпить кофе, и теперь дочери помогли Герлофу собрать чемодан. Так что делать было особенно нечего. Пора ехать.

Герлоф все утро поглядывал на телефон, но телефон упрямо молчал.

– Ну что, поехали? – спросил Ион Хагман.

Герлоф кивнул.

– В учреждение, – сказал он с грустной иронией.

Дочери промолчали.

И они уехали, Ион и Герлоф. Прощай, Стенвик, здравствуй, дом престарелых в Марнесе.

Герлоф смотрел на мелькающий за окном знакомый пейзаж. Лето для него кончилось.

Лом престарелых. Чисто вымытые стекла, пустая парковка слева от входа. Он вошел в вестибюль, никто его не встретил. Странно, подумал он. А почему странно? Время отпусков. Лобрая половина персонала в отпуске.

Но обитатели-то никуда не делись. Первым он заметил Раймонда Матссона – тот сидел за столом в кофейной комнате с каким-то мужчиной – должно быть, родственник. Не такой молодой, лет пятидесяти с хвостиком, но вполне может приходиться Раймонду внуком – Раймонду исполнилось девяносто семь лет.

– Ты завтракал, Раймонд? – спросил посетитель, наклонившись к уху старика.

– Завтра? Придешь завтра? Опять? – Раймонд с удивлением поднял голову.

– Ты не понял, Раймонд... – крикнул родственник. – Я спросил – ты ел сегодня?

Герлоф не стал дожидаться ответа и пошел дальше.

Что-то в этом было несообразное – молодой человек кричит на старика. Наоборот, должен сидеть и слушать, а Раймонд рассказывать про свою долгую жизнь. Все, что он узнал и чему научился за почти весь двадцатый век. От запряженных лошадьми телег до высадки на Луну. А может, Раймонду и нечем поделиться. Или он уже не может ничего рассказать.

А ты, Герлоф? Тебе-то есть что рассказать молодым?

Только то, что жизнь прошла быстро. Мелькали зимы и весны, годы и десятилетия. Те шесть недель, что он провел в своем доме в Стенвике, показались ему шестью минутами.

Он последовал за Ионом. Тот открыл дверь в комнату Герлофа и внес чемодан.

– Герлоф?

Он обернулся. Буэль, старшая сестра. Она ласково улыбалась. Даже подмигнула заговорщически:

– Надоело там, на свободе?

Это у нее такая шутка. Герлоф кивнул:

– Сложил оружие.

– Вот видишь, ты сюда, а я отсюда. Мы с мужем в пятницу уезжаем в Прованс. Мне же тоже полагается отпуск, или как?

– Вот как! Что ж... желаю хорошо отдохнуть.

– А как ты? Хорошо провел время? Набрался сил?

– Да... чувствую себя неплохо. В деда удался.

– А дед тоже был такой большой и крепкий? Как ты?

– Не столько большой, сколько жилистый... – Герлоф взял разбег, чтобы рассказать историю. – Ему уже почти восемьдесят было. Взял лодку и поехал рыбачить к Бло Юнгфрун^[16]. Он-то море знал – позавидуешь. А тут не угадал. Начался шторм, и шлюпка его перевернулась. Но дед, даром что старик, мало того что доплыл до острова, он еще и лодку за собой вытащил. Лег под лодку хотел огонь развести, а спички промокли. И провел он на острове, ни много ни мало, трое суток, пока шторм не стих и одежда постепенно не высохла. А как прояснилось, сел в лодку и погреб домой, в Стенвик. И ничего – даже не чихнул.

– Крепкий старик, – удивилась Буэль.

– Образцовый, – твердо сказал Герлоф. – А я этим летом и свою лодку привел в порядок.

Буэль перестала улыбаться:

– Только не вздумай удирать в одиночку. Помни про свой возраст.

И пошла дальше. Герлоф зашел в комнату, где Ион уже пристроил чемодан и открыл жалюзи.

Все как обычно. В прихожей так и лежит пластиковый коврик. Ванная сияет чистотой. Все морские дипломы, подтверждающие его право командовать большими и малыми судами, висят в рамках на стене.

Телефон на месте. Герлоф снял трубку – подключен. Хорошо.

Он посмотрел на Иона:

– Я им сказал, дочкам, – если кто будет звонить, пусть перезвонит сюда.

Ион кивнул. Он знал, почему это важно.

– А так-то... чем ты здесь заниматься-то будешь?

– Думаю, бутылками займусь.

И он показал на письменный стол, где стоял наполовину готовый клипер, предназначенный для монтажа в бутылке. Корпус был почти готов, сейчас надо будет заняться мачтами и такелажем. А потом самое трудное – протолкнуть все это в узкое бутылочное горлышко и там собрать.

Голова при этом почти не занята, так что можно будет поразмышлять об Ароне Фреде.

Конечно, Арон свое сделал. Может быть, он уже уехал с острова. Но что-то подсказывало Герлофу что это не так. Он не уедет, пока на острове существует Кент Клосс.

Лиза

Кент Клосс сидел в Лизином кемпере и вертел в руках деревянную коробку. Она присела на койку, стараясь на всякий случай держаться подальше. Клосс выглядел уставшим. Загнанный взгляд, подергивающиеся веки. К тому же от него сильно пахло спиртным. Явно больше, чем пара «космополитанов»

Он поднял глаза и внимательно посмотрел на Лизу:

– Значит, эта штука лежала у него в бунгало? В рюкзаке?

Она кивнула.

– А под ним оружие?

– Да.

– Какое?

– Не знаю... по-моему, револьвер.

Клосс посмотрел на нее брезгливо:

– Что ж ты и его не прихватила?

– Не успела. Да и вы не велели ничего трогать.

Он опять посмотрел на коробочку и вздохнул:

– Арон Фред арендовал бунгало под фамилией Карл Ларссон. Заплатил наличными, домашнего адреса не оставил. Вернее, оставил, но выдуманый. Такого в природе нет. И все! А дальше – полный вперед! Ходи по «Эландику» сколько влезет, шпионь, вынюхивай... если вернется в бунгало, он наш. Что еще было в рюкзаке?

– Ерунда... одежда, пара бутылок воды.

Кент устало улыбнулся, даже не улыбнулся, а как-то странно скривил рот:

– Еще бы... нашу-то воду он отравил. Мы теперь, по крайней мере, знаем как.

– И как?

– Притащил в бунгало насос. Сделал врезку в водопровод и начал качать помой с фермы.

– Служащие тоже заболели.

– Заболели... но мы думаем в первую очередь об отдыхающих. – Он потер глаза, будто не спал, самое меньшее, три ночи подряд. – Воду мы очистили, врезку заглушили, водопровод запустили, теперь все в порядке. Но воду из-под крана никто пить не решается, а многие уехали. Сезон пропал, к чертовой матери.

– А зачем? – спросила Лиза.

– Что – зачем?

– Зачем он все это делал? Он, наверное, и в самом деле вас ненавидит.

Кент мрачно уставился на нее. И глаза у него красные, воспаленные.

– Не твое дело... и не лезь в эту историю.

– О'кей, – легко согласилась Лиза.

Кент долго и испытующе смотрел на Лизу, потом перевел взгляд на коробочку.

– Я эту штуку видел и раньше, – он показал на выжженный двойной крест на доньшке, – это наше клеймо. У деда была такая же, и у отца, и у дядьев. Табакерки для снюса. Яблоневые, между прочим. Но их-то табакерки до сих пор стоят у меня на камине, а табакерка Эдварда пропала. Лавным-давно. А вот теперь нашлась.

Он повертел табакерку в руках.

– Брат деда, к примеру, с такой штучкой не расставался. Всегда с собой носил. И Эдвард тоже ему подражал.

– И что это значит?

– Это значит, что, когда на Эдварда Клосса свалилась стена, табакерка была при нем. И Арон Фред ее украл.

Наступило молчание. Лиза хотела спросить, что за стена... и не убил ли Арон Фред Эдварда Клосса, но решила не задавать лишних вопросов.

– Теперь он в бегах, – сказал Кент с некоторым, как ей показалось, удовлетворением. – Бунгало под наблюдением, но вряд ли он вернется. Он же понял, что разоблачен.

– Может, на этом все и кончится, – робко сказала Лиза. – Старик все-таки...

Кент не ответил. Он бросил еще один взгляд на табакерку, встал и пошел к выходу – к великому Лизиному облегчению. Она помнила эту оглушительную оплеуху, которую он ей закатил. И задница болела до сих пор – здоровенный синяк. Хорошо, под шортами не видно.

– Значит, задание выполнено? – спросила она.

Кент остановился в двери:

– Не совсем...

– Почему это?

– Лело еще не закрыто, как говорят снюты. – Кент улыбнулся одними губами, но взгляд по-прежнему оставался мрачным и тревожным. – Продолжай свою работу. Я дам о себе знать.

Он вышел и со стуком захлопнул за собой дверь.

Лиза неподвижно сидела на койке. В кемпере было жарко и душно.

Такое чувство, что вот-вот начнется гроза.

Юнас

К вечеру все затихло. Четверть одиннадцатого. Солнце только что зашло, сказочный рогатый месяц медленно пробирался над заливом сквозь тонкие кружевные облака. На берегу стало прохладнее – с моря подул свежий ветерок, оставляя на губах привкус соли и йода. Но только на берегу.

А в домике было по-прежнему жарко. Юнас лежал и прислушивался к голосам.

Его брат Мате и двоюродные братья. Стоят на береговой дороге у обрыва с приятелями из других вилл, настроенных за последние годы в Стенвике, и болтают о чем-то. Каждый вечер одна и та же история. Приезжают на своих великах и мопедах и тусуются – то у ресторана, то у купален, то здесь, на дороге.

Он пытался вначале понять, что у них на уме, а потом плюнул.

Лежал на своей постели, а под матрасом – потрясающая находка.

Пистолет. Настоящий пистолет, который он нашел в заброшенном бункере.

Он все еще никому про него не рассказывал, даже отцу. Юнас вовсе не уверен, можно ли доверить отцу такую тайну.

А кому тогда? Кому можно доверять?

С дороги донесся взрыв смеха.

Надо бы попробовать заснуть, но куда там. Лушно, да и сна ни в одном глазу.

Юнас сел и сунул руку под матрас – вот он. Он даже никогда не думал, что пистолет может быть таким большим и тяжелым. Надел шорты, сунул пистолет за спину, а майку заправлять не стал – так делали гангстеры в фильмах, чтобы не было заметно, что они вооружены. Посмотрел в зеркало и вышел в ночь.

Сухой ветерок доносил из альвара запах цветов и полыни.

Стайка подростков так и стояла у дороги, то и дело раздражаясь смехом. Не особенно искренним, как показалось Юнасу. Полагается над чем-то смеяться – вот они и смеются.

В саду у виллы частокол маркеров – здесь весь день возились рабочие. Кое-где между ними натянута бечевка. Наверное, собрались что-то выравнивать. Или углублять – он не спрашивал.

Лавируя между хорошо заметными в темноте белыми рейками, он

добрался до калитки и вышел на дорогу.

Тяжелый пистолет с каждым шагом давал о себе знать – мягко упирался в спину рукояткой. Приятно.

Он только покажет им пистолет – и все. Никому в руки не даст. Он и без них знает, как обращаться с оружием.

Их пятеро. Мате на велике. После праздников вырос сантиметров, наверное, на десять. И Каспер вырос. А Урбан и так высоченный, только худой.

Заметив Юнаса, они, как по команде, смолкли.

– Твой младший, – тихо сказал кто-то.

И все повернулись к нему. Никто даже не поздоровался. Уставились, как бараны, – хотят показать, что он здесь лишний.

Самый момент показать им пистолет. Посмотрим, что они тогда скажут. Юнас еле удержался. Подошел и встал между Матсом и Катером как полноправный член компашки.

Один из незнакомых парней пожал плечами и продолжил:

– Само собой, они должны брить волосы.

– Под мышками, что ли? – хохотнул кто-то.

– И под мышками. И в других местах.

Опять этот грубоватый, неприятный смех.

– А я тоже брею подмышки, – уверенно сказал Мате. – Какого черта, положила девушка голову к тебе на плечо, а у тебя под рукой... как у гризли.

Смех.

Юнасу нечего было вставить в этот разговор. Он здесь чужак – как был, так и остался.

Но у него тоже есть, чем их удивить.

Он сделал шаг вперед, встал около велосипедов, рядом с Катером, и нащупал рукоятку пистолета.

– Смотрите, что у меня есть.

Он вынул пистолет из-за пояса и хотел легким движением поднять его над головой, но сразу понял, что может выйти смешно. Легкого движения не получится – пистолет слишком тяжел. Он держал оружие перед собой, и ствол масляно поблескивал в мертвенном свете месяца.

Разговор о девушках мгновенно угас, все повернулись к Юнасу.

– Пистолет, – сказал Юнас, как будто кто-то сомневался.

Кто-то потянулся к нему, но Юнас отвел руку.

– Где ты его взял?

– Нашел.

– Только не делай глупостей, – спокойно выговорил Мате, но голос у него при этом дрогнул.

Юнас молча покивал – не волнуйся, мол, не маленький. Но как удержаться, не попробовать нажать на курок, чуть-чуть, совсем легонько...

И тут его ослепил свет фонаря.

– Что это у вас?

Голос знакомый, даже чересчур. Дядя Кент. Наверное, был на берегу, иначе зачем ему фонарь?

Юнас хотел спрятать пистолет за пояс, но не успел.

– Могу я посмотреть? – сказал Кент очень тихо, медленно протянул руку и забрал у Юнаса пистолет.

Взял мальчика за руку и отвел в сторону. От дяди сильно пахло спиртным. Мате называл это «выхлоп».

– Смотри-ка, выглядит как настоящий. Где ты его взял?

– Там... внизу. – Юнас мотнул головой в сторону обрыва.

– И чей он?

– Откуда мне знать.

Кент засунул пистолет за пояс – точно так, как Юнас несколько минут назад.

– Покажи мне, Ю-Ко. Покажи точно, где ты его нашел.

Теперь Юнас был в центре внимания. Все смотрели на него. Если не с уважением, то, по крайней мере, с интересом.

Ему не надо было ничего говорить – он молча пошел к каменной лестнице. Кент шел сзади и освещал дорогу.

Они спустились вниз. Юнас свернул к двери бункера.

На ней висел тяжелый ржавый замок.

– Вот здесь.

– Прямо здесь? На ступеньке?

Юнас покачал головой:

– Нет. Не на ступеньке. Бункер был открыт.

Кент посветил на дверь, потом на замок.

– Значит, у кого-то есть ключ, – пробормотал он. – Если замок не сменили...

Он подергал за скобу.

– У кого-то есть ключ... – повторил он.

– Там кто-то и был, – поспешил подтвердить Юнас. – Звуки были такие, что вроде там копают.

– Копают? Там, внутри... копают?

Юнас опять кивнул. Почему он всегда кивает, когда разговаривает с

дядей Кентом?

– О'кей, Ю-Ко, – сказал Кент. – Все хорошо. Пошли домой.

Он повернулся и уверенно зашагал к лестнице. Пистолет торчал из-за пояса. Судя по всему, он даже не сомневался, что оружие теперь принадлежит ему.

Возвращенец

Ему приснился все тот же кошмар: он ползет в узкую щель под рухнувшей стеной.

– Лезь! – рычит Свен, обливаясь потом. – Лезь и возьми деньги. Это мои деньги!

Арон ползет по холодной земле, стараясь не зацепиться за торчащие отовсюду гвозди. Он уже поцарапал лоб, но даже не заметил – надо ползти дальше.

Под упавшей стеной лежит Эдвард Клосс. Его настоящий отец. Он не шевелится – толстое пыльное бревно прижало его к полу. Глаза закрыты. Арон дотягивается до брюк. В кармане что-то твердое – тяжелая деревянная табакерка для снюса. Он держит ее в руке и нащупывает в другом кармане толстый бумажник.

И вдруг покойник ожил. Открыл глаза, что-то простонал и неожиданно цепко схватил Арона за руку. Мальчика охватила паника. Он что есть силы ударил Эдварда табакеркой в висок. Потом еще и еще.

Эдвард затих. Хватка ослабела, рука бессильно упала. Но остановившиеся глаза продолжают в упор смотреть на Арона.

Он вздрогнул и проснулся.

Свена с ним не было. Он один.

Рассветное солнце уже прогрело машину, но его все равно знобило. Он слишком много помнил.

Его бунгало засветилось. Он успел только схватить рюкзак. Ничего больше. Обувь, одежда, одна из винтовок – все осталось там. И табакерка теперь у Клосса.

Вернуться невозможно. Спать в машине он уже не в состоянии – суставы ни к черту. И если это его последняя неделя на острове, он должен отдохнуть. Он поставил себе этот срок давно и воспринимал его как нечто само собой разумеющееся: последняя неделя. Но надо отдохнуть. Надо выспаться. Но где?

Найти новое убежище.

В Стенвике или поблизости.

Семь часов утра. Начинается очередной летний день. Все чаще и чаще, с воем и грохотом, проносятся грузовые фуры.

Он повернул ключ зажигания и выехал с парковки. Пока он в бегах, но

это ненадолго. Попытка к бегству, вспомнилась знакомая фраза.

Земля обетованная, май 1937

Прошло шесть долгих лет, и он вернулся в Ленинград. Уже не Арон, а Владимир Николаевич Шевченко. Совсем недалеко залив огромного моря, а в заливе порт. Порт, где они, он и Свен, когда-то покинули борт «Кастельхольма», полные надежд и ожиданий.

Тогда они жили в какой-никакой, но гостинице. Сейчас его разместили в общежитии НКВД, но поставили в очередь на жилье. Обещали комнату в коммунальной квартире.

Солдат невидимого фронта Владимир Шевченко.

На память о долгих, едва не стоивших ему жизни годах на канале и лесоповале в Сибири осталось не так много. Партийный билет, несколько новых шрамов да испорченная укусами вшей, клопов и комаров кожа. И новое имя. Швед затаился где-то в глубине сознания и почти не напоминал о своем существовании. На работу ежедневно является Влад.

Город очень красив, хотя фасады огромных, богато украшенных ломов давно надо было бы привести в порядок – повсюду грязь и облупившаяся штукатурка.

Его рабочее место не отличается аристократической роскошью, хотя тоже впечатляет. Кресты. Пятиэтажное кирпичное здание, окруженное четырехметровой стеной, выстроено в виде креста, отсюда и название. На каждом этаже длинные гулкие коридоры, а по сторонам двери камер. Сотни, а может, и тысячи заключенных, по пятнадцать – двадцать человек в рассчитанных на четверых камерах. Повсюду звукоизоляция, так что, если заключенному нужна какая-то помощь, он должен истошно кричать, иначе надзиратели его не услышат.

В подвале тоже звукоизоляция. Здесь двери еще толще, пахнет кровью, потом и карболкой. Этот запах – запах карболки – будет преследовать его всю жизнь.

Почти все его новые товарищи по работе – высокие, элегантные, довольно молодые люди в новых, с иголки, темно-зеленых энкавэдэшных мундирах. Они с усмешкой и шепотками посматривают на его старую шинель и стертые сапоги. Наверное, считают леревенщиной.

– Заходи, товарищ Шевченко.

Его новый начальник, капитан Рузаев, предлагает ему стакан чая в граненом стакане с подстаканником и кусок черного хлеба с ломтем очень вкусной колбасы, которую здесь называют странным словом

«евинокопченая». Свиньи, что ли, ее коптили? Но он такого не ел, только слышал название, и, пока капитан просматривает его документы, Влад успевает разделаться с бутербродом и осмотреться в служебном кабинете Рузаева.

Над головой у начальника, само собой, портрет Сталина с устремленными в будущее тщательно выписанными лучистыми глазами. Рядом – портрет худого пожилого дядьки с козлиной бородкой, похожего на восточного хана. Он уже знает – Дзержинский. Справа плакат: мускулистый советский рабочий прижимает большим камнем длинную и на вид очень ядовитую змею. Внизу красная надпись: «СМЕРТЬ ШПИОНАМ И ВРЕДИТЕЛЯМ».

Рузаев возвращает документы, с усмешкой смотрит на одежду новичка и поднимается из-за стола:

– Посмотри-ка сюда, товарищ Шевченко.

Он открывает шкаф, набитый отглаженными зелеными мундирами. В другом шкафу – сверкающие хромовые сапоги.

– Нас только что премировали новым обмундированием за хорошую работу. Выбирай.

Два раза предлагать не надо. Влад быстро находит нужный размер, но не переодевается: как-то неудобно на глазах у гражданина... у товарища начальника.

Рузаев передает ему приятно пахнущую кожей португую с кобурой, а в кобуре – новенький, еще со следами транспортной смазки маузер.

– У нас в Крестах очень много ночных дежурств. – Капитан, не оглядываясь, мотнул головой в сторону портрета Сталина. – Наш вождь работает до поздней ночи, иногда ночь напролет. Ради светлого будущего. И мы стараемся не отставать...

Он поворачивается и тычет пальцем в плакат со змеей:

– А вот это – наша работа. Ночью и днем. Ты ведь тоже боролся с врагами народа там, на севере, Шевченко? Мне правильно доложили?

Влад кивает. Он прекрасно понимает, зачем ему выдали маузер.

– На машинке писать умеешь?

– Никак нет, товарищ капитан.

– Быстро учись. Все должно быть документировано и сдано в архив. А сейчас – к товарищу Трушкину.

Влад выполняет приказ, но не сразу. Сначала переодевается в надзирательской. Бриджи с тонкой красной полоской по бокам, темно-зеленая гимнастерка, синяя фуражка с красным околышем и со звездой. Долго рассматривает себя в зеркале. Шериф... его мечты начинают

сбываться.

Рузаев не соврал – работы очень много.

Его послали на курсы. Три недели изматывающих занятий, где главным и определяющим предметом было недоверие. Никому и ничему не верить, внушали им. Враг хитер и коварен. Он не гнушается никакой ложью и никакими средствами.

Под конец приехал какой-то важный дядька с седоватыми ворошиловскими усиками – сказали, из Генпрокуратуры. Он прочел лекцию о социалистической законности и чем она, социалистическая законность, отличается от законности буржуазной. В конце он особенно напирал на важность признательных показаний.

Признание – царица доказательств, сказал он.

Влад вернулся с курсов, и ему поручили первое задание.

Подследственный – пожилой, истощенный и по виду смертельно уставший человек с ясным, очень печальным взглядом, в котором то и дело вспыхивает ужас. Статья пятьдесят восьмая – контрреволюционная деятельность.

Влад стоит, расставив ноги, на цементном полу. На расстоянии один метр от заключенного, как учили. Скорее всего, Рузаев для начала дал ему дело попроще, потому что этот уже сломлен.

За спиной шорох. Он даже не заметил, как в кабинет вошла молодая девушка с лейтенантскими погонами и ярко накрашенными губами. Села за письменный стол. Понятно – ей поручили вести протокол.

– Расскажите про вашу преступную деятельность.

На «вы», как учили. Переходить на «ты» разрешалось только при так называемых интенсивных методах допроса.

Подследственный, как показалось Владу начал говорить еще до того, как он потребовал. Гладко, будто читал по бумажке.

– Я убежденный троцкист. Работал в Харькове, на тракторном заводе. В начале года принял решение – привести в негодность необходимые для производства станки. Совал в трансмиссию молотки и отвертки. Только своевременное вмешательство бригадира помогло предотвратить полную остановку производства.

– Что еще?

– Я агитировал рабочих вступить в троцкистскую группу, потому что считал необходимым увеличить масштаб саботажа...

– Кого именно?

Старик начал заученно и быстро перечислять имена и фамилии. За

спиной Влад все время слышал непродолжительные взрывы клавиш «Ундервуда». Хорошая машинистка.

Несколько десятков имен.

Вредитель назвал последнюю фамилию и вдруг спросил:

– Я враг народа, да?

Влад промолчал.

Собственно, не только Влад. Арон тоже не знал, что на это ответить. В полном молчании раздался скрип валиков пишущей машинки. Секретарша подала Владу несколько исписанных листов.

Без подписи вредителя протокол недействителен.

Но и с этим никаких затруднений – старик дрожащей рукой, ни секунды не сомневаясь, подписывает каждый лист протокола. Похоже, он делает это с облегчением.

И Влад тоже чувствует облегчение.

И не только облегчение. Он стоит, невольно выпрямив спину, и чувствует свою безграничную власть над этим полуголым изможденным стариком. Заставить его признать свои тяжкие преступления – небольшой, но важный шаг в продолжающейся битве с мировым капитализмом.

Теперь он по вечерам учится печатать на машинке. Трушкин – хороший учитель, терпеливый и добродушный.

Андрей Трушкин всего на пару лет старше Влада, из рабочей семьи. Ему было четыре года, когда к власти пришли большевики, он не помнит, как было раньше. Прошел ту же школу, что и все, – пионер, комсомолец. После школы – солдат ОГПУ с опытом раскулачивания деревни. Трушкин – грамотный парень, основы марксизма-ленинизма отскакивают у него от зубов. Увлекается шахматами и классической музыкой. Он даже поставил как-то Владу кусочек из «Весны священной» с недавних пор запрещенного в СССР эмигранта Стравинского. Владу не понравилось – дикая, языческая музыка, она чем-то напомнила ему сибирский лагерь.

– Мы земляки, – со странной гордостью сказал Андрей. – Он тоже родился в Ораниенбауме. Стравинский, в смысле.

В редкие свободные часы они гуляют по улицам, и Андрей показывает ему величественный и прекрасный город. Интересно, в Швеции тоже есть такие города? Широкие проспекты, неопикуемой красоты соборы и дворцы. Милиционеры, завидев их синие с красными околышами фуражки, подобострастно поднимают руки к козырьку. А прохожие начинают говорить шепотом и стараются перейти на другую сторону улицы. Это приятно – Влад чувствует значительность. Как ему не хватало этого

чувства в первые годы!

Они заходят в кафе и прокуренные рестораны. В грузинской шашлычной Влад впервые пробует красную фасоль с орехами и какой-то остро пахнущей зеленью. («Лобио! Любимое блюдо товарища Сталина!» – шепчет ему Трушкин.)

Неплохо, но шашлык вкуснее.

Вино, пиво и водка в ресторанах льются рекой, но Трушкин, как и Влад, почти не пьет. Его любимый напиток – какао «Золотой ярлык». Лучшее в мире какао – советское, утверждает Андрей, хотя, где именно в СССР выращивают какао-бобы, сказать не может. Наверное, где-то в Грузии, на родине товарища Сталина.

Он, Влад, теперь получает зарплату, небольшую, но хватает. В конце концов, ему не так много надо. В магазине рядом с общежитием он покупает триста граммов копченого угря – толстая продавщица в замызганном белом халате с почтением смотрит на его форму и взвешивает лучший кусок. Без головы. В общежитии он отрезает кусок жирной рыбы и вдруг вспоминает берег по другую сторону Балтики. Его берег. Рыбаки тоже коптили угря и угощали мальчишек. Там им, правда, доставались в основном головы и хвосты.

Надо бы как-то дать о себе знать матери. Написать письмо. Но это невозможно. Там, за границей, полно шпионов, а тех, у кого связи с иностранцами, автоматически зачисляют в шпионы.

Писать письма – опасно для жизни.

Через три месяца он получает первую награду от Рузаева – швейцарские наручные часы со светящимися стрелками. Скорее всего, реквизированные у кого-то из заключенных. Он то и дело смотрит на свое левое запястье – работы все больше, а времени все меньше. Поток арестованных растет с каждым днем. Больше имен, больше врагов народа. Еще не все выявлены и разоблачены.

Как-то раз он заходит к Трушкину в кабинет – тот пишет что-то на машинке, а рядом лежит конверт с маркой, на которой изображен пилот в шлеме и в очках. И адрес: Ольге Васильевне Бибиковой, Ленинград...

– Андрей!

Тот вздрагивает, будто его застали за чем-то непристойным.

– Что ты пишешь?

Влад прекрасно помнит эту фамилию: Бибиков. Максим Бибиков. Девять граммов в шею.

– Я же его расстрелял!

– А жена? Пишу, что умер в тюрьме от воспаления легких. Пусть знает, что не на что надеяться. Может, замуж выйдет. – Трушкин коротко и неискренне засмеялся.

Оказывается, Трушкин уже написал несколько таких писем – у кого инфаркт, у кого воспаление легких.

– Не на что надеяться, – повторяет Трушкин. – Пусть знают. Жизнь-то продолжается.

Арон очень хорошо его понимает, но Влад в ярости.

– Завязывай с этим немедленно. Будешь продолжать – напишу рапорт.

Тюрьму с восхода солнца осаждают родственники арестованных – угрюмая серая толпа, главным образом женщины в платках и телогрейках, но попадаются и расфуфыренные дамочки с накрашенными губами и дорогими серьгами в ушах. Все с сумками и свертками – а вдруг возьмут передачу?

Влад привык.

– Органы разберутся – говорит он. – Не виноват – значит, отпустят.

А почему эти-то на свободе? Не может быть такого – муж вредитель и троцкист, а жена – пламенная советская патриотка. Зло надо вырывать с корнем. Часто, конечно, забирают и жен, и родителей, но толпа у ворот тюрьмы не уменьшается.

Почему бы разом не арестовать и не расстрелять всех врагов?

Этого он не понимает. И на тот случай, если Влада в его энкавэдэшной форме остановят на улице, он выработал такой взгляд, что спрашивающий вздрагивает, отшатывается и спешит уйти.

Взгляд настоящего чекиста.

А если какая-то особенно настырная тетка не унимается, бежит за ним, стараясь приноровиться к его широкому шагу, и продолжает задавать вопросы, он останавливается и коротко отвечает:

– Переведен в другое место.

И это правда. Всегда правда. Он не унижается до лжи.

Герлоф

Герлоф старался не выходить на улицу в жару – бродил по прохладным коридорам.

Легко и удобно – ни кочек, ни затаившихся в траве камней, – но уж очень одиноко.

Его почти никто не навещал – у Иона полно работы, а Тильда уехала в отпуск.

Дочери, конечно, заглядывали, но вечно куда-то торопились.

Он уже раз пять перечитал все объявления на доске у входа.

Подружись с Сетью – двухнедельные компьютерные курсы.

Наверное, учат правильно ловить рыбу. А что там учить? Сети разрешены только маленькие, до тридцати метров. Таковую и новичок поставит. И при чем здесь компьютер?

Мертвый сезон. Обычно раз в неделю или в две в доме престарелых бывали какие-то лекции или приезжали артисты. Замечательно играли дети из музыкальной школы в Боргхольме – девочка на скрипке, а мальчик аккомпанировал ей на пианино. В прошлом голу приезжала Вероника Клосс – рассказывала историю своей семьи. Очень интересно. Теперь-то он, правда, знает гораздо больше из этой истории, даже и то, о чем она не рассказывала.

От нечего делать попросил Сив, библиотекарьшу, найти ему что-то о жизни в Советском Союзе в тридцатые годы. Она, почти не задумываясь, протянула ему документальную книгу американского историка Роберта Конквеста.

Ему хотелось поподробнее узнать, с какой жизнью встретились Свен и Арон, когда эмигрировали в СССР. Название книги не предвещало ничего хорошего.

«Большой террор».

В конце июля, в пятницу, он добрал до лифта и спустился на первый этаж, где помещалось отделение «Токарь». Там тоже было тихо и прохладно, работали кондиционеры. Постукивая палочкой, пошел по коридору Комната, где жила Грета Фред, была в самом конце, если ему не изменила память. Теперь на двери висела табличка с красивой готической надписью – Бленда Петтерссон.

Они забрали все, что у меня было.

Так сказал Арон.

Скорее всего, он имел в виду хутор на берегу, где когда-то жила его мать. Или что-то еще?

Он долго смотрел на табличку, не решаясь постучать.

– Вы не заблудились, случайно?

Он вздрогнул и обернулся.

Молодая женщина, темноволосая, с шикарным средиземноморским загаром. На ней красный форменный халат. Медсестра. Он никогда ее раньше не видел – наверное, замещает на время отпусков.

Герлоф покачал головой, протянул руку и представился.

– Я живу наверху, – сказал он. – Хожу вот, смотрю, кто у меня в соседях.

– Вот оно что... конечно, жильцы все сидят по своим комнатам. Жара... вы знакомы с Блендой?

Герлоф не сразу сообразил, что ответить, но она уже открыла лверь:

– Заходите, я все равно собиралась ее навестить. Привет, Бленда.

Герлофу было очень неловко, но он тоже прошел в комнату.

Квартирка – точная копия его. Стертый пластиковый коврик в прихожей с надписью «Добро пожаловать», большая ванная с приспособленными для инвалидов душем и унитазом, и комната, она же спальня.

В кресле сидела очень пожилая дама с редкими седыми волосами. Он не сразу определил, спит она или бодрствует.

Сестра что-то ей сказала, но ответа не дождалась. Поправила постель, налила в стакан воды и отсчитала в пластмассовое блюдечко несколько таблеток.

И хотела уходить, но Герлоф остановил ее в коридоре и взял за рукав:

– А которая здесь до Бленды жила... ее Гретой звали?

– Грета Фред, правильно. Умерла прошлым летом, я тогда тоже здесь работала. В середине августа.

– Упала? – Герлоф смутно припомнил – что-то такое рассказывала дочь могильщика Соня.

– Ла... несчастный случай. – Сестра понизила голос, словно сама смерть притаилась за дверью и подслушивала. – Упала в туалете и ударилась головой. Мы никак дверь не могли открыть, ключ не поворачивался. Вызвали слесаря... но уже поздно было.

Герлоф обернулся и еще раз посмотрел на дверь:

– А ее навещал кто-нибудь? Лети? Родственники?

Она задумалась.

– Вероника Клосс ее навещала... Книги ей читала, газеты.... Вы же знаете Веронику Клосс? Хозяйку «Эландика»?

Герлоф кивнул. Он очень хорошо знал Веронику Клосс.

– Они разве родственники? – спросил он, притворяясь удивленным.

– Грета утверждала, что да. Родственники. Какое там родство? Но она к концу была совсем уж не в себе. Просто Вероника ей симпатизировала.

– А еще кто-нибудь приходил?

– Насколько я помню, нет. Никто. Правда, уже в этом году приходил ее брат. Уже после ее смерти. Забрал какие-то мелочи...

Герлоф насторожился:

– Имя он назвал?

– Ла... Арнольд, по-моему.

– Может быть, Арон?

– Ла-да, Арон... молчаливый такой.

– И как он выглядел?

– Старый, конечно, но по сравнению с Гретой... в общем, в хорошей форме старичок. Среднего роста, широкий в плечах, ходит быстро... а ведь ему, наверное, за восемьдесят. – Она произнесла это «восемьдесят» так, что Герлоф понял – для нее что восемьдесят, что восемьсот – возраст непостижимый. Но тут она посмотрела на него, поняла ошибку и поправилась: – Это, конечно, не возраст...

– Возраст – это на сколько человек себя ощущает, – мягко сказал Герлоф. Ему не хотелось, чтобы молодая женщина чувствовала неловкость.

Поблагодарил и пошел к лифту, но тут же остановился.

В соседней комнате жил Балл. Ульф Балл. Отец убитого Эйнара? Очень может быть... Герлоф вспомнил, что фотография Валла, которую показывали полицейские, сделана именно здесь. Он тогда еще обратил внимание на знакомый коридор.

Дверь в комнату Ульфа Валла плотно закрыта.

Он не стал стучать, пошел дальше. Очень хотелось кофе, а для этого надо было вернуться в свое отделение.

Юнас

Дядя Кент оделся необычно – черная тенниска и камуфляжные шорты. Собрались вся семья и работники пансионата. Он ходил взад-вперед, как генерал перед строем, и выглядел, как показалось Юнасу, очень довольным. Впервые за много дней.

– Тревога с сенсорами движения, – сказал он. – Включается и выключается дистанционно. Вы входите на участок, и у вас есть ровно минута, чтобы отключить сигнализацию.

Юнас слушал «презентацию», как назвал это дядя Кент. Новая система охраны. Рядом стояли Мате, двоюродные братья, уборщица Паулина и вновь нанятый садовник по имени Марк – тоже откуда-то из-за границы, очень мускулистый и загорелый.

Сад напоминал лунный пейзаж. Исчезли трава и кусты, куриной слепоты как не бывало – все посыпано ровным слоем щебня. Юнас только в последние дни понял, почему неделю назад в саду торчали эти рейки-маркеры.

Белые маркеры исчезли. Вместо них появились основательно вкопанные в землю столбики. Черные пластмассовые столбики, высотой несколько дециметров, не больше.

Кент назвал их «сенсоры», напомнил, что они очень чувствительны, и показал на пластмассовую панель у гаража.

– Все управляется отсюда, – сказал он. – Чтобы активировать сенсоры, нужно набрать код на этой панели. Чтобы отключить – другой код и в другом месте, вон там. – Он показал на дом. – Сигнализация управляется из дома. Вы открываете дверь, и направо – запомните, направо – пульт отключения сигнализации. Это касается и гостевых домиков тоже. – Он повернулся к мальчикам и подмигнул. Сделал паузу и обвел глазами собравшихся: – Все поняли?

Никто ничего не сказал и не спросил – должно быть, поняли. Юнасу больше всего хотелось улизнуть отсюда поскорее.

– А зайцы?

Юнас повернулся – вопрос задал его отец.

– Что – зайцы? – не понял Кент.

– Зайцы... Они здесь кишмя кишат. Особенно по ночам. Сигнализация сработает?

– Сработает. К сожалению. Именно поэтому мы на следующей неделе

поставим забор. Полтора метра высотой, с автоматическими воротами. Вокруг всей виллы Клоссов.

Тетя Вероника, которая за все это время не проронила ни слова, подняла голову. На ней было легкое бирюзовое платье, никакого полувоенного камуфляжа, как у Кента.

– Забор? Я вовсе не хочу возводить берлинскую стену. Во всяком случае, на моей части никаких заборов не будет.

– Я же сказал – невысокий забор, Вероника, – примирительно улыбнулся Кент. – Лаже мальчики могут через него заглянуть и посмотреть, как ты поливаешь цветы.

– У нашей семьи нет никаких причин прятаться от людей, – твердо сказала Вероника.

– Мы не прячемся, а защищаемся. То, что происходит, Вероника, это вовсе не обычная соседская свара.

Она посмотрела на брата чуть ли не презрительно:

– Не говори глупостей.

Повернулась и пошла к своему дому.

Кент пожал плечами, повернулся к собравшимся и достал из кармана шорт пачку листов:

– Вот и все, что я хотел сказать... Здесь коды, вы их сейчас получите.

Все столпились вокруг Кента. Юнас тоже занял очередь, предварительно оглянувшись на могильник. Последние дни все было спокойно. Лениво прогуливающиеся отдыхающие. Никаких подозрительных стариков.

– Заметил что-то, Ю-Ко? – От Кента не ускользнул его невольный жест. Дядя подошел к нему и протянул листок.

– Не-а. Ничего.

– Я знаю, что за нами наблюдают, – тихо и значительно сказал дядя Кент. – Этот старик иногда прячется в бункере. Но мы разберемся с этой проблемой.

Лиза

– Как настроение? Нормальное?

Сегодня она играет на гитаре в ресторане в Стенвике. Ресторан полон, что и следовало ожидать в субботний вечер. Конечно, большинство пришли выпить пива, пожевать неплохую пиццу (благо повар итальянец или, кажется, болгарин) и полюбоваться видом на пролив. Но какое это имеет значение?

– Да-а-а... – нестройный гул голосов в ответ.

– Мне хорошо с вами! – крикнула она в микрофон.

Все как полагается – стандартные диджеевские выкрики, вялая реакция публики. Она уже охрипла – не так легко перекричать ресторанный шум. День за днем, неделя за неделей. Но все же здесь, на воздухе, лучше, чем в полуподвальном помещении ночного клуба. Здесь ей, по крайней мере, нет надобности играть в Леди Саммертайм.

Тут, в сельском ресторане, собираются обычные люди, отдыхающие. Они знают цену деньгам, просто хотят немного расслабиться. Там, в баре «Майская поэма», совсем по-другому А в последние дни стало просто невыносимо – ее давил этот подвал, она чувствовала себя как в могиле. Тем более что там стало пусто и мрачно – богатые бездельники куда-то разъехались. Должно быть, двинули поискать разнообразия в других местах.

В ресторане, по крайней мере, есть для кого петь.

– Спасибо, спасибо. – Она поклонилась на жидкие аплодисменты. – А сейчас песня Олле Адольфссона, скорее всего, она вам знакома...

За все время, что она на острове, не было ни одного холодного вечера. И сейчас очень тепло, над проливом расцветает спокойная акварель заката. Лиза подобрала старые шведские песни. Она пела о красоте и недолговечности лета, и знала, что скоро этому придет конец. Приближается август. В Швеции лето короткое, что да – то ла. И по жизни так просто не проскользишь, как по лету, греясь на солнце и делая, что тебе вздумается.

Ей осталось меньше недели в Стенвике. А там – домой, дышать выхлопными газами большого города. И разбираться с Силасом – почему не привезла денег.

Она щурилась на заходящее солнце и пела. Но по привычке время от времени поглядывала на публику – кто ушел, кто пришел, кто уже под

градусом, а кто трезв как стеклышко. Почти за каждым столом четверо, но с краю, у выхода с веранды, она заметила столик, за которым сидел только один человек. Лица его против солнца она разобрать не могла, видела только темную фигуру. Силуэт. И силуэт этот качал головой в такт музыке. Вернее, не головой, а силуэтом головы. Лицо различить невозможно.

Уж не тот ли это старик, из бунгало? Наблюдает за ней? Пришел за табакеркой?

Сосредоточься. Закрой глаза и пой в микрофон, старайся ни о чем не думать. Ни о публике, ни о загадочном посетителе. Иначе можно сорваться. Но почему он один за столиком? У входа наверняка стоит очередь...

Сосредоточиться! – приказала она себе и, зажмурившись, спела еще две песни.

А когда открыла глаза, за столиком никого не было.

– Спасибо! Спасибо всем! – выкрикнула Лиза.

На этом можно округляться.

Она спрыгнула с крошечной эстрады и пошла к выходу Никлас Кент стоял у кассы. Вид у него в последние дни был так себе – усталый, скучный. Он двигался в совершенно ином ритме, чем официанты, если вообще двигался. Стоял у холодильника с пивом и размышлял о чем-то.

– Хорошо работаешь, – сказал он.

На этом беседа с хозяином закончилась. Никаких советов, никаких пожеланий. Спасибо на добром слове. Можно идти домой.

Но не успела она выйти из ресторана – тут и в самом деле стояла небольшая очередь, – ее окликнул женский голос.

Паулина. Уборщица у Клоссов.

– Здорово играешь, – похвалила она.

– Спасибо.

Значит, она стояла тут и слушала. Почему не вошла в ресторан? Стесняется? Или денег нет?

– Ты туда? – спросила Паулина и мотнула головой в сторону кемпинга.

– Йепп, – кивнула Лиза. – В свой спальный вагон. Отдохну немного перед последней сменой.

Паулина молча пошла рядом с ней. Уже почти стемнело. Они прошли мимо майского шеста с окончательно засохшими цветами – уже больше месяца прошло после праздника. Перешли береговую улицу, и тут Паулина остановилась. Она кивнула в сторону виллы Клоссов и понизила голос:

– У него есть предложение.

– Вот как?

Ей не надо было спрашивать – у кого? Она и так знала. Кент Клосс.

– У него для тебя есть работа. Аля нас, – поправились Паулина.

– Еще где-то играть?

– Нет... совсем другое. Здесь, в поселке.

Лиза внимательно посмотрела на Паулину:

– Чего он, собственно, хочет? Он с тобой что... в игры играет? Туда-сюда-обратно?

Паулина не сразу сообразила, что имеет в виду Лиза.

– Нет-нет. Я не из этих. Я работаю.

Она произнесла эти слова так решительно, что Лизе на секунду стало стыдно.

– А как ты получила работу? – сменила она тему.

– По объявлению. Он поместил объявления в нескольких газетах.

– Точно, как я, – вздохнула Лиза.

Паулина помолчала.

– Он просит, чтобы мы ему помогли. Наверняка скоро вызовет для разговора.

– Знаю. Я ему уже помогала, – устало сказала Лиза.

Просит, чтобы помогли. Кент Клосс не просит. Он отдает приказы.

– Он заплатит.

– А эта помощь... случайно, не криминал?

Паулина не ответила, и Лиза пожала плечами. Криминал не криминал – ей какое дело? Все имеет свою цену.

– О'кей, – сказала она. – Я ему помогу. В последний раз. А потом уеду домой.

Возвращенец

В прибрежном поселке Лонгвик, к северу от Стенвика, был отель. Большой, не меньше «Эландика». Тоже стоял у самой воды, рядом с гаванью. Возвращенец припарковал машину и пошел в вестибюль.

За стойкой администратора сидела юная девушка в белой блузке и шортиках. Вид у нее был такой, будто собралась поиграть в теннис.

– Свободные номера есть? – улыбнулся он ей.

– Да... вообще-то не было, но буквально десять минут назад позвонили и отказались от заказа. Только это номер на двоих.

– Я один, – сказал Возвращенец. – Не важно.

– Вот и замечательно. – Она тоже улыбнулась, пощелкала по клавиатуре компьютера и посмотрела на него: – Удостоверение личности, спасибо. Или права.

Он устался на нее. В «Эландике» никто ничего не спрашивал.

– Нет... шведского удостоверения у меня нет. Я иностранец.

– Тогда паспорт? Гостей из-за границы мы тоже регистрируем.

Регистрируем... стоит позвонить Кенту Клоссу и они свяжутся с полицией. А может, Кент уже их предупредил.

– Паспорт в машине. Сейчас схожу.

Он вышел из лобби, чувствуя, что она смотрит ему вслед.

Быстрее отсюда.

И тут он вспомнил место, где он может найти приют. Он там бывал и раньше. Совсем недалеко от имения Клоссов.

Все время поглядывал в зеркало – нет ли кого за ним.

Никого не было.

Успокоился и свернул с шоссе.

Земля обетованная, февраль 1938

Арону исполнилось двадцать. Он не успевает следить за событиями и новостями; они сменяют друг друга с головокружительной быстротой. И в прошлом году и сейчас в Москве идут политические процессы: оказывается, молодая страна победившего социализма десятилетиями была окружена внешними и внутренними врагами. С внешними врагами много чего не сделаешь, Германия сильна, как никогда, хоть там и фашизм. Зато внутренние враги, внедрившиеся в высшие органы ВКП(б), армии и даже наркомата внутренних дел, должны быть выведены на чистую воду и уничтожены.

Он получил офицерское звание – младший лейтенант. Когда он идет по улице в новенькой лейтенантской форме, люди уступают ему дорогу а мальчишки провожают восхищенным шепотом. Символ безопасности, законности и порядка в окруженной со всех сторон врагами стране. В стране, пробивающей дорогу к счастливому будущему.

Но работы стало еще больше. Ночной работы. Ее делают все – и капитан Рузаев, и Трушкин, и Попов, и многие, многие другие.

Допросы идут непрерывно, но посменно, следователи могут хоть иногда немного отдохнуть, хотя все равно у всех красные от недосыпания глаза. Все коридоры оклеены плакатами. Суровый мускулистый рабочий предупреждает: «БОЛТУН – НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА!» Не менее мускулистая женщина в косынке прижимает каблуком сравнительно небольшую ящерицу: «РАЗДАВИМ ТРОПКИСТСКУЮ ГАЛИНУ!» Еще плакат: «СМЕРТЬ ПРАВОУКЛОНИСТАМ!»

Арестованным отдыхать не дают: важно не дать врагу собраться с силами, выработать хитрую линию поведения. Их допрашивают сутками, сменяя друг друга, в ярком свете сделанных по спецзаказу трехсотваттных ламп.

- Как вы стали японским шпионом?
- Почему не разоружились перед партией?
- Что вам показалось смешным в этом антисоветском анекдоте?

Двадцать четыре часа в сутки. Вопросы не кончаются.

Поток арестованных тоже.

Начальство в Москве провозгласило чуть ли не военное положение – оказывается, в стране сотни тысяч врагов народа. Может быть, миллионы. Все областные и краевые комиссариаты внутренних дел получают квоты –

столько-то и столько-то врагов народа надо выявить, столько-то – расстрелять. Большинство, конечно, отправляют в лагеря – для того чтобы осуществить великий замысел вождя по превращению отсталой страны в могучую мировую державу, нужна дармовая рабочая сила. Эти негодяи заслужили пожизненный рабский труд.

Черные «эмки» снуют по притихшему Ленинграду и каждую ночь привозят все больше и больше врагов. Иногда враги в дорогой одежде, иногда полураздетые, но всегда ошеломленные и перепуганные.

Как-то поздно вечером, проходя по подвальному коридору Влад слышит какие-то странные постукивания. Когда он подходит ближе, стук замолкает. Владу все равно, но Арону страшно. А Арону страшно.

Откуда эти звуки? Опять кто-то стучит из гроба?

– Тюремное радио, – смеется Трушкин. – Они разработали свой код и перестукиваются. Делятся новостями.

– Ну да?

– Я пытался как-то пресечь это дело, а потом подумал – хрен с ними. Все равно за эти стены ничего не попадет, о чем они там сплетничают.

Арону полегчало. Все-таки люди стучат, а не покойники.

Он не устает удивляться скорости, с какой работает вся эта машина. Настоящий конвейер. Арестованных раздевают, обыскивают, заглядывают во все телесные отверстия и отправляют в подвал – перепуганных и дрожащих от холода. Здесь их встречает следователь – в полном обмундировании, суровый и недоступный. Владимир Николаевич Шевченко.

– Почему вы клеветали на партию?

– Почему вы занимались вредительством?

– Кто вас завербовал?

Голос садится, и его сменяет другой следователь.

А Трушкин не устает. Он, похоже, может допрашивать несколько суток без отдыха. Аля Влада Трушкин – образец.

– Почему вы присоединились к троцкистам?

– Почему вы намеревались втайне эмигрировать в капиталистическую страну?

– Почему вы не думаете о ваших детях?

Иногда устраивают очные ставки – те, кто уже «раскололся», избличают бывших друзей, коллег и родственников.

Признание – царица доказательств.

Поэтому надо добиться признания любой ценой.

Методов много, но цель одна: получить письменное признание.

И Трушкин их получает. И Влад не отстает.

Где-то происходят суды, и многие приговоры заканчиваются тремя словами: *высшая мера наказания*.

Расстрел.

Расстрельная камера используется и как парикмахерская. Осужденные никогда не знают, что их ждет – стрижка или расстрел. У парикмахеров и палачей одинаковая форма.

Дверь с дополнительной звуковой изоляцией. В углу – столик с патефоном, когда нужно, сотрудники меняют иголки. Набор пластинок всегда одинаковый – бодрые советские марши. А *вместо сердца – пламенный мотор*. Владу эта музыка нравится куда больше «Весны священной». По крайней мере, поднимает настроение.

Человек впервые осознает, что его ждет, когда ему предлагают встать на белый квадрат у гипсовой стены. С той стороны – еще одна гипсовая плита, а промежуток между плитами засыпан песком, в нем застревают пули. Четыре-пять секунд – и все кончено. Палач лелеет шаг вперед и стреляет приговоренному в затылок.

Патефон не умолкает.

Влада все чаще отвлекают от работы следователя. Он стреляет лучше всех – научился еще в лагере. Выстрел в шею, снизу и косо вверх. Почти нет крови, жертва умирает мгновенно. Другим, чтобы прикончить, требуется два, а то и три выстрела. Кровь, нервы, запои, истерики... Но Влад работает четко и профессионально.

Иногда бывает и так – расстрел неуместен. Требуется умертвить осужденного другим способом – если, скажем, требуется предъявить тело какому-нибудь заграничному дипломату. Тогда – маска с хлороформом и инъекция яда. Но Влад в этом не участвует.

После смены надо прибраться. Пол после расстрелов моют заключенные, а чаще – сами следователи.

– Знаешь, Влад? – Трушкин мыл стену, но замер и повернулся к другу.

– Что?

– Знаешь, кто мы такие?

– Кто?

– Мы маленькие винтики огромного комбайна. Ты знаешь, что такое комбайн?

Влад молча качает головой.

– Потрясающая машина. Они сейчас уже появляются в колхозах. Прощай, серп! Прощай, коса! Я в прошлом году под Москвой видел один такой.

– И что она делает?

– Все! – заверяет его Трушкин и несколько раз проводит тряпкой по стене. – Эта машина делает все. Все, что могла бы сделать сотня... или даже две сотни крестьян. И никогда не устает.

Арон представил огромное человекоподобное чудовище.

– А из чего она сделана, это твоя машина?

– Как из чего? Из чего машины делают? Железная. Стальные швеллеры, колеса там...

– И серпы? Как она жнет-то?

– Ножами. Там такой барабан с ножами, он вертится и подает урожай в бункер. Там у нее внутри бункер с молотилкой. Представляешь: запустил такую машину, зачерпнул зерна – и хоть сейчас хлеб пеки.

– Сначала смолоть надо, – буркнул Влад.

Ему не понравилось, что Трушкин знает что-то, о чем он и понятия не имел.

– Вот именно! Мы с тобой – только ножи в этом барабане. А управляет комбайном сам товарищ Сталин.

Сталин и есть главный мельник. Когда он перемелет все зерно, тогда и настанет время печь хлеб.

В конце июля Трушкина награждают путевкой в санаторий НКВД на Черном море. Заслужил – он и вправду неутомим. Но пока его работа ложится на Влада.

– На какое государство вы работаете?

– Какова ваша шпионская кличка?

– Кто вас завербовал?

Это, наверное, никогда не кончится. Не говоря о бесчисленном количестве бумаг.

Единственное утешение – что борьба с капиталистическим отребьем не может продолжаться вечно. Когда-нибудь настанет мир. И тогда он вернется на хутор на другом берегу Балтийского моря, к матери и сестре. Но только когда последний враг будет уничтожен.

Но до этого, кажется, еще далеко. В ночь на пятое августа в подвал приводят арестованного с мешком на голове. Влад не удивляется мешку: в Ленинграде ночи все еще очень светлые, и мешок надевают, чтобы прохожие или соседи случайно не опознали арестованного.

– Номер тридцать четыре девяносто восемь, – сообщает машинистка и заправляет в машинку лист бумаги.

Влад устал, но работа есть работа.

Он срывает мешок с головы арестованного и теряет дар речи.

Трушкин.

Андрей Трушкин, парень, которого он считал своим другом.

Андрей молчит. Из разбитой губы сочится кровь. Молчит и смотрит на Влада. Глаза совершенно пусты – в них нет ни страха, ни мольбы, ни ярости.

Арон отворачивается и смотрит на машинистку:

– Я не понимаю.

– Что вы не понимаете? – резко спрашивает машинистка. Она в звании лейтенанта, выше Влада по чину.

– Не понимаю, почему он здесь. Зачем мы должны...

– Подследственный номер тридцать четыре девяносто восемь вступал в контакты с родственниками осужденных. Писал им письма. На это имеет право только начальник тюрьмы. Если, конечно, посчитает нужным.

Влад поперхнулся, закашлялся и посмотрел Андрею в глаза. Тот знал, что его ждет, – мучительный и страшный путь к признанию своей вины.

– Что-то еще? – не глядя на машинистку, спрашивает Влад.

– Много чего... планировал переворот в органах. Создал шпионскую сеть, вербовал агентуру для иностранной разведки... Паучья сеть, одним словом. Думаю, сегодня мы узнаем много новых имен.

Арон кивнул. В ушах у него звенело. Ему было очень жалко Андрея.

– Вы ведь знакомы?

– Кто?

– Вы и арестованный? Вы же даже в рестораны вместе ходили, насколько мне известно. Друзья?

Арон... нет, не Арон, уже Влад качает головой:

– Это не так.

Он, внутренне сжавшись, ждет, что Андрей начнет возражать – ну как же, ты что, не помнишь?..

Но Трушкин молчит. Смотрит на него без упрека.

– Это не так, – повторяет Влад. – Мы никогда друзьями не были.

Вполне может быть, что подвал прослушивается.

– Ну что ж, – говорит Влад, заглушая в себе скулеж Арона. – Тогда начнем.

Нет, Андрей не прав. Мы не ножи в барабане комбайна. Мы жернова огромной мельницы, управляемой Великим мукомолом. Но мельница работает, только если дует ветер, а сейчас в стране поднялся такой ураган, что никто не остановит. Лаже Великий мукомол, мудрый товарищ Сталин.

Он косится на три ведра с ледяной водой в углу и резиновую дубинку.

– Ну что ж, – повторяет Влад. – Начнем допрос.

Юнас

Веранда – как новая, решил Юнас, полюбовавшись на свою работу. Дядя Кент будет доволен. С понедельника начнет работать у Вероники, но сначала пусть дядя с ним расплатится.

Деньги.

Он все откладывал этот разговор. Как-то неудобно с родственником. Но сейчас, ближе к вечеру, решился.

В большой комнате еле-еле светилось только одно окно.

Он отодвинул стеклянную дверь. Внутри было жарко, темно и душно. Вентиляторы работали на полную мощность, но толку от них было мало.

Странно – на полу валяется спортивная одежда вперемешку со счетами, сумка с клюшками для гольфа лежит у дверей.

Он прислушался – тишина, только еле-еле мерцает экран телевизора в дальнем углу. Юнас сразу вспомнил фильм «Полтергейст» – девочка сидит у пусто мерцающего экрана и слышит голоса. Там, в кино, алчные строители выстроили дом на старом кладбище, и дом кишит привидениями.

Призрак могильника] Он в панике потянулся к выключателю.

– Не надо. Не включай.

Дядя Кент. Все-таки лучше, чем призрак, тем более дядя Кент ему и нужен.

– Как дела, Ю-Ко?

– Хорошо... я закончил веранду.

– Молодец... подойди сюда.

Юнас медленно подошел поближе. Дядя Кент приподнялся в кресле и достал из заднего кармана шорт бумажник. На столе – ополовиненная бутылка виски.

Кент, улыбаясь, отсчитал несколько стокроновых ассигнаций. Штук, наверное, пятнадцать.

– Подойди же поближе!

Юнас подошел и взял деньги.

– Спасибо, – тихо сказал он.

– Заработал, – опять улыбнулся Кент и посмотрел на него долгим, слегка плавающим взглядом. – Скажи-ка, Ю-Ко... тебе здесь нравится?

Юнас медленно кивнул. Одним словом на этот вопрос не ответишь.

– Хорошо... очень хорошо. В этом и смысл – чтобы на вилле Клоссов

людям было хорошо. Я всегда любил это место. Какие мы пиры здесь закатывали! Никлас, и я, и наши приятели... привозили девушек из Стокгольма, шампанское... У меня тогда был водяной матрас, большой, как бассейн. Не знаю даже, когда мы спали. Так, вздремнешь немного после завтрака и опять на берег с шампанским.

Он положил руку Юнасу на шею и помедлил.

– И я должен сказать тебе кое-что, Ю-Ко. Кое-чему я научился за эти годы. Надо всегда помнить, что за праздником следует мытье посуды. И чем веселее праздник, тем больше посуды. Запомни это.

Юнас кивнул. У него почему-то перехватило дыхание.

– Вот и хорошо. – Кент снял руку с его плеча. – Ты думаешь, я не понимаю, сколько ты передумал по поводу того случая... на шоссе? У меня он тоже не выходит из головы. Но я ведь только хотел поговорить с Майером! В предыдущем сезоне он проворовался, мы его, само собой, уволили из «Эландика». А теперь эта история с баржей... Забрался на нашу баржу, запер экипаж в трюме и отчалил... Так что я хотел с ним поговорить, но он удрал, выскочил на шоссе и попал под машину.

Кент посмотрел в окно. Юнасу показалось, что он смотрит на все эти новые причиндалы – сигнализация, сенсоры и все такое.

– Тут, конечно, кое-какая заваруха разыгралась в последние недели... но запомни, Ю-Ко, все будет хорошо. Жизнь меня научила: если драка неизбежна, надо бить первым. Кто нас обидит, трех дней не проживет. – Он подмигнул и весело улыбнулся.

Юнас промолчал, попятился назад и вспомнил пистолет, который забрал у него дядя Кент.

Кент опять опустил в кресло, рядом со столом. Юнас пошел к лвери, мимо смятых счетов и клюшек.

Кент повернулся к нему:

– Ты куда, Ю-Ко?

– На воздух. Здесь душно.

– Только не выходи за участок. Пока. Здесь, в вилле Клоссов, спокойнее.

Юнас раздвинул двери и нос к носу столкнулся с тетей Вероникой.

– Ты еще не лег, Юнас? Смотри-ка, поздняя пташка. Завтра ты у меня, да? Мне очень нужна твоя помощь.

Юнас кивнул. Он ничего не имел против. Поработать у тети – одно удовольствие.

Вероника увидела в глубине комнаты брата и понизила голос:

– Как он?

- Нормально... думаю, нормально.
- Досталось ему в последние дни.
- Да уж...
- Пришла навестить... ладно, пока, Юнас.

Юнас остановился на только что отшкуренной и пропитанной китайским маслом веранде. Здесь горело несколько небольших лампочек. Он подошел к окну и заглянул. Тетя подошла к брату, взъерошила ему волосы и что-то сказала – что именно, Юнас не расслышал.

Она, не переставая говорить, присела на подлокотник и продолжала говорить. А дядя Кент слушал и кивал.

Ну и ладно. Юнас порядком устал за день. Зато здоров. И самое главное: решил закончить надоевшую ему веранду именно сегодня, и закончил.

Молодец, похвалил он сам себя, зевнул и пошел к своему домику.

Лиза

Ночь на пятницу. Леди Саммертайм оставалось еще больше часа в баре «Майская поэма». *Midnight hour*.

Поскорей бы... она все время преодолевала желание запустить руку под свой лиловый парик и почесать голову.

Это ее последняя ночь в клубе. Хотелось бы, конечно, чтобы она прошла получше. Зал не заполнен даже наполовину, настроение у всех почему-то похоронное, никто не танцует. К тому же ее не оставляло чувство, что за ней наблюдают.

И за ней таки наблюдали. Охранники то и дело бросали на нее подозрительные взгляды – чему тут удивляться. Получили задание от Кента – не спускать с нее глаз.

Она наклонилась над микшером – надо им показать, что Леди Саммертайм так просто из седла не вышибить. Она, конечно, прекратила свои выходы в зал и пальчики не распускала. Законопослушная девушка... так, конечно, спокойнее, но былой азарт как ветром сдуло.

А в половине первого явился и сам Кент, хотя, как правило, в ночном клубе он не появлялся. Прошел к стойке и чуть ли не вспорхнул на высокую барную табуретку. Лиза всегда удивлялась, как могут эти треножки быть такими устойчивыми. За счет тяжести, должно быть.

Кент что-то заказал, поулыбался, похлопал по спине знакомых и о чем-то заговорил с двумя подошедшими парнями из охраны.

Бармен подал ему стакан минеральной воды. Кент разговаривал с подходящими, смеялся, но в ее сторону даже не взглянул. Ни разу.

Лиза занервничала. А Леди Саммертайм начала колдовать с микшером. Несколько неожиданных переходов даже привлекли внимание публики, кто-то похлопал в ладоши.

Слава богу, время.

– Спасибо и спокойной ночи, – только и крикнула она в микрофон, когда закончился последний лот.

Никто не заплодировал. Люди потянулись к выходу кто-то допивал последние капли коктейлей.

Она с самого начала чувствовала, что настроение у гостей подавленное.

Наверное, из-за жары. Но и не только. Так всегда бывает, когда мало гостей.

Она начала собирать свои многочисленные принадлежности.

– Привет, Саммертайм!

Она подняла голову. Перед ней стоял Кент Клосс.

– Помочь?

Она замотала головой. Но он все равно пошел за ней и проводил ло ее «пассата». В воздухе то и дело с бешеной скоростью проносились маленькие черные стрелки – летучие мыши еще не закончили вечернюю охоту.

– Руки не распускаешь?

– Ни-ни. Работаю ангелом.

– Так и продолжай. Не дури.

На этот раз он был совершенно трезв. Улыбка исчезла.

– С погодой нам этим летом повезло... Все остальное пошло псу под хвост, а солнце так и продолжает жарить. – Он посмотрел на освещенный отель. – Восемь поддонов с водкой и русским шампанским... у тебя нет покупателя?

Лиза покачала головой.

Он опять улыбнулся, на этот раз устало и печально:

– Восемь поддонов... к празднику был хороший завоз, баржа пришла, как целочка, нетронутая... а тут эта дристеня. Половину не продали. Не меньше двух миллионов могли заработать, без всяких налогов, если бы этот поддон не отравил воду.

Лиза промолчала и украдкой посмотрела на часы.

Третий час ночи.

– Мне надо собираться, – сказала она.

– А она с тобой говорила?

– Паулина? Говорила. – Лиза сунула ключ в дверцу машины.

– Согласна?

– Это зависит.

– От чего зависит? – В голосе Кента послышалось раздражение. Проскользнуло и тут же исчезло – он опять улыбался. Но глаза не улыбались.

Ответных козырей у нее не было.

– А потом я могу уехать?

– Как справишься, можешь ехать, куда тебе заблагорассудится... я на тебя заявлять не буду.

Лиза посмотрела на него в упор. Постаралась, чтобы взгляд вышел презрительным, но он не обратил внимания.

– И что надо делать?

– Наблюдать. Ничего больше. Наблюдать за виллой Клоссов вместе с Паулиной. Арон Фред обязательно появится, а никто, кроме тебя, не знает его в лицо.

– А вы чем будете заниматься?

– Я? Я займусь силками.

Герлоф

В пятницу после ланча он выпил кофе и вернулся в комнату. Не успел открыть дверь, зазвонил телефон. Так резко, что он даже вздрогнул.

– Лавидссон.

– Йер-лофф?

Он сразу узнал и голос, и акцент, хотя американец выговорил имя почти правильно – Иерлоф.

Но он ждал совсем другого звонка.

– Привет, Билл. Как там у вас, в Лонгвике?

– *Very well...* но пора прощаться. Лето кончается. Завтра домой, в Мичиган.

– Жаль... лодка почти готова, но к завтраму не успеем.

– Значит, на будущий год порыбачим.

– Вполне возможно... я так далеко не загадываю.

– Ты до ста лет доживешь, Иерлофф, – засмеялся американец.

Герлоф промолчал.

– Удачи тебе, Билл, – сказал он наконец.

– На удачу я не жалуясь. – Билл похохатывал чуть не после каждого слова. – Кстати, нашел ты этого американца, которого искал?

– Нашел... но он оказался не американцем. Приехал из Советского Союза.

– Вот тебе и раз, – удивился Билл. – А зачем он туда поперся?

– А ты зачем? Наверное, искал лучшей жизни. В стране рабочих и крестьян.

– Как Освальд?

– Какой Освальд?

– Ли Харви Освальд. Он сбежал в Советский Союз в конце пятидесятых, но потом вернулся. С русской женой и дочкой.

Прошло несколько секунд, прежде чем Герлоф сообразил, о ком идет речь. Выстрелы в Далласе.

– Ты имеешь в виду убийцу?

– Убийцу президента, – уточнил Билл значительно. – Надеюсь, что твой возвращенец не планирует никаких таких ужасов.

– Нет, что ты! – быстро ответил Герлоф.

Повесил трубку и вслушался в эхо своего ответа. Уверенности в нем не было.

Возвращенец

Арон устроился как можно более удобно: несколько одеял, тонкий матрас... ему много не надо было. За последние дни он выспался и отдохнул.

Здесь было безопасно. Он чувствовал себя как орел на вершине дерева.

Над заливом толклись причудливой лепки облака. Одно напоминало человеческую голову, но уж через несколько секунд изменило форму и сделалось похожим на свирепого дракона.

Лети учились плавать под присмотром инструктора. Отдыхающие заплывали по возможностям далеко и вылезали по никелированной лесенке на дощатые мостки. Иногда в воде даже образовывалась небольшая очередь – кому первому вылезать.

По береговой дороге сновали машины.

В поселке многие уже закрывали свои бунгало и уезжали.

Календарное лето продолжалось, всюду пекло солнце, но лето отпускное подходило к концу.

Море, сияя серебряной рябью, медленно катило к пляжу широкие плоские волны. Море всегда в движении, даже если простым глазом не видно.

Он мечтал умереть здесь, у пролива, чтобы в последние свои секунды посмотреть на воду – и заснуть навсегда, в умиротворении и покое.

Может быть, и удастся, если он постарается все оставшееся ему время держаться поближе к воде. И подальше от врагов – пока не придет решающий час.

Но он должен быть начеку. Все уже готово.

Арон осторожно спустился по узкой лесенке. Машину он спрятал в роще неподалеку.

Надо последний раз поговорить с Герлофом Лавидссоном. Ближайший телефон-автомат в Марнесе. Он поставил себе за правило – не звонить с одного телефона дважды.

Земля обетованная, 1940-1945

Битва с контрреволюцией затянулась.

Влад очень устал.

Сколько людей ушло... Ему уже не кажется разумным приказ: каждый враг народа должен назвать несколько имен, соучастников преступной группы. А те, в свою очередь, еще несколько.

Правда, в последнее время жернова чуть поутихли.

Но сколько людей ушло!

Трушкин расстрелян.

Учителя и врачи.

Инженеры и военные. Некоторые из них, говорят, выдающиеся. Не ему судить.

Поэты, дворники, священники...

Его первый начальник, тот, кто принимал его на работу, майор Рузаев, расстрелян. Заковский, их главный шеф, расстрелян по приказу Ежова. А Ежов пришел на место Ягоды, которого тоже расстреляли. Подумать только – Ягода, народный комиссар внутренних дел, генеральный комиссар государственной безопасности, оказался вредителем и шпионом! А потом и Ежова расстреляли. Теперь всем командует Берия. Интересно, надолго ли?

Новый начальник Крестов, майор Рыбаков, пока держится. Мрачный тип, Влад его побаивается. Лет пятидесяти с хвостиком, старый солдат, воевал еще в Первую мировую. Молчаливый, тихий, всегда с записной книжечкой. Говорят, он все записывает – слухи, сплетни, кто что сказал.

Влад и не думал никогда, что у молодого социалистического государства окажется столько врагов. Столько предателей.

Он уговаривал себя, что ему бояться нечего: о троцкистах он впервые в жизни услышал в лагере. Фрол, который чуть его не выдал, называл их «трокцисты». В партию вступил недавно, так что ни в какую уклонистскую группу попасть не мог – просто по времени.

Он чист.

И все равно его мучает бессонница. И страх. Что там пишет Рыбаков в своем блокноте? А если он, Влад, в один прекрасный день придет, как всегда, на работу и все будут отводить глаза? И никто не обратится к нему, как обычно: «Доброе утро, товарищ Шевченко». Он же когда-то был иностранцем, и иногда ему кажется, что и он шпион. Как сказал когда-то

настоящий Володя Шевченко: «А ты уверен, что ты не шпион?»

Он же видит, что происходит у них в подвале, он все подмечает, все запоминает – зачем? Может, он и есть шпион какой-нибудь иностранной державы, а его шефы просто-напросто пока еще не вступили с ним в контакт? На курсах им рассказывали о так называемых «спящих» шпионских ячейках. А может, и Свен был шпионом. Откуда ему знать?

Днем он об этом не думает. Мрачные мысли приходят поздно вечером, перед сном. Он долго не может заснуть, прислушивается: не подъехала ли машина? Не слышны ли шаги на лестнице? Шаги соседа по коммуналке он уже умеет отличать – тот всегда приходит за полночь, пьяный, и начинается ругань с женой, а то и драка.

Это не те шаги.

Иногда он просыпается весь в поту: это те шаги! Но тут же соображает, что слышит удары собственного сердца. Пульс отдается в ушах.

А иной раз ему чудятся странные постукивания, очень похожие на те, из гроба. Стучат в дверь? За ним пришли?

Что Арон может сделать в ожидании ареста?

Только приказать Владу наутро идти на работу. Лень и ночь, день и ночь. Работа, работа, работа.

Четвертого мая начальник тюрьмы вызвал Влада в свой кабинет. Сидел, откинувшись на стуле, перед ним – знаменитый блокнот и глубокая тарелка с солеными огурцами. Бутылки не видно, но где-то она есть. Говорили, он крепко попивает, хотя Влад ни разу не видел Рыбакова пьяным.

Начальник окидывает его внимательный взглядом:

– Как ты себя чувствуешь?

– Отлично, товарищ майор! Лучше не бывает.

Рыбаков достает из пачки папиросу «Беломорканал» и закуривает. Владу не предлагает – это не удивительно. Все знают, что Влад не курит. Но название папирос всегда напоминает ему о северной стройке.

– Меня переводят в Москву... – серьезно говорит начальник. – На Лубянку, начальником внутренней тюрьмы. Это большая честь. Предложили взять с собой несколько человек. Я выбрал лучших.

Влад не сразу понял, что имеет в виду майор, но когда сообразил, встал по стойке «смирно».

Через три месяца Рыбаков, Влад и еще один парень из их службы переехали в Москву.

Москва показалась ему спокойной и даже патриархальной. И в самом деле, после лихорадочных чисток и судебных процессов последних лет здесь наступило некоторое затишье. К тому же люди вздохнули с облегчением – угроза войны миновала. Советский Союз и нацистская Германия заключили договор о ненападении. Люди на улицах веселы и болтливы.

Может, оно и пришло, это будущее, о котором так много говорили?

Июнь сорок первого выдался на удивление жарким и душным, в воздухе стояло зыбкое марево – такое чувство, что вот-вот разразится гроза.

И гроза разразилась – как раз в день летнего солнцеворота.

Немецкие войска, почти не встречая сопротивления, шли к Москве. Тактика блицкрига себя оправдала. Железнодорожное сообщение между Москвой и Ленинградом прервалось уже в августе. Начались трудности с продовольствием, вводятся карточки на хлеб, сахар, почти на все.

Правительство в октябре переезжает на Волгу, в город под названием Куйбышев. Жуков клянется, что Москву удержит, и Сталин пока остается в столице, но переносит свой штаб под землю, на станцию метро «Маяковская».

Немецкая армия готовит решающее наступление на Москву. Но это требует времени, и советское командование использует это время наилучшим образом: из Сибири успевают перебросить четыреста тысяч отдохнувших, обученных солдат, на эвакуированных за Урал и сказочно быстро восстановленных заводах штампуют танки и самолеты.

В начале ноября Сталин устраивает военный парад на Красной площади – для поднятия духа населения и армии.

В те же дни резко, как по заказу, холодает, и в середине ноября Жуков начинает контратаку. К пятому декабря уже ясно – Москва устояла.

После этого военное счастье медленно, но верно поворачивается, и после разгрома под Сталинградом многие понимают – немцы войну проиграли.

После войны НКВД разделили на два министерства – Министерство внутренних дел и Министерство государственной безопасности. Влад остался в МГБ.

Москва медленно оттаивает после военных лишений. Снабжение стало намного лучше. Влад живет теперь в однокомнатной квартире. Зарплата у него не очень большая, но приличная, и он купил себе трофейный «опель-капрал».

Работы опять много – нескончаемый поток бывших военнопленных, людей, якобы сотрудничавших с оккупантами, прибалты, украинцы...

Влад все еще получает некоторое удовольствие от ощущения своей власти над заключенными, но Арон смертельно устал. Ему всего тридцать, но чувствует он себя стариком.

Опять много расстрелов – предатели, дезертиры.

– А ты знаешь, почему мы стреляем в затылок? – остановил как-то Влада в коридоре теперь уже полковник Рыбаков. Влад первый раз в жизни видит его под градусом.

– Нет.

– На затылке глаз нет. – Рыбаков усмехнулся и пошел дальше.

Герлоф

– Не понимаю, как тебе хватает терпения, – пожал плечами Йон.

– Руки тренирую, – не глядя на друга, ответил Герлоф.

Он монтировал такелаж на трехмачтовом клипере. Суденышко получалось на редкость красивым – вылитая «Катти Сарк».

Кропотливая работа – нитки, стальные крюпочки, обточенные по шаблону зубчистки. Завязав последний узелок, Герлоф откинулся на стуле и с облегчением выдохнул.

– Ф-фу!.. А если честно, Йон, сам не понимаю. У меня даже заказчика нет на эту бутылку. Просто, знаешь...

Его прервал телефонный звонок. Он несколько мгновений подозрительно изучал аппарат, потом снял трубку:

– Лавидссон.

– Добрый вечер, – тихий, хриловатый голос.

Герлоф узнал его сразу.

– Добрый вечер, Арон. – Герлоф победоносно кивнул стоявшему у стены Йону – Как ты себя чувствуешь?

– Ничего. Нормально.

– А я так себе. Очень расстроился. Прочитал жуткую книгу про Советы в тридцатые годы. Называется «Большой террор».

– Я книг не читаю.

– Но про террор-то ты слышал?.. – Герлоф дождался ответа, не дождался и продолжил: – Почти миллион людей расстреляли только в тридцать седьмом – тридцать восьмом годах. Миллион за два года!

Арон по-прежнему молчал.

– А ты где был в Советском Союзе, Арон? В армии служил? Ты тогда сказал, что ты солдат...

– Солдаты выполняют приказы, – сказал Арон. – Я боролся с фашизмом.

– Но сейчас-то ты уже, надеюсь, не солдат? Демобилизован, наверное? Война окончена. Тебе надо просто поговорить с Клоссами.

– Ну, нет. Слишком много трупов.

– Здесь, на острове?

– И здесь тоже.

– Где?

Молчание. Герлоф испугался, что Арон на этом и закончит разговор,

но в трубке опять послышался голос:

– На земле Клоссов.

– Кто?

– Охранник. Я его застрелил. Похоронен в лесу... рядом с моим хутором. Я там курган насыпал. Маленький... но найти можно.

Герлоф вспомнил – Тильда что-то говорила про исчезнувшего охранника.

– Почему ты мне это рассказываешь, Арон?

– А кому еще?

Герлоф помолчал.

– Я слышал про Грету, Арон, – сказал он. – Слышал, что твоя младшая сестра умерла в прошлом году Здесь, в Марнесе. А больше у тебя нет родных?

– Лочь.

– Тогда и жена должна быть.

– Нет.

– А где они – дочь и жена?

– Пока, Герлоф. – В трубке запикали короткие гудки.

Вот и все. Герлоф посмотрел на Иона:

– Он откуда-то еще звонил. Не из того автомата. Никакого ржания не слышно.

– Вопрос только – с чего ему вздумалось звонить?

– Ему, как и всем, нужно с кем-то поделиться. Даже убийцам. – Герлоф вздохнул и посмотрел на телефон. – У него была семья, – сказал он. – Он говорил про дочь и про жену, которой нет... а сейчас он совсем один... Это нехорошо... очень нехорошо. Такое чувство, что он больше не позвонит. Хотел попрощаться.

Ион попрощался и ушел.

Герлоф набрал номер Тильды. Но она на полицейские темы говорить решительно не хотела.

– Я в отпуске! – сказала Тильда с нажимом.

– Но это дело полиции.

– Это не отменяет мой отпуск.

– Дело ждать не может, – настойчиво сказал Герлоф. – Убийство. Тот охранник, который исчез на праздник... он не нашелся?

– Насколько мне известно, нет.

– Я получил наводку...

Он пересказал Тильде слова Арона.

– Я передам... – сказала она – А где это – Рёдторп?

– Там, где сейчас отель. «Эландик». Рёдторпа больше нет. Арон Фред там вырос.

– Хутор снесли, а построили отель?

– Нет... хутор стоял у самой воды, в леске. Если он говорит правду то у семейства Клосс и вправду серьезные неприятности.

Тильда, очевидно, записывала его слова – она молча дышала в трубку, пока наконец не произнесла дежурную полицейскую фразу:

– Мы должны найти убийцу.

Герлоф вздохнул:

– Поговори для начала с Кентом Клоссом.

Юнас

Что-то такое случилось. В воздухе витало – что-то случилось.

Он ни с кем не разговаривал, работал и работал. Уже половина веранды у тети Вероники была готова. За эти недели Юнас наловчился – дело шло гораздо быстрее. Это хорошо – осталось всего три дня в Стенвике. И похоже, все вокруг тоже заторопились.

Отца он почти не видел – тот допоздна работал в ресторане, а потом отсыпался.

Утром, с каждым днем все позже, он появлялся, улыбался Юнасу не снимая темных очков, и исчезал.

Мате должен уехать в субботу утром, Юнас с отцом – на следующий день. Вероника подбросит их на станцию. Или дядя Кент.

Отсюда ему видно было все происходящее на вилле. Лядя Кент и отец днем говорили о чем-то у гаража, потом отец пошел к бассейну и там долго говорил с Вероникой, а вечером с Вероникой говорил уже Кент. Они сидели на отшкуренной Юнасом веранде и о чем-то беседовали – долго и тихо. Что-то случилось, это точно. Но его-то что за дело? У него есть работа.

Вначале, после этой жуткой ночи на море, Юнас побаивался оставаться в одиночестве, а сейчас все прошло. Ему даже нравилось, особенно днем.

Ни Кента, ни Матса, ни даже отца ему не хотелось видеть и тем более разговаривать о чем-то стоящем.

Урбан и Мате работали в «Эландике» и пришли с работы позднее, чем обычно, уже на закате.

Урбан, ни слова не говоря, пошел к себе, а Мате остановился около младшего брата:

– Слышал?

– Что?

– Полиция нашла труп.

Юнас вздрогнул и посмотрел на курган.

– Не, не здесь. В леске на берегу. Там сейчас не протолкнуться. Понаехало полиции.

– А что за труп? Убийство, что ли?

– Парень-охранник, у нас работал. Я его никогда не видел, но что у нас работал – это точно.

Юнас прикинул, не стоит ли подробно рассказать Матсу всю историю

с пистолетом и призраком, но тот уже заторопился.

– Слава богу, я уже закончил там на сегодня, – сказал Мате с облегчением и исчез.

Один за другим на виллу возвращались члены семьи. Юнас совершенно ясно чувствовал, что от него что-то скрывают. Говорили о чем угодно – сушь, уровень воды в артезианских линзах низкий, в школе плавания сегодня последнее занятие. Но Юнас ясно видел, что взрослые обеспокоены.

Солнце утонуло в море, расплывшись огненной полоской по горизонту.

Юнас услышал за спиной шорох и обернулся – в шезлонге сидела тетя Вероника с бокалом вина в руке.

– Привет, Юнас.

Он подошел к ней – может, хоть тетка что-то расскажет про труп?

Но она вместо этого ласково взъерошила ему волосы:

– Устал?

– Немножко.

Вероника отхлебнула вина, покатала во рту и проглотила. Вид у нее был задумчивый.

– Твой папа, Юнас... он рассказывал тебе о нашей семье?

– Рассказывал. Немного... совсем мало. Почти ничего.

Вероника устроилась в шезлонге поудобнее. Она смотрела не на Юнаса, а на море, и выражение глаз все время менялось.

– Это интересная история... Все началось с простого крестьянина по имени Гиллис. Он подкопил денег и стал покупать землю вдоль побережья. Много земли. Это было в девятнадцатом веке, тогда земля на Эланде почти ничего не стоила, особенно у берега – просоленная, каменистая, ничего не посадишь. А он все покупал и покупал. И ничего не продавал. За всю жизнь не продал ни клочка земли. Ла и покупателей, наверное, не было. Все это унаследовали три его сына. Эдвард, Гилберт и мой дед, Сигфрид. Когда братья умерли, дед велел огородить свои земли и создал то, что мы теперь называем «Эландик Ресорт». Так что уже несколько поколений Клоссов владеет этими угодьями... были попытки отобрать, но, как видишь, все на своих местах.

Она покрутила бокал и чуть не полминуты смотрела, как покачивается, медленно успокаиваясь, рубиново-красная жидкость.

– Человек должен гордиться своим родом. Я все время повторяю Касперу и Урбану. А теперь – тебе... Человек должен гордиться своим родом.

Он кивнул. Все эти древние родственники для него – не более чем перечисление более или менее знакомых имен. Гиллис, Эдвард...

Он пожелал тетке спокойной ночи, пошел в свой домик и лег.

Лежал под прохладной простыней и слушал, как за стеной поет какая-то птаха. Сначала бойко и увлеченно, потом все тише, все реже... и наконец совсем затихла.

Он уже засыпал, когда услышал на веранде шаги. Наверное, дядя Кент включает сигнализацию. А может, пошел куда-то.

Он закрыл глаза и подпер плечом подушку.

Ему очень хотелось спать.

Возвращенец

Время решающих событий приближалось. Он знал это.

Они, конечно, нашли охранника. Если Герлоф поверил в его рассказ, наверняка позвонил в полицию, и они раскопали труп. А это значит, вся полиция сейчас занята «Эландиком».

После телефонного разговора с Герлофом он дождался захода солнца и уехал назад, на западное побережье.

Темнота – его союзник. Он может, никем не замеченный, свободно передвигаться по берегу.

Уже за полночь Арон добрался до ложбины под откосом и остановился. До двери в бункер было всего-то метров пятьдесят, но ему показалось, что там движутся какие-то тени.

Он прислушался. Тишина. Показалось.

Медленно и осторожно двинулся к бункеру – тем же путем, что проделывал уже несколько недель.

Замок на месте. Он снял замок и потянул на себя дверь.

Дверь заскрипела.

Туннель под курганом был готов. Он стал осторожнее: работал только по ночам. Превратился в ночного зверя.

Луна растолкала облака и осветила вход в бункер. Очень уместно.

Он огляделся – все так, как и было. Как и оставил в последний раз: инструмент, ящички. Ничего не изменилось.

У самого выхода лежит большая катушка. Он взял ее, вышел из бункера, запер за собой дверь и пошел по ложбине, разматывая тонкий пластиковый шланг. Вернулся и аккуратно присыпал желтую трубку мелкими камушками. Ничего не заметно.

Выпрямился и вздрогнул.

В дальнем конце захрустела щебенка. Кто-то там шел, и, похоже, в его направлении.

Никакие приключения ему сейчас не нужны. Повернулся и зашагал прочь.

Через десять минут он был уже на дороге. В лунном свете прекрасно видны кемпинг и купальни. По заливу бежит живая лунная лорожка.

Некогда любоваться на эту красоту. Он пересек дорогу и скрылся в леске.

Прислушался – ничего не слышно. Никто за ним не идет.

Сердце будто кувыркалось в груди. Кувыркнется – замрет, опять кувыркнется. Потом ритм наладился. Он слышал свой пульс – тяжелые, ровные удары, похожие на шаги на лестнице. Эти удары сопровождали его уже восемьдесят лет.

Только бы их хватило еще на неделю.

Земля обетованная, октябрь 1957

В тесной спальне умирающего было пыльно и не прибрано. Арон попрощался и вышел. В этот вечер на улице было много народу – люди стояли, задрав головы, и искали в черно-сером осеннем небе только что запущенный спутник. Все ликовали, и всем хотелось знать подробности.

– У меня родственник работает в ЦАГИ, так он говорит, что...

Влад-Арон усмехнулся – попробовал бы этот идиот сказать что-то подобное на улице лет двадцать назад. Болтун – находка для шпиона. Он опять усмехнулся.

Его многолетний начальник, генерал-майор Рыбаков, умирал. Он давно уже не вставал с постели – цирроз печени. Желто-серое лицо, отечное и в то же время исхудавшее. Огромный живот. Последний год к нему каждый день приходила медсестра, но к вечеру уходила, и Арон оставался с Рыбаковым наедине.

Никто другой его не навещал.

Солдаты умирают в одиночку.

А сколько всего произошло за эти годы...

Умер Сталин. Прележал с инсультом сутки на полу – охрана не решалась его беспокоить. После свары в верхах власть захватил Хрущев и первым делом избавился от самого опасного соперника – шефа госбезопасности Берии. Берию обвинили в шпионаже и расстреляли. Как мог Берия быть шпионом? Арон в это не верил. Иногда его мучила мысль – а все остальные? Может, и они шпионами не были? Какой, к примеру, из Трушкина шпион? А за Берией полетели, как кегли, все его подчиненные. Под метлу попал и Рыбаков – слава богу, не расстреляли и не предали суду тихо отправили на пенсию. Расстрелы как-то сразу вышли из моды. Группу еврейских врачей, обвиняемых в буржуазно-националистическом заговоре, почти сразу после смерти Сталина выпустили, и они вернулись на работу. Удивительно – врачи ни в каких преступлениях не признались. Евреи – стойкая нация. Но официального извинения не последовало. Арон давно заметил, что в России не любят извиняться.

И неутомимый генерал-майор оказался не у дел.

Приличная пенсия и полное забвение.

Для Рыбакова, всю жизнь проработавшего в органах, это был тяжелый удар.

Он, который лишь изредка позволял себе рюмку водки, запил. Не

прошло и трех лет, как отказала печень.

Он был не один такой – очень многие, посвятившие жизнь любимому делу искоренению вредителей и шпионов, врагов народа, переживали нечто подобное. Им тяжело далось отлучение от привычного ощущения власти над заключенными.

Выстояли немногие – они стали писать разоблачительные мемуары и постепенно снова оказались на виду.

Перед концом Рыбаков бредил. Он смотрел на Арона желтыми глазами, в которых плавал смертельный ужас, и бормотал что-то невнятное:

– Я их сосчитал... не веришь? Всех до одного... И знаешь, сколько?

Арону вовсе не хотелось слушать бред умирающего, но тот продолжал:

– И знаешь, сколько... только один я?.. – Он мучительно закашлялся. – Только один я... две тысячи триста тридцать пять... и что мне Богу сказать? Назвать цифру и ждать, пока похвалит?.. Две тысячи триста тридцать пять...

– Невероятно, – сказал Влад и отвел глаза.

Впервые он задумался – а чем он, собственно, занимался всю жизнь? То же самое. Спусковой крючок, резиновая дубинка, оголенные провода...

Мужчины, женщины... правда, он никогда не брался допрашивать летей. Были в органах и садисты. Они избивали детей и даже насиловали, но Влад держался твердо. Не моложе пятнадцати лет. И его не заставляли – всегда находился кто-то, готовый его заменить.

Враги народа и предатели. Они другого не заслужили.

На следующий день Рыбаков умер. Заснул и не проснулся. Тихо и мирно, в отличие от тех двух тысяч триста тридцати пяти.

Октябрь. Спутник продолжает кружить вокруг Земли, и людям не надоедает слушать его попискивание. Бип-бип-бип-бип...

Арон бродит по Москве. В многолюдной Москве он не менее одинок, чем этот спутник в черном космосе.

Продолжается массовая реабилитация, и Арону иногда кажется, что он видит в толпе знакомые лица. Это его пугает.

И даже не кажется. Накануне его узнала пожилая женщина около Курского вокзала. Она остановилась как вкопанная, и в глазах ее мелькнул страх. Он ее не помнил. Что он с ней делал? Избивал дубинкой? Пытал оголенными проводами? Не давал спать четверо суток? А может, и не ей. Может, ее мужу или сыну.

Арон не помнил.

Что бы ни делал Влад, он все делал из лучших побуждений, дм пользы родной страны.

Великая цель, великое заманчивое будущее. Об этом они мечтали, разоблачая и уничтожая врагов народа.

И вот это, все, что он видит перед собой, будущее?

Уверенности у него не было.

Что делать? Бежать? Пойти в шведское посольство? Он даже не знает, где оно находится. Податься в ОВИР? Оформить туристическую визу? Вряд ли... людей его профессии за границу не выпускают. Государственные тайны остаются государственными тайнами, а оттого что к власти пришел Хрущев, враги не перестали быть врагами.

Шашлычная «Эльбрус» на Тверском бульваре, рядом с Пушкинской площадью, совсем недалеко от его дома. Надо помянуть Рыбакова – он был настоящим солдатом. Две тысячи триста тридцать пять...

Влад, конечно, пробовал водку за эти годы, но очень редко и неохотно. Но сегодня особый день.

– Триста граммов холодной водки и люля-кебаб.

Официант смотрит на него с иронией, но не возражает.

– Водка остывать будет. Теплая пока...

Акцент... Влад вздрогнул – акцент напомнил ему товарища Берию. И еще одного, с похожей фамилией, – коменданта сибирского лагеря, майора Беридзе.

Первый раз в жизни он напился допьяна. Арон не переносит спиртного, но Влад заказал еще сто граммов.

Аппетитные пряные колбаски давно съедены, он пьет без закуски. Рядом с ним садится посетитель с добрыми карими глазами. Андрей? Андрей Трушкин?! А вон тот, за соседним столиком, вылитый Свен, только очень постарел.

Он пьет рюмку за рюмкой. Шашлычная начинает кружиться... наверное, так же чувствует себя спутник в космосе.

От этой мысли ему становится смешно. Вот так. Вот так это и происходит – быть на свободе и чувствовать себя осужденным...

Он падает на выходе. Владу кажется, что его толкнули в спину, и он угрожающе оборачивается – за спиной никого нет. Надо бы встать, так недолго и замерзнуть, мелькнула мысль, и мир погрузился в темноту.

Когда он пришел в себя, обнаружил, что лежит на тротуаре. Закрыв глаза и хотел было снова уснуть, но почувствовал, как кто-то трясет его за плечо. Тонкая женская рука.

– С вами все в порядке?

– Людмила Сорокина, – представилась она и тут же прыснула: – Чего там... все зовут меня Милой. Я помогу вам дойти домой. Вы далеко живете?

По пути он заплетающимся языком стал убеждать ее, что вообще-то не пьет, такое случилось с ним первый раз в жизни.

Она, разумеется, ему не верит.

– Но вы мирный. Другие буяннить начинают.

Он, разумеется, очень мирный. И совершенно не опасен. И он клянется, что никогда больше в рот не возьмет спиртного.

Мила провожает его домой и заботливо укладывает в постель. Только сейчас он ее разглядел. Темноволосая, синеглазая. Красивая.

– А где вы работаете?

Ни Арон, ни Влад не знают, что ответить.

– Ну... в госучреждении. А вы?

– Медсестра.

– А я могу еще раз с вами встретиться? Вы москвичка?

– Мама москвичка. – Она покачала головой. – И я, но... работаю я... в другом месте.

Значит, и у нее какая-то секретная работа. Как и у него.

– Мне пора.

– Но увидеться-то можно?

Она оглядывает комнату и смотрит на него с удивлением:

– У вас телефон? Не так часто в однокомнатных...

– Мне иногда звонят со службы. Срочная работа, ну... в общем, в этом роде.

Мила лукаво улыбается:

– Я оставлю вам мамин номер. Поговорите с ней сначала, а там посмотрим, разрешит она нам встречаться или нет.

Лиза

Вид у Кента помятый, будто с похмелья, но запаха нет. Он мерил шагами Лизин кемпер – пять шагов туда, пять назад. Вагончик отзывался жалобными стонами.

– Он был здесь ночью. Там, у бункера. Я слышал шаги, но он скрылся... сегодня ты будешь со мной. Мы его возьмем.

Мы? Она что, тоже входит в группу захвата?

Но спрашивать не стала. Молча сидела и слушала возбужденный монолог Кента Клосса. Молчала и Паулина. Она устроилась на откидной табуретке у самого входа.

А Кент прямо-таки излучал энергию. Сжимал и разжимал кулаки, вдруг начинал прислушиваться, останавливался на секунду потом снова начинал трясти кемпер.

Он принес с собой черную холщовую сумку.

– У него есть один день... Может быть, два... А потом его везению конец.

Лиза, конечно, слышала – в «Эландике» найдено тело убитого охранника. И она почти уверена – это тот самый парень, который остановил ее в первый день. И застрелил его тот самый старик в рыбацком свитере, которого она видела. Она до сих пор помнила странный звук, как будто кто-то сломал большую ветку. Она не стала рассказывать Кенту этот эпизод. Вместо этого спросила:

– А что он там делает, в это бункере?

– Шпионит. Он все время шпионит за мной и моей семьей. А в бункере у него *оперативная база*...

Он продолжал что-то говорить, то и дело вставляя военные термины. *Оперативная база*... Лиза вспомнила коротконового старика из бунгало. Какая у него может быть оперативная база?

Сидела и молча слушала. Паулина тоже не произнесла ни слова.

Кент потянул молнию на холщовой сумке и достал два небольших пластмассовых приборчика:

– Сегодня ночью это вам понадобится.

Уоки-токи. Кент – человек современный, он любит всякие технические усовершенствования. *Гаджеты*.

Он посмотрел на часы:

– Через час стемнеет. Сбор на дороге около моего дома в десять ноль-

ноль. Тогда и узнаете задание. У вас будет уоки-токи и карманные фонарики... Вопросы?

Типичный армейский командир.

Возражений не последовало.

Впервые за много лет Лизе вдруг захотелось увидеть полицейских. Разве это не дело полиции – расследовать такие вещи, тем более когда в деле появился труп.

Но Кент даже слышать не хотел про вмешательство властей. То, что он собирался предпринять, вряд ли укладывалось в рамки закона.

– Все, – отрубил он. – До встречи. Оденьтесь потеплее, ночью может быть холодно.

Вышел и уверенно захлопнул за собой дверь.

Лиза выждала несколько секунд и открыла окно: в тесном вагончике сильно пахло туалетной водой. Дорогая, наверное, но запах – двести лошадиных сил.

– Бред, – сказала она. – С чего бы? Ни одной холодной ночи не было.

Она посмотрела на свой уоки-токи. Черно-оранжевый, похож на игрушечный автомобиль. Наверняка работает. Кент говорил очень серьезно.

Подняла глаза на Паулину. Литовка встретила ее взгляд твердо и серьезно, но ничего не сказала. Она так и просидела все время, сцепив руки на коленях.

– Значит, вперед, – сказала Лиза, чтобы что-то сказать, молчание Паулины ее тяготило.

Паулина кивнула.

– Зачем? Тебе-то зачем? – Лизе и вправду было интересно.

– Ради больной матери.

– Твоей больной матери?

Кивок.

– Значит, он хорошо платит? Кент Клосс?

– Да.

– И сколько?

– Тысячу.

– Тысячу крон?!

– Долларов.

Паулина достала из сумки чайную баночку украшенную изображением красивой китайки с цветком в волосах.

– Сотню уже получила в задаток.

Она открыла банку. Там зеленели двадцатидолларовые бумажки.

– Ну что ж... неплохо.

– А ты? Ты-то ради чего?

Лиза не сразу нашлась что ответить.

– Одному моему родственнику очень нужны деньги...

– Родственнику?

– Отцу... Он живет в Стокгольме, и ему не хватает денег на лекарства.

– Как это? В Швеции же всем хватает денег на лекарства? Я слышала, есть закон – ты платишь за таблетки только до определенного предела, по моему, тысячу крон в год. А дальше все бесплатно.

– Это правда... Беда только в том, что он наркоман...

Она быстро встала.

– Пора. У нас совсем немного времени.

Она уже пожалела, что рассказала про Силаса. Больше всего ей хотелось прямо сейчас сесть в машину и уехать с проклятого острова.

Но, к сожалению, она не может это сделать.

Уоки-токи молчал. Зато, не успела Паулина выйти из кемпера, а сама Лиза прилечь на несколько минут, заверещал мобильник.

Она знала, кто звонит.

Долго смотрела на дисплей, не нажимая на кнопку.

Восемь сигналов. Девять, десять...

Она отвела глаза и посмотрела в окно на залив, где над самой водой висел огромный оранжевый шар заходящего солнца.

Телефон замолк.

Через полчаса она встала, оделась во все темное, натянула на светлые волосы черную бейсболку и, оглядевшись по сторонам, вышла из кемпера.

Солнце уже исчезло, начинает темнеть.

Пора.

Герлоф

Всю неделю Герлоф выслушивал истории про Веронику Клосс – какая она замечательная, какая добрая, как заботится о стариках. Никто из обитателей дома престарелых не только дурного слова про нее не сказал – наоборот. Все от нее в восторге.

И не только обитатели.

Невероятная энергия – мнение персонала. Никогда не сдается. Умеет не только говорить, но и слушать. Может часами сидеть со старушками и читать им вслух.

Тогда почему Вероника в это лето ни разу не приехала навестить ветеранов... ветеранов чего? – мысленно спросил себя Герлоф и тут же нашел ответ: *ветеранов жизни.*

Он, конечно, знал, что у семейства Клосс серьезные неприятности – кому и знать, как не ему? Но все же, все же... *Ни разу.*

Прошлым летом она появлялась здесь чуть не каждую неделю. Эта медсестра-заместительница рассказала, что особенно она опекала Грету Фред, но и других тоже.

Потом, в конце лета, Грета упала в ванной и умерла, и Вероника больше не приезжала.

Герлоф поговорил со многими, особенно в отделении «Токарь». Все очень скучали по Веронике и мечтали, что она опять их навестит.

И все же – почему? Может быть, для нее была важна только Грета?

Дверь в комнату Ульфа Валла часто была приоткрыта. Герлоф заглядывал потихоньку, но у Ульфа всегда, даже в солнечный полдень, царил полумрак. Он, судя по всему, вообще никогда не открывал жалюзи. Герлоф почти ничего про него не знал – только что Ульф лет на пять его старше и что он, скорее всего, отец охотника и торговца оружием Эйнара Валла. И еще – его комната соседствовала с комнатой покойной Греты Фред.

В последний день июля он решился.

Сунул голову в дверь и дал о себе знать.

– Алло?

– И что? – услышал он после недолгого молчания.

На такой вопрос вряд ли найдется разумный ответ, поэтому Герлоф молча прошел в прихожую. Как и у Греты, комнатка Ульфа, вернее,

квартирка была точной копией его собственной – тот же «Добро пожаловать», коврик в прихожей, тот же цвет стен, та же мебель. За исключением одного – тяжелый, застоявшийся, неподвижный воздух.

И Ульф Балл тоже не двигался. Он сидел в кресле у самого окна, закрытого рулонной гардиной. На плечи накинута выдавшая виды серая шерстяная кофта.

– Герлоф Давидссон.

Старик в кресле уставился на него и долго не произносил ни слова.

– И что? – повторил он. – Я знаю, кто ты.

– Вот и хорошо.

– Ты недавно опозорился в газете.

Герлоф кивнул, хотя не понял, чем вызван уничижительный комментарий.

– А я слышал о твоём сыне... Соболезную.

Ни одна черточка не шевельнулась на старой, исчерченной мелкими морщинами физиономии.

– У меня есть ещё двое, – произнес Ульф желчно. – Те попримичней Эйнара. Не пьют и не браконьерствуют.

Герлоф опять кивнул. Сесть было некуда, поэтому он так и остался стоять, хотя ноги почему-то слегка подгибались.

– И про соседку твою слышал. Грету Фред.

Балл в первый раз пошевелил головой – то ли кивнул, то ли отогнал невидимую муху.

– Да... сестра Арона. Прошлым летом померла.

Ноги задрожали ещё сильнее. Сестра Арона...

– Значит, ты знаком с Ароном?

– Я с ним говорил. Он приходил сюда несколько раз.

– Когда?

– В начале лета. Посмотрел сестрину комнату. Забрал какую-то мелочовку.

– И о чём вы говорили?

– Как это о чём? Не о чём, а о ком. О Грете. Он хотел узнать, что с ней случилось.

– Я слышал, она упала в ванной.

– Упала, да... он хотел узнать, не появлялся ли тут кто-нибудь из Клоссов.

– Клоссов? Ты имеешь в виду семью Клосс?

– Я ничего не имею в виду. Сказал, как он спросил – из Клоссов.

– И что ты ответил?

– Сказал, что знал. Вероника Клосс прошлым летом приезжала. К Грете. Часто.

– Да, я знаю... какие-то лекции. Еще, говорят, она читала вслух старикам. А в этом году ни разу не появилась. Значит, Грета расшиблась в ванной, и Вероника перестала приезжать?

– Ни разу не появилась. *Как обрезало...* Ты сказал – старикам. А сам-то ты кто?

– А что, собственно, произошло? – Герлоф решил не обращать внимания на мелкие уколы. – Говорят, дверь была заперта, не могли открыть.

– Да... Она вечно запиралась в ванной. Чтобы никто не подсматривал. – Ульф то ли засмеялся, то ли закашлялся. – Стеснялась, что ли?.. Но Вероника Клосс там тоже была. Постучала в ванную, постучала и пошла за помощью.

– Ты ее видел?

– Я не слепой. Я и Арону рассказал. Он же спрашивал...

Герлоф задумался.

– А скажи, Ульф... твой сын Эйнар тоже был здесь, когда Арон приезжал?

– А как же... Они у меня здесь сидели... шушукались все время, откуда мне знать о чем.

– О семействе Клосс?

– Обо всем, наверное... Эйнар терпеть не мог Клоссов. Они покупали у него рыбу дичь и торговались за каждую крону.

Герлоф собрался с мыслями. Возможно, все здесь и началось – в этой комнате со спертым, нездоровым воздухом. Здесь и состоялась встреча возвращенца-мстителя и торговца оружием. У них нашелся общий враг – семья Клосс.

– Значит, у Эйнара с Ароном были какие-то дела?

– Откуда мне знать. Возможно. Они со мной не делились.

Герлофа уже не держали ноги, а сесть на постель не позволяла вежливость. Он поблагодарил за беседу и вышел.

По пути остановился перед дверью в бывшую комнату Греты Фред. Надо бы дать отдохнуть ногам, но его охватил азарт.

Он постучал. Никто не ответил. У него уже вошло в привычку вламываться в чужие комнаты, поэтому он открыл дверь и вошел.

Старушка, вселившаяся сюда после смерти Греты, Бленда Петтерссон, в ужасе уставилась на незваного гостя.

– Добрый день. – Герлоф улыбнулся и покрутил в воздухе

растопыренной пятерней, чтобы показать, насколько он неопасен, и осмотрелся.

Значит, здесь жила сестра Арона Грета Фред... Здесь она и умерла. Упала в ванной.

И дверь в ванную она запирала. Это подтвердили и медсестра, и Ульф, так что никто не мог ее толкнуть.

Он уже хотел уходить, как взгляд его упал на коврик в прихожей. Точно такой же, как и везде, пластмассовый коврик с надписью «Лобро пожаловать».

И вдруг его осенило. Он понял, как все произошло.

Вероника Клосс. Обаятельная, скромная и человечная Вероника Клосс, тратившая свое драгоценное время на лекции, чтение вслух и беседы с обитателями дома престарелых.

Правда, после смерти Греты благотворительная деятельность прекратилась. Как обрезало, сказал Ульф.

Он вышел в коридор и крикнул:

– Алло! Есть здесь кто-нибудь? Кто-нибудь из персонала?

Как из-под земли, появилась молодая женщина. Тоже заместительница, правда, не та, с кем он разговаривал в тот раз. Но похожа, в таком же красном халате.

– Что случилось?

– Эта комната... – Герлоф показал палкой. – Эта комната должна быть немедленно опечатана. И вызовите полицию.

Она уставилась на него как на сумасшедшего:

– Зачем? Почему?

Герлоф постарался вложить в объяснение всю доступную ему убедительность:

– А потому, что это место преступления. В этой комнате была убита Грета Фред.

Юнас

В субботу над виллой Клоссов небо было серым и скучным. Солнце с трудом пробивалось сквозь мутное, душное марево. На горизонте, над континентом, громоздились сизые облака. И ни ветерка. Вода в проливе, гладкая, как зеркало, отливала опасным ртутным блеском. Все предвещало шторм.

Юнас весь день не выпускал кисть из рук: олифил веранду тети Вероники. И в четверть восьмого была проолифлена последняя доска. В банке с китайским маслом осталось совсем чуть-чуть.

Тетя ему уже заплатила: вручила конверт, который он тут же спрятал под подушку где уже лежали деньги дяди Кента. Он теперь богатый человек.

Юнас посмотрел на небо – на месте солнца было белое пятно, очень яркое, но смотреть можно. Аккуратно собрал кисти, положил шлифовальную машинку в коробку и отнес в кладовку. Долго же ему теперь не захочется не только брать в руки, а даже смотреть на кисть и шкурку. Ла и красивая, сияющая живой желтизной веранда уже не радовала. Ладно. Заработал он на этом деле прилично, а завтра тетя Вероника обещала отвезти их с отцом на станцию после ланча.

Мате уже уехал – утром дошел до шоссе и сел на автобус в Кальмар.

Юнас поехал на велосипеде к Лавидссонам, попрощаться. Кристофер и его родители были на месте, а Герлофа он не застал – сказали, что тот теперь живет в доме престарелых.

Возвращался он уже на закате, и даже себе самому не мог объяснить, почему так огорчился, что не удалось попрощаться с Герлофом.

Скоро лету конец. Но в домике по-прежнему душно, и Юнас оставил дверь открытой – впустить ночной воздух, хотя он и не намного прохладнее. Посмотрел последний раз на часы – почти десять.

В саду было темнее, чем обычно, – кто-то погасил фонари у бассейна и на входе. Но сигнализация включена – тут и там подмигивают зеленые неяркие диоды.

Он забрался в постель и прислушался к не прекращающемуся ни на секунду стрекоту сверчков, похожему на многократно усиленный звук закончившейся виниловой пластинки. Нельзя сказать, что ему будет не хватать этого стрекота, но в волнообразном звонком шорохе было что-то

успокаивающее, даже убаюкивающее.

И вдруг сверчки затихли. Ненадолго – тут же заскрипели опять, будто кто-то поднял адаптер на проигрывателе и опять опустил.

Как будто их что-то испугало – замолкли, решили, что никакой опасности нет, и возобновили свою ночную работу. Может, прошел какой-то зверь. Косуля. Или даже лось – они иногда забредают в поселок. А может, кто-то из взрослых.

Он лежал на спине. К ночи немного прояснилось. В окно светила круглая мутная луна. Она повисла над берегом, казалось, до нее можно дотянуться. Может, на сверчков тоже действует полнолуние. Может, они, как и люди, ощущают смутную, томительную и чем-то приятную тоску.

Интересно, почему в домике жарко, а простыни всегда прохладные?

Снаружи послышались голоса – кто-то тихо разговаривал. Юнасу показалось, что он различил голос отца – тот вернулся с вечерней смены в ресторане. Наверное, пожелал Урбану и Касперу спокойной ночи – те жили в соседних домиках, каждый в своем.

Дядю Кента он за весь день не видел ни разу, но это, может, и к лучшему.

Он закрыл глаза.

Опять все затихло. Потом послышались шаги и приглушенные удары – один, потом другой. Двоюродные братья разошлись по своим хижинам и захлопнули двери.

В комнате почему-то стало темней. Или ему только показалось – он медленно скользил в сон, в сгущающийся мрак летней ночи, крадущийся из-под двери в хижину. Он так устал за день, что ему было совсем не страшно. Темнота. Ничего опасного. Не какой-то там призрак, прячущийся в фальшивом могильнике.

Наоборот – ангел-хранитель.

Ангел стоял у его постели, высокий, неподвижный. Он положил руку ему на лоб и сказал высоким мелодичным голосом:

– Все спокойно. Спи.

Белая рука ангела лежала на лбу, а Юнас погружался все глубже в морскую пучину. Краешком сознания он понимал, что делает что-то не так, что это опасно – нырять так глубоко, но прекратить погружение было не в его силах.

Возвращенец

Три гостевых домика выстроились в ряд по задней стороне большого участка Клоссов. Солнце зашло. Погасили лампы. Ночная тьма медленно заполняла промежутки между домами, пока от них не остались только темные расплывчатые тени.

Сигнализация... он, само собой, знал код отключения.

Тихо открыл дверь. В комнате сильно пахло хлороформом – тем самым хлороформом, что он нашел в рыбарне у Эйнара Валла.

На узкой кровати крепко спал мальчик. Еще бы ему не спать крепко – на лицо наброшен смоченный хлороформом платок. Тяжелый наркотический сон.

Вот и хорошо.

Арон поднял мальчишку и понес к задней стороне участка, где низкий каменный забор отделял территорию от посыпанной гравием и утрамбованной катками дороги.

Перелез забор и вышел на дорогу. Чуть подалее, в тени деревьев, стояла его машина. Удерживая одной рукой легкое тельце, открыл багажник и аккуратно положил туда мальчика.

Захлопнул крышку.

Надо возвращаться. Остались двое.

В багажнике уместится еще один. Третьего он положит на заднее сиденье.

Не задохнутся – багажник не герметичный, и ехать недалеко.

Он посмотрел на часы – те самые, что когда-то подарил ему майор Рузаев. Военная модель, с намазанными фосфором светящимися стрелками. Швейцарские. Он с ними не расставался уже почти шестьдесят лет.

Половина двенадцатого.

Через час он сюда вернется. Предстоит последняя встреча с семейством Клосс.

Земля обетованная, 1960-1980

Он регулярно встречается с Милой, хотя она часто выезжает в командировки. Он, конечно, скучает в ее отсутствие, но это знакомство подействовало на него благотворно. Больше никаких срывов. Рядовой сотрудник КГБ. Впрочем, не совсем рядовой – ему выделили белую служебную «Волгу», правда, без водителя, но это его нисколько не задевает. Водители нужны тем, кто пьет, а он после того случая и вовсе не прикасался к спиртному.

После смерти Сталина Советский Союз потихонечку начал открываться. Стали приезжать иностранцы, исчезли с улиц «воронки» и «черные маруси», никто уже не ждал по ночам судьбоносного стука в дверь. Конечно, идет борьба с диссидентами – их выявляют и сажают, но масштабы совершенно несравнимы. Служебный пистолет Арона-Влада уже много лет лежит в кобуре, хотя он его регулярно чистит и смазывает.

Но память никуда не делась. Помнят охотники, помнит дичь, но мало кто об этом говорит. Как говорит русская поговорка, «кто старое помянет, тому глаз вон». В будущий рай на земле люди уже не верят, но никто от этого особенно не огорчается.

Впервые за много лет появилась возможность пожить относительно спокойно, не прислушиваясь к шагам на лестнице.

Осенью шестидесятого года Мила вернулась из командировки совершенно больной. У нее дрожат руки, ее то и дело сотрясает тяжелый сухой кашель, а в глазах застыл страх. Кашель особенно мучителен по ночам, а иногда она просыпается с криком и садится в постели, глядя на Арона расширенными от ужаса глазами.

Он ничего не спрашивает, и Мила ничего не рассказывает – то ли не хочет, то ли не имеет права.

Они поженились в мае 1961 года. Церемония состоялась во Дворце бракосочетаний. Молодая женщина с высоким начесом под Бриджит Бардо попросила их поставить подписи в толстой амбарной книге и обменяться кольцами, после чего сказала со служебным энтузиазмом:

– Крепите семью – первичную ячейку советского общества!

С этого дня они стали жить вместе – в только что отремонтированной двухкомнатной квартире на Петровке.

Сорокалетний Арон никогда не мог представить себя в роли законного

мужа, и вот пожалуйста. Посмотрели бы на него мать и Грета!

В 1972 году, после трех выкидышей, тридцативосьмилетняя Мила, наконец, родила девочку. Арона все время не отпускала мысль, не связаны ли эти выкидыши с ее болезнью – накануне родов Мила рассказала ему, что произошло осенью шестидесятого года. Рассказала про братскую могилу в каменной пустыне. Она помогала ее копать.

– Все копали, – сказала она. – Все, кто в живых остался.

– Братская могила? – Арону очень хорошо было знакомо это выражение. – И кто в ней лежит?

– Инженеры. Рабочие. Маршала похоронили отдельно.

– Какого еще маршала?

– Начальника ракетных войск. Маршала Неделина.

И она поведала ему про неудачный запуск ракеты на Байконуре в Казахстане.

– Я была в больнице, в паре километров от полигона, но взрывная волна была очень сильная. Сначала мы подумали, что это ракета ушла в космос, но никуда она не ушла... мы даже не знали. Там такая спешка была – хотели к седьмому ноября успеть. Генералы давили на технарей... ну, ты знаешь, как они умеют... давай-давай, выполняй приказ.

А дальше... кто знает, что там случилось. Кто-то не на ту кнопку нажал или что-то в самой ракете. Короче, двигатель второй ступени сработал раньше времени, а через несколько секунд взорвались топливные баки. Это был ад... погибли все, кто был поблизости. Больше семидесяти человек. И этот маршал. Люди пытались убежать, но застревали в колючке – там же вся площадка в ограждении. Превратились в живые факелы...

Она помолчала, уставившись в окно невидящими глазами.

– Весь медперсонал, конечно, сразу туда – нас заталкивали прямо в пожарные машины. Обгорелые трупы, полно раненых, обожженных... мы работали несколько суток без сна. Нам велели молчать в тряпочку и копать могилу.

Мила замолчала и зашлась в приступе кашля.

Он сел рядом и погладил ее по голове, но она стряхнула его руку:

– Тебе этого не понять... как я могу объяснить этот кошмар? Ты всю жизнь проработал за письменным столом... Ты когда-нибудь видел смерть, Влад?

Арон помолчал.

– Не всю жизнь... – тихо сказал он. – Я не всю жизнь просидел за письменным столом. И смерть я видел. Не раз.

Она посмотрела на него с удивлением и страхом – наверное, в его словах, даже не в словах, а в интонации было что-то пугающее.

Он, конечно, мог бы рассказать Миле многое про свою «черную работу», но выбрал только один эпизод:

– Ты когда-нибудь слышала про Катынь?

– Конечно слышала. – Она грустно улыбнулась. – Только не Катынь, а Хатынь. Белорусская деревня. Немцы уничтожили ее вместе с жителями в сорок третьем.

– Не Хатынь, а Катынь, – упрямо повторил Арон. – И не в сорок третьем, а в сороковом. Я, как и ты, был там в командировке...

И он рассказал ей про расстрел двадцати двух тысяч польских офицеров в лесу под Катынью, стараясь опускать подробности.

Она долго молчала, перебарывая. Потом посмотрела на него – очень грустно, но без малейшего осуждения.

– Тогда в мире была очень напряженная обстановка. Вот-вот грянет война. Ты выполнял свой долг.

Он ничего не рассказал ей о Свене.

И об Андрее Трушкине.

Может, она тоже сказала бы: ты выполнял свой долг.

Но он не стал испытывать судьбу В нем зрело другое признание.

– Я был другим человеком... – сказал он. – Тогда я был не я. И Влад, удивляясь самому себе, выложил ей всю историю. Что он вовсе никакой не Владимир Николаевич Шевченко.

– Мое настоящее имя – Арон. Арон Фред. Я швед. Приехал в Советский Союз в начале тридцатых.

Он произнес эти слова, внутренне содрогаясь от страха. Вот сейчас она вскочит, крикнет: «Так ты шпион!» Наверняка бросит его, а может, и сообщит куда следует.

Но она по-прежнему смотрела на него – внимательно и печально.

– Я был вынужден... иначе бы мне не выжить. Но его больше нет. Влада больше нет.

В нем поднялась волна облегчения.

Влада больше нет. Кровавого палача Влада не существует в природе. Он умер две минуты назад.

А Арон жив. И Мила жива.

Мало того, через сутки Арон и Мила стали родителями.

Дочка быстро выросла, превратилась в тоненькую смешливую первоклассницу. Арон ее обожает, может играть с ней часами. Пытается

понемногу учить ее шведскому языку.

У Милы есть подруги, еще с тех времен, когда она работала в военном госпитале. Она иногда уходит повидаться с ними, и Арон охотно остается с дочерью.

Через неделю после того, как дочь пошла в первый класс, он окончательно вышел на пенсию, хотя пенсионные выплаты, как ветеран органов, получал уже несколько лет. Влад все эти годы не появлялся, и Арон решил, что дух его окончательно выветрился. Влад больше не вернется. От него не осталось ничего, кроме имени.

Пару раз он ходил на встречи ветеранов органов, но бывшие коллеги быстро утомляли его своей ностальгией. Владу может, эти встречи пришлись бы по душе, но Арон чувствовал себя неуютно – он страдал от любого напоминания о прошлом.

Он живет не ради людоедских воспоминаний. Он живет ради лочери и жены. Ради теплого, абрикосового вечернего света, разливающегося над Москвой весенними вечерами.

Он любил Москву.

Но все-таки ему до смерти хотелось показать Миле и дочке маленький хутор у самого берега Балтийского моря.

Герлоф

– Клосс установил новую сигнализацию, – сообщил ему Ион.

– И я его понимаю. – Герлоф пожевал губами. – Боится Арона Фреда.

Ион захватил Герлофа в доме престарелых, и они поехали в Стенвик – Иону надо было собрать плату в кемпинге.

Ион остановил машину на обочине береговой дороги. Отсюда была хорошо видна широкая, приземистая вилла Клоссов. В окнах горел свет, и Герлофу показалось странным, что никакого движения он не заметил, хотя они наблюдали за виллой довольно долго. Никто не вышел, никто не промелькнул за гардинами.

Солнце уже зашло. Можно было бы пойти и узнать, как там обстоят дела, но он опасался, что Клоссы уже включили новую сигнализацию.

– Я и его теперь лучше понимаю, – задумчиво сказал он.

– Кого – его?

– Арона.

– И что ты понимаешь?

– Что им движет. Клоссы уничтожили все, что у него осталось здесь, на острове. Все, что он творит этим летом, – месть.

– Мог бы поговорить с ними, – пожал плечами Ион.

– Мог бы... мало того, думаю, он так и сделал. Еще до приезда. Звонил из России. Или писал. Сказал, что ему тоже полагается доля наследства. Он же сын Эдварда Клосса.

– Ну... Неизвестный наследник свалился на голову. Мало кто обрадуется.

– Два. Два неизвестных наследника. Ты забыл про Грету. Грета – дочь Эдварда, Арон – сын. Лети Эдварда Клосса. Незаконные, по тогдашним понятиям. А по теперешним... короче, юридически они имеют права на часть принадлежавших Эдварду земель. А стоят они сейчас, даже боюсь сказать, сколько... несколько сот миллионов, а может, и миллиард. Представь только – приятная неожиданность для семьи. А что еще хуже – они могли потребовать свою долю в «Эландик Ресорт».

– Насколько я знаю Клоссов, – сказал Ион, – они ни за что на это не пойдут.

– Не пойдут, – согласился Герлоф. – Уже не пошли. Они же снесли хутор Арона... и Греты уже нет в живых. Последней ее видела Вероника Клосс – она была с ней в день смерти. К ней так у нас все привыкли, что

она могла входить и выходить, когда ей вздумается. Думаю, что именно она убила Грету Фред.

– Ты это точно знаешь, Герлоф?

– Точно не точно... меня там не было. Но больше некому. Грета Фред пошла в ванную, грохнулась и сломала шею. Правда, она всегда запирала за собой дверь.

– Но ты считаешь, что Вероника все же как-то до нее добралась?

– Да... есть один способ уронить человека по другую сторону лвери... если нет порога. И если этот человек не весит центнер, а у тебя в руках довольно силы.

– Запустить туда маленькую кобру? – пошутил Ион. – На центнер нужна большая кобра. Или мамба, как ее там...

– Нет, не кобру. – Герлоф даже не улыбнулся. – В каждой комнате, в прихожей, лежит узкий коврик для ног. У меня тоже такой. И я предполагаю вот что: Вероника положила этот коврик в ванной, а край оставила за дверью. И когда Грета вошла в ванную и повернула ключ в замке, мадам дернула что есть сил за свой конец. А закон притяжения особенно опасен для стариков... Она услышала шум падения и быстро ушла.

– Орудие убийства – коврик «Добро пожаловать»... неплохо. Куда только добро пожаловать? На тот свет? Или ноги вытирать? – Ион почему-то был настроен юмористически.

– Этот коврик и сейчас лежит в передней, там теперь другая женщина живет. Я им сказал, чтобы они его убрали. Может, полиция найдет какие-нибудь следы. Конечно, много времени прошло, но эти коврики, по-моему никто никогда не стирает. Может, отпечатки пальцев или еще что.

– А ты уже и в полицию позвонил?

– Да... Тильде, – вздохнул Герлоф. – Но она не особенно заинтересовалась. Следы пальцев на коврике ничего не доказывают. Мало ли что, Вероника часто бывала у Греты, может, и коврик когда-нибудь поправила. Он съехал в сторону, а она, добрая душа, положила, как надо... Нет, тут только собственное признание... иначе ничего не докажешь. Пока Вероника Клосс сама не признается – ничего не докажешь.

– Как же! Так она и кинулась признаваться.

– Вряд ли, – согласился Герлоф. – Поэтому мы и сидим с тобой здесь, как совы под застрехой.

Он посмотрел на виллу Клоссов и вздохнул. Уже десять часов вечера, он очень устал. Герлоф знал, откуда эта усталость – от сознания бессилия.

– А что мы можем сделать? И раньше народ вечно собачился из-за

земли... Но тут зашло слишком далеко. С одной стороны – Арон, с другой – все Клоссы... может кончиться плохо.

Ион звучно зевнул.

– Ну что, поехали?

– Да... пожалуй.

Ион будто ждал этих слов. Завел мотор, и они двинулись дальше. Прочь от виллы Клоссов.

– Я у тебя посплю. Не возвращаться же в такое время. Подумают, я по женщинам гуляю.

– Не подумают, – заверил его Ион. – Чего-чего, а этого не полумают. А у меня – пожалуйста. Места хватит.

– А завтра поговорим с Клоссами. Не в три же ночи.

– Хорошо, – сказал Ион.

Но у Герлофа было тяжелое ощущение, что все не так хорошо, как хотелось бы. И даже совсем не хорошо.

Лиза

«Что я здесь делаю? – подумала Лиза, стоя в темноте на берегу. – Как меня сюда занесло?» Не важно. У нее задание, и надо его выполнять. Кент Клосс поставил капкан на Арона Фреда, и она – часть этого капкана. Винтик в машине, устройство которой она не знала и не хотела знать.

Она полулежала, прижавшись к уступу скалы у северного входа в ложбину, ведущую к бункеру, и прислушивалась к мерным вздохам прибоя. Ее новая подруга Паулина заняла такую же позицию на южном входе.

Первый час ночи. Ночь на воскресенье... впрочем, воскресенье уже началось. И началось не только воскресенье. Начался август.

Полная луна появилась было, но тут же спряталась за невидимыми облаками и исчезла. Здесь, в тени, было совершенно темно.

Кент захватил большой ручной прожектор. А у Лизы и Паулины даже фонариков не было. Только уоки-токи. Если кто-то будет приближаться к ложбине – нажать кнопку вызова два раза. Если кто-то в нее войдет – три.

Кент прятался где-то ближе к входу в бункер. Кроме фонаря, у него наверняка было какое-то оружие. Лиза заметила, что он как-то странно спускается по каменной лестнице, будто ему что-то мешает. Может быть, нож.

Она почти ничего не видела – все тонуло в темноте. Это тоже входило в план Кента. Он дождался, пока все уснут, и выключил освещение. Декоративные фонарики на стенах, лампы у бассейна и в саду – все погасло. Вилла Клосс только угадывалась, как чуть более светлое пятно на черном бархате неба.

Странно только, что Кент один. Почему он не взял с собой Никласа? Или кого-то из охраны?

Понаблюдав за Кентом, Лиза сообразила, что ему вовсе не хотелось афишировать свою ночную охоту. Она его понимала: мало ли что, пойдут разговоры, вся история обрстет слухами... может навредить репутации «Эландика». Никто не должен знать, что произойдет сегодня вечером. Только винтики взведенного капкана.

Кроме того, и у Лизы, и у Паулины в руках были концы нейлонового каната, наплавного шнура рыболовной сети, прикопанной в гравий с обеих сторон ложбины. Если появится Арон Фред, в их задачу входит быстро натянуть канат – сеть загородит выходы из ложбины, и преступник окажется в ловушке.

– Попытается бежать – запутается в сети, – криво усмехнулся Кент. – И считай, рыбка поймана.

– А дальше что? – спросила Лиза.

– Дальше можем расслабиться и поговорить по душам, – спокойно сказал он, не уточняя, кто примет участие в этом разговоре.

С моря подул свежий, прохладный ветерок. Наконец-то добрался и сюда – то-то Лиза все думала, откуда взяться прибою в совершенно безветренный вечер. Мертвый штиль с утра навалился на Стенвик душной пеленой и не отпускал весь день. Она даже поежилась. Лето кончается. Укорачиваются дни. Немного, но укорачиваются. Немного и незаметно, но если вспомнить, как было здесь на праздник летнего солнцеворота, очень даже заметно. В это время суток было еще светло.

Скоро Лиза вернется домой.

Но пока она здесь. Последняя, хоть и странная, но необременительная работа – и все. Она свободна.

Но пока ничего не происходило, если не считать летучих мышей – их черные угловатые тени то и дело бесшумно рассекали воздух со скоростью маленьких метеоров. Внизу тихо дышал прибой, иногда доносилось отдаленное ворчливое пение лодочного мотора – запоздавшие рыбаки возвращались на стоянку. Но здесь, у обрыва, все было тихо. Никто не появлялся.

Лиза старалась хоть немного, но двигаться – если стоять неподвижно, прижавшись к скале, потом не разогнешься.

Интересно, по каким притонам бродит сейчас Силас?

И вдруг она услышала звук. Лодочный мотор, но намного ближе. И он не затихал постепенно, как те. Наоборот, ей показалось, что звук усиливается – урчание-ворчание постепенно перешло в негромкий, но мощный рев. Значит, кто-то подъехал на лодке к частному пляжу Клоссов. Подъехал и заглушил мотор.

Она взгляделась, прищурилась – бесполезно. С погашенной луной море выглядело совершенно черным. Как огромная черная дыра. Только где-то далеко на берегу отражалась в воде пригоршня слабых, мерцающих огоньков.

И она, стараясь понять, кто же подплыл к берегу, не сразу обратила внимание на другой звук – шорох щебенки. Чьи-то осторожные, крадущиеся шаги.

Кто-то шел – прямо под ней. Совсем рядом. Арон Фред?

Нет, это был не он. В темноте постепенно вырисовывалась тонкая

женская фигура.

– Лиза? – прошептала женщина.

Голос Паулины. Лица Лиза не видела, только смутно белеющее пятно. Значит, она оставила свой пост и пришла сюда. По дну ложбины.

Паулина остановилась в паре метров от нее.

– Паулина... что ты здесь делаешь?

Литовка предостерегающе подняла руку – тише, мол.

– Слушай меня внимательно, – прошептала она. – Там, внизу, Вероника Клосс. Она подъехала на катере.

– На катере?

Паулина потянулась к ней. Белки глаз в темноте казались особенно яркими. Ее шведский язык внезапно стал намного лучше. Она говорила почти без акцента.

– На катере Кента. Они хотят застрелить старика, Вероника и Кент. Положить в катер, вывезти в море, привязать груз и утопить.

Лиза ничего не поняла:

– Ты хочешь сказать... они планируют убийство?!

Паулина кивнула и взяла Лизу за руку:

– Нам надо уходить.

Лиза ничего не понимала:

– Что ты задумала?

Паулина не ответила. Она упрямо тянула Лизу вниз.

– А он здесь? – шепотом спросила Лиза.

Паулина покачала головой:

– Уходим.

– Ла почему?

Она не понимала, отчего такая спешка. Но Паулина так настойчива...

Лиза отпустила шнур, повернулась лицом к скале и начала осторожно спускаться с уступа.

Паулина, не отпуская ее руку, вдруг закричала в полный голос:

– У него пистолет! Он у бункера!

В ответ послышался яростный мужской вопль. Лиза повернула голову и увидела свет – Кент включил свой ручной прожектор.

Лиза прыгнула со скалы и чуть не упала на рассыпающемся гравии. Паулина подтолкнула ее.

– Бежим! – крикнула она. – Бежим немедленно!

Лиза вздрогнула и побежала. Паулина бежала за ней, то и дело подталкивая ее в спину.

Луч прожектора беспорядочно шарил по ложбине, по гравию, по

осколкам камней, лежащих здесь еще со времен добычи известняка, – и вдруг выхватил из темноты невысокую, коренастую фигуру.

Она узнала его – тот самый старик из бунгало. Арон Фред.

Но он и не думал спускаться в ложбину и красться к бункеру. Он стоял на краю обрыва, совсем близко к кургану. В свете фонаря было видно, что в руке у него поблескивает какой-то металлический предмет.

Возвращенец

Он посмотрел на часы.

Пора.

Арон оставил машину на пляжной парковке на северном конце залива, прошел минут десять по береговой дороге и свернул к обрыву. Медленно, стараясь не шуметь, пробрался сквозь заросли травы и остановился на скале над входом в бункер. Слева, совсем рядом, маячил широкий купол насыпанного три четверти века назад кургана. Фальшивого могильника.

Он тоже слышал, как к берегу подплыл катер, как заглох мотор.

Он медленно пошел дальше, то и дело нагибаясь и присматриваясь, что у него под ногами. Встал на колени.

Не так-то легко найти что-то в темноте, но через пару минут он нащупал, что искал: конец желтого пластмассового шланга, который протянул сюда из бункера несколько дней назад. Конец шланга с гайкой аккуратно замотан тейпом, чтобы не попали пыль и влага.

Шланг не слишком напоминал бикфордов шнур, но по сути это он и был. Современный вариант. Заполненный смесью пороха еще с чем-то. Поджигать его надо было не спичкой, а специальным искровым разрядником. Он уже держал его наготове: довольно тяжелый, размером с рукоятку пистолета. Он размотал тейп, подсоединил разрядник к концу шланга и затянул муфту.

С трудом, преодолевая боль в коленях, поднялся. Немножко попереминался с левой ноги на правую, чтобы вернуть суставам гибкость. И тут же услышал в темноте крик. Снизу, из ложбины.

– У него пистолет! Он у бункера!

Кричала женщина. Он прекрасно знал этот голос. И он прекрасно понял, что значат ее слова, но среагировать не успел.

Ночь внезапно осветилась. Мощный пучок света снизу ударил ему в лицо.

– Арон!

Кент Клосс. В левой руке он держал ручной прожектор, а в правой пистолет.

Арон сразу узнал оружие – это был его собственный старый «вальтер». И Кент прекрасно его видел – Арон стоял теперь в луче прожектора.

Не важно. Теперь это не важно.

Арон медленно кивнул и поднял руку с разрядником.

– Опустите оружие, – громко крикнул он и показал руку с зажатым в ней разрядником. – Опустите руку, иначе все здесь взлетит на воздух.

Угроза была реальной, но Арон был почти уверен, что если он нажмет кнопку, то и сам в живых не останется. Они стояли слишком близко к бункеру.

– *Fuck you*, – презрительно буркнул Кент почему-то по-английски, поднял пистолет и выстрелил.

Арону показалось, что он видит раскаленный след в воздухе.

Он вздрогнул, отступил и присел.

Кент прицелился для второго выстрела. Арон успел упасть ничком и вжаться в острый щебень.

Запальный разрядник вместе со шлангом выскользнул из руки и лежал где-то рядом, но он его не видел. Свет прожектора его ослепил.

Он начал шарить руками вокруг и услышал скрежет шагов. Кент уже почти поднялся на обрыв в нескольких метрах от него. Пучок света блуждал по скалам.

Пистолет по-прежнему в руке. Сейчас он поднимется на обрыв, прицелится и...

Где разрядник?

Что-то блеснуло в луче прожектора. Вот он, в каком-то метре...

– Арон! – крикнул Кент. – Тебе конец!

Он стоял совсем рядом.

Арон схватил камень – дотянуться до разрядника все равно не успеет, прицелился и метнул.

Но не в Кента. Он целился в прожектор. Ему важно было выиграть время.

Лиза

– Лиза! Не останавливайся!

Паулина снова тянула ее за руку так сильно и уверенно, что Лизе ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Побег вслепую, через ночь, подалее от бункера.

Она несколько раз споткнулась, ушибла палец ноги о камень, но Паулина не давала ей остановиться.

– Подожди. – Лиза остановилась перевести дыхание. Впереди, метрах в трехстах, уже мерцали огни кемпинга.

Когда она на выходе из ложбины оглянулась, Арон Фред и Кент Клосс стояли друг напротив друга и кричали что-то. Потом свет метнулся куда-то в сторону. Последнее, что она увидела, – двое мужчин сцепились и исчезли в темноте.

Паулина запыхалась не меньше, чем Лиза.

Она тоже смотрела на скалу. Когда два силуэта сошлись в один и исчезли в темноте, а луч прожектора беспорядочно заметался, выхватывая то скалу, то темный, загадочный силуэт кургана, она сложила руки, будто собралась аплодировать.

– Я должна вернуться, – сказала Паулина.

– Ты с ума сошла? Нет! – На этот раз уже Лиза цепко схватила ее за руку.

– Да. Ему нужна помощь.

– Кому?

Паулина не ответила.

– Он очень опасен! – крикнула Лиза, сама не зная, кого из двоих имеет в виду.

Несколько секунд они стояли в темноте и молча боролись. На какое-то мгновение Лизе даже показалось, что она одержала верх и новая подруга перестала сопротивляться.

Но в этот момент фонарь совершил крутую дугу и полетел с обрыва вниз. На скале осталась только одна тень.

Человек там, наверху, неверной торопливой походкой уходил, почти убегал. Подалее от кургана.

Паулина прошипела какое-то ругательство на неизвестном языке, схватила Лизу за руку и толкнула на землю.

– Ложись! – крикнула она истошным голосом.

Лиза уткнулась лицом в землю и почувствовала, как Паулина придавила ее своим телом.

Весь берег словно замер в ожидании.

Ночь взорвалась яркой оранжевой вспышкой, и раздался грохот, похожий на долгий разряд грома прямо над головой.

Возвращенец

В фонарь он камнем не попал. Зато попал в Кента. В правое плечо. От неожиданности и острой боли Кент выронил «вальтер», и Арон услышал, как пистолет, подпрыгивая на утесах, покатился вниз.

Он не стал ждать. Схватил запальник и как был, на четвереньках, пополз прочь от кургана. Запальный шнур полз за ним, как пуповина.

Пистолет уже не страшен. Но оставался сам Кент Клосс. Он был в ярости и к тому же чуть не вдвое моложе, чем Арон.

Кент бросился на него, но Арону чудом удалось вырваться, и он пополз дальше.

– Остановись, сука! – зарычал Кент и ударил его ногой в бедро.

Это было очень больно, но Арон сжал зубы и продолжал ползти.

Встать не было времени – Кент тут же сшибет его с ног. Ничего, он опять солдат... он справится с болью. Еще несколько метров. Всего несколько метров...

Сильный толчок в спину.

Арон упал. Кент направил фонарь ему в лицо.

– Тебе конец, – сказал он сквозь зубы, перевел дыхание и поднял ногу, чтобы ударить врага в голову.

Арон бросил запальник, оторвал руки от земли, вцепился в кожаный башмак и из последних сил повернул его, как рычаг.

Кент потерял равновесие и нелепо взмахнул руками. Фонарь вылетел из рук.

Арон из последних сил приподнялся и толкнул его в грудь.

Кент дико закричал. Секунду или две он балансировал на краю обрыва и с тем же протяжным, усиленным эхом воплем рухнул вниз.

Обрыв был не так высок, но этого хватило. Арон услышал глухой удар и сухой шорох осыпающегося щебня.

Все. С этим препятствием покончено. Пока. Надо срочно найти разрядник. Он встал на колени и нащупал под рукой что-то круглое. Табакерка Свена. Видно, Кент ее выронил. Эта табакерка будет преследовать его всю жизнь. Он машинально сунул ее в карман и огляделся.

А вот и разрядник – лежит совсем рядом, матовый, металлически поблескивающий цилиндр с красной кнопкой и предохранителем от случайного нажатия.

Надо бы отойти подальше, но это небезопасно. Кент мог и не разбиться при падении. Он может в любую секунду вернуться с пистолетом в руках.

Арон нашел небольшое углубление в скале, лег и секунду помедлил.

Он по-прежнему в опасной близости от бункера, но выбрать не из чего. Отбежал несколько шагов, лег лицом вниз и нажал кнопку.

Приподнял голову и тут же опустил – увидел, как по шлангу с огромной скоростью понеслось красное тлеющее пятнышко. По скалам, по щебенке – в бункер, где сейчас сработает детонатор. В самой глубине вырытого им туннеля лежала взрывчатка, взятая в рыбарне у Валла.

И детонатор сработал.

Приход августа в Стенвике возвестил рокошующий грохот, мгновенно пронесшийся по воде над всем Кальмарским проливом. Его слышали даже жители по ту сторону пролива, на континенте.

Взрыв раздался без четверти час.

Арон лежал очень близко, самое большее, пятьдесят метров от кургана. Он, как мог, вжался в камень, но в камень особенно не возмешься.

Взрывчатка была помещена в каком-нибудь полуметре под курганом, почти под самым центром. Эффект был такой, будто из-под земли в огне и дыме поднялся сказочный великан.

Бетонные стены бункера растрескались, цементный пол мгновенно превратился в гравий, дверь разорвало на куски, и искореженные стальные лохмотья полетели в ложбину. Часть скалы над бункером тоже не выдержала и обрушилась на берег.

Огромный камень похоронил рыбарню семьи Клосс, где хранились снасти, пляжные стулья, спасательные жилеты, спиннинги – чего там только не было.

Но самая большая сила взрыва была направлена вверх, где не было никакого бетона – только круглые, то и дело осыпающиеся камни, когда-то без особого усердия уложенные Свенном Фредом.

Извержение вулкана. Камни полетели в ночное небо на такую высоту, что даже Арон не ожидал ничего подобного.

Часть камней, поменьше, с грохотом покатались по обрыву к воде, туда, где стоял катер Клоссов. Тот самый катер, где Вероника дождалась, пока Кент принесет его, Арона, труп, чтобы утопить где-нибудь в заливе. Чудом ни один крупный камень до катера не долетел, но она слышала щелчки и удары о корпус.

Арон прикрыл голову руками, мимо него со свистом летели обломки.

Но большинство камней летели в другую сторону. Летели тесным и грозным роем, пока неумолимая сила притяжения не потянула их к земле.

На участок Клоссов. В бассейн, на только что отшлифованную веранду, на черепичную крышу.

Никого, кроме Никласа, дома не было. Он спал в гостевой комнате, проснулся от взрыва и ничего не мог понять. Звон стекол, треск ломаемой черепицы, сухой, мучительный хруст потолочных балок, дым и тучи пыли. Он в ужасе ждал, что сейчас на него обвалится потолок.

Но чудовищный град прекратился так же внезапно, как начался. Эхо взрыва еще несколько секунд носилось над заливом, но потом стихло и оно.

Арон, засыпанный с ног до головы каменной мукой, медленно встал. Он повертел головой, не веря, что остался жив.

Вспомнил веселого финна на строительстве канала, который научил его основам взрывного дела. Как закладывать динамит, как направлять взрыв в нужную сторону, чтобы потом не разбирать завалы.

Он посмотрел на виллу Клоссов. Она выглядела как после бомбежки.

Камни из кургана были и в самом деле похожи на большие пушечные ядра.

Герлоф

Он переночевал у Иона. Позвонил в Марнес – так, мол, сложились обстоятельства – и остался ночевать. Долго лежал без сна и размышлял о Веронике Клосс.

Мысли сначала шли по замкнутому кругу, потом начали путаться, а потом он заснул и спал глубоким сном. И вдруг проснулся. Весь дом Иона заходил ходуном. Дрожали и звенели стекла в окнах, мебель, газета упала на пол. Землетрясение? На Эланде?

В соседней комнате Ион с грохотом вскочил с кровати – наверное, опрокинул стул.

Герлоф поднял голову с подушки и услышал приглушенный раскат. Как продолжительный удар грома, только звук шел не с неба, а откуда-то с юго-запада. С берега. И потом еще несколько гулких ударов, словно пустые бочки покатались с телеги.

Взрыв? Что здесь взрывать? Никакой стройки поблизости не намечалось. Он бы знал. Разве что в проливе взорвалась старая мина. Раньше он всегда нервничал – в его времена лайбы то и дело подрывались на минах.

Но это не мина. Он слышал, как взрываются мины.

Тяжелые шаги, скрип половых досок.

– Герлоф? – Ион просунул голову в дверь. – Ты не спишь?

– Нет.

– Ты слышал?

– Еще бы.

Они, как по команде, замолчали и прислушались. Все было тихо. Герлофу показалось, что даже тише, чем обычно.

Ион нажал на выключатель, но свет не зажегся. Что-то с электроснабжением.

– И что будем делать?

– А что мы можем сделать? Может, газовые баллоны где-то взорвались. Посмотри, не горит ли что на берегу.

Ион открыл окно и высунул голову:

– Нет. Темным-темно.

– Ла... А что мы можем сделать? – повторил Герлоф.

– Ну, – сказал Ион.

Это, очевидно, значило – ничего. Ничего мы не можем сделать.

– Свечки у тебя есть? Или старый камин можно растопить.

– Это мысль. Я сварю кофе.

Ион ушел. Герлоф услышал, как он брякает посудой на кухне.

Когда Ион взволнован, лучше всего занять его работой. Он сразу успокаивается. Герлоф помнил это еще с тех времен, когда они вместе плавали на его лайбе.

А сам он остался лежать. Лежал и прислушивался. Вдруг кто-то позвонит или постучит в дверь?

Что-то случилось в его деревне. Что-то из ряда вон выходящее. Он вспомнил, как тряслась земля.

Арон Фред, подумал он. Арон продолжает войну мало того, он перешел в решительное наступление. И Герлоф не смог его удержать.

Стояла полная, пугающая тишина. Никто не звонил, не стучал в дверь. Как будто ничего не произошло.

И он понемногу начал проваливаться в сон. Пить кофе ему расхотелось. Слишком поздно для кофе.

Только через час с шоссе послышались сирены полицейских и пожарных машин.

Лиза

Паулина прижала ее к земле, но она все равно видела взрыв. Будто над скалой вспыхнуло яркое бело-оранжевое солнце. И почувствовала, как под ней задрожала земля.

И сразу раздался громовой раскат.

Рагнарёк, мелькнула мысль. Гибель богов. Она попыталась отползти подальше, но Паулина всем телом придавила ее так, что она даже шевельнуться не могла.

Сначала пошла взрывная волна, потом дождь осколков. Ло них осколки не долетали, но Лиза ясно слышала, как они с сухим треском осыпаются на каменистую землю и со всплесками падают в воду.

Пять, шесть секунд – и все стихло.

Потом послышались совсем другие звуки – похожие на неритмичные удары в басовый барабан. Деревянные элементы конструкции виллы Клоссов не выдержали бомбежки каменными ядрами. В воздухе повисла тяжелая едкая пыль.

Лиза вспомнила, как в школе рассказывали про римские корабли – как они с помощью пращей бомбардировали осажденные города.

– Бежим! – шепотом скомандовала Паулина, но Лизе показалось, что она крикнула ей в самое ухо, настолько сильна была интонация приказа. Паулина уже встала и отряхивала одежду.

Лизе очень не хотелось вставать. Надо было переждать весь этот ужас, но Паулина сильно потянула ее за рукав футболки:

– Бежим, я сказала!

На этот раз она послушалась. Они побежали вдоль залива. Лиза то и дело оглядывалась – не посыплется ли опять камни с неба? Но они ушли уже слишком далеко. Сюда осколки не долетали. Лиза все время невольно задерживала дыхание, потом с шумом выдыхала и опять набирала полные легкие воздуха.

Паулина целеустремленно шагала рядом.

– Что это было? – шепотом спросила Лиза.

Та не ответила.

В воздухе запахло гарью. Лиза обернулась и увидела, как медленно, словно в съемке рапидом, обрушилась крыша виллы Клоссов.

Стояла непроглядная тьма. В поселке ни единого огонька – видно, оборвало какой-то кабель. Она не видела даже собственных ног и чуть не

упала, споткнувшись то ли о камень, то ли о корень.

Стало так тихо, что Лиза решила: ей заложило уши. Но в голове по-прежнему металось эхо чудовищного взрыва.

– Паулина, – задыхаясь, спросила она. – Что случилось?

Та повернула к ней голову и спокойно произнесла одно только слово:

– Аммонал.

Земля обетованная, апрель 1998

Советский Союз рухнул как карточный домик, и Арон не узнавал свою вторую родину. Падению коммунистической власти он не особенно удивился. Уже в конце восьмидесятых было ясно, что так продолжаться не может. Столицу было не узнать – грязный, темный город, повсюду длинные, мрачные, сварливые очереди, в них то и дело вспыхивали ссоры, а то и драки. Очереди за всем – за хлебом, молоком, яйцами, водкой. Даже за детским питанием. Они с Милой как-то справлялись – оба получали спецпайки. Она – как военный медик, он – как ветеран КГБ. Но все равно было трудно – на паек месяц не проживешь, надо стоять в очередях.

Потом все изменилось. Одна за другой отвалились страны Варшавского блока, потом рухнул и Союз. Он с презрением выслушивал сплетни, как сотрудники внешней разведки бывшего КГБ СССР стояли в очереди в иностранные посольства, торгуя государственными тайнами бывшего Союза. Собственно, юридически они были неприкасаемы – такой страны больше не существовало, но он их все равно осуждал. Где же патриотизм бойцов невидимого фронта? А может, и вранье все это. От зависти.

Раньше в Москве не было нищих – за этим следила милиция, к тому же нищие подпадали под закон об уголовной ответственности за тунеядство. Этот закон использовался в СССР очень широко, в том числе и для преследования нигде официально не работающих диссидентов. Такие процессы были и в шестидесятых, когда он еще служил в органах. А теперь он то и дело натыкался на попрошаек, и его каждый раз передергивало от омерзения.

Повсюду как грибы, выросли неопрятные яркие ларьки, где торговали внезапно разрешенным импортом. Появились две новые категории граждан. Они с Милой условно называли их «малиновые пиджаки» и «спортсмены», потому что все эти здоровенные парни с накачанными шеями носили разноцветные спортивные костюмы – как правило, югославского производства.

Малиновые пиджаки дружно надевали те, кто добился какого-никакого финансового успеха. «Спортсмены» работали у них телохранителями. Пиджаки называли их «шестерками», почему – неизвестно; Арон иногда чувствовал, что русский язык для него не родной. И нельзя сказать, чтобы это была пустая мера – обзаводиться телохранителями: то и дело возникали

кровавые финансовые разборки. Сначала с ножами, потом с неизвестно откуда взявшимся огнестрельным оружием. Впрочем, почему не известно – оружием торговали солдаты и офицеры поспешно и беспорядочно выведенных из Восточной Европы войск. Убитые в разборках исчислялись десятками тысяч, как говорилось в сводках органов безопасности, которые Арон, то есть Влад, до сих пор получал.

Оказалось, что едва ли не все бескорыстные советские патриоты на самом деле одержимы деньгами. Все говорили только о деньгах. Ни о чем другом.

К концу тысячелетия как-то все утряслось. Стали исчезать «дикие» рынки, появилось много богатых людей – миллионеров и даже миллиардеров. Вокруг его родной Лубянки, где еще в девяносто первом снесли памятник великому Дзержинскому появилось не менее десятка ночных клубов. Малиновые пиджаки переоделись в костюмы от Кардена и галстуки «Бриони». Они подъезжали на двенадцатицилиндровых «мерседесах» в сопровождении джипов, набитых бывшими «шестерками», – теперь и «шестерки» носили черные костюмы и галстуки. На боссах, как правило, висели беспричинно хихикающие юные девочки в обтягивающих маленьких платьях и на высоченных шпильках.

Арон почти не выходил из дому чтобы не раздражаться. Прежняя Москва исчезла. Это был чужой город. Чужой и враждебный.

Мила тоже почти перестала встречаться со своими подругами, но по другой причине. Ей становилось все хуже, она задыхалась. По ночам Арон, сжимая кулаки, прислушивался к ее хриплому, со свистом дыханию.

Они пошли в поликлинику. Врач послушал ее, постучал пальцами по спине и груди, покачал головой и выписал направление в госпиталь. Там она пролежала три дня. Делались какие-то тесты, рентген, еще что-то...

На третий день его пригласил заведующий отделением.

– Ваша жена завязанная курильщица? – спросил пожилой опрятный доктор. Даже не спросил, а произнес утвердительно, как нечто само собой разумеющееся.

– Ничего подобного. Она никогда не курила. Я думаю, она отравилась при взрыве ракетного топлива. – И он рассказал про аварию шестидесятого года, которая, впрочем, давно перестала быть государственным секретом.

Врач опустил голову – он понял.

– Ракетное топливо очень ядовито, особенно для органов дыхания, – задумчиво сказал он. – Настоящее БОВ.

– А что это – БОВ? – Почему-то у Арона мелькнуло в голове, что врач учит шведский язык. По-шведски *bov* – преступник. Хотя произносится не

«бов», а «був».

– БОВ? – Врач удивился его необразованности. – Боевые отравляющие вещества... к сожалению, порадовать вас не могу. У вашей жены тяжелая эмфизема легких. Эта болезнь пока неизлечима.

– Неизлечима... – У Арона в груди мгновенно вырос ледяной ком и начал медленно опускаться в живот.

– Нет-нет, – поспешно сказал врач. – Это вовсе не приговор. Это не значит, что она обречена на скорую гибель. Правильно подобранными лекарствами и ингаляциями можно не только улучшить ее состояние, но и поддерживать много лет. И кислород... сейчас у нее период обострения, поэтому нужно постоянно давать ей дышать кислородом. К сожалению, наши ресурсы не позволяют... вам лучше обратиться в частную клинику.

Частную клинику... лечение в частной клинике стоит денег. Много денег. Ла и не только в частной. Он слышал истории, как работники «скорой помощи» вымогали деньги у инфарктников и пострадавших в дорожных авариях.

– Аза границей? Допустим... в Швеции?

Врач посмотрел на него с удивлением:

– В Швеции? В Швеции хорошее здравоохранение. Мы пока не достигли этого уровня. Ничего удивительного – Швеция уже чуть не двести лет ни с кем не воевала, а мы только и делаем, что воюем. И здравоохранение там практически бесплатное. Правда, только для граждан страны. Но все равно наверняка дешевле, чем в Москве. Из Москвы, у кого есть деньги, уезжают лечиться за границу. Кто в Германию, кто в Израиль... кто куда. – Врач ни с того ни с сего улыбнулся.

Арон пошел домой пешком, хотя из Лефортово путь не близкий. Ему надо было подумать. Итак, приговор Миле вынесен, но приводить его в исполнение он не собирался. Он думал о Швеции, о шведском здравоохранении, про которое рассказывал врач. Аля шведов – бесплатно, для их семей наверняка тоже. Он ведь когда-то был гражданином Швеции, и должна сохраниться запись о рождении в церковных книгах. Что ж, пришло время возвращаться домой.

Была и еще одна причина к отъезду Медленно и неохотно, но начали открывать архивы НКВД сталинских времен. Люди устремились искать своих пропавших «без права переписки» родственников. Они сидели в этих архивах, как кроты, перелопачивая тонны пожелтевших машинописных, а то и написанных от руки документов. Они находили имена жертв «большого террора». Но не только жертв. Они находили имена палачей.

Наверное, настала пора Владимиру Николаевичу Шевченко

бесповоротно кануть в вечность. Пора восстановить свое настоящее имя и уехать с Милой на родину Настоящую родину.

Но как это сделать? Нужно, чтобы кто-то подтвердил его личность. Что он и есть Арон Фред. Спасибо, сейчас уже давно не требуется специального разрешения, чтобы позвонить за границу. Не надо ни заполнять анкет, ни предъявлять документы о причинах звонка. Все это хорошо, но куда и кому звонить? По какому номеру? Кто из его родственников еще жив? Мать? Вряд ли... сестра?

Попробовать можно.

Вечером он позвонил на международную телефонную станцию и попросил узнать номер справочной службы Швеции. Пожалуйста–118118.

Он выяснил все коды, набрал номер и попросил оператора помочь ему найти телефон Греты Фред, место жительства – остров Эланд.

Буквально через минуту он получает ответ – да, есть такая. Живет в доме престарелых в Марнесе. У нее есть свой телефон, но внутренних телефонов мы не знаем. Запишите телефон дежурного – вам скажут, какой номер набрать, или соединят с ней.

Дрожащим пальцем он тычет в кнопки.

– Да, есть такая, соединяю. *Этт эгонблик.* Подождите секунду.

Проходит пять или шесть сигналов, и ему отвечает женский голос:

– Грета Фред.

Голос старушечий, но он мгновенно узнает интонацию. С трудом подбирает забытые шведские слова.

Нет, Грета его не помнит. Он пытается объяснить – Арон, я эмигрировал с отчимом Свенном в начале тридцатых, мечтаю вернуться домой. В Рёдторп, где мы росли. Неужели не помнишь?

Долгое молчание.

– Арон? – произносит Грета спокойно. – Неужели это ты?

– Я, Грета, я. Мечтаю вернуться на наш хутор.

– А у нас есть хутор?

– Конечно. У Клоссов земля... у них много земли, а мы с тобой их... родственники.

– Да, Клоссы... Она будет нам на днях читать лекцию. Вероника Клосс. Очень интересно.

– Скажи ей, что мы родственники.

– Обязательно... Арон! Неужели это ты?

Ему кажется, что она наконец начала понимать. Но память у нее уже... покрылась *патиной времени*, вспомнил он давно услышанное в передаче «Театр у микрофона» выражение. И мысли текут медленно и вяло.

– Приглашают пить кофе! – Грета внезапно оживилась. – Пока, Арон, пока!

Он положил трубку. Рука все еще дрожит.

Мила внимательно смотрит на него. Она полусидит в постели. Лежать уже не может – задыхается. То и дело судорожно подносит ко рту трубочку ингалятора.

– А другие твои родственники? Эти... как их... Клоссы?

Еще бы... *Прямые родственники*, он мысленно усмехнулся. Прямее некуда. Эдвард Клосс – его отец, хотя он так никогда свое отцовство и не признал... Большой секрет. Свен никогда об этом не говорил, да и мать тоже... разве что намеками. А Эдвард... Эдвард ни за что бы не признал.

Но ведь наверняка живо третье поколение.

Он ласково кивнул жене и положил трубку.

На следующий день он опять позвонил в информационную службу Швеции и сам себе удивился – как легко, не сразу, но очень быстро, всплывали в памяти слова и выражения родного языка.

Оказалось, что на Эланде несколько человек носят фамилию Клосс. Одна из них, Вероника Клосс, владеет квартирой и в Стокгольме. Это ее упомянула Грета.

Адрес, телефон – пожалуйста.

Он несколько мгновений смотрит на Милу и набирает номер – указательным, «спусковым» пальцем. Он не дрожит никогда.

Проходят несколько длинных сигналов.

– Урбан Клосс, – ломкий подростковый басок.

– Арон Фред. Могу я поговорить с Вероникой?

– Да, минуточку.

Значит, все правильно. Это та самая Вероника Клосс.

– Вероника Клосс, – ледяной женский голос.

Арон прокашлялся и рассказал, кто он и откуда звонит.

– Мы с вами родственники.

– Родственники? По какой линии?

Арон рассказывает, чувствуя, как с каждой минутой его шведский становится все свободней и свободней. Про Рёдторп у воды. Про Эдварда Клосса и свою мать, Астрид. Про Свена, как отчим взял его с собой в Ленинград. Как тяжело они работали...

Он останавливается. Дальше рассказывать не имеет смысла.

– Но мы родственники, – заключает он. – Эдвард Клосс – мой отец.

Молчание.

– Я кладу трубку. – И короткие, писклявые гудки.

Арон так и остался сидеть с зеленой телефонной трубкой в руке. Оглянулся на Милу:

– Разговор прервался.

Мила кивает.

– Дождемся тепла и поедem в Стокгольм, – говорит она. – Навестим твою родственницу Веронику. Это не телефонный разговор. Возьмешь свои старые бумаги, умница, что не выкинул. Возьмешь табакерку. Ты же брат ее отца.

– Не отца, а двоюродного брата отца. Я ей двоюродный дядя.

– Все равно. Близкие родственники. Они должны вернуть тебе твой хутор и твой участок.

Лиза

Паулина не давала ни секунды передышки, уводила Лизу все дальше и дальше от взорванной скалы. Они уже подошли к каменной изгороди кемпинга.

Лиза решила, что Паулина спешит в свой кемпер, но она свернула, потащила Лизу дальше по дороге и остановилась на обочине.

– Аммонал... – спросила Лиза. – Это кто такой?

– Не кто, а что. Взрывчатка. Он выкопал туннель и заложил туда взрывчатку.

Лиза поморгала. Вопросов было множество, но она никак не могла выбрать, с чего начать.

Паулина посмотрела на пролив. Оттуда доносился звук лодочного мотора, но самого катера видно не было.

Потом Лиза увидела блуждающий свет фар. С юга к ним приближалась машина.

Паулина улыбнулась. Или показалось? Улыбаться вроде нечему...

Нет, не показалось.

– Успокойся, – сказала Паулина. – Теперь все хорошо.

Лиза все эти последние полчаса восхищалась собранностью и решимостью подруги, но что здесь смешного?

– Кто ты? – напрямую спросила она.

– Никакая я не литовка. Я из России. И зовут меня не Паулина. – Она покривилась брезгливо, произнося это имя. – Меня зовут Полина.

– По-у-лина?

Темно-синий «форд» остановился рядом, мотор тихо урчал.

Полина повернулась к Лизе и что-то сунула в ее дрожащую руку.

– Не *Поулина*, а *Полина*. Уезжай, – сказала она. – Уезжай поскорее домой.

И пошла к машине. Водитель потянулся и открыл ей дверцу В машине зажегся свет, и она его узнала.

Это был тот самый старик. Арон Фред. Он устало улыбнулся Полине, а она погладила его по щеке.

«Форд» развернулся. Проехал мимо ресторана – к выезду на шоссе.

Лиза осталась одна. Из кемперов один за другим вылезали отдыхающие и недоуменно спрашивали друг друга – что это был за грохот?

Она разжала ладонь – там лежал толстый, сантиметров пять, рулон

шведских купюр по пятьсот крон.

Прижала руку к груди и подумала про отца. Про Силаса. Силасу нужны деньги. Ему нужны деньги, и это не кончится никогда.

Она сунула деньги в карман и пошла, ускоряя шаг, к кемперу Быстро собраться, покидать все – одежду гитару, диски – в машину и поскорее исчезнуть.

Полина была права. Надо исчезнуть до того, как появится полиция.

Возвращенец

Арон остановил машину, и они поменялись местами. Он задержался немного и посмотрел на залив.

Темно. После драки с Кентом Клоссом и взрыва голова была сама не своя. Слух вроде бы не пострадал.

– Курган Клоссов накрылся, – сказал он по-русски. – Сама знаешь чем. И дом. И сарай на пляже.

– Я думала, ты погиб, папа... – прижалась к нему Полина. – Ты был так близко к бункеру...

– Я живучий, – улыбнулся Арон.

– А он?

Он. Арон за лето несколько раз тайно встречался с дочерью, но Полина ни разу не назвала Кента и Веронику Клосс по имени. *Он и она.*

– Нет. Он не такой живучий.

– Зато она... она очень даже живучая. Ведь она сидела в катере, ждала, пока Кент притащит твой труп. Они все спланировали. У него был пистолет...

– Я знаю. Это мой пистолет.

– Я слышала, как уходил катер.

– Значит, она осталась жива... Вероника?

– Да. Я слышала, как уходил катер.

Он несколько секунд помолчал, потом кивнул:

– Поехали.

Она выехала на шоссе и свернула на север. Не на юг, где с острова на континент переброшен мост, а на север. Туда, где остров заканчивался остроконечным мысом.

Навстречу не попало ни одной машины. Когда дорога стала уже, Полина свернула на посыпанный утрамбованным гравием проселок. Остановилась в сосновых посадках и погасила фары.

Было уже почти два часа ночи. Она еще с вечера перенесла все свое имущество из кемпера в багажник. Достала одеяла и опустила сиденье в лежачее положение.

Только когда Арон улегся на сиденье, он понял, насколько устал. Все тело после драки на скалах ныло и саднило.

Они молчали довольно долго.

– А дети? – тихо спросила Полина. – Дети-то ни при чем. Они не

должны страдать от подлости взрослых. Ты ведь это понимаешь?

Арон продолжал молчать. Это была идея дочери – заблаговременно вывезти детей с виллы. Она проникла в их домики и усыпила хлороформом.

А потом сообщила отцу код отключения сигнализации.

– Я понимаю.

Лети... сколько детей он сделал несчастными в тридцатые годы... восемнадцати-, семнадцатилетние... иногда еще моложе. Применял «особые методы», выбивал признания, отправлял в лагеря... А сколько детей он, не моргнув глазом, оставил сиротами...

– Где ты их запер? Детей?

– На западном берегу. В рыбарне Валла.

Полина кивнула:

– Завтра позвоним и расскажем, где они. И с моей подругой все в порядке.

– Какая еще подруга?

– Ее зовут Лиза...

В ночном лесу было тихо, безветренно и совсем не страшно. Сосны высились, как колонны в храме, в их кронах перешептывались ангелы.

Буквально через несколько секунд Арон услышал ровное, легкое дыхание дочери.

Но сам он заснуть не мог – никак не мог найти удобное положение. Где-то, то ли в животе, то ли в пояснице, пульсировала тупая боль.

В конце концов он все же задремал, потому что, когда открыл глаза, низкое солнце светило ему прямо в лицо. Сухая хвоя на лужайках между соснами стала огненно-оранжевой, будто раскаленной. Начинался еще один жаркий летний день. Полина, не просыпаясь, повернулась на другой бок.

Он прищурился и начал медленно застегивать рубашку.

Наконец и Полина проснулась. Посмотрела на отца еще слепыми спросонья топазовыми глазами и сказала по-русски:

– С добрым утром.

Протерла глаза, отпила немного воды из бутылки. И повернула ключ.

В Бюкселькруке на горизонте опять появилась сверкающая полоса моря. Они остановились около отеля в гавани – выпить кофе. Официантка, почти не глядя на них, принесла заказ.

Их уже наверняка разыскивают. Вероника, конечно, сообщила в полицию. Но полицейских на острове было слишком мало, чтобы ловить преступников. Поэтому все силы наверняка брошены в Боргхольм.

Кальмарский мост, скорее всего, перекрыт.

Внизу, в гавани, Полина увидела телефон-автомат:

– Иди и позвони ей, папа. Расскажи, где искать детей.

Он кивнул, пошел в будку приложил к уху трубку и набрал несколько произвольных цифр. Но не шесть, а пять.

Он не мог понять, откуда эта странная боль. Посмотрел на живот – фланелевая рубашка разорвана. Совсем небольшая дырка, а вокруг – запекающаяся кровь. Свободной рукой приподнял рубашку и посмотрел на живот. На самом верху, в подреберье, – круглая кровотокающая ранка. Потрогал – и ему показалось, что нащупал кусочек свинца.

Значит, первый выстрел Кента Клосса все же попал в цель.

Он сделал вид, что говорит по телефону – очень коротко. Чтобы сообщить Веронике, где дети, много времени не надо. Повесил трубку и пошел к машине.

Достал аптечку и заклеил ранку хирургическим пластырем. Лома он никогда не возил с собой аптечку, но на острове... он прекрасно понимал, что на острове аптечка может пригодиться.

Итак, его подстрелили. Первый раз в жизни. В этом есть что-то комичное, решил он. Обойдется.

Живот болел по-прежнему, но Полине знать не обязательно.

Она допила кофе и вернулась к машине.

– Порядок, – сказал он.

Полина снова завела машину, и они двинулись к конечной цели. Гавань в Наббелунде, откуда ходили регулярные паромы на Готланд, была совсем недалеко.

– А что ты сделал с оружием?

Арон молча мотнул головой в сторону багажника.

Холщовая сумка, еще вчера набитая шашками аммонала, была почти пуста.

– Выброшу в море.

* * *

Большой залив Гранкуллавикен почти со всех сторон окружен сушей. Если бы не узкая горловина на севере, соединяющая залив с морем, его можно было бы считать озером. В залив вдавалось бесчисленное количество густо поросших лесом мысков, тут и там попадались маленькие острова. У самого входа в лагуну стоял большой маяк по прозвищу Эрик –

предупреждал лоцманов о меляках. Многие называли залив лагуной – и не без оснований: несмотря на величину, Гранкуллавикен очень неглубок.

Но сейчас, на пороге третьего тысячелетия, функции лоцманов выполнял компьютер. Не глядя на маяки, бакены и створы, компьютер прокладывал единственно верный извилистый путь по лагуне, и паром, пришедший час назад с Готланда, уже был готов принять пассажиров.

Они оставили старый «форд» на парковке и пошли к пирсу.

Сегодня не так тихо, как накануне, хотя ночью то и дело принимался дуть ветер. Начинаются августовские ветра.

Полина уже заказала все билеты на обратный путь. Паром приходит в Висбю, оттуда летают небольшие самолеты в Стокгольм. А там, в аэропорту Арланда, пересадка на регулярный авиарейс Стокгольм – Москва.

Пора домой. Но возвращение не входило в планы Арона. Он мечтал, отомстив, умереть дома, на Эланде. В несуществующем хуторе на самом берегу залива в Стенвике.

На пароме у самого трапа были кафетерий и киоск со всякой ерундой. Оттуда открывались двери в большой пассажирский зал. Они сели в самом углу, чтобы их никто не слышал.

Каждое движение причиняло ему боль. Внимательно посмотрел на юг, будто отсюда можно было увидеть устроенный им хаос, и вздохнул.

– Я делаю черную работу, – сказал он. – Я ассенизатор.

– Уже нет, папа. – Ее топазовые глаза сияли, налились теплым, невинным светом. – Твоя работа окончена.

Арон посмотрел на свои руки.

– Я ассенизатор, – повторил он. – Это единственное, что я умею делать. За это меня в юности хвалили и продвигали, и больше ничего я в жизни не делал. Это большое счастье, что я встретил твою маму и что у нас выросла такая замечательная дочь.

– Хватит уже. – Она дотронулась до его небритой щеки. – Едем домой. Отдохнешь, поешь как человек. Я сделаю пирог с грибами. А если хочешь – пельмени. Эта страна мне изрядно надоела. Пусть живут как хотят. Бог им судья.

Как всегда. Добрая девочка, но деловая и энергичная. Чего стоило получить работу у Клоссов! Последние часы она прожила на сплошном адреналине, но уже сейчас Арон угадал в ее тоне готовность все забыть и всех простить.

Он тоже попытался расслабиться, но безуспешно. Небольшой пирс опустел. Посадка закончилась. Он посмотрел на парковку – его старый

синий «форд» стоял в гордом одиночестве. Они оставили его открытым, с ключами в замке. Кто угодно может сесть и уехать – пожалуйста. Никаких возражений.

Арон медленно поднялся.

– Я проголодался, – соврал он. – Мы уже целую вечность ничего не ели. Тебе купить что-нибудь?

– Нет, спасибо. Я бы еще поспала.

Он потрепал ее по щеке, задержав руку на несколько секунд дольше, чем требовалось для стандартного поощрения. Взял сумку, постаравшись, чтобы она не заметила, и вышел из салона.

Матрос уже готовился убрать трап. Он поднял руку – подожди, мол, я раздумал – и сошел на пирс. Тот молча кивнул. Мало ли что, наверное, старикан забыл выключить плиту или что-то в этом роде.

До отплытия оставалась одна минута. Арон спустился по трапу на берег и отошел в сторону, чтобы Полина не увидела его из окна.

На пирсе стоял рабочий гавани с чалкой в руке.

– Раздумали? – спросил он с удивлением.

Он молча кивнул. Здесь, на пирсе, ему уже не надо было притворяться, что все в порядке. Сильно болел живот, и с каждым часом все сильнее.

Матрос на борту принял чалку, и паром начал медленно отходить от пирса. Полоска воды между ним и пирсом становилась все шире. Уже не перепрыгнуть... а теперь и подавно.

Он увидел в окне парома темные волосы Полины. Она не смотрела в окно. Слава богу. Надо надеяться, переживет. Остаться сиротой страшно, но ему все равно не жить.

Он был совершенно уверен, что уже никогда не увидит дочь. Но у нее в сумке более чем достаточно, почти миллион крон – это те деньги, что он взял на «Офелии». Грязные деньги. Впрочем, деньги не бывают грязными – все зависит от того, в чьих они руках. Арон изо всех сил убеждал себя, что ей удастся наладить свою жизнь. К тому же она вот-вот выйдет замуж, так что одиночество ей не грозит. Он много лет прожил в одиночестве и знал, что это такое.

Солнце затянуло облаками. А на горизонте опять, как несколько дней назад, клубились тяжелые облака, предвещающая скорую непогоду. Приближалась осень.

Он повернулся спиной к лагуне. Времени у него достаточно. Паром идет несколько часов.

Семеня, добрался до парковки – попробовал идти побыстрее, но каждый шаг отдавался в животе острой болью.

Бросил сумку на заднее сиденье – раздался металлический лязг.

Сел за руль. В сидячем положении боль стала терпимой. Он привычно думал о своем оружии. Но и о Веронике Клосс. Арон буквально видел перед собой ее холодное, надменное лицо. С другими она, впрочем, была мила и приветлива. А сейчас он представил, как она идет победным шагом по газону в отеле «Эландик».

Он понимал, что умирает, хотя, конечно, не знал, сколько ему отпущено часов или дней. Скоро он исчезнет – а Вероника Клосс останется.

Позволить ей жить?

«Нет, – подал голос давно забытый Влад. – Ни под каким видом».

А Арон повернул ключ в замке зажигания. Мотор послушно заурчал. Он бросил взгляд через плечо на сумку с оружием и отпустил педаль сцепления.

Развернулся на небольшой площадке перед причалом и взял курс на юг.

Юнас

Второй раз за это лето Юнас проснулся в рыбарне. Голова болела и кружилась, в пересохшем рту – отвратительный сладковатый привкус. Он лежал не в кровати, а на сложенной в несколько раз рыболовной сети, пахнущей смолой и мягкой от старости. За толстыми каменными стенами тихонько подвывал ветер, а откуда-то издалека доносилось крикливое, но довольно вялое переругивание чаек.

И он был не один. У стены напротив лежали Каспер и Урбан, его двоюродные братья. Почему-то в пижамах. Он опустил голову – он тоже в ночном белье.

Кузены, похоже, чувствовали себя неважно, как и он, на грани между тяжелым сном и пугающей реальностью.

Он заснул в своем домике, в своей постели, – это он помнил точно. У его постели появился ангел со светящимися в темноте белками глаз – в этом он тоже мог бы поклясться. А дальше воспоминания путались... Странные запахи. Попытался вспомнить, что ему снилось, но из этого ничего не вышло. Может, потом само вспомнится. Так бывает.

На табуретке у стены кто-то предусмотрительно поставил три бутылки воды. Ребята встали, пошатываясь, и долго пили. Через узкую щель под дверь проникал слабый утренний свет. Скорее всего, еще очень рано.

Урбан подошел к двери и потряс. Лверь оказалась тяжелой и прочной, к тому же скважина для ключа отсутствовала – наверняка кто-то запер их снаружи на железный засов или что-то вроде того.

Урбан пару раз толкнул дверь плечом, и на том силы его иссякли. Он пошел назад на свое лежбище из небрежно скомканных сетей.

Все трое молчали. У Юнаса была куча вопросов, но ему никак не удавалось их сформулировать. Обрывки мыслей плавали в голове и не могли соединиться во что-то вразумительное.

Свет под дверь с каждой минутой становился ярче и определеннее.

– Голова раскалывается, – пожаловался Урбан.

– И у меня, – подтвердил Каспер.

– Должно быть, какой-то наркоз, – задумчиво произнес Урбан. – Нас усыпили.

– Помню, меня кто-то нес. Старик какой-то... но здоровенный.

Это он, сразу решил Юнас. *Призрак могильника.*

Ребята опять замолчали.

Надо ждать – что им еще остается делать?

Юнас сидел у стены с закрытыми глазами. Ветер, похоже, усилился. По-прежнему кричали чайки, редко и скучно, лишь изредка ввязываясь в свирепую перебранку.

Внезапно он различил посторонний звук. Звук автомобильного мотора.

– Слышите?

Кузены беспокойно прислушались.

– Это что... *он*? – прошептал Каспер.

– Откуда я знаю?..

Машина остановилась совсем близко от рыбарни. Все на несколько секунд затихло. Вдруг истерически заорала чайка, и послышались тяжелые шаги.

Загремел засов, дверь открылась.

У порога стоял мрачный старик. Он не сказал ни слова, но Юнас сразу его узнал. Это он мелькнул в капитанской рубке «Офелии». Это он стоял у кургана.

За спиной у него, совсем близко, темно-синий «форд», а в руке револьвер. Рука с револьвером была опущена, но так привычно и свободно, что у Юнаса не было никаких сомнений – если понадобится, он вскинет руку и выстрелит в то же мгновение.

– Выходите, – хрипло сказал старик.

Юнас и Каспер вышли через низкую дверь. Судя по освещению, было около полудня. Урбан выходил последним, но старик придержал его свободной рукой:

– Ты Клосс? Твою мать зовут Вероника?

Урбан кивнул.

– Хорошо... – Он показал на берег: – Беги туда, через пару километров увидишь хутор. Позвони матери и скажи, где ты был. Скажи, чтобы она приехала сюда, в рыбарню Эйнара Валла. Она знает, где это. Недалеко от Марнеса. И еще: она должна приехать одна.

Урбан нерешительно посмотрел на Юнаса и Каспера и открыл было рот, но старик так угрожающе поднял руку с револьвером, что он сразу осекся.

– Ты ведь не хочешь получить пулю в затылок? – устало и тихо сказал старик.

– Нет, но...

– Тогда беги!

Урбан жалобно посмотрел на ребят и пустился бежать.

Призрак могильника проводил его взглядом.

– Вот мы и остались втроем, – так же тихо, без выражения произнес он.

Юнас внезапно сообразил, что старик болен. Он то и дело с почти незаметной страдальческой гримасой прижимал левую руку к животу, а лицо было покрыто крупными каплями пота. Но двигался решительно и уверенно. Наверное, долго служил в армии, подумал Юнас.

Старик что-то написал на листе бумаги и бросил его на пол у самого порога, и Юнас, хоть и было далеко, различил четыре слова, написанные крупными заглавными буквами.

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

СТЕНВИК

ОДНА

Старик прикрыл дверь, но запирать не стал.

– Пошли.

И подтолкнул Юнаса. Юнас безропотно, как и положено пленникам, двинулся к машине.

Герлоф

Герлоф и Ион выехали не особенно рано. Было уже полдевятого, но пасмурно и ветрено – небо над Стенвиком затянули облака.

Ион разбудил его в семь, даже «с добрым утром» не сказал.

– Могильник. Они его взорвали.

– Могильник?

– Ла не тот. Фальшивый. Который Клоссы построили. Курган.

Герлоф не поверил. Он слышал взрыв, довольно сильный, но чтобы курган?

Подумал и произнес два слова:

– Арон Фред.

– Ну, – только и сказал Ион.

Его это вовсе не удивило. Кому ж еще взрывать курганы? Конечно же Арон Фред.

– Поедем-ка туда.

И помог Герлофу пройти до машины.

Они сразу выехали на береговую дорогу свернули у стенда с почтовыми ящиками, мимо кемпинга, к южной скобке залива.

Ион ехал очень медленно, и у Герлофа было достаточно времени, чтобы осмотреться. Небольшая толпа отдыхающих. Шепотом обсуждают сюрприз, преподнесенный им к концу отпуска. Бело-голубая пластиковая лента оцепления, «скорая помощь», пронзительно-красный легковой пожарный автомобиль. Наверное, приезжали и тяжелые машины с насосами и бригадами пожарников в касках, но уже уехали. Ничего не горело. Пожар, или, как они его называют, «очаг возгорания», не состоялся.

Но взрыв был колоссальный. От большого, издалека привлекающего внимание кургана ничего не осталось. На его месте был кратер, забросанный щебенкой и комьями рыжей земли. И несколько камней – остальные взлетели в воздух и обрушились на берег и на виллу Клоссов – единственную постройку поблизости.

Контуженный он, что ли, этот Арон? Ненормальный. Но дело свое знает. Взрывчатка была заложена по всем правилам искусства – направленный взрыв. Направленный на дом его близких родственников. Внучатых племянников. Лом Кента Клосса, который находился ближе к кургану, пострадал больше всего. Как после бомбежки. Только что отполированная веранда напоминала противотанкового «ежа» – из нее

угрожающе торчали острые обломки янтарных досок, стропила обрушились внутрь, стены покосились.

А где Юнас?

Он поискал глазами в толпе. Никого, кого бы он знал. И никого из семьи Клосс. Потом увидел знакомую фигуру – пожилой человек в голубом халате, с всклокоченными волосами. Имя не припомнил, но знал, кто это – какой-то бизнесмен из Стокгольма, его небольшой летний дом стоял по соседству.

Ион притормозил, и Герлоф опустил стекло:

– Пострадавшие есть?

Стокгольмчанин пожал плечами:

– Понятия не имею... наш сад довольно близко, но на нас камни не сыпались с неба. – Он кивнул на виллу Клоссов: – Что тут скажешь?

– А там кто-то был?

– Один из братьев спал в задней комнате. Он, кажется, не пострадал.

– А второй брат? Кент? А их мальчики?

Тот опять пожал плечами – ничего больше не знаю.

Они еще немного посидели в машине, и Ион дал задний ход, собираясь развернуться. На что здесь смотреть? И так все ясно.

– Погоди, Ион. – Герлоф положил руку на руль.

Вылез из машины и, опираясь на палку, пошел на развороченный участок Клосс ов. Там был человек. Мужчина. Он неуверенно шел к дороге, лавируя между обломками досок и камнями. Герлофу он был знаком. Никлас Клосс.

На Никласе были коричневые шорты и серое незастегнутое пальто. Довольно странная комбинация, но он, похоже, не пострадал при взрыве. Герлоф махнул ему рукой, и Никлас послушно подошел. Он смотрел на Герлофа как слепой: вроде бы на него и в то же время чуть-чуть мимо.

– Кента нет. И мальчиков. И Паулины. – Он произнес все это пустым, бесцветным голосом.

– Нет? Что значит – нет?

– Вероника полночи их искала. И я тоже...

Герлоф оглянулся на дом:

– Значит, их не было ночью? И Кента не было?

– Откуда мне знать... они мне ничего не рассказывают. Кент и Вероника ничего мне не рассказывают. – Он по-прежнему говорил с той же тусклой интонацией, которую можно было бы принять за равнодушие, если бы не глаза.

– А что они должны рассказывать?

Никлас вдруг резко обернулся. Во втором доме открылась дверь, и появилась Вероника. Она была одета куда более аккуратно, чем брат, – в джинсах и дорогой черной ветровке. Ее дом почти не пострадал. Веранда напоминала палубу на круизном корабле для богатых туристов.

Она направилась к ним.

– Ты занимался контрабандой, Никлас? – быстро спросил Герлоф.

Никлас по-прежнему смотрел мимо него.

– Занимался? – Герлофу надо было услышать ответ до того, как подошла Вероника. – Водка и сигареты?

Она была совсем близко.

– Не я... мой брат.

Вероника если и была растеряна, то умело это скрывала.

– Никлас, – сказала она и посмотрела на брата твердым, внимательным взглядом.

Но Никлас словно и не слышал сестру.

– Кент ввозил на баржах сигареты и спиртное. И не только на баржах. На фурах тоже. Каждое лето. Но он шеф в «Эландике», поэтому сидеть пришлось мне. – Он посмотрел на Веронику, и Герлофу показалось, что впервые за весь разговор в глазах его мелькнуло какое-то выражение. – Сестра так предложила.

– Она, наверное, думала о предприятии, – подсказал Герлоф.

Вероника не обратила внимание на его слова, которые можно было понять по-разному – то ли сочувствие, то ли ирония.

– Никлас, свяжись, пожалуйста, с моим мужем в Стокгольме. Пусть позвонит мне на мобильник и не вешает трубку, пока я не отвечу. – Она оглянулась на виллу. – Мне надо ехать.

– Что случилось? – спросил Герлоф.

– Он похитил мальчиков.

– Кто – он?

Вероника не ответила. Повернулась и пошла, почти побежала к машине.

Но Герлофу и не нужен был ее ответ. Он знал и так. Арон Фред.

Никлас не сдвинулся с места – продолжал смотреть в одному ему известную точку в пространстве. Только сейчас Герлоф сообразил, что он в шоке.

– Никлас... ты врачу показывался?

– В этом году нет.

Герлоф положил руку ему на плечо, почти обнял, а второй рукой показал на машину «скорой помощи»:

– Иди туда. Пусть посмотрят. А мы займемся остальными.

Никлас послушно побрел к медикам, но тут же остановился:

– Герлоф! Надо найти мальчиков!

И что на это ответить? Что могут сделать два престарелых, давно вышедших на пенсию моряка?

– Найдем, – сказал Герлоф твердо.

Он проследил взглядом, не свернет ли Никлас куда, вернулся к машине и со вздохом уселся на пассажирское сиденье:

– Будем ездить кругами... не знаю куда, но...

– Ну. – Ион пожал плечами. – Бензина – полный бак. Только у магазина остановимся.

– Тебе надо работать?

– Нет. Сегодня Лидере у штурвала. Мне надо посмотреть, молока у них хватит на выходные или надо заказывать.

– Само собой.

Они доехали до парковки маленького поселкового магазина, и Ион вышел из машины.

Герлоф остался сидеть, но Ион обошел машину и сунул голову в пассажирское окошко – Герлоф забыл поднять стекло.

– Перед большим путешествием полагается выпить кофе.

Они пили кофе на складе, в окружении пустых и полных картонных коробок.

– Значит, мало того что Арон взорвал курган, он еще и детей похитил? – спросил Ион.

– Похоже на то. А Вероника, наверное, за ним погналась...

– Ну...

Они замолчали. На стене тикали большие, выдавшие виды часы.

И где сейчас Арон? Где он может прятаться? В каком-нибудь бунгало?

Вдруг в памяти возникла картинка семидесятилетней давности: маленький Арон на кладбище, как раз в тот день, когда из гроба послышался этот стук. Он был похож на маленькое привидение – настолько неестественно бледным было его лицо с алой царапиной на лбу...

– Он был белый... – почти воскликнул он.

– Белый?

– Как припудренный!

Ион смотрел на него как на сумасшедшего: может, друг тоже слегка тронулся, как Никлас Клосс?

– Ты не понял... Арон, когда я его увидел на кладбище. Он был как припудренный! И не только лицо, одежда тоже...

– И что? – сказал Ион. – В муке. Его отчим же на мельнице работал. Арон наверняка ему помогал.

– Вот именно! Не на мельнице, а на мельницах. То у одного фермера, то у другого.

– На мельницах...

– Мне кажется, я знаю, где он прячется. На какой-то из ветряных мельниц. Из тех, что еще не развалились. Детская память подсказала.

Ион помрачнел:

– А ты знаешь, сколько их, этих мельниц? В одном нашем уезде тридцать пять или сорок.

– Считаю только заброшенные. Ветхая мельница где-нибудь в кустарнике... Из тех, про которые давно забыли.

– Тогда меньше, – кивнул Ион.

И Герлоф кивнул. Старики еще несколько раз покивали друг другу с промежутками в несколько секунд – что-то соображали.

Герлоф напряженно думал. И вдруг вспомнил – иногда, сидя в своем саду, он слышал голоса. Два голоса – пожилого человека и молодой женщины. Что они говорили, он, несмотря на новый слуховой аппарат, не разобрал. Тем более что, как ему показалось, они говорили на каком-то иностранном языке. Наверное, туристы, решил он тогда. С каждым годом на Эланд приезжало все больше иностранцев. Причем голоса шли откуда-то сверху. Тогда он решил, что этого не может быть – что они, на дереве, что ли, сидят?

– Я могу ошибиться, – медленно сказал он. – Но я почти уверен, что это наша мельница. В Стенвике, в рощице за моим садом.

Возвращенец

Солнце так и не появилось, зато ветер усилился. Почти шторм. Столетняя мельница сотрясалась от ударов, скрипела и покачивалась – почти как деревья вокруг. Но держалась. Так же, как и деревья.

Верхнее отделение представляло собой квадратное помещение без потолка, прямо под крутыми стропилами. В центре – пыльные машины. Никаких окон, только прорези в стенах, напоминающие бойницы, поэтому здесь даже в солнечные дни было сумрачно, почти темно.

Арон привязал мальчиков к старым венским стульям у стены и зажег керосиновые лампы и найденный им фонарь, называемый почему-то «летучая мышь». Плюс ко всему на пыльном полу во всех четырех углах он зажег толстые стеариновые свечи. Последняя месса.

Все равно было довольно темно. Колеблющийся, неровный свет освещал бледные лица ребят. Арон знал, о чем они думают. Ждут, когда Вероника придет им на помощь.

Что ж, их желания совпадали. Он тоже ждал Веронику. Его сильно лихорадило, боль в животе временами становилась почти невыносимой.

Он прислонился спиной к стене, прислушиваясь к дикому вою ветра. Пламя свечей колебалось, ветер задувал и в мельницу: доски рассохлись, между ними зияли щели, местами такие, что можно палец просунуть.

Ничего в этом мире не происходит по мановению волшебной палочки. Надо ждать.

Вероника, естественно, поняла, о какой мельнице идет речь.

Он различил в завываниях ветра урчание автомобильного двигателя. Машина остановилась, и через несколько секунд Арон услышал шаги. Кто-то поднимался в мельницу по деревянной лестнице. Прислушался. Похоже, одна. Хорошо. Послушалась.

Дверь открылась, и в просвете появилась Вероника Клосс. Черные джинсы. Ветровка, тоже черная. Волосы собраны на затылке в конский хвост.

Он впервые видел ее вблизи. В свете лампы были особенно заметны черные тени под глазами. Она смотрела на него, не отводя глаз. С нескрываемой ненавистью.

Она отвратительна, подумал он. Может быть, и красива, но отвратительна.

– Ты одна?

Она пожала плечами.

– Я тебе вот что скажу, – тихо, но внушительно сказала Вероника. – Ты ненормальный. Ты все испортил.

– Это я знаю. Динамит я взял у Валла. Ты знаешь эту семью? Пекка, Эйнар... обоих убил твой брат.

Вероника сделала шаг вперед.

Он предостерегающе поднял руку:

– Сними куртку. Сними куртку и брось позади себя.

Она, ни слова не говоря, потянула вниз молнию, сбросила ветровку и осталась в тонкой белой блузке. Если у нее и было оружие, то оно в куртке.

Арон держал в руках новенький автоматический карабин Ак-5 – самое мощное оружие из того, что он купил у Валла. Он стоял у стены метрах в пяти от Вероники, частично прикрытый стойкой из толстого дубового бруса. Луло автомата было направлено на ненавистную гостью.

– Подойди поближе.

Вероника встала между связанными ребятами.

– Отпусти их, – сказала она.

– Только после разговора.

Вероника положила руку на плечо Каспера:

– Тогда отпусти только моего сына.

– Почему именно его?

– Потому что он важнее.

Арон подумал несколько секунд.

– Отойди на три метра, – скомандовал он.

Она повиновалась. Арон подошел и развязал узлы – сначала на руках, потом на ногах. Но освободил он не Каспера, а младшего.

Юнас пошевелил затекшими кистями рук.

– Ты можешь идти.

Мальчик устался на Арона и не двигался с места.

– Иди домой! – Арон чуть повысил голос, повернул пленника и слегка подтолкнул его в спину.

Мальчик заплетающимся шагом двинулся к выходу Вероника даже не посмотрела на него.

Дверь закрылась. Слышно было, как Юнас медленно спускается по лестнице.

Арон посмотрел на Веронику Клосс и показал на стул, на котором только что сидел ее племянник:

– Садись.

– Зачем? – Она не шевельнулась.

– Ты должна выслушать обвинения.

– В чем ты меня обвиняешь?

– В том, что вы с братом разрушили мой хутор. В том, что ты убила мою сестру.

Вероника не двигалась с места, и он добавил:

– И мою жену.

Земля обетованная, апрель 1998

В пасхальный вечер 12 апреля Мила и Арон сели на поезд в Ленинград, который теперь опять назывался Санкт-Петербургом. Лочь оставили дома. Впрочем, в России Пасху никто не праздновал – по православному календарю Пасха наступала через неделю. А в этот день праздновали День космонавтики, о чем им сообщил изрядно напраздновавшийся сосед по купе. Мила помрачнела. Она проклинала космос и его освоение. Космос стоил ей здоровья, а может, и жизни.

К утру настроение исправилось. Она очень хотела посмотреть город. У нее сохранились студенческие воспоминания. Особенно яркое впечатление оставил почему-то не Зимний дворец, а собор. Но не тяжелый и торжественный Исаакий, а воздушный Казанский, с дугообразной, как в римском соборе Святого Петра, колоннадой.

Но когда они сошли на перрон Московского вокзала, Мила опять стала задыхаться. Ни о каких экскурсиях и речи быть не могло. Арон втайне порадовался – ему вовсе не хотелось вспоминать ряды суровых каменных зданий, особенно Кресты. И близкого друга Андрюшу Трушкина с его «Весной священной» запрещенного в тридцатые годы композитора Стравинского.

Он думал только о Швеции и узком и длинном острове в Балтийском море.

Зашли было в ресторан, но там было так накурено, что Мила чуть не выбежала на улицу. Тогда Арон повел ее в вестибюль дорогой гостиницы «Невский палас», показал администратору удостоверение ветерана ФСБ, и тот посадил их в удобные кресла у окна, где они и просидели несколько часов.

Ближе к вечеру они поднялись на борт круизного теплохода «Балтика». Такой же белый, как «Кастельхольм», но намного больше. И без блюющего отчима на соседней койке в тесной, как шкаф, каюте.

Они вышли на палубу.

Морской воздух оказался благотворным для Милы: она перестала кашлять и почти не вынимала ингалятор. Стояла у релинга и слабо улыбалась.

Как много зим, как много весен... – вспомнил Арон чью-то стихотворную строчку.

Через сутки «Балтика» медленно подползла к терминалу.

Рейс занял куда меньше времени, чем в тридцатые годы. В Стокгольме был выходной – второй день Пасхи.

И этот город изменился. Рядом с гаванью выросли большие дома, сияющие вымытыми до блеска стеклами.

Пограничник в будке бегло глянул на их русские паспорта, улыбнулся и сказал: «Welcome!»

Они заказали места в маленькой гостинице на Нюторьет, Новой площади на Сёдермальме. На тумбочке в номере лежал толстенный телефонный каталог, и Арон быстро нашел адрес Вероники Клосс. Норр Меларстранд. Он посмотрел на карты в конце справочника. Судя по всему, богатый район – близко к центру и у самой воды.

– Завтра с самого утра и пойдем. С запасом, чтобы успеть на корабль, – сказала Мила.

Арону было очень не по себе. Как ни крути, он незаконный ребенок, *выблдок*, вспомнила Мила меткое русское выражение и засмеялась. Сейчас к этому относятся по-другому, но от чувства собственной неполноценности избавиться не так-то легко.

Лень они провели прекрасно. Погуляли в тесных переулках Старого города, где он когда-то был со Свенном, сели на прогулочный катер и посмотрели острова архипелага, а потом просадили чуть не последние деньги в снобском ресторане «Берне», где, как выяснилось из многочисленных мемориальных дощечек, любил бывать Август Стриндберг.

Вечером у Милы опять начался натужный кашель, пошел в ход ингалятор, но выглядела она очень довольной.

– Все образуется, – сказала Мила.

Может, и образуется. Может, и образуется, если он бухнется в ноги Веронике Клосс.

На следующий день они пошли на Норр Меларстранд.

Это всего несколько кварталов от их гостиницы, но надо пройти пару мостов. Мила еще раз восхитилась ратушей.

Через полчаса они были на месте.

Широкий подъезд, обрамленный массивными дубовыми косяками. Он попробовал открыть дверь – заперто. Домофон с медными табличками у каждой кнопки. Арон поискал глазами – на одной из табличек выгравировано «КЛОСС».

Он нажал на кнопку.

– Слушаю.

Женский голос. У Арона забилося сердце.

– Вероника? Вероника Клосс?

– Да.

Он представился еще раз, точно так, как тогда, когда она бросила трубку, – Арон Фред. Объяснил – они приехали, потому что срочно нужна медицинская помощь. Покосился на Милу и сказал:

– Я ваш родной дядя. Сын Эдварда Клосса. И у меня есть доказательство. Его табакерка, которую он мне когда-то... подарил...

Арон сказал эти слова и удивился сам себе: это «подарил» вылетело без малейших угрызений совести.

– Минуточку.

Подъездный громкоговоритель долго молчал. Они терпеливо ждали.

Наконец на третьем этаже открылась форточка. Он поднял голову. Из форточки высунулась женская рука и выпустила белый конверт. Конверт полетел, порхая в воздухе, как осенний лист, и приземлился к его ногам.

Он поднял и медленно открыл.

Сделанная на ксероксе копия фотографии. Рожица на берегу, остатки небольшого дома и рядом – хищно поднявший скребок бульдозера.

Он сразу узнал этот дом.

Опустил руку с фотографией и посмотрел на дверь подъезда.

Красный огонек рядом с кнопкой погас. Вероника Клосс положила трубку домофона.

Дверь оставалась закрытой.

Он посмотрел на Милу. Она не знала языка, но все прекрасно поняла. Синие лучистые глаза ее, светившиеся с утра волнением и надеждой, погасли.

– Пошли отсюда, – шепотом сказала Мила и взяла его под руку.

И они ушли. Арон вдруг стал зябнуть, несмотря на теплое весеннее солнце. Уши заложило, как в самолете, он слышал только медленные удары собственного пульса. Шаги сапог на лестнице.

В гостинице они захватили багаж, вызвали такси и поехали в гавань. Мила за все время не сказала ни слова, только то и дело подносила ко рту трубочку ингалятора. Арону очень хотелось как-то ее подбодрить, но он не знал как. Его хутора, о котором он тайно мечтал почти семьдесят лет, больше не существует. Клоссы отняли у него не только хутор. Они отняли мечту, которая согревала его всю жизнь.

– Мы вернемся, – задумчиво сказал он, глядя на проплывающие мимо бесчисленные острова архипелага – маленькие и большие, лесистые и голые, седые от птичьего помета.

Мила обреченно кивнула. Скоро надо идти ужинать, но она покачала головой – нет аппетита.

– Отведи меня в каюту, Арон.

Бледное, с синевой, лицо, голубые губы... может, у нее морская болезнь? С чего бы – бутылочного цвета море зеркально-спокойно, никакой волны, если не считать убегающего к континенту пенистого клина за кормой.

Арон выбрал самое дешевое блюдо, быстро поужинал и вернулся в каюту.

Мила спит. Сипящее, со свистом дыхание.

Он закрыл глаза – опять он на корабле, и опять у него больной спутник. Только не отчим, а жена.

И на этот раз дело серьезнее.

Через два дня они вернулись в Москву. Дочь Полина уже ждала их на Ленинградском вокзале. На ней легкая куртка – в Россию тоже пришла весна.

Арон тяжело выходит из вагона, помогает Миле. Они долго обнимаются с дочерью, будто прошло не несколько дней, а по меньшей мере год.

Опять начинаются поиски лекарств, на которые уходят все деньги. И кислород, кислород...

В конце июня он опять позвонил сестре, но вместо нее ответил кто-то из персонала:

– Нет, Грета Фред больше у нас не живет. Она ушла.

Он сначала не понимает:

– Куда ушла?

– Она скончалась. Упала в ванной и умерла.

Он медленно положил трубку.

Сестра умерла... Значит, и для Милы надежды нет.

Прошло еще десять месяцев. Миле с каждым днем становилось хуже. Она напоминала тонущего – долгие судорожные вдохи, когда удается вынырнуть на поверхность.

И он бессилён ей помочь.

Двадцатого февраля девяносто девятого года она умерла.

А через два месяца после похорон он опустошил и свою, и Милину сберкнижки и сел на самолет. Купил в Стокгольме старый «форд» и поехал на Эланд.

Комната Греты уже готова для нового жильца. Все чисто прибрано, похоже, даже сделали какой-то косметический ремонт – слегка пахнет

краской. *Где ее вещи? Минуточку.*

Любезная медсестра тут же принесла небольшую картонную коробку.

Ничего ценного. Он отобрал несколько семейных фотографий. Он сам, маленький и испуганный. Мама Астрид.

Дверь соседней комнаты открыта. На двери табличка – «БАЛЛ». В комнате сидят двое мужчин, старик и еще один, помоложе, но похожи друг на друга как две капли воды. Никаких сомнений – отец и сын.

– Вы знали соседку?

– А кто спрашивает?

– Меня зовут Арон. Арон Фред.

– Родственник Греты, – поясняет старик сыну. – Той, что упала.

В последних словах прозвучала какая-то неуместная насмешка, и Арон напрягся.

– Я ее брат, – произнес он с нажимом.

– А я – Балл, – скрипучим голосом представился старик. – Ульф Балл.

А это мой сын Эйнар.

Арон кивает. Наверное, показалось. Никакой насмешки. Старик серьезен.

– Я родственник Клоссов.

При этом имени по лицу младшего Валла пробегает тень. Арон решительно входит в комнату. Решимости ему не занимать – он солдат. Солдат невидимого фронта. На невидимом фронте нерешительным делать нечего.

Возвращенец

– Кент погиб, – сказала Вероника Клосс.

Арон кивнул:

– И Грета тоже погибла. И Мила.

Они яростно смотрели друг на друга. В свете ламп глаза ее то и дело вспыхивали красноватым мерцающим огнем, отчего взгляд казался опасным, даже дьявольским. У меня тоже, наверное, такие глаза, устало подумал Арон.

– Садись, – приказал он опять.

Она помедлила и села на стул рядом со своим младшим сыном. С Каспером.

Открыла рот, чтобы что-то сказать, но Арон предостерегающе поднял руку.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Можем начинать.

Его последний допрос, он это хорошо знал.

И очень важно провести его так, как надо. Правильно.

Никаких столов на мельнице не было, но он нашел старый деревянный ящик, положил на него несколько листов бумаги и шариковую ручку и подтолкнул ногой Веронике:

– Бери ручку.

Она посмотрел на него долгим бешеным взглядом, но подчинилась.

Арон поднял карабин:

– А теперь пиши. Пиши полное признание. Как ты убила мою сестру в доме престарелых прошлым летом. Я не знал, с кем имею дело, и сдуру рассказал тебе про нее. Пиши, пиши... и подробно опиши, каким способом ты ее убила.

Вероника подняла ручку и остановилась:

– А что будет дальше?

– Подпишешь признание, и я отпущу твоего сына.

Признание – царица доказательств...

– А меня?

Он опустил карабин:

– Твое дело – писать.

Вероника посмотрела на пустой лист бумаги, пожала плечами и начала писать.

Арон обошел ее и заглянул через плечо.

– Вот как... – сказал он. – Коврик выдернула из-под ног... А дальше?
Прислушалась. В ванной все было тихо, и я пошла за помощью.

– А если бы она осталась жива? – спросил Арон.

– Осталась бы жива, что вряд ли, ни за что не сообразила бы, что произошло, – сказала Вероника, не поднимая головы. – Она уже из ума выжила.

Наступила тишина. Влад, многие годы спавший в каком-то закоулке сознания, поднял голову. И Арон вдруг понял, что он смотрит на Веронику глазами Влада.

– Продолжай писать... напиши, как ты отказала в помощи моей смертельно больной жене, хотя мы не раз к тебе обращались... пиши все, подробно и вразумительно.

Каспер смотрел на мать, бледный как полотно.

– А потом подпишись.

Юнас

Лень был серый и ветреный. Может, ему и не следовало бросать Катера и тетю Веронику в беде, но что он может сделать один? Лучше попытаться найти кого-то, кто бы мог помочь. Полиция, пожарные... кто угодно.

Он нагнулся, чтобы не дуло в лицо, и бросился бежать. Но почти сразу, в кустах можжевельника, кто-то схватил его за руку. Большая рука, перебитая синими вздутыми венами.

Он поднял голову и встретил угрожающий взгляд старика в надвинутой на глаза бейсболке.

– Ты куда?

Юнас попытался вырваться, но где там.

– В полицию.

Старик не отпускал руку. Он поправил кепку и оказался не таким уж свирепым.

– Юнас? – спросил кто-то из-за кустов.

А вот этот голос он узнал. От сердца отлегло. Это был голос Герлофа Лавидссона.

Герлоф появился из-за кустов. Он шел медленно, опираясь на палку, и устало, без обычной ласковой улыбки, кивнул Юнасу:

– Что ты здесь делаешь, Юнас?

– Меня отпустили... Он меня отпустил.

– Ты был на мельнице?

Юнас кивнул. Его вдруг сильно затошнило. Колени подогнулись.

– Там... там Каспер остался, – выдавил он. – С этим... с могильным призраком. И тетя Вероника... Она хотела, чтобы он отпустил Каспера, а он отпустил меня... И...

Юнас упал на колени. Его вырвало, хотя он с вечера ничего не ел. Незнакомый старик помог ему подняться.

– Призрак могильника зовется Арон Фред, – сказал Герлоф. – Он там с твоей родней?

– Да...

– Что он хочет? Что он собирается делать?

– У него здоровенная винтовка, я таких и не видел... толстое луло и приклад с прорезью. Керосиновые лампы зажег, свечи... Хочет поговорить с тетей Вероникой. Велел ей прийти одной.

Герлоф тяжело вздохнул.

– *Конфронтация*, – только и сказал он. Посмотрел на мельницу и тихо спросил: – А где они там сидят, Юнас? Ты можешь показать? Внизу или наверху?

– Наверху.

– Так... в середине или у стены?

– Там какие-то большие штуки в середине... Каспер и я сидели у стены. Он нас связал.

– К стене привязал?

Юнас мотнул головой:

– К стульям. Руки и ноги.

– С какой стороны?

Юнас прикинул и показал.

– Хорошо... – Герлоф посмотрел на своего приятеля. – Мы кое-что можем предпринять, Ион, хотя... хотя это рискованно. Там есть люк в полу. Ну, туда мешки с мукой сбрасывали, если слишком тяжелые. И мальчуган, похоже, сидит как раз на этом люке. Мы можем его оттуда извлечь. А если повезет, и Веронику.

Ион нахмурился. Ему, похоже, не очень понравился план Герлофа.

– И как мы это сделаем?

Герлоф задумался.

– Если мне не изменяет память, люк запирается снизу. На засов. Здоровенный железный засов. И если его выбить... только это надо сделать очень быстро.

Ион кивнул:

– Ну... Сейчас найду камень.

Герлоф посмотрел на Юнаса:

– Ты в состоянии пойти с нами и показать, как и что?

Юнасу очень не хотелось возвращаться, но он подумал и кивнул:

– Попробую.

– Только мы должны действовать очень тихо.

Герлоф

Герлоф не успевал за Юнасом и Ионом. Ноги шаркали, как он ни старался двигаться беззвучно. Сухая трава предательски шуршала.

Он был вынужден остановиться.

Увидел, как Ион нагнулся и поднял с тропинки увесистый камень, длинный и плоский.

Герлоф потихоньку двинулся вперед. Это же было совсем близко от его сада. Слева от мельницы виднелся могильник. Настоящий могильник бронзового века, а не насыпанный Клоссами декоративный курган, который ночью прекратил свое существование.

Слава богу, ничей покой не потревожен.

Его отец иногда относил зерно на эту мельницу. Она была старой уже тогда. Ей не меньше ста пятидесяти лет. Этой рожи тогда не было, и ничто не мешало ветру крутить лопасти. В Северной Швеции мельницы водяные, их строят на порожистых горных реках, но здесь, на острове, не было ни одной речки. Зато ветер – почти постоянно. Сейчас дуло довольно сильно. Сломанные крылья не двигались, зато мельница заметно, в такт с деревьями, раскачивалась из стороны в сторону.

Высокое строение стояло на деревянном цоколе, его по-свойски называли «пенек». От крыльев остались только обломанные скелеты, и мельница скорее напоминала заброшенную сторожевую вышку.

Впрочем, не совсем заброшенную – чуть поодаль стоял синий «форд», а рядом с ним – джип Вероники Клосс.

Ион оглянулся. Герлоф показал жестами – вперед, вперед, меня не ждите. В щелях между разохшимися досками виден был колеблющийся свет, и доносились голоса.

Цоколь мельницы был уже, чем само строение, примерно на метр с каждой стороны. Большой кубик на маленьком. Герлоф издали увидел, что память его не подвела – люк на месте. Тот самый люк, закрытый на ржавый железный засов.

Это хорошо. А если доски, из которых сделан люк, за эти годы разбухли от влаги? Если их повело? А если засов прикипел к петле из-за ржавчины, как прикипают старые болты, если их долго не трогать?

Что ж, все равно придется рискнуть.

Он молча показал Иону на люк.

Тот кивнул.

Последние несколько метров Ион и Юнас пробежали, как можно ниже пригибаясь к земле.

Герлоф затаил дыхание. Ему ничего не оставалось делать. Только ждать.

Послышались тяжелые удары – один, два, три.

И потом продолжительный скрежещущий стон и удар – люк открылся.

Возвращенец

– Так оно и устроено. И на мельнице, и в жизни, – сказал Арон Веронике Клосс, своей племяннице и злейшему врагу. – Если подул хороший ветер, крылья начинают крутиться и жернова приходят в движение, остановить их не может даже сам мельник.

Вероника по-прежнему не говорила ни слова. Она написала свои признательные показания. Поставила подпись и швырнула лист Арону. Он, не сводя с нее глаз, вытер пот со лба. Было жарко, несмотря на ветер и пасмурную погоду а здесь еще горели керосиновые лампы, свечи и фонарь. Но дело было не только в этом. Он сам чувствовал, что у него очень высокая температура.

– Моей жене нужна была помощь... – тихо сказал он. – А мне – всего-то клочок земли у воды. Мой хутор, где умерла моя мать и где хотел умереть я... Рёдторп.

– Ты бы его никогда не получил.

– Нет, – согласился Арон. – Вы его снесли. Вы бы все снесли на своем пути, лишь бы ни с кем не делиться.

– Речь не об этом, – поморщилась Вероника. – Если ты ведешь дело, надо быть дальновидным и думать о надежности. Никто не отберет у нас «Эландик». Никакие бастарды, пропадавшие неизвестно где, а через шестьдесят лет предъявляющие претензии на нашу землю... Поэтому я и выставила тебя из дому Поэтому и помогла твоей полоумной сестре почить в мире, пока она не начала болтать. Мы с Кентом сразу согласились – тебя сюда не пускать.

– Ошибочка вышла, – с издевкой сказал... он даже не мог определить кто – Арон или Влад.

Она не ответила. Вместо этого показала на его окровавленную рубашку и усмехнулась:

– Скверная рана... кровит?

– Уже нет.

– Я думаю, ты умираешь, Арон.

Влад посмотрел на нее тяжелым, полным ненависти взглядом:

– Ты тоже.

Она покачала головой:

– Я в порядке. Я буду жить долго. Кто же будет заботиться о наших владениях?

– Придется этим заняться твоим сыновьям, а если...

Он хотел продолжить, но тут снизу послышались тяжелые, глухие удары.

Он не обратил внимания сначала – старый люк в полу. Но теперь этот люк вздрагивал, будто кто-то хотел выбить его снизу.

Он двинулся к люку, но не успел. Люк с грохотом открылся, и Каспер вместе со стулом полетел вниз.

Он смотрел на люк на две секунды больше, чем следовало, и не видел, как Вероника вскочила и ногой сшибла ближайшую керосиновую лампу.

Керосин вспыхнул. Вероника бросилась к нему, зажав в руке, как финку, шариковую ручку, и со всех сил воткнула ее в живот. В рану.

Это было как удар током. Нестерпимая, оглушительная боль пронизала все тело.

Арон с грохотом выронил карабин и постарался нащупать ручку, выдернуть ее из раны, но Вероника бросилась на него и прижала к стене.

– Тебе конец! – прошипела она.

Он из последних сил покачал головой. Арону Фреду может, и конец. Но Влад был еще жив. Влад из последних сил навалился на Веронику, протащил ее пару метров и впечатал в стену.

– Пусти! – Она визжала и царапалась.

Со стороны это было похоже на нелепый, гротескный танец.

Керосин разлился по полу, и доски начали гореть. Краем глаза он заметил, как горячим воздухом лист бумаги с ее признанием подняло в воздух, и теперь он кружил над горящим полом.

Ударил мощный порыв ветра. Мельница качнулась еще сильнее и с душераздирающим скрипом накренилась, как тонущий корабль.

Упала и вторая лампа. Керосин вспыхнул с нереально тихим хлопком.

Арон закрыл глаза и отпустил Веронику.

Мир закачался и погас.

Вот теперь конец, успел подумать он.

Герлоф

– Ловите! – крикнул Герлоф.

Люк открылся.

Ему было не успеть. И Ион, не ожидавший такого успеха, так и остался стоять с камнем в руках.

Юнас, вытянув руки, бросился вперед, и ему удалось если не поймать кузена, то, по крайней мере, смягчить падение. Падать было невысоко, чуть больше полутора метров, но Каспер связан, и кто знает, чем могло бы кончиться. Юнас схватил его под мышки и потащил прочь от мельницы. Вместе со стулом.

Сверху доносился тяжелый топот, потом женский вопль.

– Они там дерутся! – крикнул Ион.

Шаткое строение сотрясали порывы ветра. Оно все сильнее раскачивалось из стороны в сторону, как старый, отживший свой век дуб.

Остаток жизни старой мельницы исчислялся секундами.

Цоколь закрипел и с душераздирающим хрустом треснул.

– Ион, уходи! – крикнул Герлоф.

Он понял, что сейчас произойдет.

Ион так и стоял под мельницей с камнем в руках. Услышав крик Герлофа, он очнулся и двинулся в сторону.

Герлоф тоже попятился – мельница могла рухнуть и на него. Но ноги почти не двигались, будто он шел по холодцу.

– Ион! – опять крикнул он.

Мельница начала падать. Крик, звон бьющихся стекол, в бойницу надстройки вырвались языки пламени.

Лампы, вспомнил Герлоф слова Юнаса. Керосин.

Послышался омерзительный предсмертный скрип выдираемых ржавых гвоздей, и мельница упала, кроша остатки когда-то красивых, ажурных крыльев.

И Герлоф упал.

На ветру огонь вспыхнул с новой силой, послышалось злое потрескивание, как при настоящем большом пожаре.

Из-под обломков выползла женская фигура. Вероника ползла с трудом, наверное, сломала что-нибудь. Так и не встала на ноги. Медленно, с трудом ползла по траве, даже не оглянувшись на своего сына.

Герлофу вдруг стало холодно.

Йон...

А где Арон Фред?

Возвращенец

Мельница окончила свое стопятидесятилетнее существование. Арона придавило сразу двумя балками. Одна лежала на груди, другая – на ногах. Он не мог пошевелиться. Боль в животе внезапно прошла, но ему было так холодно, как никогда в жизни. Лаже в сибирском лагере.

Он знал, что это конец.

Что за странное проклятие судьбы? Сколько людей в мире гибнут под свалившимися стенами? Тысячная, даже скорее миллионная доля процента. А он повторил судьбу отца... того тоже придавила рухнувшая постройка...

И есть еще одно проклятие... когда это было? Арон мог не задавать себе этот вопрос: он даже сейчас прекрасно помнил когда – тридцать шестой год, в его дежурство. Он, как всегда, обходил территорию лагеря и вдруг заметил у ограды копошащуюся фигуру.

Попытка к бегству.

Он без размышлений снял с плеча мосинскую винтовку, прицелился и нажал курок.

Человек у ограды дернулся вперед и, будто испугавшись колючей проволоки, оттолкнулся от нее, потом нелепо повернулся и упал ничком.

Влад, не торопясь, подошел посмотреть номер – все подобные происшествия должны быть зарегистрированы в лагерном журнале.

Перевернул тело и обомлел.

Это был Свен.

Исхудавшее, поросшее редкой щетиной лицо было совершенно спокойным.

– Правильно сделал, сынок, – прошептал он с усилием. – Не переживай... мне все равно не жить...

Арон в отчаянии закрыл глаза. Он уже тогда знал, что эти слова будут преследовать его всю оставшуюся жизнь.

– Тебя же расстреляли!

– Как видишь, нет, – прошелестел Свен, из последних сил полез в карман телогрейки и достал оттуда круглую деревянную коробку. – Возьми. – Он смотрел куда-то мимо Арона уже закатывающимися, потусторонними глазами. – Возьми... все-таки память.

И умер.

Влад зарегистрировал «попытку к бегству» в журнале и получил от начальника благодарность перед строем – за бдительность и образцовую

службу.

Табакерка, доказывающая его родство с Эдвардом Клоссом. Будь оно проклято, это родство... И эта проклятая табакерка...

Он свободной рукой достал из кармана потрескавшуюся, бурую от старости коробку и швырнул ее в уже подкрадывающийся к нему огонь.

Последнее, что он увидел, – лицо матери, Астрид. У нее почему-то были ярко-топазовые, как у Полины, глаза. Она скорбно смотрела на него и что-то шептала, но что именно, он так и не узнал. Лед семидесятилетней памяти истаял и покинул его сознание – необратимо, навсегда.

Конец лета

*Я пел и смеялся, всегда и везде,
И солнце играло со мною в воде,
Но утром проснулся – на улице снег,
И я ужаснулся – как короток век!*

Лан Андерссон

Герлоф

Упавшая мельница напоминала Герлофу полыхающие останки разбитого корабля.

В небо взлетали искры и опускались на землю седыми мотыльками пепла. Потрескивание, напоминающее мирный костер на поляне, перешло в монотонный хриплый рев. Тлеющие доски вдруг снова вспыхивали, и огонь мгновенными вихрями взлетал по высохшему еще сто лет назад дереву.

Рядом с Герлофом упал исписанный лист бумаги, чудом избежавший огня. Только по одному краю шла черная кружевная кайма. Он поднял его, засунул в карман и услышал жалобный стон.

Вероника вернулась. Материнский инстинкт заставил ее вернуться – она доползла до связанного сына и трясущимися руками пыталась развязать узлы веревки.

Но что с Ионом?

Он его не видел.

Сам Герлоф лежал в траве. Ноги совсем отказали. Огонь все приближался, и он чувствовал себя готовой к закланию жертвой. Жертвой старой мельницы, собирающейся отомстить людям за все. Как они могли так поступить с ней, десятилетиями их кормившей, – забросили, сломали, сожгли... Скоро она дотянется и до него своими раскаленными лапами.

– Герлоф! – услышал он тонкий мальчишеский голос.

Кто-то взял его под руки и потащил от горящей мельницы. Ни на секунду не опоздал – полыхающая балка рухнула как раз там, где он только что лежал.

Юнас, мальчонка, напрягая последние силы, волок его по траве. Он изнемогал, задыхался, но ни на секунду не останавливался.

– Йон...

Ион и Арон Фред остались там, под обломками пылающей мельницы. Может, кто-то из соседей успел позвонить пожарным.

– Юнас... беги за помощью... – Он кивнул в сторону своего дома. – Позвони пожарным, в полицию... Быстро, Юнас...

Герлоф остался один.

Прошла, как ему показалось, вечность, прежде чем он услышал сирены.

«Скорая помощь», пожарные машины со шлангами... Герлоф

почувствовал, что теряет сознание, закрыл глаза и тут же открыл – кто-то тряс его за плечо.

Парень в химически-желтой куртке осветил ему в глаза карманным фонариком и тут же убежал. Пожар почти погасили.

– Там люди... – сказал Герлоф.

Никто его не слышал. Кто-то на бегу накинул на него одеяло. Пожарник. Герлоф придержал его за брюки.

– Там люди, – прошептал Герлоф.

– Сколько? – деловито спросил пожарный.

– Двое... помогите...

Пожарник, не слушая продолжения, кому-то махнул рукой.

Через минуту они принесли какие-то оранжевые рулоны и быстро развернули их под обломками. Рулоны оказались воздушными домкратами. В них быстро накачали воздух, и в образовавшийся просвет нырнули двое в серебристых скафандрах. Через несколько секунд вытащили два тела.

Арон Фред был мертв, а Ион...

Двое парамедиков начали реанимацию. Герлоф ничего не видел, только ритмично поднимающуюся и опускающуюся спину в зеленой куртке.

Медики работали все быстрее, а потом вдруг, как по команде, остановились и выпрямились. Один из них, наверное главный, покачал головой и сделал шаг назад.

Герлоф из последних сил подполз поближе, взял Иона за руку и долго не отпускал, не меньше получаса, пока один из медиков не освободил осторожно руку погибшего и не укрыл тело темным покрывалом.

Прощай, Ион.

Юнас

Юнас четыре дня пролежал в больнице в Кальмаре. Он так и не понял, почему его держат так долго. Случайно услышанные слова «психологический шок» ничего ему не объяснили.

Ему казалось, что он чувствует себя вполне сносно. И ему было спокойно – пожалуй, впервые за это лето.

Его почти никто не навещал. Мате еще до катастрофы уехал в Хускварну, а отца только что выписали – он лежал с тем же диагнозом. «Психологический шок».

Никлас тут же пришел к сыну. Он выглядел грустным и усталым.

– После этого отдыха хорошо бы отдохнуть, – сказал он под конец. – На Эланд меня сейчас никакими калачами не заманишь.

Но Юнасу очень хотелось вернуться на остров, и когда за ним приехала мать, он уговорил ее туда съездить.

– А я и не болел, – сказал он озабоченной матери. – Они просто хотели понаблюдать, как я себя чувствую.

– И как ты себя чувствуешь?

– Вроде ничего... но ничего хорошего.

– Что ты хочешь сказать? – испугалась мать.

– Вся эта история... ничего хорошего.

– Что там хорошего, – согласилась она. – Но теперь все позади.

Магазин в Стенвике закрыт. Кемпинг тоже. Весь поселок словно обезлюдел. Юнасу стало грустно – он вспомнил, что творилось здесь в июле.

Нет, все же не совсем обезлюдел. Вдоль береговой дороги стояло несколько машин, а во дворах кое-где развевались на ветру желто-голубые вымпелы на флагштоках.

Маме, в отличие от Юнаса, хотелось посмотреть на виллу Клоссов. Сошлись на том, что просто проедут мимо. Полицейское оцепление еще не сняли. Разбитые окна и стены были укрыты огромными полиэтиленовыми полотнищами.

На месте бывшего кургана на обрыве зияла огромная дыра.

Отец рассказал, что полицейские разобрали завалы камней в ложбине и нашли тело дяди Кента. Никто не знает, кто теперь будет заниматься усадьбой.

А тетя Вероника? Отец рассказывал, что ее вызывали на допрос в

полицию.

А какая ему разница, кто будет заниматься виллой? Он не собирается сюда возвращаться.

Он просительно посмотрел на мать:

– Поехали отсюда.

Она кивнула и развернулась.

Юнас заметил незнакомого человека в синем рабочем комбинезоне на берегу. Он медленно и тщательно красил деревянную лодку Юнас знал, чья это лодка. Герлофа Лавидссона.

Герлоф. Юнас очень много о нем думал за эти дни.

– Мам, сверни вот тут.

Они съехали на узкую улочку и остановились у железной калитки.

– Я сейчас, – сказал Юнас и вышел.

Птицы пели весело и беззаботно, как всегда. И в саду у Герлофа было все, как всегда, за исключением наполовину приспущенного шведского флага на флагштоке.

И Герлоф, как всегда, сидел на своем стульчике в надвинутой на глаза соломенной шляпе. Но он не спал. Услышал шаги и поднял голову.

– Привет, Юнас, – сказал он без обычной улыбки. – Ты опять здесь?

Юнас остановился перед ним:

– Да... Но я скоро уезжаю.

– И как ты?

– Нормально...

Они помолчали.

– Ты спас мне жизнь, Юнас. Оттащил от огня.

Юнас смущенно пожал плечами.

Герлоф посмотрел на залив:

– Знаешь, они нашли «Офелию».

– Этот... корабль-призрак?

– Вот именно... корабль-призрак. Искали с эхолотом. Вон там, – старик показал на север, – в проливе. С огромной дырой в корпусе. Ее взорвали.

Юнасу не хотелось вспоминать этот корабль и всю эту ночь ужасов. Он прислушался к щебету птиц и вспомнил, что все время хотел попросить у Герлофа прощения. За нарушенное обещание.

– Я проболтался.

– Насчет чего?

– Насчет Петера Майера. Рассказал отцу...

Герлоф поднял руку.

– Это я понял, – сказал он мягко. – Иногда очень трудно удержаться. Но ты там был, на шоссе... как ты думаешь, это действительно был несчастный случай?

Юнас задумался.

– Не знаю... Знаю только, что дядя Кент за ним гнался. Темно было...

– Ты ничего не мог сделать, – утешил его Герлоф. – Это взрослые устроили всю заваруху. Как всегда...

Юнас подумал немного и сказал только то, что пришло ему в голову:

– Скверная история.

– Еще какая скверная. На следующей неделе похороны Иона... Но знаешь, что я тебе скажу, и весь двадцатый век выдался скверным. Может, двадцать первый будет получше... – Герлоф устало улыбнулся и добавил: – Это будет твое время.

Юнас не знал, что еще сказать. Мать его не торопила, но он слышал, что она даже мотор не заглушила.

Он отступил на шаг:

– Нам пора...

– Ты с мамой?

– Да...

Герлоф кивнул:

– Конечно... лето кончилось.

Он протянул руку, и Юнас ее пожал. Сухая старческая рука с темными пятнами.

Он пошел к машине, но у самой калитки обернулся.

Герлоф поднял руку, прощаясь. И Юнас помахал ему – со странной смесью грусти и облегчения.

Эпилог

В середине августа Герлоф попрощался с Ионом на марнесском кладбище.

Стоял погожий солнечный день. Белый красивый гроб. Герлоф поймал себя на том, что невольно прислушивается, но все было тихо. Само собой. Никто не стучал.

Могилу вырыли к западу от церкви, далеко от участка, где хоронили всех Клоссов.

Туда Герлофа вовсе не тянуло. Он постоял немного у засыпанной могилы и медленно побрел к выходу.

Высоко в небе парили две большие птицы. Похоже, канюки. Неужели уже собрались в Африку? Рановато – еще только середина августа...

– Герлоф? Тебя подбросить?

Сын Иона, Андерс.

Ему уже предлагали подвезти дочери, Лена и Юлия, но он махнул рукой – они торопились домой, в Гётеборг. Но Андерсу он не отказал.

Тот помог ему забраться на пассажирское сиденье. После того дня ноги совсем отказывались служить хозяину.

– Ты в этот свой... дом престарелых?

– Знаешь... отвези меня домой. Посмотрю, как там и что.

Андерс включил скорость. Некоторое время они ехали в молчании.

– А Ион любил меня, Андерс? Как он считал...я к нему хорошо относился?

Андерс выехал на шоссе, набрал скорость и только тогда ответил:

– Он, по-моему, об этом никогда и не думал... Сказал как-то, что ты ни разу за всю жизнь ничего ему не приказал.

– Разве? Мне кажется, я только и делал, что приказывал...

– Не-а. Отец говорил, ты не приказывал, а спрашивал.

– Как это?

– Ну, например... ты не хочешь взять риф на гроте, Ион? Что-то ветер усилился... Он и брал рифы. Сам видел – усилился ветер.

– Ла? Что ж... может быть.

Они опять замолчали, и, только когда свернули в поселок, Андерс небрежно сказал:

– Я ее вчера на воду спустил.

– Кого спустил? – Герлоф не понял. Он думал о Ионе.

– Ну... лодку твою.
– Шлюпку, что ли?
– Ну да... шлюпку. Делать было нечего, я пошел и сволок ее в воду.
– И как? Не утонула?
– Течет, конечно. Но не сильно. Пусть в воде постоит, пока обшивка набухнет.

– Спасибо, – сказал Герлоф.

Но думал он о другом.

Что они сделали не так?

Можно было не задавать себе этот вопрос. И так ясно, в чем их ошибка. Надо было любой ценой избегать семейства Клосс.

Андерс остановился у калитки.

Герлоф с трудом вылез из машины:

– Спасибо, Андерс. Может, тебе в отпуск съездить?

– Может быть...

– Или жену найди.

Андерс устало улыбнулся:

– Где ее здесь найдешь... Но жизнь продолжается. Может, и найду где-нибудь.

Герлоф только кивнул. Что тут скажешь? Жизнь и вправду продолжается, несмотря на все горести и невыносимые потери.

Он дождался, пока машина Андерса скроется из виду, и пошел на участок. Открыл пустой дом и, не снимая обуви, прошел в гостиную.

В доме было тихо и прохладно. Старые настенные часы над телевизором остановились, но он не стал их заводить.

Рядом с часами в рамке висел черно-белый снимок, сделанный пятьдесят лет назад. Они с Ионом в Южной гавани в Стокгольме. Высоченный резной шпиль на заднем плане. Риддарчюрка, Рыцарская церковь. Молодые, в костюмах и черных шляпах. Стоят и улыбаются чему-то. Должно быть, солнцу.

У Герлофа защемило в глазах. Он отвернулся и посмотрел в окно на флюгель – вырезанный из фанеры человечек с косой. Он показывал в сторону залива. И по радио он слышал прогноз: западный ветер, три-четыре метра в секунду. Не сильный, но крепкий отвальный ветер. Если сейчас сесть в лодку ее медленно понесет в пролив. В открытое море.

Интересно.

Вот стоит он в своем доме на пороге нового тысячелетия, последний из своих одногодков. Если смена тысячелетий не повлечет никакой всемирной катастрофы, ровно через десять месяцев он отметит свое

восьмидесятипятилетие. Он родился двенадцатого июня, как и Анна Франк, только на девять лет раньше. Когда девочка погибла в Берген-Бельзене, он уже был капитаном и лавировал в минных полях на Балтике.

И он уже на пятьдесят пять лет старше, чем Анна. Пережил всех – пережил уничтоженных детей в лагерях, пережил миллионы убитых солдат. Он пережил миллионы людей, которые были моложе его. Можно и кончать с этим.

Но тело человека сплошь и рядом сильнее его воли. Тело хочет прожить хотя бы еще один денек. Но только не на больничной койке. Не лежать опутанным шлангами в окружении сверкающих медицинских приборов.

Он достал блокнот и начал писать свое последнее послание – дочерям.

Слушайте музыку, писал он. Псалмы, конечно, но обязательно и Эверта Тоба, и Лана Андерссона.

Он задумался с ручкой в руке. Что еще писать? Зачем это все? Что он им оставит? Собрание мудрых житейских советов?

Ну нет. Он положил ручку оставил блокнот открытым и пошел к выходу не переодеваясь. На нем по-прежнему был черный похоронный костюм.

Улица совершенно пуста, но где-то идет жизнь. Хлопнула дверь, весело, с визгом залаяла собака – должно быть, вернулся хозяин. Пора ехать домой. Лето, может, еще продолжается, но отпуску пришел конец.

На береговой дороге тоже никого не было. Внизу, у мостков, лениво бродили несколько купальщиков.

Никем не замеченный, Герлоф миновал стенд почтовых ящиков и спустился к морю. *Кмиске*, говорили раньше, – он и сам не знал почему.

Вода выглядела неприветливой и взъерошенной.

Чему удивляться – береговой ветер. Никому не нравится, когда глядят против шерсти.

На камнях у воды неподвижно сидели чайки. Одна увидела Герлофа, угрожающе вытянула шею и что-то яростно крикнула, широко открыв клюв. Другие тоже захлопали крыльями и заорали, но ни одна не улетела.

Чуть поодаль стояла наполовину вытащенная на берег шлюпка, как Лидере и сказал.

«Ласточка».

Выглядела она просто шикарно, хоть сейчас в кругосветное путешествие.

Герлоф подошел, положил палку на нос, отвязал причальный конец и попробовал столкнуть. Нагнулся и взялся обеими руками за форштвень.

Но «Ласточка» даже не пошевелилась. Герлоф налег посильнее – безнадежно. Тяжелую шлюпку ему не осилить.

Восемьдесят пять, с горечью подумал он.

Всего каких-то полметра – и шлюпка в воде. Он попробовал раскатать ее, может, сойдет сама.

Нет. Ничего не выходит.

– Эй! – крикнул кто-то сверху. – Помощь нужна?

Герлоф обернулся. На откосе стояли двое – средних лет мужчина с сыном, подростком лет четырнадцати. Они улыбались. Герлоф понятия не имел, кто они такие, но на всякий случай выпрямился и кивнул.

Они спустились к воде. Перепрыгивая через камни.

– Красивая. – Мужчина кивнул на «Ласточку». – Похожа на те, на которых викинги плавали, только поменьше, правда?

Герлоф молча кивнул.

– И наверное, старая. Сейчас таких не делают.

– Семьдесят пять лет. Мы ее подновили. Я и Ион, мой друг. И Андерс, его сын, – вспомнил он.

Почему-то ему показалось важным назвать имя, хотя собеседник и не знал, о ком идет речь. Секунда – и имя Иона унесло ветром в пролив.

– Вот как? – Неожиданный помощник одобрительно покачал головой. – Это здорово! Здорово, что старые, заслуженные суда получают вторую жизнь. Хотите прокатиться?

– Да... в последний раз. В это лето, – поспешил добавить он.

– Тогда поможем. Или как, Михаэль?

Мальчишка кивнул – без особенного энтузиазма. Ему, видно, поскорее хотелось вернуться на континент, к приятелям.

Они дружно взялись за дело, встали по обеим сторонам, ухватились за борта и напряглись.

– На счет три... – сказал отец. – Раз, два... три!

Лодка сначала медленно, потом все быстрее соскользнула в воду. Герлоф даже испугался, что она уплывет в пролив без капитана – при таком-то ветре, но мужчина удержал ее за борт.

– Порядок, – сообщил он и вдруг внимательно посмотрел на Герлофа: – А как вы ее будете вытаскивать?

– Помогут, – успокоил его Герлоф. – Это сейчас никого дома не было.

Мужчина кивнул и пошел было к откосу, но Герлоф его остановил.

– Спасибо, – крикнул он вдогонку. – Вы здесь сняли дом? В поселке?

– Нет... мы путешествуем по острову. На машине. Хочу рыбарню купить поближе к воде. Вот эта... – Он кивнул на рыбарню Герлофа. – Эта

не продается?

– Не знаю... не думаю. А вы откуда?

– Из Стокгольма. У нас квартира в Бромме, но мы любим путешествовать. Как отпуск, так за руль – и в путь на пару недель.

Хорошее дело.

Не просто с континента. Из Стокгольма. Герлофу было о чем с ним поговорить, но он воздержался. Сказал только:

– Лобро пожаловать... Понравилось вам на острове?

– Очень. Очень даже.

Он проводил отца с сыном взглядом, пока они не исчезли из виду.

Он остался на всем берегу один. Он и его «Ласточка».

Теперь нужна осторожность. С помощью палки он взобрался на отполированный водой валун рядом со шлюпкой и залез в шлюпку. Сначала правая нога, взяться за борт, чтобы не потерять равновесие, потом перенести левую.

Можно было бы взять весло и оттолкнуться, но шлюпка была уже почти на воде. Он слегка оттолкнулся палкой от ближайшего камня, и «Ласточка», слегка царапнув по дну уютно закачалась на воде. Он даже улыбнулся.

Герлоф не любил купаться. Лаже в те годы, когда был моряком, он избегал воды. И на мель свою баржу ни разу не сажал. Одна из его посудин сгорела в гавани, это правда, а другую он продал за полцены – построили мост, и грузовики постепенно вытеснили навигацию. Но на мель? Никогда.

Но сейчас у него не было намерения управлять шлюпкой. Пусть ветер делает свое дело. Герлоф с трудом поднял тяжелые весла и выбросил их на берег. Может, кому-то пригодятся.

Ветер должен вынести его на середину пролива. Если шлюпка не утонет еще до того.

Он поднял голову и посмотрел на темно-голубое небо. На запале, высоко над темной полоской континента, косо выростала ярко-белая полоса. Военный самолет. Он вдруг сообразил, что ни разу в жизни не летал. Знал наизусть все закоулки Балтики, все заливы, меляки и гавани, а не летал ни разу.

Очень многие в свое время покидали остров – уезжали в Германию, Америку, даже Австралию. Или на восток, как Арон Фред. Но Герлоф никогда не покидал родного моря. Слишком предан он был жене и детям, чтобы взять и упорхнуть куда-нибудь в экваториальные воды. Какая разница – он не ощущал никакой несвободы. Любая гавань на Балтийском море напрямую связана со всеми портами мира. Хочешь – плыви куда

угодно.

И вот он последний раз в жизни вышел в море.

Он опустил голову – вода уже поднялась выше елани. Гнутые доски обшивки, конечно, не успели разбухнуть и уплотнить микроскопические щели – так всегда бывает, когда спускаешь на воду посудину долго простоявшую на суше. Как ни шпаклюй, вода находит лазейки. Если бы «Ласточка» подольше простояла в воде, все его предприятие потеряло бы смысл.

Если бы Ион был рядом, он бы уже всю работу черпаком. Но Иона рядом не было.

Ветер ровно и методично гнал шлюпку в открытое море.

Он стал думать о смерти и удивился, что не почувствовал никакого страха. Наоборот, стало спокойнее. Может, и правда есть жизнь после этой. Он вспомнил летний день семьдесят лет назад, когда на марнесском кладбище слышал постукивания в гробу Эдварда Клосса. Три быстрых удара. Потом еще три. И все, кто был рядом, слышали.

Он всю жизнь возвращался время от времени к этой загадке, но ничего вразумительного в голову не приходило. Наверное, это был призрак Эдварда, который каким-то образом постучал в гроб, давая понять, что он недоволен обстоятельствами своей смерти.

А если и в самом деле смерть – не исчезновение, а переход в вечность, тогда приключения Герлофа могут и не закончиться в затонувшей «Ласточке». А вдруг он встретит там родных и близких? Элли Иона, погибшего внука Йенса...

Он слез с банки и сел на елань. Его брюки, тщательно выглаженные с утра помощницей старшей сестры, тут же намокли. Наплевать.

На Эланде в таких случаях говорят: будь что будет.

Вода была холодной, и в памяти всплыла еще одна картинка с тех жутких похорон.

Холодные, запотевшие бутылки с пивом. Наверное, не теплее, чем вода, волосяными струйками просачивающаяся в шлюпку.

Бенгтссон тогда предложил ему бутылку пива. Герлоф точно не помнил, но, скорее всего, именно тогда он впервые в жизни попробовал спиртное.

Но почему это пиво было таким холодным? В теплый, даже жаркий день? Тогда же еще не было холодильников. Конечно, многие в конце зимы набивали погреба льдом.

А может, у могильщика был такой погреб на кладбище? Погреб со льдом – почему нет? Положил туда пиво – и оно холодное. В ящике или в

бочке, чтобы удобней доставать. А скорее всего, мог использовать старую дренажную трубу под какой-нибудь кочкой.

Он вспомнил, что Бенгтссон, уступив место родственникам и знакомым, стоял немного позади. Так что вполне мог постучать по трубе лопатой или сапогом. Три раза, потом еще три раза. Звук по трубе передается быстро, так что вполне могли подумать, что стучат из гроба. Призрак покойного чем-то недоволен.

Герлоф помнил мрачную физиономию Бенгтссона – он наверняка недолюбливал богатых фермеров, братьев Клосс. Вполне возможно, могильщик решил над ними поиздеваться, представить лело так, будто покойник стучит в гробу... злая шутка, но последствий наверняка и Бенгтссон не предвидел. Как он мог предположить, что и второго брата хватит инфаркт прямо на кладбище?..

Может, так и было. Может, Бенгтссон хотел пошутить. Обсудить не с кем – все свидетели давно поумирали. Но труба наверняка сохранилась. Всего-то в паре метров от могилы Клоссов. Но пиво в ней теперь вряд ли кто держит.

Может, сохранилась, а может, и нет. Уже не проверишь. Он сидит в тонущей гребной шлюпке без весел и дрейфует от берега.

И ничего с этим не сделаешь.

Утонуть – легкая смерть. Он не раз слышал от старых моряков, хотя откуда им, живым, знать? Но он в это верил.

Герлоф лег на покрытые водой елани, зажмурился и представил, как он медленно скользит в темную, прохладную глубину. Желанный пассажир на пароме через реку под названием Стикс...

И тут же открыл глаза – что-то было не так. Инстинкт человека, проведшего две трети жизни на море, подсказал ему – что-то не так.

Он медленно поднялся и посмотрел.

Ветер. Ветер поменялся без предупреждения. Взлохмаченные волны разгладились и покатали ровными невысокими валами. Они постепенно обрастали белой пеной и разливались по берегу тонкой прозрачной пленкой. И волны эти не быстро, но неумолимо несли «Ласточку» к берегу.

Направление поменялось. Не Стикс, а Стенвик, подумал Герлоф.

Не судьба. Он глубоко вдохнул и снова посмотрел в небо. Над ним парили, почти не шевеля крыльями, несколько чаек.

Легко было поверить, что это те самые чайки, которые приветствовали его пронзительными выкриками, когда он впервые в жизни пришел на этот берег. Восемьдесят лет назад.

Герлоф улыбнулся чайкам.

Чайки – мастера выживать. Как и он сам.

Послесловие

Этот роман рассказывает, в частности, о том времени, которое принято называть «Большим террором» – тайной войне, которую Иосиф Сталин развязал против своего народа. Массовые репрессии, казни и колоссальная сеть лагерей, ГУЛАГ. В мельницу политических репрессий угодили не только жители страны, но и иностранцы, приехавшие в СССР в уверенности, что найдут там рай для рабочего класса. Как минимум один из них был родом с Эланда – об этом рассказано в историческом исследовании Эвы Катарини (Каа) Энеберг «Принужденные к молчанию», посвященном судьбе шведских эмигрантов в СССР. Он, этот эмигрант с Эланда, и послужил прообразом Арона Фреда.

Авария при запуске ракеты на космодроме Байконур в октябре 1960 года – реальное событие, так же как и массовый расстрел польских офицеров в Катыни в апреле 1940 года.

Судьба Арона собрана из различных книг: «Я – рабочий в СССР» Альфреда Бадлунда, «Я был ребенком ГУЛАГа» Юлиана Беттера, «Большой террор» Роберта Конквеста, «Сталин: двор красного царя» Саймона Сибага Монтефьори, «Сталин и его приспешники» Дональда Рейфилда, «Лети Сталина» Оуэна Мэттью, «Время секунд-хенд» Светланы Алексиевич, «Преступник» Харальда Вельцера, «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына и «ГУЛАГ – история советских лагерей» Анны Аппельбаум.

Факты о жизни эландских эмигрантов в Америке почерпнуты из книг «Америка – туда и обратно» Ульфа Викбума и «Америка: мечта или кошмар» Андерса Юханссона, а также из рассказов моих эландских родственников.

Автор приносит благодарность Ульрике Франссон, Хансу Герлофссону, Черстин Юлин, Каролине Карлссон, Инг-Мари и Джиму Самуелльссон и Туре Шёбергу. И конечно, Осе Селлинг и Катарине Энмарк Лундквист.

И наконец, хочу поблагодарить писателей, которые писали об Эланде до меня и открыли мне волнующие черты моего острова: это Тумас Арвидссон, Текла Энгстрём, Маргит Фриберг, Карл Линне (который, к сожалению, именно север Эланда проехал второпях), Торстен Янссон, Лидере Юханссон, Барбру Линдгрэн, Оке Лундквист, Лидере Нильссон, Рольф Нильссон, Пер Планхаммар, Рагнхтльд Уксхаген, Анна Рюстедт, Никлас Торнлунд и Магнус Утвик. И двух выдающихся островных поэтов:

Леннарта Шёгрена и Эрика Юхана Стагнелиуса.

notes

СНОСКИ

1

ИИ, 11:44.

ИИ, 11:39.

Здесь и далее – стихотворные переводы С. Штерна.

4

Космо (собственно, «космополитан») – коктейль, в который входят апельсиновый ликер куантро, лимонная водка, клюквенный сок и лайм.

Космо (собственно, «космополитан») – коктейль, в который входят апельсиновый ликер куантро, лимонная водка, клюквенный сок и лайм.

Шведская хороводная песня – все встают в круг, прыгают и жестикулируют, изображая лягушат.

«Птичка» – самая высокая часть моста, предназначенная для прохода крупнотоннажных судов.

Лидере Цорн (1860–1920), Карл Ларссон (1853–1919) – известные шведские художники.

Фарста – район Большого Стокгольма.

10

Калопс – тушеная говядина с морковью и приправами.

S/S, Steam Ship (англ.) – пароход. Современные корабли обозначаются аббревиатурой *M/S – Motor Ship*.

В русском переводе – Илий.

Шведы! (фин.)

Лесорубы (*англ.*).

«Мечь Монтесумы» – популярное название так называемой диареи путешественников, заболевание желудочно-кишечного тракта.

Blâ jungfrun – небольшой остров в Кальмарском проливе.